

Биография

□ ПУТЕШЕСТВИЕ В НАСТОЯЩЕЕ □

"Результаты работы пропорциональны сознательности в ней"

Г. И. Гурджиев

//Биография Георгия Ивановича Гурджиева

// В. Алексахин

□ ТРОПОЮ ГИЛЬГАМЕША □

Загадочное появление Гурджиева на небосклоне исторических перипетий XX века - особый феномен, сопоставимый, возможно, с такими экстравагантными проводниками эзотерических влияний на человечество, как Апполоний Тианский, живший в I веке н.э., прославившийся магом-чудотворцем и обучавшийся на Востоке, в Индии и других странах. Или, например, - Иоганн Фауст (1480-1540), владевший тайнами магии и послуживший прототипом для героя бессмертной поэмы Гете. Некоторые исследователи жизни Георгия Ивановича Гурджиева (1877-1949) сравнивают его с Калиостро (Джузеппе Балзамо), с удивительным "бессмертным" Сен-Жерменом (появился в Европе в 1735 г., умер - в 1784 г.), которого Елена Блаватская причисляла к "великим тибетским мастерам".

Интересно отметить, что Гурджиев произвел в России более сильный "фурор", чем граф Сен-Жермен во времена Екатерины II, так как действовал скрытно и крайне эффективно, - может быть, более эффективно, чем многие из нас способны понять и оценить... Бросается в глаза закономерность: в периоды кризисов и катаклизмов на исторической арене появляются индивидуумы, которые создают особые школы и группы людей, способные двигать человеческую духовность в направлении, перпендикулярном обычному течению времени.

Именно Гурджиев донес до своих учеников тайну судьбоносных промежутков исторического времени: "В жизни человечества бывают периоды, когда массы народа начинают непоправимо уничтожать и разрушать все то, что создавалось веками и тысячелетиями культуры. Эти периоды, в общем, совпадают с началом упадка культуры и цивилизации; такие периоды массового сумасшествия, нередко совпадающие с геологическими катаклизмами, изменениями климата и тому подобными явлениями планетарного характера, освобождают огромное количество знания. Это, в свою очередь, вызывает необходимость в работе по собиранию знания, которое иначе будет утеряно. Таким образом, работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций". Кроме Фауста, Сен-Жермена и Апполония Тианского уместно упомянуть и другую, почти мифическую фигуру, имеющую прямое отношение к Гурджиеву. Речь идет о Гильгамеше, герое самого древнего эпоса, известного истории культур, -герое, который отправился в путь за далекое море, чтобы достать "цветок как терн", дающий бессмертие. Именно такой цветок бессмертия (который в сказках и преданиях превратился в "аленький цветочек") Гильгамеш пожелал принести своему народу...

Откуда возникла эта ассоциативная, на первый взгляд, - не более чем ассоциативная? - связь: Гурджиев, легендарный учитель эзотерической школы "четвертого пути", живший в XX веке, и - с другой стороны - Гильгамеш, живший в конце XXVII - начале XXVI веков до н.э. (!) в городе Урук в Шумере. Согласно современным научным данным, Гильгамеш был реальной исторической фигурой, пятым правителем I династии Урука. После смерти он был обожествлен, после чего его имя встречается в "царском списке" III династии Ура, где он превращается в мифического царя-героя. Уже со 2-го тысячелетия до н.э. Гильгамеш рассматривался как судья в загробном мире, защитник людей от демонов ("защитник людей" - примечательный термин, к которому мы еще вернемся). Самая ранняя из версий аккадского эпоса о Гильгамеше (3-2-е тысячелетие до н.э.) приписывается урукскому заклинателю Синликеуннинни - это поэма "О все выдавшем", одно из самых выдающихся поэтических произведений древневосточной литературы. Со своим другом Энкиду Гильгамеш совершает множество подвигов (древнеиндийский вариант: Рама и Ха-нуман). Но Энкиду умирает, - Гильгамеш, потрясенный смертью друга-побратима, убегает в пустыню, где впервые осознает, что и он, Гильгамеш, "великий царь", является смертным, является ничтожной пылью в глазах вечности: ...

Как же смолчу я, как успокоюсь? Друг мой любимый стал землею, Энкиду, друг мой любимый, стал землею, прахом! Так, как и он, не паду ли и я, Чтобы не встать никогда, во веки веков?..

Гильгамеш отправляется путем Шамаша, божества Солнца, сквозь горы, уходящие за горизонт, в подземелья, попадает в чудесный сад, переправляется через "воды смерти" на остров, где обитает Ут-напшти, единственный человек из людей, который обрел бессмертие. Ут-напшти (аналогбиблейского Ноя, спасшегося от потопа) рассказывает Гильгамешу историю всемирного потопа, после которого остался только он, Ной-Ут-напшти, так как совет богов решил даровать ему "вечную жизнь". По просьбе жены Ут-напшти шумерский Ной на прощанье раскрывает Гильгамешу тайну "цветка вечной молодости".

□ ЦВЕТОК САМОВСПОМИНАНИЯ □

Гильгамеш отправляется в путешествие и с большим трудом достает этот "цветок вечности". Но ему не удается воспользоваться магией цветка: пока он купался, цветок утащила змея, которая сразу сбросила кожу и помолодела, обретая новую жизнь. Гильгамеш возвращается в Урук, утешаясь созерцанием неприступности стен вокруг города... Что значит все это на тайном языке символов? В конце повествования о Гильгамеше подчеркивается мысль о том, что единственное доступное для человека - это память о его славных делах, точнее - воспоминание о собственных успехах и поражениях, мгновения "само-воспоминания", которые человек уносит с собой в измерение Вечности. Именно эта идея - одна из основных в школе "Четвертого пути", хотя она может иметь различные аспекты понимания на уровне культурных традиций и мистических интерпретаций. Идея "самовоспоминания" появляется позднее в античности, в диалогах Платона, в афоризмах Эзопа и Сократа, в изречении Дельфийского оракула "Познай самого себя" и т.д.

Идея самовоспоминания - важнейшая практическая идея системы Гурджиева и его последователей. В завуалированном виде ее можно найти в различных мистических школах Востока и Запада. Например, в XIII главе "Бхагавадгиты", которая названа "Йога распознавания между Полем и Познающим Поле", т.е. "различение",

"разделение внимания" между созерцаемым и созерцателем: "Те, кто очами мудрости прозревают разницу между Полем и Познающим Поле и освобождение существ от Пракрити (материальности мира), те идут к Высшему".

Однако ясное изложение принципа "разделения внимания" на русском языке современный искатель истин может обнаружить в книге Петра Успенского "В поисках чудесного": "- Никто из вас не заметил самой важной вещи, на которую я обратил ваше внимание, - сказал он. - Иначе говоря, никто из вас не заметил, что вы не помните себя (эти слова он особо подчеркнул). Вы не чувствуете себя, вы не осознаете себя. В вас "что-то наблюдает" - совершенно так же, как "что-то говорит", "думает", "смеется". Вы не чувствуете: "Я наблюдаю", "Я замечаю", "Я вижу". У вас по-прежнему что-то "заметно", "видно"... Чтобы по настоящему наблюдать себя, человек в первую очередь должен помнить себя (эти слова он опять подчеркнул). Старайтесь вспомнить себя, когда вы наблюдаете за собой, и позднее расскажите мне о результатах. Только те результаты будут иметь какую-то ценность, которые сопровождаются воспоминанием себя. Иначе вы сами не существуете в своих наблюдениях. А чего стоят в таком случае все ваши наблюдения?.. Все, что сказал Гурджиев, все, что я продумал сам, особенно то, что показали мне попытки вспомнить себя, вскоре убедило меня в том, что столкнулся с совершенно новой проблемой, на которую не обратили пока внимания ни наука, ни философия".

□ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ □

Гурджиев родился в городе Александрополе (ныне город Гюмри, территория Армении) в 1877 году, когда эта местность входила в состав Российской империи. Буквально "Александр" - "защитник людей", "Александрополь" - "город защитника людей"... Это на греческом языке повторяет один из титулов легендарного Гильгамеша.

"Гюрджи" - по-турецки "грузин", житель Кавказа. Фамилию Гурджиев или Гурджян носят многие греки, переселившиеся из Грузии и других областей по ту сторону гор Кавказа на территорию Армении. По сей день существует обширная колония греков в районе озера Халка (юг Грузии). Мать Гурджиева - армянка, отец - малоазийский грек. Уже в раннем детстве отец, большой знаток сказаний и песен древности, спел Георгию историю о гильгамеше. Позднее Гурджиев прочел содержание этой песни в одном из научных журналов, где были опубликованы данные археологических раскопок - клинописные таблицы, найденные в Ниневии. Этот факт убедил Гурджиева в том, что существует "устная традиция", независимая от официальной науки, которая сохраняется не хуже официальных писем и таблиц и делает более правильные акценты на содержательных аспектах знаний. Яркие примеры подобного рода - певец древнегреческих сказаний Гомер, славянский Боян, автор "Слона о полку Игореве" и др.

Ряд экстраординарных событий и влияний, произошедших с Гурджиевым в детстве и юности, послужили отправным толчком для его путешествий и странствий "в поисках чудесного". Сам Гурджиев упоминает влияние со стороны отца, бабушки, первых учителей, среди которых был русский священник, декан кафедрального собора отец Бош. Как отмечает Гурджиев в книге "Встречи с замечательными людьми", декан Бош был незаурядным человеком, увлекался наукой (химией, астрономией, археологией, историей культур), занимался музыкой, играл на скрипке, сочинял священные песнопения, многие из которых стали популярны в России. Гурджиев пишет, что присутствовал при сочинении некоторых из них - таких как "О, Ты,

Всемогущий Бог", "Мирный Свет", "Слава Тебе" и др. Именно Бош взялся быть попечителем в деле образования молодого Гурджиева. Гурджиев приводит основные принципы отца Боша, которые тот сформулировал для юноши: "Для того чтобы в ответственном возрасте (для мужчин - между 20-м и 23-м годами, для женщин - между 15-м и 19-м годами) человек мог быть действительно человеком, а не паразитом, его образование должно неизменно основываться на следующих десяти принципах:

Вера в получение наказания за неповиновение.
Надежда получения награды только за заслугу.
Любовь к Богу, но безразличие к святым.
Угрызение совести за дурное обращение с животными.
Страх огорчать родителей и учителей.
Неотвращение к червям, змеям и мышам.
Радость довольствоваться только тем, что имеешь.
Печаль от потери доброжелательности других.
Терпеливая выносливость к боли и холоду.
Старание рано зарабатывать свой хлеб."

Гурджиев восклицает: "К моему великому огорчению, мне не пришлось застать последние дни этого достойного и замечательного человека, чтобы отдать ему последний долг земной жизни, моему незабвенному учителю, моему второму отцу... Покойся с миром, дорогой Учитель! Я не знаю, оправдал ли я и оправдываю ли ваши мечты, но заповеди, которые вы мне дали, я ни разу не нарушил за всю мою жизнь". Другим человеком, "замечательно" повлиявшим на Гурджиева, был Богачевский, отец Эвлисий, окончивший свои дни помощником наместника монастыря Ессейского братства, находящегося вблизи Мертвого моря. Согласно преданию, в этом братстве "Иисус Христос получил благословение на свое подвижничество" (современные данные подтверждают тесную связь первых общин Иисуса с Кумранскими школами эзотерического иудаизма). "Я встретил Богачевского первый раз, когда он был молодым человеком и, окончив курс в русской богословской семинарии, ожидал рукоположения в священство и был дьяконом в военном соборе в Карее".

Богачевский обладал уникальным знанием различения субъективной и объективной морали: "Объективная мораль, - говорил он, - установлена жизнью и заповедями, данными нам самим Господом Богом через его пророков, она становится основанием для формирования в человеке того, что называется совестью. И этой совестью объективная мораль, в свою очередь, поддерживается. Объективная мораль никогда не изменяется - она может только расширяться с течением времени. Что касается субъективной морали, она изобретена человеком и потому является относительным понятием, различаясь для разных людей и разных мест и находясь в зависимости от субъективного понимания добра и зла, господствующего в данный период". Будущий отец Эвлисий наказал Гурджиеву жить и действовать согласно внутреннему убеждению, не следуя ухищрениям "общепринятых условностей": "Вы должны знать не то, что ваше ближайшее окружение считает хорошим или плохим, а действовать в жизни, как ваша совесть приказывает вам. Неоспоримая совесть всегда будет знать больше, чем все книги и учителя вместе взятые. Но пока, до того, как сформируется ваша собственная совесть, живите согласно заповеди нашего учителя Иисуса Христа: "Не делайте другим то, чего вы не хотели, чтобы они делали вам". В этот период Гурджиев весьма серьезно заинтересовался сверхъестественными явлениями, но даже погрузившись в книги и общаясь с учеными, он не мог найти ответы на многие необъяснимые вещи, очевидцем которых ему случалось быть. Он стал искать ответы в

области религии: "Я посещал различные монастыри и повидал людей, о чьей набожности я слышал, читал Священное писание и жития святых и был даже в течение трех месяцев прислужником известного отца Евлампия в монастыре Санаин. Также я совершил паломничества к большинству святых мест различных вер в Закавказье". На его глазах произошло исцеление паралитика на горе Дхаджур, где находился монастырь с чудотворной гробницей святого. Другой феномен - действие молебна с иконами и хоругвями для испрошения дождя в период сильной засухи. Третий пример - спасение обреченной девушки необычным путем: к свекрови больной во сне явилась Мариар Ана (азербайджанская Дева Мария) и приказала собрать розовые ягоды, сварить их в молоке и дать выпить девушке.

В эти годы Гурджиев сблизился с армянским юношей, которого позднее назовет в своих мемуарах "Мистер Иск" или "капитан Погосян". Обсуждая многие проблемы, они пришли к выводу, что существует "тайное знание", известное людям с древности, но к настоящему времени утерянное и забытое. Потеряв всякую надежду найти что-либо в современных источниках, Гурджиев и Погосян погрузились в изучение древней литературы. Они поселились среди руин древней армянской столицы Ани и однажды случайно (??) наткнулись на засыпанную монашескую келью, где обнаружили "в угловой нише груды пергаментов с письменами"...

□ ТАЙНОЕ БРАТСТВО "САРМУНГ" □

Благодаря изучению свитков, стало известно: братство (эгнос) "Сармунг" существовало близ города Синаруш, но ранее находилось "в долине Изрумун, недалеко от города Нивеси. Выяснилось, что город Мосул, близ которого находилась прежняя столица Ассирии Ниневия, в VII в. назывался "Нивеси"...

Погосян и Гурджиев встретили описание братства "Сармунг" в печатном издании старинной мистической книги "Меркхават". Они решили найти следы пребывания этой школы между озером Урмия и Курдистаном, в трех днях пути от Мосула. Преодолевая множество трудностей и опасностей, друзья случайно обнаружили "тайную карту древнего Египта" у одного из местных священников. Им удалось снять копию с карты, - они направились в Египет. Но Погосян решил остаться на корабле, следующим курсом на Александрию. Позднее, получив образование в Ливерпуле, он стал квалифицированным инженером-механиком. Погосян был одним из тех, кто научил Гурджиева многому, в особенности - умению сознательно делать вещи, достигать поставленных целей. После 1908 года Погосян стал бизнесменом и превратился в одного из самых богатых людей на Земле. "Он был прав, когда сказал, что несознательная работа всегда теряется. Он действительно работал сознательно и добросовестно день и ночь, как вол, всю свою жизнь, во всех обстоятельствах и при всяких условиях".

Дальнейшие приключения Гурджиева, его встречи с удивительными людьми, разделившими с ним трудности поисков и усилий, можно найти в книге "Встречи с замечательными людьми" (Абрам Елов, Юрий Любовецкий, Еким Бей, Петр Карпенко, профессор Скридлов и др.). В конце концов, Гурджиев нашел то, что он искал, хотя за это ему пришлось заплатить многим... Успенский пишет в книге "В поисках чудесного": "О школах, о том, где он нашел знание, которым, без сомнения, обладал, он говорил мало и всегда как-то вскользь. Он упоминал тибетские монастыри, Читрал, гору Афон, школы суфиев в Персии, Бухаре и Восточном Туркестане, а также дервишей различных орденов; но обо всем этом говорилось очень неопределенно". Во главе группы "Искатели истины" в возрасте 22-х лет Гурджиев

отправляется в экспедицию по странам Востока (Индия, Афганистан, Персия, Туркестан, Египет, Тибет, страны Ближнего Востока). Некоторое время он обучается в системе, связанной с суфийским орденом Накшбанди. В Бухаре он встречается с членом Сармунгского братства монастыри которого находятся в неприступных горах Средней Азии (на территории Афганистана). Здесь Гурджиев собирает воедино и синтезирует все, что он приобрел за годы обучения и странствий.

□ ГУРДЖИЕВ В РОССИИ □

В 1912 г. Гурджиев появляется в Москве и Петербурге, выступая с лекциями и создавая группы людей, заинтересованных в работе над собой. Весной 1915 г. Гурджиев встречается с Успенским, который к тому времени уже объездил многие страны мира, был в Индии, в Египте, наблюдал воочию Сфинкса, Тадж Махал и Собор Парижской Богоматери. Успенский увлекался теософией, оккультизмом; он уже написал брошюру об Арканах таро и резюмировал свои изыскания в книге "TETRIUM ORGANUM". Позднее, уже в наше время Раджниш (Ошо) назовет эту книгу третьей по значимости после "Органона" Аристотеля и "Нового органона" Фрэнсиса Бэкона... Впоследствии Гурджиев признался Успенскому, что эти книги обратили внимание Гурджиева к личности Успенского, и вовлечение его в школу Гурджиева было заранее продумано и запланировано.

Русское общество в период первой мировой войны уже было пронизано исканиями мистических движений, школ и кружков, салонов и философских обществ. Экзотический восток стал приоткрывать свои вуали перед взором русских интеллигентов, мечтателей, поэтов-символистов. До встречи с Гурджиевым Успенский по-своему формировал свое мировоззрение. Он осознавал себя творцом "новой модели Вселенной": мир представляется многомерным, а мистицизм - "познанием расширенным сознанием" того ноуменального мира "вещей в себе", о котором говорили философы и мистики различных времен и культур. Его развитие было "стремительным и вполне в духе прекрасного начала века", как отмечает Аркадий Ровнер. В 13 лет он интересовался снами и психологией; в 16-открыл для себя Ницше, задумался серьезно над идеей "сверхчеловека"; в 18 лет он стал писать статьи и книги, пришел к исчерпанности рационализма и сделал шаги в поисках "неведомого знания". В 29 лет он увлекся идеей "четвертого измерения", которая могла обосновать всякое "чудесное", исходя из математических моделей многомерного мира и перехода от обычного времени к измерению "вечности".

Школы, которые находил Успенский на Востоке, требовали разрыва с культурой Запада, - но Успенский верил в разум и интеллектуальную свободу, которой оставался чужд аморфный мистицизм Востока. Экстазы медитаций он сравнивал с "прелестью" необычных состояний, которые посещают аскетов и монахов и хорошо известны старцам эзотерического христианства (последователям Григория Паламы, исихастам) и описаны в "...". В полной растерянности от неудачи своих поисков за границей, Успенский неожиданно для себя столкнулся с самым загадочным, пожалуй, из людей нашего столетия. В лице Гурджиева Успенский встретился с совершенно новой формой мышления. Система, которую он стал жадно изучать с помощью "человека с лицом индийского раджи или арабского шейха", оказалась способной сплавить, воссоединить все знание, которое было ему известно, включая религиозные, философские, оккультные и научные формы и принципы. Теперь он мог избавиться от чувства досады, испытанного при чтении Е.П.Блаватской, Анни Безант, Чарлза Летбиттера, Папюса и новомодных писателей "от йоги" профанических волн начала века.

Гурджиев за короткий срок дал такую мощную энергию знания, которая обрушилась на интеллектуальную остроту Успенского подобно лавине водопада. Целая сеть новых понятий, структур и практических упражнений ломала иллюзорные стереотипы обыденных, хотя и квазинаучных, представлений о мире, человеке и высших влияниях. Гурджиев обратил его внимание на трагический разрыв в европейском мире "сущности" (внутренний человек) и "личности" (внешний человек, "персона", "маска", "имитатор", "приспособленец к окружающей среде). Сущность остается у взрослого человека, воспитанного в мире фальши и подражания, на уровне шестилетнего ребенка, в то время как личность его - множество мелких "я", спрессованных в рой или легион противоречивых мотивов и желаний, - гипертрофированно увеличивается, подчиняя сущность, превращая ее в раба, в "золушку". Идея развития сущности человека, - переход на третью ступень, на которую не вступают обычные люди, - предстала перед учениками Гурджиева, как вполне конкретная и реально ощутимая задача. Гурджиев, в отличие от многих других, не просто нечто утверждал или провозглашал, - он давал ясные упражнения и методы, позволяющие изменить себя, совершить скачок в направлении роста сущности. Сущность можно сравнить с забитым "гадким утенком", который не подозревает, что может стать "лебедем"...

Каждая из идей, - которая всегда в Системе "Четвертого пути" сопровождалась практическим аспектом понимания, была направлена на живого человека (познание мира соотносилось с познанием человека и наоборот), - могла послужить темой для создания какой-либо новой философской системы, которыми был наполнен спекулятивно-образованный Запад. Перечислим лишь несколько из таких идей, образующих взаимосвязанное и согласованное целое: идея "разделения внимания" и "самовспоминания"; идея "четырёх состояний": сон; бодрствование; третье состояние, "самовспоминание"; четвертое состояние сознания, "объективное сознание", трансцендентное "озарение"; идея множества "я"; идея оппозиции "личности" и "сущности"; идея масштаба, включенности одних уровней бытия в другие, более "вечные" и "свободные"; идея Луча творения и иерархии миров во Вселенной; идея закона "трех сил" и "семи нот" (принцип триады и октавы); идея механичности людей, потери "самих себя"; идея ненаблюдаемости и скрытности "третьей силы"; идея четырех центров-умов, функционирующих в органической машине человека и др.

Для усвоения идей и принципов школы "Четвертого пути" существовал специальный язык, который был утрачен когда-то очень давно, во времена строительства Вавилонской башни и так называемого переселения и смешения "народов" и культурных языков. Гурджиев утверждал, что осталось три проекции, три модификации единого "универсального языка": первая модификация - "на первом из них можно говорить и писать, оставаясь в пределах своего собственного языка, с той лишь разницей, что когда люди разговаривают на своем обычном языке, они не понимают друг друга, а на этом, ином языке - понимают" (в другой раз он назвал такой язык "философией" и сопоставил его с первым внутренним кругом, "эзотерическим" слоем внутреннего человечества, указывая на Индию, где сохранилась эта форма изложения и общения); вторая модификация - "во втором языке письмо одинаково для всех народов, как, скажем, цифры или математические обозначения; но люди все еще говорят на своих собственных языках; однако каждый из них понимает другого, хотя бы этот другой говорил на незнакомом языке" (иначе - это "наука", "мезотерический" слой внутреннего человечества, исторически такой язык сохранился в Египте, на Ближнем Востоке); третий язык один и тот же для всех, как письменный, так и разговорный; на этом уровне различия между языками совершенно исчезают" (это

"практика", "эзотерический", ядерный слой внутреннего человечества, этот "язык" сохранился в Средней Азии, Туркестане, Месопотамии). "Внешнее человечество" - вне стен того "града" или "крепости", который построил, возможно, еще Гилгамеш, когда создавал принципы эзотерических основ бытия, методов совершенствования, достижения бессмертия, приближения к божественному уровню.

Такое подразделение "языков" было известно, по всей видимости, Моисею, Пифагору, Платону, адептам каббалы, суфизма, эзотерического христианства и другим мистическим учениям, в основе которых можно проследить скрытый код Тетрады или Тетраграмматона - способа расчленения единого Логоса-Смысла на ступени или стадии постепенного соединения знания и бытия. Попытку сделать этот код более доступным для западной культуры предпринял Данте Алигьери, хотя его теория четырех смыслов (совпадающая с символикой Филона, Оригена, каббалы, суфийских мастеров и гностиков) осталась непонятой и неразработанной европейской традицией.

Новый период жизни Успенского начинается после революции 1917 года, когда по приглашению Гурджиева он приехал в Александрополь, а затем в Эссендуки, где поселился в доме на Пантелеймоновской улице. В это место постепенно съезжались другие ученики Гурджиева, образуя сплоченную группу, целиком отдававшуюся работе, общению. И обучению. Ложились спать поздно, вставали рано, с восходом солнца: "За шесть лет не наговорились столько, сколько мы наговорились за эти шесть недель". В самый разгар мировой и гражданских войн, среди террора и многочисленных банд, в Эссендуках, незаметно от влияний планетарных пожаров и кровопролитий, шла интенсивная, кропотливая работа по созданию пробужденного сознания... Такая особенность - свойство эзотерической школы, которая должна уметь извлекать "пользу" из любой ситуации, какой бы она ни была. Гурджиев продемонстрировал своим ученикам не на словах, а на деле, что он умеет и как он умеет делать в самой безвыходной и критической, на первый взгляд, обстановке. Он мог бы подписаться под афоризмом, восходящим к Лао-цзы: "Чем хуже - тем лучше". Если для Успенского события 1917 года в России казались лишь "массовым безумием", то для Гурджиева они были побудительным мотивом и условием настоящей практики. Ведь Гурджиев всегда был "за" экстремальные ситуации, когда требуются "сверх-усилия", без которых реальное преобразование себя невозможно: "Школы настоятельно необходимы... человек чересчур ленив... он боится сделать себе что-либо неприятное. Самостоятельно он никогда не достигнет необходимой интенсивности".

Когда в Эссендуках появились красные, Гурджиев представил новым властям свою группу как ученых, разыскивающих местонахождение золота в горах Кавказа. Он предложил план: официально снарядить экспедицию (якобы) для поисков и вывоза золота. Был собран реквизит из Кисловодска, Минеральных Вод, близлежащих станций: лошади, телеги, спирт для научных нужд, провианты, - хотя Успенский решил не участвовать в "переходе Гурджиева через Кавказ". Он вскоре узнал, что группа добралась до Сочи, откуда прибыла в Тифлис: у всех участников исторического "перехода" этот опыт стал чуть ли не самым ярким мистическим впечатлением и открытием "второго дыхания", преодолением своей механичности.

Летом 1919 года Успенский получил письмо от Гурджиева, приглашающего его в Тифлис для работы в новом "Институте гармонического развития человека"... В это время Успенский находится в состоянии неприятия личности Гурджиева. Принимая всю систему "Четвертого пути", он уже оценивал экстраординарную резкость и "неинтеллигентность" Гурджиева негативно, как "загрязненный источник". Существуют разные точки зрения по поводу конфликта между ними. Одна из них

состоит в том, что Гурджиева не интересовали интеллектуальные построения Успенского, его старания дать всему свое определение и правильную формулировку, - Успенскому была предложена традиционная для Востока формула безусловной преданности учителю, без каких-либо уверток и своеволия. Но Успенский попытался сохранить свою независимость - он даже начал вести кружки по собственному плану летом и осенью 1919 года в Екатеринодаре, Ростове и Новороссийске.

В январе 1920 года Успенский вместе с семьей (жена Софья Григорьевна и годовалый сын Леонид) покинул Россию и морем перебрался в Константинополь. Здесь, - среди турецких солдат, союзнических армий, десятков тысяч русских беженцев, - живя в маленькой комнате, он давал уроки английского языка и одновременно формировал свою группу, читая лекции по психологии и знакомя людей с системой "Четвертого пути". Здесь он встретился с молодым англичанином по фамилии Беннет, который напишет об Успенском, Гурджиеве и идеях этой школы около 44 книг, до сих пор, не переведенных на русский язык, выдержавших многочисленные издания во всем мире: "Творческое мышление", "Глубочайший человек", "Драматическая Вселенная" (в 4-х тт.), "Первая свобода", "Гурджиев: очень большая Загадка", "Гурджиев: Делание Нового мира", "Азарт: риск реализации", "Как мы делаем вещи: роль внимания в духовной жизни", "Образ Бога в Работе", "Интернациональная Академия Сознательного Образования", "Есть ли "жизнь" на Земле?", "Мастера Истины", "Нужды общества Новой эпохи", "Секретные влияния: духовные действия в человеческой жизни" и др.

В Константинополе Успенский читает лекции в "Русском Маяке" для эмигрантов из России. В 1920 г. сюда прибывает Гурджиев со своими учениками, старыми и новыми. Центральным местом в работе Гурджиева становится специальный балет, в котором ученикам предоставлена тренировка выполнения "противоестественных" движений, создающих такие усилия и нагрузки на мышцы и нервную систему, которые в обычных условиях, в механической жизни, невозможны. Балет оказывался формой самопознания, ведущего к раскрытию высших форм сознания, пробуждению высших центров. Успенский вспоминал об этом "интересном времени" с особой теплотой: они с Гурджиевым вместе ходили к дервишам ордена "Мевлеви"; Гурджиев объяснял, что верчение дервишей вокруг собственной оси было основано на ритмическом счете для развития мозга. "Мне особенно запомнилась одна такая ночь. Мы переводили одну из песен дервишей для "Борьбы магов". Я увидел Гурджиева-художника, Гурджиева-поэта, которых он тщательно скрывал в себе, иногда повторяя их потихоньку про себя, а затем переводил их мне на русский язык. Через какие-нибудь четверть часа я был погребен под формами, символами и ассоциациями; тогда он говорил: "Ну вот, а теперь сделайте из этого одну строчку!". Я и не пытался найти ритм или создать какую-то меру; это было совершенно невозможно. Гурджиев продолжал работу; и еще через четверть часа говорил: "Это другая строчка". Мы просидели до самого утра. Дело происходило на улице Кумбарачи, неподалеку от бывшего русского консульства. Наконец город начал пробуждаться. Кажется, я остановился на пятой строчке. Никакими усилиями нельзя было заставить мой мозг продолжать работу. Гурджиев смеялся; однако и он устал и не мог работать дальше. Стихотворение так и осталось незаконченным..."

Весной 1920 г. Успенский читал лекции в институте Гурджиева. Обычно Гурджиев дополнял объяснения Успенского ответами на вопросы. В 1921 г. Успенский уехал в Лондон. Там, в атмосфере "послевикторианской Англии", которая оказалась благоприятной для восприятия идей Успенского (переработанных им идей Гурджиева, школы "Четвертого пути"), книги Успенского начинают переводиться на английский,

французский и другие языки и издаваться во всем мире. Среди учеников Успенского - теперь всемирно известные А.Р.Оридж, Морис Николл, Джон Беннет, Кеннет Волкер и др.

Для многих танцы Гурджиева были чисто экзотической стороной дела. Иногда эти танцы воспринимались как выражение "сатанизма", так как казались неестественными и чересчур "противоречивыми". Жертвой такого впечатления оказался Василий Шульгин, который в 1920 году оказался с армией Врангеля в Стамбуле и попал через знакомого на "гурджиевские танцы" в "Институте гармонического развития человека": "Человек, сидевший на низенькой эстраде, соблюдал неподвижность, не делая никаких движений. Но он пристально смотрел на нас... Я увидел его глаза. Они незабываемы. Горящие глаза... Как у богатых караимов, державших в Киеве табачные лавочки..." . Люди, не имеющие магнетического центра , который притягивает их к источнику В- влияния и затем, в случае правильного развития магнетического центра, - к источнику эзотерических знаний в лице конкретного учителя, выражающего С влияния, -не могут правильно воспринимать священные танцы. Шульгин описывает свою негативную реакцию на "одиннадцать противоречивых движения", которые он увидел в институте Гурджиева, и упражнение "стоп", когда танцующие фигуры замирают по команде учителя, чтобы ощутить и осознать самые непривычные состояния своего тела.

Гурджиев сознательно устраивал демонстрационные представления в виде танцев и различных психологических опытов, чтобы с помощью таких "сетей" выловить людей, реально интересующихся "чудесным" - тех, у кого магнетический центр достаточно развит, - и затем включить таких людей в работу над самим собой.

Успенский вспоминает в книге "В поисках чудесного" (первая глава), как однажды, работая редактором московской газеты в январе 1915 года, он наткнулся на заметку в "Голосе Москвы", где упоминалось о сценарии балета "Борьба магов", принадлежащем некоему "индийцу" (этим "индийцем", как оказалось, был Гурджиев) . Действие балета происходило в Индии, он должен был дать полную картину "восточной магии, включая чудеса факиров, священные пляски и тому подобное". Когда Успенский попал в одну из московских групп Гурджиева, ему дали рукопись одного из учеников, который описывал свои впечатления от встречи с Гурджиевым. Повесть эта называлась "Проблески истины", и она начиналась с эпизода, когда в руки автора повести попала заметка о балете "Борьба магов"... Та сама, которую Успенский вырезал из газеты замой 1915 года. Как позднее узнал Успенский, мысль этой повести принадлежала самому Гурджиеву, который хотел предложить Успенскому напечатать ее в одном из журналов (зная, что Успенский работает журналистом и редактором, вращается в среде литераторов). Этот пример показывает, как Гурджиев умел вовлекать нужных ему людей в свою работу. Он ставил перед ними определенные практические задачи и одновременно выявлял их черты, особенности, потенциальные возможности, механику реагирования на те или иные вещи.

Успенский пишет далее: "- Мой балет - не мистерия, - сказал Гурджиев. -Задача, которую я поставил, состояла в том, чтобы создать интересный и красивый спектакль. Конечно, за внешней формой там скрыт известный смысл; но я не преследовал цели показать и подчеркнуть именно это. Объясню вам вкратце, в чем дело. Вообразите, что, изучая движение небесных тел, скажем, планет Солнечной системы, вы построили особый механизм, чтобы передать зрительное изображение законов этих движений и напомнить нам о них. В таком механизме каждая планета, изображаемая сферой соответствующих размеров, помещается на определенном расстоянии от центральной

сферы, изображающей Солнце. Механизм приводится в движение, все сферы начинают вращаться и двигаться по заданным путям, воспроизводя в зрительной форме законы, управляющие движением планет. Этот механизм напоминает нам обо всем, что вы знаете о Солнечной системе. Нечто подобное содержится и в ритме некоторых танцев. В строго определенных движениях и сочетаниях танцующих в видимой форме воспроизведены определенные законы, понятные тем, кто их знает. Такие пляски называются "священными плясками". Во время моих странствий по Востоку я много раз был свидетелем того, как эти пляски исполнялись во время священнослужений в древних храмах. Некоторые из них воспроизведены в "Борьбе магов". Кроме того, в основу балета положены три особые идеи. Но если я поставлю балет на обычной сцене, публика никогда их не поймет".

Успенский выяснил, что важные сцены балета Гурджиева изображают школы "белого мага" и "черного мага", упражнения учеников обеих школ и борьбу между ними. Все события происходят на фоне жизни восточного города и переплетены с любовной историей, которая имеет аллегорический характер. По поводу "трех идей", заключенных в танцах Гурджиева, один из его последователей, Оридж (который создал центр этой школы в США, куда в 20-х годах приезжал Гурджиев), связывал их с задачей одновременного включения трех центров человеческого организма: инстинктивно-двигательного, эмоционального и интеллектуального. Таким образом, танцы преследуют внешние, показательные цели символической космологии и, одновременно - внутренние, психологические цели само-наблюдения учениками себя в процессе действия. Понятия "ритма" и "ритуала" здесь совпадают не только этимологически, но и по содержанию - выражая единство космоса и человека как микрокосма (малого космоса): санскритское слово "рита" имеет глубокое значение - "Рита определяет преобразование неупорядоченного состояния в упорядоченное и обеспечивает сохранение основных условий существования вселенной, человека, нравственности. Посредством Риты достигается порядок круговращения вселенной. Поскольку этот порядок совпадает с истиной, то Рита толковалась в самом широком смысле (немецкий индолог Г.Людерс). Противоположность Риты - Анрита, неупорядоченность как лишенность Риты. Всеобщий характер Риты проявляется в том, что она управляет и вселенной, и ритуалом; она определяет и физический, и нравственный аспект жизни, Рита была установлена Адитьями, которые и охраняют ее. Более всех богов связан с Ритой Варуна (и Митра), именно он контролирует соответствие между Ритой и поступками людей. Рита невидима смертными: "закон сокрыт законом" (Ригведа V 62, 1), т.е. Рита определяется не извне, а из самой себя; иначе говоря, она определяет все, включая и самое себя. Даже деятельность богов - не более чем частные проявления Риты. Посредством Риты регулируется движение солнца, дождь, жизнь растений, животных, людей, действия богов". Мы видим, что всякий священный ритуал, включая танцы, хороводы, символические передвижения в пространстве, церковные праздники с выносом реликвий и т.п. - есть не просто мистерия, повторяющая мифические сюжеты, но и специальный способ отражения космоса и микрокосма, который укрепляет противостояние между силами порядка и силами хаоса. В терминах гурджиевской Системы, "ритм и ритуал изображает столкновение "добра" (сознательных сил) и "зла" (механических сил", или школы "белого мага" и "черного мага". Каждое осознанное и намеренное действие увеличивает силы сознательности и порядка, каждое бессознательное, механическое действие - силы беспорядка и утрату целостности.

К эзотерическому пониманию священнодействий и танцев как столкновения (битвы, войны, состязания, Апокалипсиса и т.п.) противоположных принципов, мировых начал, примыкает и идея противопоставления нисходящей и восходящей октав.

Нисходящая октава - это ряд механических деградаций, при котором происходит переход по ступеням или уровням бытия от высшего к низшему, от тонкого к грубому или от "светлого" к "темному". Восходящая октава - обратный процесс, восхождение, или, как говорил Данте, "анагогия" от низших ступеней к высшим, от грубой и плотной материи - к тонкой и разряженной, более и более наполненной духовностью. В иудаизме, каббале и христианстве нисходящий и восходящий ряды аллегорически изображаются Лестницей между небом и землей, приснившейся Иакову, по которой ангелы спускались и поднимались. В эннеаграмме нисходящая октава соответствует движению против часовой стрелки, а восходящая - по часовой, при этом самая "высшая" точка "9" совпадает с самой "нижней" точкой "0", так как абсолютное Все и абсолютное Ничто есть одно и то же, представленное в двух противоположных аспектах. Гурджиев объяснял: "Вы знаете молитву: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный"? Эта молитва пришла из древнего знания. "Святой Боже" значит Абсолютное, или Все; "Святой Крепкий" также означает Абсолютное, или ничто; "Святой Бессмертный" означает то, что находится между ними, т.е. шесть нот луча творения с органической жизнью. Все три, взятые вместе, составляют одно; это нераздельная и неслиянная Троица*. Девятка или Эннеаграмма выражает соединение шести нот творения (Луч Творения) с Единым началом, "альфой и омегой" в точке начала и конца, точке "9":

В феврале 1922 г. Гурджиев приехал в Лондон, где участвовал в лекциях Успенского. Последний помогает ему в организации Института и постановке давно задуманного балета "Борьба магов". Здесь было подготовлено около двадцати человек, включая участие известного музыканта Т.Гартманна (один из первых учеников Гурджиева) подготовившего аранжировку музыкальных тем Гурджиева. Успенский и остальные ученики собрали значительную сумму денег, на которую Гурджиев купил исторический замок "Аббатство" (Шато- Приоре) в Авоне, близ Фонтенбло под Парижем. И осенью 1922 года здесь был открыт новый вариант Института, куда съехалась "пестрая компания" (по выражению Успенского) всех тех, кто знал Гурджиева и Успенского по Петербургу, Москве, Тифлису, Константинополю и Лондону-

В декабре 1923 года в театре на Елисейских Полях в Париже состоялось небывалое представление. Были показаны танцы и специальные упражнения. Были фокусы и "магические" эксперименты: чтение мыслей и передача их на расстоянии; прятали предмет, и ученик с завязанными глазами, взяв за руку одного из зрителей, отыскивал спрятанное; человеку, сидящему в зале, показывали предметы, и он телепатически передавал название и форму предмета людям, сидящим на сцене и т.д. Наиболее впечатляющим был номер, когда кто-либо из зала мысленно передавал пианисту Ф.Гартманну, находящемуся на сцене у пианино, название любой оперы, написанное на бумажке зрителями, - и пианист исполнял музыкальный отрывок из нее. Зрители заказывали какое-нибудь животное одному из учеников, сидящему в зале, - и другой ученик на сцене делал наброски именно того животного, которое заказывали изобразить.

Публика вовсе была шокирована, вплоть до недоумения и ужаса, когда в кульминационный момент представления группа учеников разворачивалась лицом к сцене, резко бросалась к рампе и, перелетев через оркестровую яму, падала в первые ряды партера, заставляя зрителей вскакивать с мест. Но, странно перемешавшись между собой, эти "летающие" фигуры, нагромоздившись друг на друга, моментально застывали в тишине и неподвижности. Затем они по команде Гурджиева поднимались, - и не было ни одного перелома, синяка или царапины.

В начале 1924 года Гурджиев организовал гастрольную поездку своей "труппы" по городам США. И там публика воспринимала фейерверк танцев и магических "чудес" как феномен безграничного господства учителя-мага над своими учениками. Известный писатель Вильям Сибрук охарактеризовал это зрелище как "удивительное, яркое, автоматическое, нечеловеческое, почти невероятное послушание и роботоподобное подчинение учеников", превращенных к команду "натренированных зомби или цирковых животных". В действительности же Гурджиев стремился показать фантастические возможности человека в такой сфере, как танец, движение, владение своим телом. Это было подобно современным боевым искусствам, факирическим способностям в духе Гудини или фокусам Дэвида Копперфильда.

Представления должны были встряхнуть обывателей, заставить задуматься о своих возможностях, взглянуть на жизнь с другой точки зрения, открыть нечто новое в самом себе. Следует напомнить, что в группе Гурджиева работали не профессионалы, но молодые мужчины и женщины, - привлекательные, хорошо образованные, владеющие другими специальностями, но охваченные жаждой эзотерических знаний. Они были отнюдь не "зомби", - скорее нечто противоположное. "Зомби", как это ни странно, находились в момент выступлений в зале...

Тайна такого "послушания" учеников кроется в самой Системе и методах обучения по Гурджиеву. Он сам когда-то проходил все стадии послушания у шейхов и наставников монастырей Тибета, Афганистана и Ближнего Востока. Он всегда повторял главный принцип работы ученика с учителем: "Вы не сможете достичь настоящей воли, если не научитесь абсолютному послушанию.". Это правило связано с тем, что человек постоянно потакает своим прихотям, оставаясь в плену множества случайных влечений, бесполезных выбросов энергии, хаотического брожения мелких "я". Чтобы преодолеть беспорядок собственной неуправляемости, ученик первоначально тренируется подчиняться воле учителя, который уже достиг реального "Я", целостного и нерушимого в своем действии. И только после накопления опыта дисциплины и концентрации всех сил (на базе руководства истинно волевого "Я") ученик сможет понять, что есть что, - и открыть аналогичное интегральное "Я" внутри собственной природы. Однако обычные люди, не обладающие достаточной интуицией и чутьем в распознавании реального учителя, могут легко поддаться влиянию шарлатанов и всякого рода "экстрасенсов" замороженного образца. Это подобно тому, как если бы человек, желающий овладеть математикой, соглашался бы обучаться не у математика, а, например, у работника торговли, который быстро умеет считать и манипулировать цифрами.

Мастера всегда видно в мелочах и обыденной обстановке. Вот как описывает один из учеников свои наблюдения за Гурджиевым: "Меня поразило то, каким манером он пересекал улицу сквозь движущийся транспорт, - без нервозности и спешки, свойственной большинству людей, - а как будто он чувствовал всем своим существом, полностью осознавая, что он делает, подобно мудрому слону, которого я видел в Бирме, когда тот продирался сквозь чащу леса". Этот же ученик приводит пример того, как Гурджиев создает волю у своих учеников. История была такова. Ученику дали задание носить воду за сотню ярдов из ручья, на что уходило целое утро. Однажды он заметил, что ручей протекал по ту сторону стены, ограждающей сад. Ему пришло в голову вырыть у стены яму и пустить воду сквозь стену. Этим каналом можно было сберечь огромное количество работы. Но стена могла обрушиться над проделанным отверстием. Тогда ученик предложил переливать воду через сифон, и, достав кусок шланга, два ученика заставили воду перетекать через десятифутовую стену и

набираться в яму, расположенную в саду. Некоторые жители "Аббатства" (Шато-Приорэ под Фонтелло) приходили смотреть на изобретение, с удивлением комментируя сообразительность этого ученика: "Забавно, что такие высокие умы, как Оридж, Николь, Юнг и Пиндер неделями таскали эту воду, и никому не пришла в голову такая простая идея". Наконец появился Гурджиев, который до этого был в поездке. Пока "изобретатели" стояли рядом, потирая руки от удовольствия, предвкушая похвалу "самого", Гурджиев, осмотрев механизм, сказал следующее: "Очень хорошо, очень остроумно. А теперь у меня появилась другая мысль. Уберите шланг и заройте яму. Поищите родник здесь..." Ученик испытал множество отрицательных эмоций. Однако прошло пять лет, - и в один из прекрасных дней случилось так, что именно этот ученик раскопал источник воды, расположенный в саду. Такие преодоления Гурджиев называл "сверхусилиями". После этого случая данный ученик стал совершенно другим человеком.

Эта поучительная история имеет и символическое измерение: каждый должен с помощью сверхусилий отыскать источник жизни внутри самого себя, а не пытаться упрощать задачу с помощью внешних приспособлений. Когда в июле 1924 года Гурджиев попал в автомобильную катастрофу, ученики обратили внимание на то, что за ночь до своей поездки он вел себя необычно: попросил механика тщательно осмотреть машину; без всякой причины передал свои бумаги мадам де Гартманн и уполномочил ее действовать от своего имени; перед возвращением из Парижа в Фонтелло он велел мадам де Гартманн вернуться поездом и в ответ на ее недоумение просто махнул рукой... "Радиатор был раздавлен, двигатель сместился в сторону, рулевая колонка сломана, жалюзи, дверцы и окна разбиты, передняя ось и крылья вогнуты. Гурджиева нашли лежащим на траве, росшей по обочине дороги из Парижа в Фонтелло, и под головой у него было автомобильное сиденье. Как он выбрался из машины, выбрался ли он сам или его вынесли, было неясно. Автомобиль врезался в дерево".

Примерно через месяц Гурджиев появился в саду. Голова была перевязана, глаза скрыты темными очками. Зрение фактически отсутствовало: он никого не узнавал. Но каждый день он вставал из кресла и делал несколько шагов, вопреки советам врачей. В октябре он, сидя в кресле, стал давать указания разводить под открытым небом большие костры, просиживая час или более у пламени. Считалось, что он набирается сил от огня. Это продолжалось до тех пор, пока чуть ли не половина парка не была вырублена для костров... Вскоре он начал руководить со своего кресла и "мы стали работать как прежде, стремясь ощутить и вспомнить себя, работать внимательно и осознавать, что, если будем работать сознательно, то поможем ему так же, как и себе". Гартманн признался Нотту, что еще в России, на Кавказе, когда он заболел тифом, приступ болезни был таким сильным, что его все считали безнадежным. Однажды ночью он вдруг пришел в сознание: Гурджиев склонился над ним и по его лицу стекал пот... "Все силы его были направлены на меня. Он дал мне кусок хлеба и ушел. Я сел, стал есть и понял, что он спас мне жизнь". Таков был учитель Четвертого пути, которого журналисты "желтой прессы" и по сей день называют шарлатаном и сомнительным сумасбродом. По всей видимости, балет "Борьба магов" продолжается и по сей день. На разных сценах в разные времена силы сознательности и творчества находятся в борьбе с силами механических реакций и помутнения разума. Сценарий этого балета написан не нами. И этот сценарий - не поэтическая гипербола, но подлинная драма, которая совершается здесь и сейчас, в настоящем.

А вот и другие "анalogии" из области "тайных лож" и "исторических заговоров": летом 1921 года Гурджиев с группой учеников через Румынию и Венгрию прибыл в

Германию, появляясь в предместьях Берлина. Здесь он якобы встретился с рядом последователей теософии и ариософии, которые мечтали о "сверхчеловеке"... Есть легенда о том, что Гурджиев давал уроки гипноза будущему "фюреру Третьего Рейха" Адольфу Шикльгруберу. Но все это непроверенные факты. Из работ Успенского и других учеников можно сделать однозначный вывод о том, как именно Гурджиев относился к таким людям, как Наполеон, Гитлер и вообще политикам, обуреваемым жаждой власти: он называл такую породу "хаснамус", человек без совести, безнадёжный с точки зрения эволюции. Однако Гурджиев обучал, как можно использовать таких людей в своих целях.

В ворохе сплетен и "точек зрения", напоминающих мусорник, желающие могут отыскать все что угодно, как это обычно бывает вокруг и около тех, жизнь которых обрастает легендами. Но, в отличие от "гиен, питающихся падалью", львы идут дальше, через пустыню, оставляя отбросы и гниющий шлак тем, кто привлекается к такой "еде" по закону симпатических влечений ("подобное влечется к подобному"). Многие современные книги по оккультизму, магии, псевдо-герметизму пестрят подобным мусором. Такие вещи всегда должны существовать, чтобы производить надлежащий отбор и чтобы один сорт людей не мешал другому, способному найти более сокровенное и качественное. Существует суфийская притча о том, как один шейх, после домогательств нерадивой группы учеников, требующих сенсаций и точных инструкций, в которых все просто и ясно, написал специально для них книги по гаданию, астрологии, хиромантии и тому подобному, - и в результате плохие ученики перестали мешать достойным, соблазнившись вторичным знанием. Такова премудрость эзотерических школ. Имеющий уши да услышит! Вот мнения авторитетов массовой культуры: "В высшей степени сомнительное учение" (Анна Катарина Портер); "шарлатан" (Франсуа Мориак); "не один человек, а миллион человек в одном" (Маргарет Андерсон); "блестящий и поразительный психолог, не уступающий Ницше" (Колин Уилсон); "один из великих инспираторов шестидесятых годов" (Сергиус Головин); "Это либо отличная и тонкая шутка... либо полный вздор!" (Дж.Б. Уотсон, основатель бихевиоризма в психологии, после чтения "Все и вся: сказки Вельзевула, рассказанные внуку").

"Четвертый путь", путь "мудреца" или "хитреца" можно понять лучше, если мы попытаемся выяснить множество оттенков значения греческого слова "софист" или "искусный человек": "софия" значит - мудрость, знание, сметливость, хитрость, ловкость, мастерство, уместность, способность делать вещи, искусно придумывать, быть ухищренным, испытанным человеком, быть знатоком, наставником и т.д. В греческой традиции "софистом" называли Солона, Пифагора, известных философов, поэтов и мудрецов, - и только во времена Сократа и Платона, по причине распространения профанических школ обучения молодежи искусству успеха в жизни (подобно современным курсам психологии и прагматизма, дающим рецепты "успеха в бизнесе, жизни и сексе"), термин "софист" приобрел негативный смысл, равный слову "шарлатан" или "обманщик".

Искусный человек, как считал Гурджиев, не позволяет своему прошлому стать будущим, он пытается капля за каплей отыскать в себе божественную искру, освобождаясь от груза ложных "я", сковывающих его движение подобно множеству лишних одежд. В книге "Агенты разведки" Тимоти Лири приводит ряд правил, которые применял Гурджиев для повышения уровня сознания человека:

1. Попытайся добраться до сути событий, от которых остальные люди отмахиваются, как от таинственных и загадочных.

2. Никогда не делай чего-то только потому, что это делают другие.
3. Никогда не думай так же, как думают другие
4. Доверяй только собственному видению мира, а не тому, как видят его другие, да и собственному мнению доверяй не очень надолго.

Известно, что сам Гурджиев, увлекшись в молодости книгами мадам Блаватской и западной литературой о Востоке, решил проверить все досконально, - как он говорил, на проверку всего этого у него ушло несколько лет жизни: с 1890 по 1898 год он посещает Багдад, Афганистан, Кашгарию, проникает в Тибет, устраивается сборщиком податей у тибетских лам, что дает ему доступ во все монастыри; позднее он учится в Кабуле и других центрах суфийской науки. Очевидным является факт, что он преодолел множество невзгод и испытаний. Это подтверждают его собственные слова: "Вы хотите знать? В действительности, чтобы знать, вам нужно пройти через страдание. Вы должны научиться страдать не так, как вы сейчас страдаете, а осознанно. В настоящее время вы не умеете страдать ни на один франк, а чтобы понимать, вам нужно страдать на миллион франков". Гурджиев был вне национальных вопросов и презирал всякого рода шовинизм: "Здесь нет ни англичан, ни русских, ни евреев, ни христиан, а есть только стремящиеся к общей цели - стать способным делать". Чтобы научиться реально делать вещи, необходимо взять какую-либо малую вещь и забыть о больших делах: "Поставьте себе целью избавиться от какой-нибудь мелкой привычки." Искусство шаг за шагом освобождаться от механических привычек и представлений дает человеку знание о том, как и почему он подчинялся до этого плену фантазий и наваждений, - в том числе, откуда возникают различные псевдо-учения и мистические течения, 99 процентов которых основаны на субъективном восприятии. О сторонниках теософии Гурджиев говорил, как о тех, кто "слышал где звон, да не знают, где он". И такая оценка касается многих "искателей истины". Один из учеников Гурджиева передавал его точку зрения о человечестве: "Девяносто шесть процентов нашей цивилизации определяется инстинктивно-двигательным центром, физическим телом; три процента - это реальная культура, связанная с эмоциональным центром; лишь один процент - занимается вопросом "Почему?" и зависит от действия реального разума. Инстинктивно-двигательный центр, которому следует быть пассивной частью, стал в нашей цивилизации активной, положительной силой. Мы - перевернутые люди, вывернутые шиворот- навыворот".

Рафаэль Лефорт в книге "Учителя Гурджиева" показывает, - если верить его путешествиям в поисках "чудесных" первоисточков школы "четвертого пути", - целую систему суфийских центров, которые принимают учеников,двигающихся от одной ступени к другой. Согласно Лефорту, через такую цепь посвящений прошел в свое время Даурджиадзе, т.е. Гурджиев: "Кто это "они", которые послали его? -спросил я, допытываясь дальше. - Это не секрет, - ответил он (Хаджи Абдул Кадер). - Та Ложа, что возле мыса Каратас на юге. Они были учениками Бахаудина, известного как Накшбанди, или "художники". Их там уже нет, но он (Гурджиев), должно быть, был послан туда откуда-то еще, так как я довольно часто заходил туда и никогда не видел его." На вопрос Лефорта "Откуда его могли послать" Хаджи рассмеялся: "С севера или с юга, с востока или с запада, из тысячи мест. Или с другого места обучения от другого учителя. Кто знает, что он изучил прежде, чем пришел ко мне? Быть может, соколиную охоту, музыку, танцы, плотничье дело?.." В конце концов, отыскав Шейха Ул Машейха в Афганистане, Лефорт возвращается в Европу, в тайную группу для "искателей истины" на Западе. Круг замыкается, словно гностический змей, кусающий собственный хвост.

Сравнивая учение Гурджиева со школами гностиков, трубадуров, алхимиков и герметистов, можно прийти к заключению, что в Европе во все времена существовала система знаний, которая была завезена либо с Востока, либо корни которой скрыто существовали на Западе, прикрываясь листвой различных внешних форм. Сами последователи суфизма понимают под последним не чисто исламскую эзоте-рику, как полагают некоторые, но нечто изначально свойственное древним эзотерическим школам разных культур и эпох. "Истина едина", хотя пути к ней утрачены. Гурджиев был тем, кто указал подступы к нахождению реального Пути к реальной Истине. Он обращал внимание на само-сотворение человеком самого себя: "Я никак не могу продвинуть вас дальше, я могу только создать условия, в которых вы сможете продвинуться". В этом же кроется назначение его книг, которые первоначально служили пособием для узкого круга учеников и без специальных комментариев к ним могут вызвать неправильные оценки и ассоциации. Вариант комментария к "Вельзевулу" можно найти в книге Нотта "Учение Гурджиева". Особенностью последней книги "Жизнь реальна только тогда, когда "Я есть" является ее недостроенность, точнее - полное отсутствие законченной книги. На самом деле это не книга, а лишь серия набросков, замечаний и тезисов, которые Гурджиев обозначил для самого себя в качестве "стропил" для возможного построения будущей книги. С другой стороны, тезисы "Жизни реальной, пока Я есть" открывают перед нами психологический мир Гурджиева, его внутренний диалог, стиль работы с самим собой. Скорее всего, если бы Гурджиеву сейчас был задан вопрос о том, стоит или нет опубликовать эти наброски, - он бы ответил лаконично: "Идиоты!"... И был бы, несомненно, прав.

Говорят, что во время церемонии похорон Гурджиева в 1949 году устроитель церемонии, который не знал Гурджиева при жизни, был настолько поражен достоинством и благородством, которое излучало тело и лицо усопшего, что не смог сдержать рыданий у открытой могилы Георгия Ивановича.

В "Архи-Абсурде" Баал-Зебуб качает головой над существами этой планеты. "Наше солнце не светит, не греет". Когда мы получаем высокие идеи, такие как в этой Книге, и делаем усилие для понимания, - в результате появляется истинный Свет.

В. Алексахин

Г. И. Гурджиев

Последний час жизни

("Беседы о сокровенном". Из архивов Г.И. Гурджиева.)

Представьте, что вам осталось жить всего лишь несколько минут, может быть, час, и каким - то образом вы точно узнали, когда вам суждено умереть. Что бы вы сделали с последним драгоценным часом своего пребывания на земле?

Если бы вы смогли завершить все свои дела за этот последний час, есть ли у вас сознание того, как это сделать?

И испуская последний вздох, будете ли вы испытывать удовлетворение от того, что вы сделали в своей жизни все возможное для выполнения своих обязательств перед природой и своим "Я"?

Важен не только сам последний час, важны и последние впечатления. "Последние впечатления" создают переход для будущих проявлений, если такие будут иметь место. Освобождение от низших гармоний ничего не дает, так как в конце концов все забывается, и тебя снова возвращают в этот мир. Забывается даже то, что ты хотел освобождения, чтобы стать Буддой.

В реальном Мире все космосы присутствуют одновременно, всегда вибрируя, всегда поджидая, как сын ждет отца моряка. В мире проявленном все имеет начало и все имеет конец. В Реальном Мире все всегда присутствует, и в один прекрасный день вам позволяется все забыть и покинуть его "навсегда".

Свобода в миллион раз ценнее освобождения. Свободный человек и в рабстве остается сам себе хозяин. Например, я вам даю что-то, скажем, автомобиль, в котором нет горючего, поэтому автомобиль не может двинуться в путь. Вашему автомобилю требуется особое горючее, но только вы сами в состоянии определить, что это за горючее и где его получить.

Вы должны сами определить, как переработать мои идеи, чтобы сделать их своими, только вам принадлежащими. Ваш автомобиль не может работать на том особом горючем, на котором работает мой автомобиль. Я предлагаю вам лишь исходное сырье. Вы обязаны извлечь из этого сырья то, что можете использовать вы. Смелее садитесь за руль.

Органическая жизнь очень хрупкая. В любой момент планетарное тело может умереть. Оно всегда живет на волосок от смерти. И если вам удалось прожить еще один день, то это всего лишь нечаянно данный вам природой шанс. Если вам доведется прожить хотя бы еще час, то можете считать себя счастливым. С самого зачатия мы живем за счет времени, взятого взаймы.

Живя в этом мире вы должны чувствовать смерть ежесекундно, поэтому держите свои дела в порядке, даже в последний свой час. Но как же узнать наверняка, который час окажется последним? Для верности улаживайте свои дела с природой и самим собой каждый данный вам час жизни, тогда вы никогда не окажетесь застигнутым врасплох. Этому человека должны обучать еще в школе, так же как правильно дышать, есть, двигаться и умирать. Это должно стать частью программы образования. В ней должно быть включено

обучение, как демонстрировать наличие "Я", а так же, как формировать сознание.

Вопрос: Как поступать если не чувствуешь, что что-то осталось недоделанным?

Г. ответил не сразу. Он вздохнул и ответил так:

- Спроси себя, кому придется туго, если ты умрешь, как собака. В момент смерти надо полностью осознавать себя и чувствовать, что ты сделал все возможное, чтобы во всей полноте использовать данную тебе жизнь.

Сейчас вы знаете о себе не слишком много. Но с каждым днем вы копаете все глубже и глубже этот мешок с костями и узнаете все больше и больше подробностей. День за днем вы будете открывать для себя, что вы не успели сделать и что нужно переделать из того, что вами сделано. Реальный человек это тот, кто выжал из жизни все, что в ней было ценного, и сказал: "Теперь можно и умереть".

Надо стараться прожить свою жизнь так, что в любой день можно было сказать себе: "Сегодня я могу умереть, ни о чем не жалея".

Никогда не тратьте понапрасну последний час своей жизни, так как он может стать для вас самым главным. Если плохо им распорядиться, то потом можно пожалеть. То душевное волнение, которое вы сейчас испытываете, может стать для вас мощным источником той силы, которая может подготовить вас к безупречной смерти. Зная, что следующий час станет для вас последним, впитывайте впечатления, которые он вам принесет, как истинный гурман. Когда Госпожа Смерть вас позовет, будьте всегда к этому готовы. Мастер знает, как извлечь из каждого лакомого кусочка последнюю каплю самого ценного. Учитесь быть мастерами жизни.

В молодости я учился ремеслу изготовления духов. Я учился получать из жизни ее эссенцию, ее тончайшие свойства. Во всем ищите наиболее ценное, умеете отделить тончайшее от грубого. Тот, кто научился извлекать эссенцию, самое ценное из каждого момента жизни, тот обладает сознанием любого качества.

Он не способен на то, что сделал бы с миром какой-нибудь дикарь. Возможно, в последние мгновенья жизни у вас не будет выбора, где или с кем быть, но за вами останется выбор, насколько ценно вы их проведете. Умение извлекать ценное из жизни - то же самое, что извлекать из пищи, воздуха и впечатлений те субстанции, которые необходимы для построения высших тел. Если вы хотите извлечь из жизни самое ценное для себя, оно все равно должно служить высшему благу, себе достаточно оставить совсем немного.

Работать над собой ради блага других - хитроумный способ получить лучшее от жизни для самого себя. Если вы не будете удовлетворены своим последним часом, значит, вы не будете довольны всей своей жизнью в целом. Умереть - значит пройти через нечто, что невозможно повторить вновь. Попусту тратьте наше драгоценное время - значит, лишитесь возможности извлекать самое ценное из жизни.

Прожить в этом мире от начала до конца - означает еще одно проявление Абсолюта. Все великие философы очень тщательно готовились к приходу последнего часа своей жизни. А сейчас я вам дам упражнение на подготовку к своему последнему часу на земле. Постарайтесь не исказить ни одного слова из предлагаемого упражнения.

Упражнение: Оглянитесь на только что прошедший час, как если бы

он был для вас последним часом на земле, и вы только что осознали, что умерли. Спросите себя, довольны ли вы последним часом своей жизни?

А теперь оживите себя вновь и поставьте перед собой цель в течение следующего часа (если вам посчастливится его прожить) извлечь из жизни немного больше, чем вам удалось в предыдущий час.

Определите, где и когда Вам следовало быть более осознанным, где проявить больше внутреннего огня.

А теперь откройте пошире ваши глаза: под этим я понимаю - откройте себя для больших возможностей, будьте чуть посмелей, чем вы были в предыдущий час. Поскольку вы знаете, что это ваш последний час и вам нечего терять, постарайтесь набраться мужества хотя бы теперь. Конечно, только без глупостей.

Узнайте себя лучше, посмотрите на свою машину как бы со стороны... Теперь, когда умираешь, не к чему думать о том, как сохранить репутацию, свой престиж.

И впрямь, вплоть до действительно последнего часа, настойчиво стремитесь получить как можно больше ценного от жизни, развивайте интуицию. Каждый час тратьте хоть несколько мгновений, чтобы беспристрастно оценить час минувший, а затем настройтесь на то, чтобы извлечь еще больше полезного последующего часа.

Если рассматривать каждый час как отдельную единицу жизни, делайте все, что в ваших силах, чтобы использовать каждую единицу жизни наиболее полно. Заставьте себя найти путь, который делал бы каждый последующий час больше, чем предыдущий, но одновременно, давал возможность рассчитаться с накопившимися на данный момент долгами. Увеличение самооощущения или самоосознания "Я", а также умение управлять собой, позволит изменить работу вашей машины, которую заносит, что служит указанием на действительные изменения. И совершенно неважно, что думает об этом сама машина.

...Прожить оставшуюся жизнь, репетируя час за часом свою смерть, отнюдь не патология. Никто не может получить от жизни больше, чем больной раком, примерно знающий, когда он умрет. И если он тщательно продумал, как провести оставшиеся дни, он не станет менять в корне свою жизнь, однако может позволить себе съездить туда, куда давно его тянуло, но чего он не мог сделать при обычных обстоятельствах.

Человек, который знает, что скоро умрет, постарается максимально использовать каждый оставшийся ему час жизни. Именно это имел ввиду Христос, когда говорил, что последние дни наступят скоро - дни перед Страшным Судом. Мы все стоим перед лицом Суда, но судят нас не другие люди, а мы сами даем окончательную оценку своей жизни. Мы не должны провалиться на самом серьезном экзамене, где самый серьезный судья наше "Я".

Каждый момент в отдельности, взятый без относительно другого момента, представляет частицу вечного Творения. Следовательно, в любой момент можно извлекать тончайшие субстанции, которые можно назвать "эссенция жизни".

Мысленно представьте себе субстанцию "воздух" или субстанцию "впечатления". Наконец, нарисуйте мысленно субстанцию "момент".

Да, это действительно субстанции, даже мгновения времени.

Если нам удастся извлекать более тонкие субстанции из этих более грубых субстанций, то, рано или поздно, придется чем-то за это

заплатить. Этот закон называется Законом Равновесия. Поэтому нам придется научиться немедленно платить за то, что мы получаем от жизни. Только в этом случае у нас не будет долгов. Платить немедленно - это то, что называют "реально делать". "Делать" - это думать, чувствовать, двигаться, но "реальная активность" - платить немедленно.

Делать - может означать только одно: извлекать квинтэссенцию из каждого момента жизни и одновременно платить по всем долгам природе и самому себе, но только при наличии "Я" можно уплатить немедленно.

Настоящая жизнь состоит не в изменении активности, а в изменении качества активности. Судьба - она и есть судьба. Каждый из нас должен найти свое место в общем порядке вещей. Еще не слишком поздно сделать это сейчас, хотя большую часть жизни вы впустую потратили на спячку. Начиная с сегодняшнего дня вы можете начать готовиться к смерти и, в то же время, повышать качество своей жизни. Но не тяните с началом, может, и на самом деле вам остался всем один час жизни.

Вопрос: Можно ли рассказать обо всем этом другим? Я считаю важным все то, что мы услышали здесь сегодня вечером.

Ответ: Вы можете повторить слово в слово, но до тех пор, пока вы не сделаете это для себя, это ничем не будет значить для других. Существование есть орудие или инструмент для действия.

Поразмышляйте на эту тему и узнайте, почему это верно.

Вопрос: Следовательно, мы не можем платить долги, если мы не существуем и отсутствует "Я"?

Ответ: А чего ради у вас такая необходимость платить? За что? Если жизнь - всего лишь случайность, то нет смысла продолжать.

Это вовсе не значит, что надо кончать жизнь самоубийством.

Наоборот, надо приложить все усилия, чтобы жить. Человек заурядный всегда живет, просто плывя по течению. Он не просто спит, а полностью мертвец. Чтобы действительно жить, надо способствовать усилиям природы, брать от жизни активно, а не поступать пассивно - как получится.

Извлекая из жизни самое ценное, надо уметь управлять своими желаниями. Проследите, насколько беспристрастно вы можете оценить сами себя. Присмотритесь к себе и вы обнаружите, сколько существует удивительных способов быть беспристрастным.

Каждый раз мысленно отмечайте различные моменты проявления желаний. Делайте все по-прежнему, но только обязательно осознавайте их присутствие. Перелейте в мир часть своей крови, но более высокого плана.

В конце каждого часа, оценив его пользу, представьте себе, что вы просыпаетесь в совершенно незнакомом для вас мире, по сравнению с часом предыдущим. Следует отметить, что кажущееся продолжение жизни предыдущего часа в действительности меняется ежечасно, хотя предметы и люди кажутся теми же самыми. Со временем вы сможете научиться видеть себя в виде призрака некой субстанции, который переходит из одного мира в другой, как незванный гость природы.

Если рассматривать с такой точки зрения, оцените все совершаемое в обычной жизни. Видя результаты всех своих напряженных усилий в прошлом, задумайтесь над тем, какой прок от всего этого сейчас, в последний час жизни. Те, кто занят Работой, во многом мертвы для этого мира и одновременно живее всех остальных в нем. Работа...

Нечто странное, неприметное, но для многих жизнь без нее немислима.

В обычном понимании жизнь - суета сует. Каким бы большим не казалось достижение по земным масштабам, рано или поздно оно оборачивалось потерей. Время стирает в пыль даже песчинки. Даже самых великих в истории людей рано или поздно забывали. Чтобы понять истинные возможности жизни на земле, надо найти то, чего можно добиться в этом мире и что будет действительно полезным в Реальном Мире.

Внимательно проследите жизнь всех великих людей, которые командовали армиями, властвовали над другими. Какой им прок от всех своих великих дел теперь, после смерти? Даже при их жизни все эти дела были не более, чем пустые мечтания. Мы здесь не для того, чтобы восхвалять самих себя и вознаграждать себя; самое отвратительное в заурядном человеке - умение побыстрее удовлетворить свою плоть.

Большинство людей находят массу отговорок не работать над собой. Они полностью в плену у своих слабостей. Но сейчас речь идет не о них, а о вас. Поймите меня правильно, я не нуждаюсь в последователях, я скорее заинтересован найти хороших организаторов, настоящих бойцов для нового мира. Я понимаю слабость организации, так как в данном случае речь идет не о простой организации, которая была бы инициативной.

Еще раз напоминаю, научитесь с наибольшей пользой проживать каждый свой час. Составьте подробный план на последний час жизни. Чтобы понять, как надо умереть, вам придется пустить глубокие корни в жизнь, лишь тогда вы сможете умереть как человек, а не как собака. Однако не каждому дано умереть. Можно стать удобрием для нашей планеты, но это вовсе не означает умереть на самом деле. Умереть для этого мира навечно - это честь.

За такую честь надо заплатить сознательной работой и преднамеренным страданием. Такое право надо заработать. Попробуйте относительно ясно представить себе свой последний час жизни на земле. Напишите как бы сценарий этого последнего часа, словно речь идет о съемках фильма. Спросите себя? "Так ли я хочу распорядиться своим последним часом?" Если ответ не удовлетворит вас, переписывайте сценарий до тех пор, пока он вам понравится.

Смотрите на жизнь как на бизнес. Для вас время - это деньги жизни. Когда вы пришли в этот мир, вам была отпущена определенная сумма, которую вы не можете превысить. Время единственная валюта, которой вы платите за жизнь. Теперь вы видите, как глупо вы растратили большую ее часть.

Вы даже не достигли простой жизненной цели - отдохнуть. Как бизнесмены вы не удались, как потребители жизни - сами себя обманули. Вы всю жизнь полагали, что все дается даром, а теперь вдруг обнаружили, что - не даром. Вы платите за пользование временем, поэтому каждый миг вашего пребывания здесь чего-то стоит.

Как же вам все-таки возместить хоть когда-нибудь эти потери. Проверьте, это постоянные или временные потери для вашего банковского счета? Потеряли вы или удачно поместили свой капитал? Если вы все деньги потратили на отпуск, то вам не остается ничего иного, кроме тоски по прошлому.

В течение многих лет вы тратили время так, словно родители

выдали вам на него открытый банковский счет. Но вот состояние спущено, вы прогорели и обнаружили, что остались одни и ни на кого не можете рассчитывать. На банковском счете времени больше нет. Теперь вы вынуждены зарабатывать каждый час жизни. Всю свою жизнь вы вели себя, как ребенок, а время тратили, как молодожены.

Наши основной враг, который мешает приложить нужные усилия, - безнадежность. Знаю, у вас найдется много отговорок и оправданий тому, чтобы не готовить себя к своему последнему часу. Привычка - большая сила, но раз начав, вы можете научиться делать с каждым разом все больше и больше.

Не теряйте ни одного дня попусту, заставляйте себя хотя бы час в день прилагать усилия, иначе потеряете все, что приобрели. Думайте о репетиции своего последнего часа, как о занятиях балетом - заниматься надо всю жизнь. У меня, в день на это упражнение уходит четыре часа, а в молодости я посвящал ему раза в два больше.

В кн.: Г.И.Гурджиев. Беседы Вельзевула со своим внуком
(Минск: "Харвест", 1999, с.974-1017)

Это первая из значительного числа публичных лекций, которые читались в период существования основанного Гурджиевым "Института гармонического развития человека". Последний раз она была прочитана в январе 1924 года в Нью-Йорке, а впоследствии опубликована в качестве заключительного приложения к "Рассказам Вельзевула своему внуку или Объективно-беспристрастной критике жизни человека" (Лондон, 1950)

"Я прилагаю именно эту лекцию, - писал Гурджиев, - потому, что в самом начале распространения идей, вносимых мною в жизнь, она была специально подготовлена здесь, на континенте Европа, чтобы послужить введением или, так сказать, преддверием ко всей серии последующих лекций, только всей совокупностью которых было бы возможно разъяснить в доступной всем форме необходимость и даже неизбежность практического осуществления непреложных истин, выясненных и установленных мною за полвека дневной и ночной работы, а также доказать реальную возможность применения этих истин для блага людей..."

Исследования многих ученых последних лет, а также данные, полученные в настоящее время в результате совершенно оригинальных исследований Института гармонического развития человека по системе Г.И.Гурджиева, показали, что цельная личность каждого человека - согласно высшим законам и условиям протекания человеческой жизни, установленным с самого начала и постепенно фиксирующимся на Земле - явилась ли она результатом наследственности или каких-либо случайных условий, в которых человек рос и развивался, должна с самого начала его ответственной жизни, чтобы отвечать смыслу и предназначению его жизни как человека, а не просто животного, обязательно состоять из четырех определенных и различных личностей.

Первая из этих четырех самостоятельных личностей есть не что иное, как совокупность автоматических функций, свойственных человеку, как и всем животным, данные для которых состоят, с одной стороны, из общей суммы результатов впечатлений, воспринимаемых от всей окружающей действительности с момента рождения, а также из всего, намеренно внесенного в него извне, и, с другой стороны, из результатов процесса, также присущего каждому животному, именуемого "фантазией". И эту совокупность автоматических функций люди по невежеству называют "сознанием" или, еще лучше "мышлением".

The first of these four independent personalities is nothing else than the totality of that automatic functioning which is proper to man as well as to all animals, the data for which are composed in them firstly of the sum total of the results of impressions previously perceived from all the surrounding reality as well as from everything intentionally artificially implanted in them from outside, and, secondly, from the result of the process also inherent in every animal called "daydreaming." And this totality of automatic functioning most people ignorantly name "consciousness," or, at best, "mentation."

Вторая из этих четырех личностей, функционирующая в большинстве случаев полностью независимо от первой, есть сумма результатов данных, сохраненных и зафиксированных в природе каждого человека, как и каждого животного, посредством шести органов - "приемников вибраций разного качества" - органов, которые функционируют в соответствии с новополученными впечатлениями и чья чувствительность зависит от наследственности и условий, в которых данная личность готовилась к ответственной взрослой жизни.

The second of the four personalities, functioning in most cases independently of the first, consists of the sum of the results of the data deposited and fixed, which have been perceived by the common presence of every animal through its six organs called "receivers-of-the-varied-qualified-vibrations," which organs function in accordance with newly perceived impressions and the sensitiveness of which depends upon transmitted heredity and on the conditions of the preparatory formation of the given individual for responsible existence.

Третья самостоятельная часть всего существа является основой функционирования его организма, а также действия двигательного-рефлекторного проявления, влияющих друг на друга во время этого функционирования - проявления, чье качество также зависит от наследственности и обстоятельств, преобладающих во время его подготовительного формирования в детстве.

The third independent part of the whole being is the prime functioning of his organism as well as what is called the "motor-reflex-reciprocally-affecting-manifestations-proceeding-in-it," and the quality of these manifestations also depends on those aforesaid results of heredity and of the circumstances during his preparatory formation.

А четвертая личность, которая тоже является отдельной частью цельной личности, есть не что иное, как проявление совокупности результатов уже автоматизированного функционирования трех перечисленных личностей, отдельно сформированных и самостоятельно тренированных в нем; иными словами, это та часть существа, которая называется "Я".

And the fourth, which should also be a separate part of the whole individual, is none other than the manifestation of the totality of the results of the already automatized functioning of all the three enumerated personalities separately formed and independently educated in him, that is to say, it is that part which is called, in a being, "I."

В природе человека для одухотворения и проявления каждой из трех отдельно сформированных частей его единого целого есть независимая "центральная локализация", как ее называют, то есть "мозг"; и каждая из этих локализаций, со своей собственной завершенной системой, имеет для совокупности своих проявлений свои собственные особенности и предрасположенности, свойственные ей одной. Следовательно, чтобы сделать возможным всестороннее совершенствование человека,

соответствующее правильное образование является абсолютно обязательным для каждой из этих трех частей - но вовсе не то, что сейчас называют "образованием".

Только тогда Я человека сможет стать его собственным Я.

Согласно серьезным экспериментам и изысканиям, уже упомянутым, которые проводились в течение многих лет, или даже просто согласно здравому и беспристрастному размышлению любого современного человека, природа каждого - особенно тех, кто по разным причинам претендует на то, чтобы не быть простым, средним человеком, но одним из "интеллигенции" в подлинном смысле этого слова, - должна состоять из всех этих четырех различных и совершенно определенных личностей, и каждая из них должна развиваться соответствующим образом так, чтобы во время ответственного существования проявления отдельных частей находились в гармонии друг с другом.

Чтобы проиллюстрировать более ясно разнообразие происхождения и природу личностей, проявляющихся в общей организации человека, а также подчеркнуть различие между "Я", которым должен обладать "человек без кавычек", то есть настоящий человек, и тем "псевдо-Я", которое люди сегодня принимают за настоящее, можно очень хорошо использовать аналогию, которая, хотя уже изношена "спиритуалистами", "окультистами", "теософами" и другими современными специалистами по "ловле рыбы в мутной воде", с их болтовней об "астральном теле", "ментальном теле" и других таких телах, якобы имеющихся у человека, может, тем не менее, пролить свет на вопрос, который мы сейчас обсуждаем.

Человека как целое со всеми своими разными и самостоятельно функционирующими локализациями, то есть со своими независимо сформированными и образованными "личностями", можно сравнить с тем экипажем для перевозки пассажиров, который состоит из коляски, лошади и кучера.

Следует сначала отметить, что различие между настоящим человеком и псевдочеловеком, то есть между человеком, у которого есть собственное "Я", и человеком, у которого его нет, обозначено в этой аналогии пассажиром, сидящим в коляске. В первом случае, случае настоящего человека, пассажир является владельцем коляски; во втором случае он просто первый из случайных прохожих, которые, подобно пассажирам наемного кабриолета, постоянно сменяются.

Тело человека со всеми своими двигательными-рефлекторными проявлениями, соответствует просто самой коляске; все функции и проявления чувств человека соответствуют лошади, впряженной в коляску и везущей ее; кучер, сидящий на козлах и управляющий лошадью соответствует в человеке тому, что обычно называют "сознанием" или "мышлением"; и, наконец, пассажир, сидящий в коляске и дающий указания кучеру и есть то, что называется "Я".

Основное зло у современных людей заключается в том, что благодаря укоренившимся и широко распространенным аномальным методам образования подрастающего поколения эта четвертая личность, которая должна быть у каждого достигшего ответственного возраста человека, полностью отсутствует у них; и почти все состоит только из трех перечисленных частей, которые, кроме того, формируются произвольно. Иными словами, почти каждый современный человек ответственного возраста состоит из не больше, не меньше, чем "наемного экипажа", представляющего разбитую коляску, загнанную лошадь, которую погоняет оборванный, полуслепой,

полупьяный кучер, чье время, предназначенное Матерью Природой для самосовершенствования, прошло в фантастических мечтаниях, пока он ожидал на углу какого-нибудь случайного пассажира. Первый, кто проходит мимо, нанимает его и отпускает, когда захочет, и не только его, но и все подчиненные ему части.

Следуя этой аналогии между типичным современным человеком с его мыслями, чувствами и телом и наемным экипажем с лошадей и кучером, мы можем ясно видеть, что в каждой из частей, составляющих две системы, должны сформироваться и существовать собственные отдельные потребности, привычки, вкусы и так далее, свойственные ей одной потому, что согласно разной природе своего происхождения и различным условиям формирования, а также различным заложенным в них возможностям, в каждой из них должна неизбежно формироваться своя собственная психика, свои собственные мнения, свои собственные субъективные опоры, свои собственные взгляды и так далее.

Полная сумма проявлений человеческой мысли, со всеми наследственными свойствами функционирования и специфическими характеристиками, соответствует всем отношениям сущности и проявлений типичного наемного кучера.

Подобно всем наемным кучерам в общем, он является определенным типом "извозчика". Он не совсем безграмотен, потому что благодаря существующим с стране законам об "общем обязательном трехлетнем образовании" он должен был окончить в детстве так называемую церковно-приходскую школу.

Хотя он сам деревенский парень и остался таким же невежественным, как его сельские товарищи, однако общаясь благодаря своей профессии с людьми разного положения и образования и нахватавшись понемногу отовсюду, он теперь смотрит с презрением на все деревенское, с негодованием отвергая это как "невежественное".

Короче говоря, это тип, к которому подходят такие слова:

"Слишком хорош для коров, но павлины не хотят иметь с ним дело".

Он считает себя компетентным даже в вопросах религии, политики и социологии; ему нравится спорить; тех, кого он считает ниже себя, он любит учить; с высшими он - подобоострастный льстец, он стоит перед ними, как говорится, "смирненно".

Одна из его величайших слабостей - волочиться за соседскими кухарками и горничными; но больше всего на свете он любит плотно поесть и пропустить стаканчик-другой, а затем, вполне довольный, погружается в мечты.

Чтобы удовлетворить эти слабости, он регулярно ворует деньги, который его наниматель дает ему на корм для лошади.

Подобно каждому "извозчику", он работает только "под плетью", и если иногда случайно он выполняет работу без принуждения, то только в надежде на чаевые.

Желание чаевых постепенно научило его определять слабости у людей, с которыми он имеет дело и пользоваться ими; он автоматически научился хитрить, льстить, "затрагивать чувствительные струны" и, вообще, лгать.

При каждом удобном случае, когда у него есть свободная минута, он проскальзывает в трактир или бар, где, сидя над кружкой пива, он мечтает часами, или беседует с людьми такого же типа, или просто читает газету.

Он пытается выглядеть внушительно, носит бороду, и если он худой, подкладывает себе что-нибудь под одежду, чтобы казаться более важным.

Что же касается чувствительной локализации у человека, совокупность ее проявлений и вся система функционирования полностью соответствует лошади "наемного экипажа" в нашей аналогии.

Между прочим, сравнение лошади с системой человеческих чувств поможет особенно ясно показать ошибочность и односторонность современного образования, навязанного подрастающему поколению.

Лошадь, из-за пренебрежения окружающих в ее ранние годы и своего постоянного одиночества, как бы погружена в себя; иными словами, ее "внутренняя жизнь" идет внутри и для внешних проявлений не остается ничего, кроме инерции.

Из-за аномальных окружающих условий лошадь никогда не получала никакой специальной подготовки, но формировалась исключительно под влиянием битья и ужасной брани.

Она всегда устала; а для пищи, вместо овса и сена, ей дают только солому, которая совершенно не годится для ее реальных нужд.

Никогда не видя в проявлениях по отношению к себе ни любви, ни дружбы, лошадь теперь готова уступить любому, кто окажет ей малейшее внимание.

Вследствие всего этого склонности лошади, таким образом лишенной всех интересов и стремлений, должны неизбежно концентрироваться на еде, питье и автоматическом стремлении к противоположному полу; поэтому она неизменно стремится туда, где может получить что-нибудь из этого, и если, например, она видит место, где раз или два удовлетворяла одну из этих нужд, то ожидает случая бежать туда. Следует добавить, что, хотя кучер очень слабо понимает свои обязанности, он может, тем не менее, хотя и немного, но мыслить логически; и, помня о завтрашнем дне, он временами - хотя бы под страхом потерять работу или желая получить вознаграждение - выказывает интерес сделать то или иное для своего нанимателя без понукания. Но лошадь, в отсутствие специальной подготовки, адаптированной к ее природе, не получила в нужное время вообще никаких данных для проявления стремлений, необходимых для ответственного существования; и, конечно, она не может понять и даже желать понять - почему ей следует что бы то ни было делать. Поэтому она исполняет свои обязанности с полнейшим безразличием и лишь из страха перед возможными ударами.

Что касается коляски, которая в нашей аналогии заменяет тело и рассматривается отдельно от других самостоятельно сформированных частей организма человека, то здесь дело обстоит еще хуже.

Эта коляска, подобно другим коляскам, сделана из разных материалов и, следовательно, имеет очень сложное строение.

Она была сделана, как очевидно любому здравомыслящему человеку, чтобы нести все виды грузов, а не в целях, для которых используется современными людьми, то есть только для перевозки пассажиров.

Главная причина многих связанных с ней недоразумений следует из того факта, что те, кто изобрел систему этой коляски, предназначали ее для неторных дорог, и некоторые детали ее внутренней структуры создавались с этой позиции.

Например, принцип ее смазки, которая чрезвычайно важна для экипажа, сделанного из столь разных материалов, был таким, чтобы смазка распространялась по всем металлическим частям при тряске, неизбежной на таких дорогах; тогда как теперь эту коляску, созданную для путешествия по неровным дорогам, обычно используют в городах и ездят она по гладким, ровным и мощеным улицам.

При отсутствии каких бы то ни было толчков, проезжая по таким улицам, смазка на всех ее частях не размещается равномерно, и поэтому некоторые из них покрываются ржавчиной и больше не могут выполнять функции, для которых были предназначены.

Коляска движется легко, как правило, если ее движущиеся части как следует смазаны. Со слишком малой смазкой эти части перегреваются и в конце концов раскаляются, и таким образом другие части загрязняются; однако, если на какой-то части слишком много смазки, общее функционирование коляски ухудшается; и в любом случае для лошади становится труднее тянуть ее.

Современный кучер, наш извозчик, не подозревает о необходимости смазывать коляску; и даже если он смазывает ее, то делает это без надлежащих знаний, только понаслышке, слепо следуя указаниям первого встречного.

Итак, когда эта коляска, теперь более или менее приспособленная для путешествия по гладким дорогам, по какой-то причине должна ехать по колдобинам, что-то всегда случается с ней: или гайка полетит, или болт погнется, или что-то еще пропадет, и поэтому такие экспедиции редко кончаются без более или менее серьезного ремонта.

В любом случае становится все более и более рискованным использовать эту коляску для намеченных целей. а когда ремонт начинается, вы должны разобрать коляску на части, осмотреть их одну за другой и, как всегда делается в таких случаях, "прокеросинить" их, почистить, а затем снова собрать вместе; и часто становится очевидным, что вы должны немедленно заменить какую-либо из частей. Очень хорошо, если она окажется недорогой, но может оказаться, что ремонт стоит дороже, чем новая коляска.

Итак, все, что было сказано об отдельных частях этого транспортного средства, которые, взятые в совокупности, представляют собой "наемный экипаж", можно полностью применить к общей организации природы человека.

Ввиду потери у современных людей любых знаний или возможностей готовить подрастающее поколение к ответственному существованию подходящим способом, тренируя все отдельные части, составляющие их существо, каждая личность сегодня - запутанное и невероятно смешное "нечто", которое, если снова обратиться к нашей аналогии, представляет следующую картину.

Коляска последней модели, только что с завода, лакированная настоящим немецким мастером из города Бармена и запряженная лошадью, которую в Закавказье называют "дглозиджи". "Джи" - это лошадь; "дголз" - имя одного армянского специалиста по искусству покупки и сдирания шкуры с совершенно негодных лошадей.

На козлах этого модного экипажа сидит небритый, неряшливый, сонный кучер, одетый в поношенный сюртук, который он вытащил из мусорного ведра, куда его за ненужностью выбросила кухарка. На его голове красуется новехонький, с иголки цилиндр, точная копия рокфеллеровского, в его петлице можно видеть гигантскую хризантему.

Современный человек неизбежно представляет такую смешную картину, потому что со дня его рождения эти три части, формирующиеся в нем - а они, хотя и разного происхождения и имеют свойства разного качества, для преследования единой цели во время его ответственного существования составляют "единое целое" - начинают, так сказать, "жить" и фиксируются в своих специфических проявлениях отдельно одна от другой, никогда не обучаясь тому, чтобы дать требуемую автоматическую взаимную поддержку и помогать или понимать друг друга даже приблизительно. Таким образом, позже, когда возникает необходимость для согласованных проявлений, эти согласованные проявления не появляются.

Кстати, благодаря так называемой "системе образования подрастающего поколения", которая полностью зафиксирована в настоящее время в жизни людей, и которая состоит исключительно в том, чтобы вдалбливать детям, посредством постоянного повторения вплоть до оцепенения, многочисленных почти пустых слов и выражений, и тренировки распознавания значения этих слов и выражений просто по различию в звуках, кучер все еще может объяснить кое-как различные желания, которые он ощущает (хотя только людям своего типа), и он иногда даже способен понимать других, по крайней мере приблизительно.

Этот наш кучер-извозчик, болтая с другими кучерами в ожидании пассажиров, и, как говорится, "заигрывая" у дверей с прислугой, иногда обретает различные виды так называемой "вежливости".

В соответствии с внешними условиями жизни кучеров вообще, он также постепенно автоматизируется до того, что может отличать одну улицу от другой и, например, рассчитывать, как, когда эта улица перекрыта из-за ремонта, добраться до места назначения другой дорогой.

Но что касается лошади, хотя пагубная современная выдумка под названием "образование" не участвует в ее формировании, и вследствие этого ее наследственные свойства не атрофированы, но из-за того факта, что она сформировалась при аномальных условиях установившегося процесса повседневной жизни и росла, заброшенная всеми, подобно сироте, к тому же сироте, с которой дурно обращались, она не приобретает ничего, соответствующего психике кучера, и не узнает ничего из того, что узнает он, и поэтому остается невежественной в формах взаимоотношений, которые стали привычными для кучера; и у них не получается контакта и взаимопонимания.

Может случиться, однако, что в своей ограниченной жизни лошадь обучится каким-то формам взаимоотношений с кучером и даже, быть может, какому-то роду "языка"; но беда в том, что кучер не знает и даже не подозревает, что это возможно.

Помимо того факта, что в этих аномальных условиях, между лошадей и кучером не образуется никаких контактов, чтобы позволить им понимать друг друга автоматически, даже немного, существует множество других не зависящих от них внешних причин, которые лишают их возможности следовать вместе той единственной цели, для которой они оба предназначены.

Так же, как связаны отдельные самостоятельные части "наемного экипажа", то есть коляска с лошадью посредством дышла, а лошадь с кучером с помощью поводев, так же отдельные части общей организации человека связаны друг с другом: тело соединено с чувствами с помощью крови, а чувства с мышлением или сознанием посредством так называемого "ханбледзойна", то есть субстанции, которую порождают у человека все намеренно сделанные жизненные усилия.

Существующая в настоящее время прискорбная система образования ведет к тому, что кучер не может произвести никакого эффекта на свою лошадь; в лучшем случае он с помощью поводев вызовет в ее сознании три идеи - направо, налево и стой.

Та же самая вещь происходит в общей организации обычного человека, когда в результате любого впечатления "плотность и темп ханбледзойна" изменяются в нем так, что его мышление теряет все возможности воздействовать на его же чувствительную организацию.

Итак, чтобы резюмировать сказанное, мы должны волей-неволей признать, что каждому человеку следует стремиться иметь свое собственное "Я"; иначе он никогда не будет представлять ничего, кроме "наемного экипажа", в который может сесть любой пассажир и требовать везти, куда хочет.

Здесь нелишне отметить, что Институт гармонического развития человека имеет в числе своих основных задач цель, с одной стороны, правильного образования для каждой самостоятельной личности у своих учеников, причем сначала отдельно, а затем в их системе согласно нуждам их будущей субъективной жизни в будущем; а с другой стороны, производства и воспитания у каждого ученика того, что должен иметь каждый, кто носит имя "человек без кавычек", - его собственного "Я".

Для более точного и, так сказать, научного, определения различия между настоящим человеком, то есть человеком, каким он должен быть, и "человеком в кавычках", какими стали почти все современные люди, удобно процитировать здесь то, что сказал сам Гурджиев в одной из своих лекций.

Вот что он сказал:

- Определению человека, согласно нашей точке зрения, не могут помочь современные знания, являются ли они анатомическими, физиологическими или психологическими, потому что каждая из характеристик, которую они описывают, присуща тому или иному уровню каждого человека и равно применима ко всем; следовательно, это знание не может дать нам возможность определить точное отличие между людьми, которое мы хотим установить.

Меру этого отличия можно сформулировать только в следующих терминах:

"Человек - это существо, которое может "действовать", и "действовать" сознательно и по своей собственной инициативе".

И, разумеется, каждый более или менее здравомыслящий человек, способный быть беспристрастным, должен согласиться, что никогда раньше не было и не могло быть более точного или более исчерпывающего определения.

Предположим, что мы временно приняли это определение; тогда неизбежно возникает вопрос: может ли человек, который является продуктом современного образования и современной цивилизации, делать что-нибудь вообще сам, сознательно и по своей собственной воле?

Нет... отвечаем мы сразу на этот вопрос.

Но почему нет?...

Просто потому, что, как категорически утверждает и демонстрирует на основе своих экспериментов Институт гармонического развития человека, все без исключения в современном человеке "делается само по себе", и нет ничего, что современный человек делает сам.

В личной, семейной и социальной жизни, в политике, науке, искусстве, философии и религии, короче говоря, во всем, включенном в процесс повседневной жизни современного человека, все с начала до конца делается само по себе, и никто из этих "жертв современной цивилизации" не может ничего делать.

Это экспериментально доказанное, категорическое утверждение Института гармонического развития человека, то есть то, что современный человек не в состоянии ничего делать и что все в нем действует само по себе, совпадает с тем, что говорит о человеке "точная позитивная наука".

Современная "точная позитивная наука" говорит, что человек - очень сложный организм, развившийся эволюционным путем из более простых организмов, и способный реагировать на внешние впечатления очень сложным образом.

Эта способность человека реагировать так сложна, и ответные действия могут уйти так далеко от причин, вызывающих и обуславливающих их, что наивному наблюдателю действия человека, или по крайней мере некоторые из них, кажутся совершенно спонтанными.

Согласно идеям Гурджиева, обычный человека действительности не способен на малейшее самостоятельное действие или слово.

Он полностью является результатом внешних влияний.

Человек - преобразующая машина, род передающей силовой станции.

Таким образом, с точки зрения совокупности идей Гурджиева, а также согласно современной "точной позитивной науке", человек отличается от животного только большей сложностью реакций на внешние впечатления и структурой своей воспринимающей системы.

А что касается того, что присуще человеку и называется "волей", Гурджиев полностью отрицает возможность ее существования в природе рядового человека.

Воля - это определенная комбинация, полученная в результате воздействия определенных свойств, специально выработанных в себе человеком, который может "действовать".

В природе рядового человека то, что называют "волей", есть исключительно результат желаний.

Реальная воля - знак очень высокого уровня сущности в сравнении с сущностью обычного человека. И лишь обладающие такой сущностью могут "действовать".

Все остальные люди - просто автоматы, машины или механические игрушки, запущенные внешними силами, действующие только потому, что "пружина", имеющаяся в них, действует в ответ на случайные внешние условия - пружина, которую они не могут ни удлинить, ни укоротить, ни изменить каким-нибудь другим образом по собственной инициативе.

Итак, признавая у человека огромные возможности, мы отрицаем у него любую ценность как самостоятельной единицы, пока он будет оставаться таким, как сейчас.

Чтобы подчеркнуть отсутствие какой бы то ни было воли у простого человека, можно добавить выдержку из других лекций Гурджиева, в которых проявления этой знаменитой воли, приписываемой человеку, колоритно описаны.

Обращаясь к присутствующим, Гурджиев сказал:

- У вас достаточно денег, прекрасные условия жизни и всеобщий почет и уважение. Во главе вашего хорошо налаженного дела стоят люди, абсолютно доверенные и преданные вам; одним словом, ваша жизнь проходит среди роз.

Вы располагаете временем, как пожелаете, вы покровитель искусства, вы улаживаете мировые проблемы за чашкой кофе, вы даже интересуетесь развитием скрытых духовных сил у человека. Вы знакомы с проблемами духа, и вы как рыба в воде чувствуете себя в проблемах филологии. Обладая широкими познаниями во множестве областей, вы имеете репутацию интеллектуала, разбирающегося в любой проблеме. Вы - образец культуры.

Все знакомые считают вас человеком сильным и волевым, и большинство даже приписывает ваши успехи результату проявлений вашей собственной воли.

Короче говоря, откуда ни посмотри, вы заслуживаете всяческого подражания и вам можно позавидовать.

Однажды утром вы встаете под гнетущим впечатлением какого-то сна.

Ваше слегка подавленное настроение, которое быстро проходит после пробуждения, тем не менее, оставляет свой след: некоторую вялость и нерешительность движений.

Вы подходите к зеркалу, чтобы причесаться и рассеянно роняете щетку; только вы поднимаете ее, как роняете сна. Тогда вы поднимаете ее с легким раздражением и

роняете третий раз; вы пытаетесь поймать ее в воздухе, но... неловкое движение руки, и щетка попадает в зеркало; тщетно вы пытаетесь схватить ее... слишком поздно! Крак!... Ваше старинное зеркало, которым вы так гордились, разлетается на куски.

Дьявол! Черт побери! Вы чувствуете потребность излить вашу досаду на кого-нибудь другого и, не обнаружив газеты рядом с утренним кофе, потому что слуга забыл положить ее туда, вы чувствуете, что чаша вашего терпения переполняется и вы решаете, что больше не можете оставаться дома.

Вам пора идти. Так как погода прекрасная и вам не надо отправляться далеко, вы решаете пойти пешком. За вами медленно движется ваш автомобиль последней модели.

Яркий солнечный свет умиротворяет вас. Толпа, собравшаяся на углу, привлекает ваше внимание.

Вы подходите ближе, в центре толпы видите человека, лежащего без сознания на тротуаре. Полисмен, с помощью нескольких "свидетелей", укладывает человека в такси, чтобы отвезти его в больницу.

Просто благодаря сходству, которое вдруг поразило вас, между лицом таксиста и лицом пьяного монаха, которого вы сбили в прошлом году, когда вы, немного навеселе, возвращались с шумной вечеринки, вы замечаете, что происшествие на углу необъяснимо связывается в ваших ассоциациях с тортом, который вы ели на той вечеринке.

Ах, что это был за торт!

Ваш слуга, забывший сегодня газету, испортил вам завтрак. Почему бы вам не исправить это сейчас?

Вот модное кафе, куда вы иногда заходите посидеть с друзьями.

Но почему вы внезапно вспомнили слугу? Разве вы не забыли почти полностью утреннее раздражение? Но теперь... как хорошо полакомиться пирожным с кофе.

Смотрите! За соседним столиком две молодые женщины. Какие очаровательные блондинки!

Вы слышите, как одна из них шепчет подруге: "Смотри, вот тип мужчины, который мне нравится!"

Вы не отрицаете, что случайно услышанные слова, может быть, специально сказанные громко для вас, вызвали у вас "внутреннюю радость"?

Предположим, что в этот момент вас спросили, стоило ли вам было выходить из себя из-за утреннего раздражения, вы, конечно, ответили бы отрицательно и пообещали себе, что ничего подобного в будущем не повторится.

Нужно ли мне описывать, как изменилось ваше настроение, когда вы познакомились с блондинкой, которая заинтересовала вас и которую заинтересовали вы, и ваше состояние в то время, которое вы провели с ней?

Вы возвращаетесь домой на крыльях, и даже взгляд на разбитое зеркало вызывает у вас лишь улыбку.

Но как же дело, по которому вы вышли из дому этим утром? Вы только сейчас вспомнили о нем. Жаль... не беда, можно позвонить.

Вы идете к телефону, и телефонистка соединяет вас не с тем номером.

Вы звоните снова, и попадаете туда же. Какой-то человек сообщает вам, что вы ему надоели, вы отвечаете, что тут не ваша вина, слово за слово, и вы, к собственному изумлению, узнаете, что вы грубиян и идиот, и что если позвоните еще раз... тогда...

Ковер, скользящий у вас под ногами, вызывает бурю негодования, и надо слышать тон вашего голоса, когда вы выговариваете слуге, который подает вам письмо!

Это письмо от человека, которого вы уважаете и чье хорошее мнение высоко цените.

Его содержание так лестно, что, пока вы читаете, ваше раздражение проходит и уступает место "приятному смущению" человека, слушающего панегирик в свой адрес. Вы заканчиваете читать письмо в прекрасном настроении.

Я могу продолжать эту картину вашего дня - дня свободного человека!

Быть может, вы думаете, что я преувеличиваю?

Нет, это фотографически точный снимок, взятый из жизни.

Беседуя о человеческой воле и о различных аспектах ее предположительно автономных проявлений, которые для современного так называемого "пытливого ума" - а с нашей точки зрения, наивного ума - служат только материалом для умствования и самообольщения, полезно процитировать слова Гурджиева в другой его беседе, потому что идеи, которые он высказал об этих обстоятельствах, могут пролить свет на иллюзорность той воли, которую каждый человек предположительно имеет.

Вот что он сказал:

- Человек приходит в мир подобно чистому листу бумаги, за который все окружающие тут же начинают соперничать в том, чтобы испачкать его и заполнить образованием, моралью, информацией, которую мы называем "знаниями" и всеми видами идей долга, чести, совести и так далее и тому подобное.

Все утверждают непреложность и безошибочность этих методов, которые они применяют для того, чтобы привить эти побегии на главный ствол, именуемый человеческой "личностью".

Лист бумаги постепенно становится грязным, и чем грязнее он становится, тем больше человека набивают эфемерной информацией и понятиями долга, чести, и так далее, которые ему назойливо повторяют или внушают окружающие, тем более "умным" и достойным он считается.

И видя, что люди смотрят на эту грязь как на достоинство, он сам неизбежно смотрит на этот грязный лист бумаги в таком же свете.

Итак, вы имеете модель того, что мы называем "человеком", к которому часто применяют слова "талант" и "гений".

Но настроение нашего "гения" будет испорчено на весь день, если, проснувшись, он не найдет свои шлепанцы у кровати.

Обычный человек не свободен в своей жизни, в своих проявлениях и в своем настроении.

Он не может быть таким, каким ему следует быть; и он не таков, каким считает себя.

Человек - это звучит гордо! Самое имя "человек" значит "венец творения"; но... насколько этот титул подходит современному человеку?

Однако человек, должен быть, конечно, венцом творения, потому что он так сформирован и у него есть все возможности для приобретения данных, сходных с теми, которыми обладает Осуществитель всего сущего во Вселенной.

Чтобы иметь право называться человеком, он должен быть им.

А чтобы быть человеком, он прежде всего должен, с неослабным упорством и неиссякаемым импульсом желая, проистекающим из всех отдельных самостоятельных частей, представляющих его единое существо, то есть с желанием, проистекающим одновременно из мышления, чувств и органического инстинкта, вырабатывать всестороннее знание себя, в то же самое время постоянно борясь со своими собственными субъективными слабостями и потом отстаивать результаты, которые он получает при помощи одного своего сознания, различая при этом недостатки собственной установленной субъективности и находя средства для возможности борьбы с самим собой, и стремиться к их искоренению без жалости к себе.

Откровенно говоря, современный человек, как мы видим его, беспристрастным взглядом, есть всего-навсего часовой механизм, хотя очень сложной конструкции.

Человек должен непременно глубоко задуматься о своем автоматизме и понять его полностью, чтобы полностью оценить значение этого автоматизма и все последствия и результаты, которые он предполагает, для своей собственной дальнейшей жизни и для оправдания смысла и цели своего рождения и существования.

Для человека, который желает изучить человеческий автоматизм в общем и прояснить его для себя, самым лучшим объектом для изучения является он сам со своим собственным автоматизмом; но чтобы изучить его практически и понять по-настоящему всем своим существом, а не "психопатически", то есть только одной частью своего целого, необходимы правильно проводящиеся самонаблюдения.

Что касается возможности проведения самонаблюдений правильно, без риска навлечь на себя любое из пагубных последствий, которые происходят слишком часто из человеческих попыток делать что-либо без должных знаний, то необходимо предупредить вас во избежание лишних усилий, что наш опыт, подкрепленный большим количеством точной информации, показывает нам, что это не столь просто,

как кажется на первый взгляд Вот почему мы берем как основу для правильно проводимого самонаблюдения изучение автоматизма современного человека.

Перед тем как начать изучать этот автоматизм и все принципы правильного самонаблюдения, человек должен решить раз и навсегда, что он хочет быть безусловно искренним с самим собой, ни на что не будет закрывать глаза, не будет уклоняться от результатов, куда бы они ни привели его, не испугается выводов, и не будет ограничивать себя заранее, кроме того, чтобы эти принципы могли быть правильно восприняты и усвоены каждым последователем этого нового учения, следует установить подходящую форму "языка", потому что мы считаем существующую форму совершенно неприемлемой для такого изучения.

Касаясь первого условия, надо прежде всего предупредить, что человеку, не имеющему привычки мыслить и действовать в направлениях, отвечающих принципам самонаблюдения, потребуются большая храбрость, чтобы искренне воспринять достигнутые заключения и не упасть духом, но покориться им и продолжать следовать этим принципам с нарастающим упорством, которого это изучение неизменно требует.

Эти заключения могут, так сказать, "перевернуть" все убеждения и мнения, укоренившиеся у человека, так же как весь порядок его обычного мышления; и в этом случае он может лишиться, возможно, навсегда всех "приятных ценностей, дорогих его сердцу", которые до сих пор составляли его спокойную и безмятежную жизнь.

Благодаря правильно проведенному самонаблюдению, человек, с самых первых дней, полностью охватит и ясно поймет свою полную слабость и беспомощность перед лицом буквально всего окружающего.

Всем своим существом он убедится, что все им управляет, все его направляет. Он же ничем не управляет и ничего не направляет.

Его притягивает или отталкивает не только все живое, которое само несет в себе возможность вызывать у него те или иные ассоциации, но даже полностью инертные и неживые предметы.

Если он освободится отложного понимания себя и от всей самоуспокоенности - импульсов, которые стали присущи современным людям, - он узнает, что вся его жизнь всего лишь слепая реакция на это притяжение или отталкивание.

Он ясно увидит, как его так называемое "мировоззрение", его мнения, характер, вкусы и так далее отштампованы - короче говоря, как сформирована его личность и под какими влияниями она может меняться.

Что касается второго условия, то есть установления правильного языка, то это необходимо, потому что наш общепринятый язык, имеющий, так сказать, "права гражданства", на котором мы разговариваем, пишем книги, и передаем наши знания и идеи другим, стал, с нашей точки зрения, совершенно непригодным для более или менее точного обмена мнениями.

Слова, составляющие наш современный язык, из-за произвольного значения, которое люди вкладывают в них, выражают только неопределенные и относительные мнения, и таким образом применяются обычными людьми "эластично".

В развитии этой аномалии в человеческой жизни главную роль играет, по нашему мнению, неправильная система образования подрастающего поколения.

Она занимает главное место потому, что, принуждая юношество, как мы уже говорили, повторять как попугаи наиболее возможное количество слов, обучая их отличать одно от другого по их звучанию, как будто реальная суть их не важна, эта система образования приводит к постепенной потере у людей способности размышлять и думать над тем, о чем они сами говорят и что слышат от других.

Теряя эту способность и в то же самое время нуждаясь в более или менее в точной передаче своих мыслей другим, они вынуждены, невзирая на бесчисленное множество слов, уже существующих в современных языках, либо заимствовать их из других языков, либо всегда изобретать новые и новые слова; поэтому, в конце концов, когда современный человек желает выразить идею, для которой он знает множество внешне подходящих слов и выбирает одно, которое кажется, согласно его мысленному разумению, наиболее подходящим, он все еще инстинктивно чувствует неуверенность в правильности своего выбора и неосознанно придает слову свое собственное субъективное значение.

Из-за этой уже автоматизированной привычки и постепенного исчезновения способности к длительной концентрации своего активного мышления обычный человек, произнося или слыша слово, невольно подчеркивает и останавливается на том или ином аспекте переданной словом идеи, неизменно ограничивая цельное значение слова одним аспектом; то есть это слово, несмотря на то, что включает все смыслы данной идеи, выражает только первое значение, которое он ухватил в зависимости от автоматических ассоциаций, протекающих в нем. Поэтому каждый раз, когда современный человек слышит или произносит одно и то же слово во время беседы, он придает ему разные значения, часто совершенно противоположные полному смыслу, который передает это слово.

Для каждого человека, который до некоторой степени осознает это и более или менее способен к наблюдению, беседа двух современных людей представляет "трагикомическое празднество звуков", которое становится очевидным, когда другие присоединяются к ней.

Каждый из них вкладывает свое собственное субъективное значение во все слова, которые становятся центром тяжести того, что можно назвать "симфонией слов без содержания", которая уху беспристрастного и осведомленного наблюдателя представляется просто тем, что в старинных сказках "Тысячи и Одной Ночи" называется "какофонической, фантастической чепухой".

Беседуя таким образом, современные люди воображают, что они понимают друг друга и даже уверены, что обмениваются мыслями.

Мы, с другой стороны, полагаясь на массу бесспорных фактов, подтвержденных психо-физико-химическими экспериментами, категорически утверждаем, что пока современные люди будут оставаться такими, какими они являются, то есть "обычными людьми", они никогда, о чем бы они ни говорили между собой, в особенности если предмет абстрактный, не поймут одинаковые идеи, выраженные одинаковыми словами, и даже по настоящему не поймут друг друга.

Вот почему в обычном современном человеке, каждое внутреннее переживание, даже тяжелое, которое могло бы принудить его думать и привести к логическим результатам, которые были бы очень полезными для окружающих, остается невыраженным, а лишь трансформируется в так называемый "порабощающий фактор".

По этой причине изоляция внутренней жизни каждого индивидуума увеличивается, и вследствие этого "взаимное обучение", такое необходимое для коллективного существования людей, исчезает все быстрее и быстрее.

Из-за потери способности думать и размышлять, всякий раз, когда средний современный человек слышит или использует в беседе любое слово, знакомое ему только по звуку, он не останавливается, чтобы подумать, и даже не спрашивает себя, что же в точности означает это слово, потому что он уже решил, раз и навсегда, что он знает это и другие тоже знают это.

Может быть, у него возникает вопрос, когда он слышит полностью незнакомое ему слово впервые; но в этом случае он довольствуется просто тем, что заменяет его другим словом со знакомым звучанием, и тогда считает, что он все понял.

Чтобы подчеркнуть то, что было только что сказано, можно привести в пример слово, которое современные люди употребляют очень часто, - слово "мир".

Если бы люди могли охватить все в своих мыслях каждый раз, когда они слышат или произносят слово "мир", большинство из них должны бы допустить - если, конечно, они бы захотели быть искренними - что это слово не дает им какого бы то ни было точного представления. Просто ухватывая ухом привычное созвучие этого слова, значение которого кажется им понятным, они как бы говорят себе: "А... мир... Я знаю, что это такое", и спокойно переходят к другому.

Если кто-то специально обращает свое внимание на это слово, и знает, как его подать, чтобы окружающие поняли, они прежде всего просто придут в замешательство, но, быстро взяв себя в руки и вспомнив первое значение, которое приходит им в голову, они представляют его как свое собственное, хотя в действительности они раньше не думали об этом.

А если он обладает властью, чтобы заставить множество современных людей, даже тех, которые получили так называемое "хорошее образование", установить точно, как они понимают слово "мир", они будут так долго ходить вокруг да около, что он невольно вспомнит касторку с ее мягкостью. Например, кто-то из этих людей, прочитавший, в числе прочего, несколько книг по астрономии, сказал бы, что "мир" - это множество солнц, окруженных планетами и расположенных на колоссальном расстоянии друг от друга, формирующих то, что мы называем "Млечным Путем"; за которым, на неизмеримых расстояниях и за пределами пространств, доступных для наших исследований, предположительно находятся другие созвездия и другие миры.

Другой, интересующийся современной физикой, рассказал бы о "мире" как о постоянной эволюции материи, от атомов вплоть до громадных объектов, таких как планеты и солнца; но, возможно, упомянул бы теорию сходства мира атомов и электронов с миром солнц и планет, и так далее в том же духе.

Третий, который по той или иной причине увлекается философией и читает что попало по этому предмету, сказал бы, что "мир" - только продукт нашего представления и воображения, и что наша Земля, например, со своими горами и морями, растительным и животными царствами, всего лишь видимость, иллюзорный мир.

Человек, знакомый с последними теориями о мире с множеством измерений, сказал бы, что "мир" обычно рассматривается как бесконечная трехмерная сфера, но что на самом деле трехмерный мир не может существовать как таковой, а лишь как поперечный срез другого четырехмерного мира, из которого истекает все, происходящее вокруг нас, и куда все возвращается.

Человек, чье мировоззрение основано на религиозных догмах, утверждал бы, что "мир" - это все сущее, видимое и невидимое, созданное Богом и зависящее от Его Воли. В видимом мире наша жизнь коротка, но в невидимом мире, где человек получает награду или наказание за все свои деяния во время его пребывания в видимом мире, жизнь вечна.

Человек, захваченный "спиритуализмом", сказал бы, что рядом с видимым миром существует другой "мир", "потусторонний", и что уже установлена связь с существами, населяющими этот "потусторонний мир".

Фанатик теософии продолжал бы и сказал, что существует семь взаимопроникающих "миров" и что они состоят из все более и более разреженной материи, и так далее.

Короче говоря, ни один из наших современников не смог бы предложить точное определение, принятое всеми, реального значения слова "мир".

Полная внутренняя жизнь обычного человека всего лишь "автоматический контакт" между двумя или тремя ассоциативными рядами, созданными из впечатлений, ранее воспринятых им и зафиксированных в каждом из трех его центров разной природы, или "мозгов", посредством воздействия какого-либо случайного импульса, возникающего у него. Когда эти ассоциации возникают повторно, то есть когда повторяются соответствующие впечатления, можно видеть, что под влиянием какого-либо случайного внутреннего или внешнего воздействия впечатления одной и той же природы повторяются в другом центре.

Все особенности мировоззрения обычного человека и характерные черты его индивидуальности происходят и зависят от последовательности импульсов, возникающих у него в момент получения новых впечатлений, а также от автоматизма, установленного для начала процесса повторения этих впечатлений.

Именно это объясняет несовместимость, которую может наблюдать даже обычный человек, между различными не имеющими ничего общего ассоциациями, которые протекают у него одновременно во время его пассивного состояния.

Эти впечатления воспринимаются природой человека посредством трех систем, которые действуют как приемники семи так называемых "планетарных центральных вибраций", имеющихся у него, как и у всех животных.

Структура этих трех воспринимающих систем у человека одинакова в каждой части механизма.

Они напоминают чистые граммофонные "диски", и на этих дисках, или, как можно сказать, на дорожках, записываются все воспринимаемые впечатления, с первых дней появления человека на свет, и даже раньше, когда он находится в утробе матери.

Различные системы, составляющие единый механизм, также обладают определенным автоматическим устройством, благодаря которому новопришедшие впечатления, в дополнение к тому, что записываются вместе со сходными ранее полученными, также записываются и в хронологическом порядке.

Таким образом, каждое испытанное впечатление записывается в разных местах на нескольких дорожках, и на этих дорожках оно сохраняется неизменным.

Эти воспринятые впечатления имеют свойство, при контакте с вибрациями одной и той же природы и качества "самопробуждаться", а затем повторяется действие, подобное тому, которое было вызвано их первым возникновением.

Именно это повторение ранее полученных впечатлений порождает так называемую "ассоциацию"; и части этого повторения затем попадают в поле человеческого состояния внимания, которое называется "памятью".

Память обычного человека в сравнении с памятью человека гармонически развитого, очень плохо приспособлена для использования во время ответственной взрослой жизни запасов ранее полученных впечатлений.

С помощью памяти обычный человек может использовать ряд только малой части всего своего запаса впечатлений, тогда как память, свойственная реальному человеку, сохраняет ряд всех впечатлений без исключения, неважно, когда они были получены.

Множество проведенных экспериментов установили с несомненной точностью, что каждый человек в некоторых состояниях, как, например, на определенной стадии гипноза, может вспомнить все, что когда-либо случилось с ним, с точностью до минуты; он может вспомнить все детали своего окружения, лица и голоса людей, находившихся рядом с ним в первые дни его жизни, когда он был все еще, согласно общему мнению, несознательным существом.

Когда человек находится в одном из таких состояний, то можно, при помощи искусственных средств, привести в движения те валики, которые были спрятаны в самых дальних уголках его механизма. Но также случается, что эти валики раскручиваются под влиянием какого-либо очевидного или скрытого воздействия, вызванного его переживаниями, вследствие чего перед человеком внезапно возникают давно забытые сцены, картины, лица и так далее.

Здесь я прерву читателя лекции, считая возможным сделать следующее дополнение:

ДОПОЛНЕНИЕ

Таков обычный средний человек - несознательный раб, полностью поглощенный обслуживанием вселенских целей, чуждых его собственной индивидуальности.

Он может прожить все свои годы таким, и так навсегда и исчезнуть.

Однако Великая Природа дала ему возможность не оставаться таким существом, - просто слепым инструментом обслуживания объективных вселенских целей, - но, служа ей и осуществляя все, что предопределено ему, что является жребием каждой дышащей твари, работать в то же время над собой, над своей собственной "эгоистической" личностью.

Эта возможность также дана ему для служения общей цели. потому что для равновесия объективных законов необходимы такие относительно свободные люди.

Хотя эта свобода возможна, тем не менее, трудно сказать, может ли любой неординарный человек достичь ее.

Существует множество причин, которые могут не позволить это и которые в большинстве случаев зависят не от нас лично и не от великих космических законов, но только от различных случайных условий нашего рождения и формирования, то есть главным образом от наследственности и разных обстоятельств, сопровождавших процесс нашего "подготовительного возраста". Именно эти неконтролируемые условия могут не допустить это освобождение.

Главная трудность в способе освобождения от полного рабства та, что мы должны, с намерением, исходящим из нашей собственной инициативы и упорством, которое поддерживают наши собственные усилия - то есть, не чужой волей, а нашей собственной - преуспеть в искоренении из нашей природы уже зафиксированных последствий определенных свойств того, что имелось у наших праотцов и называлось "органом кундабуфер", а также предрасположенности к тем последствиям, которые снова могут дать свои всходы.

Чтобы дать вам хотя бы приблизительное понимание этого странного органа и его свойств, а также проявления в себе последствий этих свойств, нам следует задержаться на этом вопросе немного дольше и поговорить о нем более подробно.

Великая Природа, в своей предусмотрительности, по множеству важных причин, - теоретические объяснения которых будут даны в следующих лекциях, - была вынуждена поместить в организм наших предков специальный орган, свойства которого предотвращали возможность видеть и ощущать реальность.

Хотя этот орган был позже удален Великой Природой из их организма, но из-за космического закона "ассимиляции результатов часто повторяющихся действий", - согласно которому от частого повторения одного и того же действия в каждой космической концентрации при определенных условиях возникает тенденция воспроизводить сходные результаты, - предрасположенность, сформировавшаяся у наших предков, передавалась из поколения в поколение, так что когда их потомки установили множество условий в процессе повседневной жизни, оказавшихся благоприятными для ее закономерного проявления, последствия различных свойств этого органа начали проявляться у них и, переходя из поколения в поколение, постепенно привились и в конце концов вызвали такие же самые проявления, как и у предков.

Чтобы понять по меньшей мере приблизительно, как эти последствия проявляются у нас, давайте рассмотрим несомненный факт, полностью понятный нашему Разуму:

Все люди смертны и каждый из нас может умереть в любой момент.

А теперь поставим вопрос; может ли человек действительно нарисовать себе и, так сказать, "пережить" в своем сознании процесс собственной смерти?

Нет! Свою собственную смерть и переживание этого процесса, человек, как бы он этого ни желал, никогда не сможет нарисовать себе.

Обыкновенный современный человек может представить себе смерть другого, хотя и не полностью.

Он может нарисовать себе, например, некоего мистера Смита, который выходит из театра, попадает под машину и погибает...

Или ветер сбрасывает вывеску на голову мистера Джонса, случайно проходившего мимо, и убивает его на месте...

Или же мистер Браун съедает протухшего лангуста и, так как никто не может его спасти, умирает на другой день.

Каждый может легко представить все это. Но может ли обычный человек допустить для себя такую же возможность, какую он представил для мистера Смита, мистера Джонса и мистера Брауна, и в действительность прочувствовать все отчаяние перед лицом такой ситуации?

Подумайте, каким может быть состояние человека, ясно представившего себе и прочувствовавшего неизбежность собственной смерти!

Если он серьезно обдумает и глубоко прочувствует это так, что действительно познает собственную смерть, то что может быть ужаснее?

В повседневной жизни, помимо ужасного факта неизбежности нашей собственной смерти, существует множество других вещей, особенно в последнее время, и если мы даже представим, что в жизни надо пройти через них, это вызовет у нас чувства невыразимого и нестерпимого страдания.

Предположим, что некоторые современные люди, которые уже полностью лишились любой реальной объективной надежды на будущее, то есть те, которые ничего не "посеяли" за время своей ответственной жизни и поэтому не "пожали" никаких плодов, предположим, что однажды они осознали неизбежность близкой смерти - от такой мысли можно повеситься.

В результате специфического воздействия последствий свойств органа кундабуфера на их психику большинство современных людей - те трицентричные существа, на которых Творец возложил свои надежды на то, что они будут служить высшим целям - избавлены от знания этих подлинных ужасов. И таким образом они могут спокойно провести свою жизнь, неосознанно исполняя то, для чего были предназначены, но могут при этом служить лишь ближайшим целям, Природы, потому что из-за своей недостойной, ненормальной жизни они лишились всякой возможности служения высшим целям.

Эти последствия приводят к тому, что люди не только не осознают этот ужас, но, чтобы успокоить себя, измышляют всевозможные виды фантастических объяснений,

которые выглядят правдоподобными лишь для их наивной логики, для того, что они в действительности ощущают, и для того, что не ощущают вообще.

Предположим, например, что вопрос нашей неспособности действительно чувствовать различные подлинные страхи, в особенности страх нашей собственной смерти, стал "наущным вопросом дня", как это происходит время от времени с некоторыми вопросами современной жизни; тогда, по всей видимости, все простые смертные и так называемые "ученые" предложат точное решение, в котором не усомнятся ни на минуту, и "с пеной у рта" будут доказывать, что спасти людей от подобных ужасов может лишь их собственная "воля".

Но если это допустить, то почему эта предполагаемая воля не спасает нас от всех мелких страхов, которые атакуют нас на каждом шагу?

Чтобы почувствовать и понять то, что я сейчас сказал всем своим существом, а не просто вашим "мыслеблудием", которое, к несчастью наших потомков, стало доминирующим свойством современных людей, нарисуйте себе вот что.

Вечером после лекции вы идете домой, раздеваетесь, ложитесь в постель и как раз тогда, когда вы собираетесь укрыться, из-под подушки выскакивает мышь и, пробежав вдоль вашего тела, исчезает в складках одеяла.

Признайтесь искренне, разве одна мысль об этом не вызывает у вас дрожь во всем теле?

Разве нет?

А теперь, пожалуйста, сделаем исключение и, без участия любой субъективной эмоциональности, зафиксированной у вас, представим себе, что такая вещь произошла с вами, и вы с изумлением поймете, что будете реагировать таким же образом.

Что же в этом страшного?

Это простая домашняя мышь, самое безобидное из созданий.

И поэтому я спрашиваю вас, как это можно объяснить, допуская, что каждый человек обладает "волей"?

Как можно примириться с фактом, что человек боится робкой маленькой мышки, самой пугливой из всех созданий, и тысяч подобных пустяков, которые могут никогда не произойти, но не испытывает страха перед лицом собственной неизбежной смерти?

В любом случае объяснить это ужасающее противоречие воздействием знаменитой "воли" невозможно.

Когда это противоречие рассматривается трезво, без каких-либо предубеждений, то есть без готовых мнений так называемых "авторитетов", - чьих умствований люди придерживаются из-за своей наивности и "стадного инстинкта", не говоря уже о результатах, возникших в их мышлении из-за аномального образования, - становится совершенно очевидно, что все эти страхи, из-за которых у людей не возникает желания повеситься, Природа специально допустила в такой степени, что они становятся необходимыми для процесса нашей повседневной жизни.

И, разумеется, без них - без всех этих в объективном смысле "блошинных укусов", которые являются для нас "беспримерными страхами", - у нас не может быть никаких переживаний вообще - радости, надежды, разочарования и так далее, и мы не можем иметь всех тех тревог, стимулов, стремлений или вообще любых импульсов, которые заставляют нас действовать, добиваться чего-либо и стремиться к какой-нибудь цели.

Именно эта совокупность, можно сказать, "детских переживаний", возникает и протекает автоматически у обычного человека, и они, с одной стороны, составляют и поддерживают жизнь и, с другой стороны, не оставляют ему ни времени, ни возможности видеть и чувствовать реальность.

Если бы обычный современный человек мог как-то чувствовать или помнить, что в определенное известное время, например завтра, через неделю, месяц или даже год или два, он умрет и умрет определенно, что тогда останется от всего, что до сих пор составляло его жизнь?

Все бы лишилось смысла и значения для него. Что было бы важным: награды, которые он получил вчера за долгую службу и которые так восхищали его, или полный обещания взгляд женщины, которую он давно и безнадежно желал, или газета с утренним кофе, или почтительное приветствие соседа на лестнице, театр вечером, отдых и сон... все эти приятные вещи - что они все будут стоить?

Конечно, они больше не могут иметь значения, которое он придавал им раньше, если человек будет знать, что смерть настигнет его через пять или десять лет. Короче говоря, смотреть своей собственной смерти в "лицо" обычный человек не может и не должен, потому что ему следует разобраться в стоящем перед ним вопросе: "почему мы должны жить, трудиться и страдать?".

Именно для того, чтобы такой вопрос не мог возникнуть, Великая Природа, убедившись, что в человеке больше нет факторов для достойных проявлений, свойственных трицентричным существам, провиденциально и мудро защитила их, учитывая возникновение в их природе различных последствий тех свойств, неподобающих им, которые, в отсутствие должных актуализаций, не позволяют им воспринимать и чувствовать реальность.

И Великая Природа была вынуждена приспособиться к такой аномалии в объективном смысле, потому что из-за условий повседневной жизни, установленных самими людьми, ухудшение качества излучения, необходимого для высших общекосмических целей, настоятельно требовало, для установления равновесия, регуляции рождаемости и продолжительности жизни.

Итак, ясно, что жизнь дана людям не для них самих, а для служения этим высшим космическим целям и что Великая Природа охраняет эту жизнь так, чтобы она могла протекать более или менее сносно, и заботится о том, чтобы она не прервалась преждевременно.

Разве мы, люди, точно так же не кормим, не заботимся и не делаем жизнь наших овец и свиней удобной, насколько это возможно?

Разве мы делаем это потому, что ценим их жизнь ради самой их жизни?

Нет! Мы делаем все это, чтобы в один прекрасный день забить их и получить мясо, в котором мы нуждаемся, причем возможно более жирное.

Таким же самым образом Природа принимает все меры для того, чтобы мы жили, не видя этого ужаса, и не повесились, а жили долго; а когда ей требуется, она забивает нас.

В установившихся условиях повседневной жизни людей это уже стало непреложным законом Природы.

В нашей жизни есть величайшая цель и мы все должны служить этой великой общей цели - в этом весь смысл и предназначение нашей жизни.

Все люди без исключения - рабы этого "Величия", и все вынуждены волей-неволей подчиняться, и выполнять без условий и компромиссов то, что предназначено для каждого из нас наследственностью и приобретенной сущностью.

Теперь, после всего, что я сказал, возвращаясь к главной теме сегодняшней лекции, хочу напомнить вам выражения, которые я использовал несколько раз для определения человека, - "настоящий человек" и "человек в кавычках", и в заключение сказать следующее.

Хотя настоящий человек, который уже обрел свое собственное "Я", и человек в кавычках, у которого "Я" нет, в равной степени рабы одного и того же "Величия", различие между ними, как я уже говорил, состоит в том, что поскольку позиция первого по отношению к его рабству сознательная, он обладает возможностью, даже служа "универсальному осуществлению", применять часть своих проявлений, согласно провидению Великой Природы, для достижения "вечной Сущности", тогда как второй, не познав своего рабства, служит во время всего процесса своего существования просто вещью, которая, когда в ней нет нужды, исчезает навсегда.

Чтобы сделать то, что я только что сказал, более исчерпывающим и конкретным, сравним жизнь человечества с большой рекой, которая берет начало в разных истоках и течет по поверхности нашей планеты, а жизнь одного отдельного человека, с одной из капель, составляющих эту реку жизни.

Сначала река течет как единое целое по относительно ровной долине, а затем в месте, которое Природа подвергла "беззаконному катаклизму", разделяется на два отдельных потока или, как также говорят, происходит "водораздел".

Вся вода одного потока вскоре после деления течет по еще более ровной долине среди "величественного и живописного" пейзажа, оттеняющего ее, и в конце концов впадает в безбрежный океан.

Второй поток продолжает преодолевать препятствия, созданные только что упомянутым "беззаконным катаклизмом", и наконец падает в расселины, появившиеся в результате этого катаклизма, и просачивается в самые глубины Земли.

Хотя после "водораздела" эти два потока текут самостоятельно и более не смешиваются, в определенные моменты они приближаются друг к другу так близко, что все результаты, порожденные процессами их течения, соединяются, и даже иногда,

во время крупных атмосферных явлений, таких, как ветра, бури и так далее, брызги воды, и даже отдельные капли, попадают из одного потока в другой.

Взятая отдельно жизнь каждого человека до достижения ответственного возраста соответствует капле воды в первоначальном течении реки, а место, где происходит "водораздел", соответствует времени, когда он становится взрослым.

Перед этим разделением каждый поток воды для выполнения предопределенного назначения всей реки, согласно закону, является целым и в малейших деталях одинаково в каждой отдельной капле одинаково, но только потому, что каждая капля находится в общем течении всей реки.

Для самой капли все ее собственные перемещения, все направления, в которых она движется, и все состояния, вызванные изменением ее положения, посредством различных случайных окружающих условий, и ускорением или замедлением темпа ее движения, всегда полностью дело случая.

Для капель не существует предопределения их собственной судьбы - предопределение существует только для всей реки.

В начале течения реки или жизни капли сейчас здесь, а через мгновение там, а минутой позже они могут уже не существовать как таковые, разбрызгавшись из реки или испарившись.

И когда, из-за недостойной жизни человека, Великая Природа была вынуждена вызвать у него определенное вырождение. В целях общей актуализации всего сущего было предусмотрено, что всю человеческую жизнь на Земле следует разделить на два потока; и Великая Природа предусмотрела и постепенно зафиксировала в деталях своей общей актуализации, определенный закономерный процесс, посредством которого в капле воды в первоначальном течении реки жизни, во время так называемой "внутренней субъективной борьбы со своим собственным отрицающим принципом", может возникать или не возникать "нечто", благодаря чему появляются определенные свойства, дающие возможность в месте водораздела войти в первый или второй поток.

Это "нечто", которое в природе каждой капли воды служит для актуализации свойств, соответствующих первому или второму потоку, представляет в природе каждого человека, достигшего ответственного возраста, то самое "Я", которому посвящена сегодняшняя лекция.

Человек, обладающий своим собственным "Я", вступает в один из потоков реки жизни; а человек, лишенный "Я", вступает в другой.

Последующая судьба каждой капли реки или жизни предопределяется "водоразделом" в соответствии с тем потоком, куда она попадает.

Это происходит потому, что, как я уже говорил, первый из этих двух потоков в конце концов впадает в океан, то есть в ту сферу Природы, в которой постоянно происходит взаимный "обмен веществ" с различными космическими концентрациями посредством процесса так называемой "похдалиссджанхи", одну сторону которого, кстати, современные люди называют "циклонами". Таким образом, каждая капля

воды получает возможность развития и движения к следующему, более высокому уровню.

А что касается второго потока, то он в конце концов стекает в расщелины земных недр, где принимает участие в "инволюционном творении", постоянно протекающем внутри планеты, где превращается в пар и распределяется в соответствующих сферах, чтобы служить для появления новых объектов.

После "водораздела" большие и малые последовательные процессы, обеспечивающие исполнение предопределенного назначения каждого потока, даже в деталях своего внешнего движения, также проистекают из тех же самых космических законов; однако результаты, проистекающие из них, так сказать, "субъективизированы" соответственно двум потокам; и хотя они функционируют независимо, они все время взаимно помогают и поддерживают друг друга.

"Субъективизированные" результаты второго порядка, проистекающие из фундаментальных космических законов, иногда функционируют бок о бок, иногда сталкиваются или пересекаются, но никогда не сливаются. А действие этих "субъективизированных" результатов второго порядка иногда может, при определенных окружающих условиях, также распространяться на отдельные капли.

Для нас, современных людей, главное зло заключается в том, что, из-за различных условий повседневной жизни, установленных нами самими, особенно из-за аномального "образования", мы достигаем ответственного возраста, приобретаем такую природу, которая соответствует лишь тому потоку реки жизни, которому суждено низвергнуться в недра земли, и, попадая туда, мы несемся по течению; не думая о последствиях, мы остаемся пассивными и, отдавшись потоку, предоставляем все судьбе.

Пока мы остаемся пассивными, мы не только с неизбежностью должны служить средствами лишь "инволюционного творения" Природы, но для спасения жизни мы должны рабски подчиняться капризам всех видов слепого случая.

Так как большинство слушателей, присутствующих сегодня здесь, уже, как говорится, "перешли" в ответственный возраст и чистосердечно могут признать, что до сих пор они не обладали собственным "Я" и, в то же самое время, согласно содержанию всего, что я здесь говорил, не нарисовали для себя никакой приятной перспективы, тогда, чтобы вы - именно те, кто понял это, - не стали бы "унывать" и не впали бы в обычный "пессимизм", преобладающий повсюду в аномальной жизни современных людей, я совершенно откровенно скажу, - без каких либо задних мыслей, что, по моим убеждениям, сформировавшимся за долгие годы исследований и подкрепленных многочисленными экспериментами, проведенными необычными методами, и их результатами, на которых основан Институт гармонического развития человека - даже для вас еще не слишком поздно.

Дело в том, что эти исследования показали мне определенно и ясно, что в своей бесконечной заботе Мать-Природа предусмотрела возможность для существ обрести зерно своей сущности, то есть собственное "Я", даже после того, как они достигли ответственного возраста.

Предусмотрительность нашей Матери-Природы в нашем случае состоит в возможности, которую она нам предоставляет, при определенных внутренних и внешних условиях перейти из одного потока в другой.

Выражение "первое освобождение человека", которое пришло к нам из древности, относится как раз к такой возможности перехода из одного потока, которому предназначено исчезнуть в адских глубинах, в поток, который впадает в безбрежные просторы безграничного океана.

Но перейти в другой поток нелегко, недостаточно просто пожелать это. Для этого прежде всего необходимо сознательно кристаллизировать в себе данные для порождения в вашей природе постоянного, неиссякаемого импульса желания такого перехода; а затем пройти долгую соответствующую подготовку.

Для такого перехода вам требуется прежде всего отказаться от всего, что вы считали "богатствами" в этом потоке жизни, но что в действительности является автоматически и рабски приобретенными привычками.

Другими словами, вы должны умереть для всего, стать безразличными ко всему, что составляет вашу повседневную жизнь.

Именно о такой смерти говорят все религии.

В этом и состоит значение слов, дошедших до нас с глубокой древности: "Без смерти нет возрождения", или, иными словами, "если вы не умрете, то не сможете воскреснуть из мертвых".

Это не имеет отношения к смерти тела, потому что для такой смерти нет нужды в воскрешении.

Но только душа, и более того, бессмертная душа, может обойтись без воскрешения тела.

Нам не надо воскресать для того, чтобы предстать перед Последним Божьим Судом, как учат нас Отцы Церкви.

Нет! Даже сам Иисус Христос и все пророки, посланные Свыше, говорили о смерти, которая может произойти здесь в этой жизни, то есть о смерти того "тирана", который держит нас в рабстве, в освобождении от которого и заключается первое освобождение человека.

Суммируя все, что было сказано - идеи лекции, услышанной вами, и то, что я добавил сегодня, - о двух категориях современных людей, не имеющих ничего общего с точки зрения своего внутреннего содержания, и о том достойном сожаления факте, что вследствие прогрессивно ухудшающихся условий повседневной жизни, особенно из-за неправильной системы образования подрастающего поколения, различные последствия свойств органа кундабуфера появляются намного более интенсивно в природе людей недавнего времени, я считаю необходимым отметить, и даже подчеркнуть, что все недоразумения, возникающие в процессе нашей коллективной жизни, особенно в наших взаимоотношениях, все ссоры, споры, сведения счетов и необдуманные решения - решения, после которых мы долго мучаемся "угрызениями совести", - и даже такие крупные события, как войны, гражданские войны и другие

бедствия, - просто являются результатами свойства природы обычных людей, никогда специально не работавших над собой, свойства, которое я назвал бы "перевернутым видением реальности".

Каждый человек, который может думать хотя бы немного серьезно, без "идентификации" со своими страстями, должен согласиться с этим, если он примет в расчет только один простой факт, часто повторяющийся в процессе нашей внутренней жизни, а именно, что наши переживания, которые кажутся такими ужасными, когда мы испытываем их, являются для нашего логического мышления через короткое время "не стоящими и ломаного гроша", а потом их сменяют другие переживания, и мы вспоминаем их, когда находимся уже в другом настроении.

Результаты мыслей и чувств часто приводят среднего человека к тому, что он, как говорится, "делает из мухи слона и слона из мухи".

Проявления этого вредоносного свойства в природе человека становятся особенно интенсивными во время таких событий, как войны, гражданские войны и так далее. В такие времена особенно остро проявляется состояние, которое признают даже люди и под чье влияние они, за редкими исключениями, все подпадают, и которое они называют "массовым психозом".

Главная характеристика этого состояния заключается в том, что когда обычные люди со своим уже слабым мышлением, которое в эти времена слабеет еще сильнее, принимают на веру то, что им говорят разные безумцы, то становятся в полном смысле слова жертвами этих злобных измышлений и проявляют себя совершенно автоматически.

Пока люди находятся под влиянием этого пагубного свойства, уже постоянно присущего обычным современным людям, то теряют священное "нечто", именуемое "совестью", получить которую они могли благодаря данным, которыми Великая Природа одарила их как богоподобных созданий в отличие от простых животных.

Умным людям совершенно не нравится наличие этого свойства у наших современников, потому, что, согласно историческим данным и открытиям многих истинных ученых прошедших эпох, Великая Природа больше не нуждается в таком явлении, как массовый психоз, для поддержания своего равновесия. Напротив, периодическое проявление этого свойства у людей вынуждает ее вновь и вновь создавать новые приспособления, например, увеличивать рождаемость, изменять так называемый "темп общей психики" и так далее.

После всего, что я сейчас сказал, я считаю необходимым подчеркнуть далее, что все исторические данные, - которые стали доступны некоторым современным людям, а также и мне, и касающиеся того, что в действительности произошло в жизни людей в прошлые времена, а вовсе не те сведения, измышленные современными так называемыми "школярами", главным образом немцами, чьими "историями" забивают мозги всего подрастающего поколения повсюду на Земле - ясно показывают, что люди прошлого не подразделялись на два жизненных потока, но все двигались в одном русле.

Общая жизнь человечества разделилась на два потока только после времени "тиклиамийской цивилизации", которая непосредственно предшествовала вавилонской.

С того времени постепенно установился нынешний образ жизни человечества, который, как должен знать каждый здравомыслящий человек, может протекать более или менее терпимо, только если люди делятся на господ и рабов.

Хотя быть хозяевами или рабами равно недостойно для людей как детей нашего Общего Отца, однако, в существующих условиях, уже полностью зафиксированных в процессе коллективной жизни людей, происхождение которых лежит в глубокой древности, мы должны смириться с этим и прийти к компромиссу, который согласно беспристрастному размышлению отвечает нашему личному благополучию и в то же самое время не противоречит заповедям, которые дает нам, людям, "Первоисток всего сущего".

Такой компромисс возможен, по моему мнению, если некоторые люди сознательно поставят главной целью своего существования получение всех необходимых данных, чтобы стать господами над подобными им окружающими.

Исходя из этого и действуя в согласии с мудрой мыслью прошедших времен, которая утверждает: "чтобы быть справедливым и добрым человеколюбом, человек должен прежде всего быть себялюбцем", каждый из нас, пользуясь здравым смыслом, данным нам Великой Природой, должен сделать своей главной целью стать господином.

Но не господином в том смысле этого слова, который придают ему современные люди, то есть тем, кто имеет много рабов и денег, обычно полученных по наследству, но таким человеком, который благодаря своим объективно добродетельным деяниям по отношению к окружающим - то есть деяниям, проявляемым под диктатом одного его чистого Разума, без малейшего участия тех импульсов, которые порождаются у него, как у всех людей, последствиями свойств этого пагубного органа кундабуфера, - приобретает в себе то "нечто", что побуждает всех окружающих преклоняться перед ним и с уважением выполнять все его приказы.

Теперь я считаю первую мою книгу завершенной, и завершенной именно в такой форме, которая удовлетворяет даже меня.

Psylib

Гурджиев Георгий Иванович

— ЭТО МНОГОСЛОЖНОЕ СУЩЕСТВО

Человек — это многосложное существо. Обычно, когда мы говорим о себе, то говорим «я». Мы говорим: «Я» делаю это, «я» думаю о том, «я» хочу сделать то-то. Но это наше заблуждение.

Этого «я» не существует или скорее существуют сотни, тысячи маленьких «я» в каждом из нас. Мы разделены в самих себе, но мы можем узнать множественность своего существа только посредством наблюдения и изучения. В данный момент — это одно «я» в следующий момент — это другое «я». Многие «я» в нас являются противоречивыми, вот почему мы не функционируем гармонично.

Мы обычно живем только с ничтожной частью наших функций и нашей силы, потому что не отдаем себе отчета в том, что являемся машинами и что не знаем природы и функционирования нашего механизма.

Мы — машины. Мы полностью управляемы внешними обстоятельствами. Все наши действия следуют в направлении меньшего сопротивления давлению внешних обстоятельств.

Проведите опыт: сможете ли вы управлять своими эмоциями? Нет. Вы можете пытаться уничтожить эмоцию или одну эмоцию заменить другой. Но вы не в состоянии их контролировать. Именно они контролируют вас.

Или вы решили что-то сделать — ваше интеллектуальное «я» может принять решение. Но когда наступает момент исполнения, вы, возможно, застигаете себя врасплох, делая прямо противоположное.

Если обстоятельства благоприятствуют вашему решению, вы, возможно, смогли бы исполнить его, но если они неблагоприятны, то вы сделаете всё то, что они вам прикажут. Вы не контролируете свои действия. Вы — машина и внешние обстоятельства руководят вашими действиями, не считаясь с вашими желаниями.

Я не говорю: никто не может контролировать свои действия. Я говорю: вы не можете, потому что вы разделены. В вас существуют две части: одна — сильная, другая — слабая. Если ваша сила возрастает, то ваша слабость также будет возрастать и станет негативной силой, если вы только не научились её останавливать.

Если бы мы научились контролировать свои действия — все было бы совершенно иначе. Когда будет достигнут некий уровень существа, мы реально сможем контролировать каждую часть самих себя. Но сегодня мы таковы, что даже не можем сделать того, что решили.

(В этот момент вмешивается теософ, утверждая, что мы можем изменить условия.)

Наша обусловленность никогда не меняется. Она всегда неизменна. Не существует истинного изменения, существует лишь модификация обстоятельств.

ВОПРОС: Не изменение ли это, если человек становится лучше?

ОТВЕТ: Человек ничего не значит для человечества. Один человек становится лучше, другой — хуже; это одно и то же.

ВОПРОС: Не прогресс ли то для лжеца, а не для того, кто хочет быть искренним?

ОТВЕТ: Нет. Это то же самое. Сначала он лжёт механически, потому что не может говорить правду. Затем он механически говорит правду, потому что это стало для него легче. Истина и ложь имеют ценность только по отношению к нам самим, если мы можем их контролировать. В нашем положении мы не можем быть «нравственными», потому что мы механические.

Мораль относительна — субъективна, противоречива и механистична. Как для неё, так и для нас. Физический человек, эмоциональный человек, интеллектуальный чело-

век—каждый обладает совокупностью моральных принципов, соответствующих своей природе.

В каждом человеке машина разделена на три существенные части, три центра.

Наблюдайте за собой (неважно когда) и спросите себя: «Откуда взялось «я», которое работает в этот момент? Принадлежит ли оно интеллектуальному центру, эмоциональному центру или моторному центру?» Вы обнаружите, что оно, вероятно, очень отличается от того, что вы могли бы себе представить, но оно принадлежит к одному из этих трёх центров.

ВОПРОС: Не существует ли абсолютного кода нравственности, который должен будет заставить всех признать себя таким же образом?

ОТВЕТ: Да, как же. Когда мы сможем использовать все силы, контролирующие центры, тогда мы сможем быть «нравственными». Но до тех пор, пока мы используем только часть наших функций, мы не можем быть «нравственными». Во всем, что мы делаем, мы действуем механически, а машины не могут быть нравственными.

ВОПРОС: Это кажется безнадежной ситуацией...

ОТВЕТ: Очень верно. Это безнадежно.

ВОПРОС: Тогда как мы можем изменить и использовать все свои силы?

ОТВЕТ: Это другое дело. Главная причина нашей слабости — это наша неспособность приложить нашу волю одновременно к трём центрам.

ВОПРОС: Можем ли мы, по крайней мере, приложить свою волю к одному из них?

ОТВЕТ: Конечно, мы иногда делаем это. Иногда мы способны контролировать один из них на определенный момент, но с совершенно необыкновенным результатом.

(Он рассказывает историю о заключённом, который, чтобы послать записку своей жене, бросает бумажный шарик через очень высокое и трудно доступное окно. Это его единственное средство обрести свободу. Если он промахнется в первый раз, то у него не будет другого шанса. Он сразу добивается успеха, осуществляя абсолютный контроль над своим физическим центром, благодаря которому он может совершить то, что в других условиях он не смог бы сделать никогда).

ВОПРОС: Знаете ли вы кого-нибудь, кто когда-либо достиг этого высшего состояния существа?

ОТВЕТ: Это не послужит ничему, скажу я «да» или «нет». Если я говорю «да», то вы не можете это проверить, и если я говорю «нет», то вы не продвинетесь дальше. Речь не идет о том, чтобы мне верить. Я вас прошу не верить ничему тому, что вы не можете сами проверить.

ВОПРОС: Если мы полностью механистичны, то как мы можем достигнуть контроля над собой? Может ли машина сама себя контролировать?

ОТВЕТ: Верно. Конечно, нет. Мы не можем сами себя изменить, мы можем только немного модифицироваться. Но благодаря помощи извне мы можем быть изменены. Согласно эзотерическим теориям, человечество разделяется на два круга: большой внешний круг, который охватывает все человеческие существа, и в центре маленький круг людей, которых наставляют и которые понимают. Именно реальное наставление, которое может нас изменить, может исходить только из этого центра, и цель этого образования состоит в том, чтобы подготовить нас к получению такого наставления. Мы не можем изменить себя сами. Это может произойти только извне.

Все религии создают иллюзию о существовании общего центра знания. Знание присутствует во всех священных книгах. Но люди не стремятся его найти.

ВОПРОС: Но не обладаем ли мы уже большим количеством знаний?

ОТВЕТ: Да, у нас слишком много знаний всяких видов. Наше действительное знание основано на восприятиях чувств — как у детей. Если мы желаем обрести истинный вид знания, мы должны изменить себя сами. Развивая наше существо, мы можем достичь более высокого состояния сознания. Изменение знания идет от изменения существа. Знание

само по себе ничем не является. Сначала мы должны достичь «знания себя». И с помощью этого знания себя мы научимся изменяться— если всё-таки мы хотим изменяться.

ВОПРОС: Однако это изменение должно исходить извне?

ОТВЕТ: Да. Когда мы готовы для нового знания, оно к нам приходит.

ВОПРОС: Можем ли мы изменить свои эмоции с помощью сознания?

ОТВЕТ: Центр нашей машины не может изменить другой центр. Например, в Лондоне я раздражительный, меня угнетает климат и я в плохом настроении, тогда как в Индии мне хорошо. Мой рассудок советует мне ехать в Индию, где я мог бы избавиться от этой раздражительности. Напротив, в Лондоне я вижу, что я могу работать. В тропиках я не мог бы работать столь хорошо; следовательно, я был бы раздражён в другой смысле. Вы видите, что эмоции существуют независимо от разумного, и вы не можете изменить одно посредством другого.

ВОПРОС: Что такое состояние высшего существа?

ОТВЕТ: Существует несколько состояний сознания:

1. Сон, в котором наша машина продолжает функционировать, но под очень слабым давлением.

2. Состояние бдения, в котором мы находимся в данный момент. Обычный человек знает только эти два состояния.

3. То, что называется «самосознанием». Это момент, когда человек предоставлен самому себе и своей машине. У нас он происходит вспышками, но только вспышками. Существуют моменты, когда вы представлены не только тому, что вы делаете, но самому себе в ходе этого действия. Вы одновременно видите «я» и «здесь» такого «я здесь», одновременно гнев и «я», которое в гневе. Назовем это, если хотите, «самовывозом».

Теперь, когда вы являетесь всецело и постоянно сознательным «я» и тем, что оно делает, и знаете, о каком «я» идет речь, тогда вы сами себя осознаете. Самосознание — это третье состояние.

ВОПРОС: Не легче ли этого достичь в пассивном состоянии?

ОТВЕТ: Да, но это бесполезно. Вы должны изучать свою машину, когда она работает.

По ту сторону третьего состояния сознания существуют другие состояния, но сегодня говорить об этом нет необходимости. Только человек, достигший состояния наивысшего существа, является полным человеком. Другие являются только частями людей.

Необходимая внешняя помощь приходит либо от хозяев, либо от образования, о котором я говорю.

Отправные точки самонаблюдения таковы:

1. Мы не являемся «одним».

2. У нас нет самоконтроля: мы не контролируем наш механизм.

3. Мы не вызываем самих себя. Если я говорю: «я читаю книгу» и не знаю, что «я» нахожусь в ходе чтения, то это одна вещь. Но если я осознаю, что «я» читаю, то это есть самовывоз.

ВОПРОС: Не приводит ли это к цинизму?

ОТВЕТ: Конечно. Если вы удовлетворяетесь, видя, что вы и все люди являются машинами, то вы станете просто циником. Но если вы продолжаете свою работу, то вы перестаёте быть циником.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Потому что вы сделали выбор, подумав о том, кем вы хотите стать: или полностью механическим, или полностью сознательным. Это раздел путей, о котором говорят все традиционные учения. **ВОПРОС:** Нет ли других путей для достижения нашей цели?

ОТВЕТ: В Англии нет. На Востоке — это другая вещь. Существуют разные методы для различных людей. Но вы должны найти хозяина.

Вы только можете решить то, что вы хотите сделать. Попросите в глубине сердца то, что вы хотите больше всего, и если вы способны на это, то вы будете знать, как это сделать.

Подумайте хорошенько и затем вперед!

ОДНОСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА Париж, август 1922 г.

В каждом из вас, одна из составляющих вас «внутренних машин» является более развитой, чем ^остальные. Эти машины не имеют между собой никакой связи. Человеком — без кавычек—может быть назван только тот, у кого три машины развиты одинаково.

Одностороннее развитие человека может быть только вредным. Человек может *обладать* некоторым знанием, он может знать всё, что должен делать... Это знание будет бесполезным и может проявиться опасным образом.

Каждый из вас деформирован. Тот, у которого развита только личность, является калеккой. Он никоим образом не может быть назван совершенным человеком: он четверть, треть человека.

То же самое можно сказать о человеке, у которого развита только сущность или только мышцы. Тем более невозможно назвать «совершенным человеком» того, у кого более или менее развитая личность сочетается с довольно хорошо развитым телом, в то время как его сущность остается совершенно атрофированной.

Короче говоря, человек, у которого развито две трети машины, не может называться человеком.

Таким образом, человек, развитие которого остается односторонним, испытывает больше желаний в данной сфере, желаний, которые он не может удовлетворить и от которых в то же время не может отказаться. Его жизнь становится жалкой. Чтобы обозначить это состояние от стерильных до полуудовлетворенных желаний, я не могу найти более лучшего термина, чем «мастурбация».

С точки зрения идеально-гармоничного развития этот односторонний человек является ничтожеством.

Получение внешних впечатлений зависит от ритма внешних стимулов и от ритма функционирования чувств. Эффективное получение впечатлений возможно только тогда, когда эти ритмы сообщаются друг с другом.

Если вы или я произнесли бы два слова, то одно из них имело бы одно содержание, а другое иное. Каждое из моих слов имеет определённый ритм. Если я произнесу двенадцать слов, как один из моих слушателей получит их, скажем, три с телом, семь с личностью и два с сущностью. Поскольку машины не связаны между собой, каждая из них регистрирует только часть того, что будет сказано. И когда слушатель попытается припомнить всё, то целостное впечатление будет утрачено и не может быть восстановлено.

Это происходит всякий раз, когда человек хочет что-то сообщить другому. Отсутствие связи между машинами позволяет ему выразить только часть себя.

Каждый хочет чего-то, но он *сначала* должен *обнаружить* и проверить всё то, что является ложным или чего ему не хватает, и он должен сохранить сознание того, что человек никогда не может быть человеком, пока в нём нет правильных ритмов.

Рассмотрим процесс восприятия звука. Звук одновременно достигает приёмных аппаратов трёх машин. Но, в силу различия их ритмов, только одна из них может принимать впечатление, так как приёмный отдел Других машин менее быстр. Требуемый результат не будет достигнут, если человек принимает звук собственным мышлением и если он слишком медлит, чтобы донести его телу, которому этот звук предназначен; следующий звук, также предназначенный телу, полностью вытесняет первый.

Если человек решил что-то сделать, например, побить кого-то или нанести удар по чему-либо, и если в нужный момент тело не исполняет это решение — потому что оно не столь быстро,— то сила удара будет значительно слабее, или удара совсем не будет. Так же как и все эти восприятия, проявления человека не могут никогда быть полными.

Печаль, радость, голод, холод, зависть и все другие чувства и ощущения проявляются только одной частью обычного человеческого существа, вместо того, чтобы проявляться им полностью.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ Нью-Йорк, 13 февраля 1924 г.

ВОПРОС: Каков метод Института?

ОТВЕТ: Это субъективный метод, то есть учитывающий индивидуальные особенности каждого. Для всех имеется только одно общее правило: наблюдение. Каждый нуждается в нем. И это нужно не для изменения, а для того, чтобы увидеть себя. У каждого человека свои собственные особенности, свои собственные привычки, которых в общем-то он не видит. Он должен их увидеть; таким образом он откроет «много Америк». Каждый маленький факт имеет свою специфическую причину. Когда вы накопите материал о себе, тогда будет возможен разговор — а сейчас всё, с чем мы говорим, является теоретическим.

Если баланс склоняется в одну сторону, то нам нужно тем или иным образом установить равновесие.

Стараясь наблюдать за собой, мы учимся концентрировать в себе то, что может быть даже очень полезным в обычной жизни.

ВОПРОС: Какую роль в саморазвитии играет страдание?

ОТВЕТ: Существует два вида страдания: сознательное и несознательное. Только глупец страдает несознательно.

В жизни есть два направления, две реки. В первой закон касается самой реки, без капель воды. Мы эти капли. Капля то на поверхности, то в глубине. Страдание зависит от положения, в котором оно находится. В этой реке страдание совершенно бесполезно, поскольку оно является случайным и несознательным.

Параллельно той реке имеется другая. У капли первой реки есть возможность перейти во вторую. В ней существует другой вид страдания: сегодня капля страдает потому, что вчера она недостаточно страдала. Здесь играет роль закон вознаграждения. Капля также может страдать заранее. Раньше или позже, всё должно быть оплачено. Для космоса не существует времени. Страдание может быть произвольным: можно страдать за вчерашний день и можно за завтрашний. Или можно просто страдать потому, что плохо себя чувствуешь.

Только произвольное страдание имеет ценность.

ВОПРОС: Был ли Христос Учителем, получившим школьную подготовку, или он был случайным гением?

ОТВЕТ: Без знания он не смог бы стать тем, кем он стал, и не смог бы сделать то, что он сделал. Конечно, там, где он был, существовало знание.

ВОПРОС: Если мы только машины, то какой смысл в религии?

ОТВЕТ: Для одних религия — это закон, гид, направление. Для других — это жандарм.

ВОПРОС: Что значит то утверждение, что Земля жива?

ОТВЕТ: Живые только мы. Если одна часть живая, то всё тоже живое. Вселенная — это цепь и Земля — звено этой цепи. Там, где есть движение, есть жизнь.

ВОПРОС: Не говорит ли это о том, что тот, кто не умирает, не может родиться?

ОТВЕТ: Все религии говорят о смерти, которая должна иметь место в нашей жизни на земле. Эта смерть должна предшествовать возрождению. Но что должно умереть? Ложная вера в собственное знание, самолюбие и эгоизм. Наш эгоизм должен быть сломан. Но мы должны учитывать, что являемся очень сложными машинами и что этот процесс уничтожения представляет собой долгую и трудную задачу. До того, как станет возможен реальный рост, наша личность должна умереть.

ВОПРОС: Обучал ли Христос танцам?

ОТВЕТ: Я этого не видел (так как меня там не было). Нужно различать «танцы» и «гимнастику» — это разные вещи. Мы не знаем, насколько его последователи умели тан-

цевать, но мы знаем, что там, где Христос получил своё воспитание, преподавалась «священная гимнастика».

ВОПРОС: Есть ли какая-либо ценность в католических церемониях и обрядах?

ОТВЕТ: Я не изучал католический ритуал, но я хорошо знаю ритуалы греческой Церкви, и в них, по форме и церемониалу, существует реальный смысл. Всякая церемония, в той мере, где она продолжает практиковаться без изменений, сохраняет свою ценность. Ритуалы, как древние танцы, были гидом, книгой, где была написана истина. Но чтобы их понять, необходим ключ.

Старые народные танцы также имеют смысл, они содержат даже рецепты приготовления варенья.

Церемония — это книга, где записано много вещей. Тот, кто понимает, тот может её прочесть. В церемонии зачастую больше содержания, чем в ста книгах. В жизни все меняется, но обычаи и церемонии остаются.

ВОПРОС: Существует ли перевоплощение души?

ОТВЕТ: Душа — это роскошь. Никто еще не родился с полностью развитой душой. Прежде чем говорить о перевоплощении, мы должны знать, о каком человеке, о какой душе и о каком перевоплощении идёт речь. Душа может разложиться сразу после смерти, или это может занять определённое время. Например, душа может кристаллизироваться в пределах Земли и остаться там, не будучи кристаллизованной для Солнца.

ВОПРОС: Могут ли женщины работать так же хорошо, как мужчины?

ОТВЕТ: У мужчин и у женщин наиболее развитые стороны не одинаковы. У мужчин это интеллектуальная сторона, которую мы назовём А; у женщин — эмоция, или Б. Работа Института иногда будет вестись больше по линии А, и это будет очень трудно для Б. В другие моменты она будет вестись больше по линии Б и станет более трудной для А. Но для действительного понимания главное — это слияние А и Б; оно произведет силу, которую мы назовём С.

Да, и у мужчин, и у женщин равные шансы!

САМОНАБЛЮДЕНИЕ

Нью-Йорк, 13 марта 1924 г.

Самонаблюдение — это очень трудное дело. Чем больше вы наблюдаете за собой, тем больше вы в этом отдаёте себе отчет.

На данный момент вы должны в этом упражняться, но не для результата, а для понимания того, что вы не можете наблюдать за собой. До сих пор вы думали, что видите и знаете себя.

Я говорю об объективном самонаблюдении. Объективно вы не способны себя видеть, даже на минуту, потому что речь идет об отличительной функции: функции хозяина.

Если вы думаете, что можете наблюдать за собой в течение пяти минут, то это неверно; что двадцать минут или минута, всё равно. Если вы просто констатируете, что не можете наблюдать за собой, тогда вы правы. Ваша цель — достигнуть этого.

Чтобы осуществить эту цель, вы должны сделать несколько попыток. Их результатом не будет самонаблюдение в полном смысле слова. Но сам факт попыток укрепит ваше внимание. Вы научитесь лучше концентрироваться. Позже всё это вам пригодится. В дальнейшем вы сможете истинно взывать к себе.

Сегодня вы располагаете только частичным вниманием, идущим, например, от тела или от чувств.

Если вы работаете сознательно, то вы вызовете самих себя, не сразу, но понемногу, потому что самовывоз является все более и более требовательным. Это не так легко.

Упражнение самонаблюдения будет достаточным на несколько лет. Не соблазняйте ничем другим. Если вы работаете сознательно, то вы увидите то, в чём нуждаетесь.

ЭНЕРГИЯ — СОН

Лё Приёрэ, 30 января 1923 г.

В недавней беседе я вам сказал, что в ходе каждого суточного периода наш организм производит определенное количество энергии, необходимой для нашего существования. Я повторяю: определенное количество. Однако это количество энергии превышает ту, которая требовала бы нормального расходования. Но наша жизнь настолько аномальна, что в ней мы расходуем наибольшую часть (энергии) и иногда даже целиком, и расходуем её напрасно.

Один из важнейших факторов потребления энергии зависит от всех бесполезных движений, которые мы совершаем в повседневной жизни. Позже, после некоторых опытов, вы увидите, что наибольшая часть этой энергии выделяется именно тогда, когда наши движения менее активны.

Например, сколько энергии потребляет человек, посвятив целый день физической работе? Много. Однако он её расходует еще больше, если сидит и ничего не делает. Наши большие мышцы потребляют меньше энергии, потому что они лучше приспособлены к инерции, тогда как маленькие мышцы расходуют её больше, так как они менее к нему приспособлены; они могут двигаться только за счет силы. Например, когда я сижу так, как теперь, вам кажется, что я не шевелюсь. Но это не значит, что я не расходую энергию. Каждое движение, каждое напряжение, большое или малое, невозможно. Для меня, пока я не расходую эту энергию. В этот момент моя рука сжимается, но я не шевелюсь. Тем не менее я расходую больше энергии, чем если я шевельну рукой (он делает жест).

Это очень интересная вещь, и вы должны попытаться понять то, что я говорю о инерции. Когда я делаю внезапное движение, выделяется энергия, но когда я повторяю это движение (он делает тот же жест), инерция не требует больше энергии.

После того, как дан первоначальный импульс, поток энергии останавливается и инерция берет эстафету.

Всякое напряжение требует энергии. При отсутствии напряжения расходуется энергии меньше. Если моя рука находится под напряжением, как сейчас, то это требует постоянного тока, это значит, что она соединена с аккумуляторами. Также если я перемещаю руку таким образом, в моменты остановок, я опять расходую энергию.

Если человек страдает хроническим напряжением, то даже сам ничего не делая, даже лёжа, он расходует больше энергии, чем человек, занимающийся целый день физической работой. В то же время человек, не имеющий таких маленьких хронических напряжений, наверное, не растрчивает энергию, когда он не работает или не двигается.

А теперь спросим: много ли среди нас таких, кто свободен от этой ужасной болезни? Мы не говорим о людях вообще, а о тех, кто здесь присутствует; другие нас не интересуют.

Мы почти все имеем эту великолепную привычку.

Не забудем, что эта энергия, о которой мы говорили так легко и которую мы произвольно расходует без всякой надобности,— та, в которой мы нуждаемся для работы, которую мы намерены начать. Без неё мы не сможем ничего совершить.

Мы не можем иметь больше энергии. Импульс энергии никогда не возрастает, машина остается такой, какой была сотворена. Если она создана для выработки десяти ампер, она будет продолжать вырабатывать десять ампер. Сила тока может быть увеличена при условии изменения всех проводов и всех бобин. Одна бобина, к примеру, представляет нос, другая — ногу, третья — цвет кожи или объем желудка... Машина не может быть изменена, структура останется такой, какой есть. Сумма производимой энергии постоянна; даже если машина проверена, эта сумма почти не возрастает.

То, что мы намерены предпринять, требует больших усилий. И усилие требует много энергии. Но вид усилий, которые мы до сих пор предпринимали, требует такого расходования энергии, что мы не в состоянии совершить то, что имели в виду.

Следовательно, с одной стороны, мы нуждаемся в большом количестве энергии, а с другой — наша машина сконструирована таким образом, что она не может производить её больше. Как выйти из этой ситуации? Единственный выход, единственный возможный метод— это экономить энергию, которой мы располагаем. Если мы хотим изменить энергию, когда нам это нужно, мы должны научиться экономить везде, где это возможно.

Сейчас для нас очевидно, что одна из основных утечек энергии связана с нашим состоянием произвольного напряжения. У нас существуют многие другие утечки энергии, но их труднее восстановить, чем первую. Мы начнем с этой, которую легче всего восстановить. Затем, в конце, мы научимся другим.

Сон человека — это не что иное, как разрыв связи между центрами. Центры человека никогда не спят. Потому что ассоциации устанавливают их жизнь, их движение, они никогда не прекращаются, никогда не останавливаются. Остановка ассоциаций означает смерть. Движение ассоциаций не прекращается ни на мгновение, ни в каком центре. Они действуют даже в самом глубоком сне. Если в бодром состоянии человек видит, слышит, мыслит, то в полусонном также он видит, слышит, мыслит и называет это состояние сном. Даже в состоянии, когда он верит, что абсолютно перестает видеть или слышать, он также называет это состояние сном, ассоциации продолжают

Единственное различие состоит в силе связи между одним и другим центрами.

Память, внимание, наблюдение — это не что иное, как исследование одного центра другим, или прослушивание одного центра другим. Таким образом, центры в качестве таковых не нуждаются ни в остановке, ни в сне. Сон не несёт им ни добра, ни зла. Сон, как его называют, не является объектом, приносящим отдых центрам. Как я уже сказал, глубокий сон наступает тогда, когда связи между центрами разорваны. В действительности, глубокий сон, полный отдых машины устанавливается однажды, когда все связи, все отношения перестают функционировать.

У нас множество центров и столько же связей; скажем пять. (На самом деле это не так: некоторые люди имеют две связи, у других их семь. Мы взяли пять за среднее). То, что характеризует состояние бодрствования, это когда наши связи остаются неповрежденными. Но если одна из них разрывается или перестает функционировать, мы не можем ни заснуть, ни проснуться.

Если связь прервана, мы больше не просыпаемся, мы больше не засыпаем. Если две связи разорвались, мы еще меньше просыпаемся— но мы никогда не засыпаем. Если разорвалась третья связь, мы не просыпаемся и совсем никогда не засыпаем. И так далее.

Следовательно, мы имеем не два состояния, сон и бодрствование, как мы думаем, а несколько состояний. Между самым активным и самым напряженным состоянием, которое кому-то, быть может, знакомо, и самым пассивным существуют определенные ступени. Если одна из связей собирается разорваться, то внешне это не ощутимо и остается незаметным для другого. Бывают люди, способность которых двигаться, ходить, жить пре-

кращается только тогда, когда все их связи разорваны. Для других достаточно повредить две связи, чтобы они впали в сон.

Если мы рассмотрим лестницу между сном и бодрствованием, составляющую семь связей, тогда существуют люди, которые продолжают жить, говорить, ходить на третьей ступени сна.

Глубокие состояния сна являются такими для всех, но промежуточные ступени часто бывают субъективны.

Существуют даже «феномены», у которых максимальная активность проявляется в тот момент, когда одна или несколько их связей разорваны. Если по своему образованию это состояние становится привычным для человека, если в нём его устраивает всё, то его активность устанавливается вслед за этим, и он может быть активным только при условии, что это состояние появится. Но лично для вас активное состояние относительно: в некотором состоянии вы можете быть активны. Существует объективное активное состояние, когда все связи не тронуты. Для всех состояний существует соответствующая субъективная активность.

Таким образом, существуют ступени сна и бодрствования. Активное состояние — это состояние, когда все мыслительные и чувственные способности работают на пределе своей возможности и своей напряженности. Если существует объективное состояние бодрствования, так сказать, аутентичное состояние бодрствования, то существует также и объективное состояние сна. «Объективное» — на самом деле значит активное и пассивное.

Во всяком случае, каждый должен понимать, что сон достигается только тогда, когда все сообщения между центрами разорваны. Только тогда машина может производить то, что положено производить сну.

Глубокий сон — это такое состояние, когда у нас нет ни снов, ни ощущений. Если нам что-то снится, значит какая-то связь не разорвана, так как память, наблюдение, ощущение — это не что иное, как исследование одного центра другим. Следовательно, когда вы видите то, что происходит с вами или когда вы вспоминаете себя, то значит, что один центр следит за другим. Если он может наблюдать, то значит существует какая-то вещь, через которую можно наблюдать. И раз существует то, через что можно наблюдать, значит связь не нарушена.

Стало быть, если машина в хорошем состоянии, то ей достаточно немного времени для производства количества материи, которая является разумным основанием сна; во всяком случае, намного меньше времени, чем мы привыкли спать. То, что мы называем сном, когда мы спим семь часов, десять часов или Бог знает сколько времени, это не сон. Большая часть этого времени проходит не во сне, а протекает в промежуточных состояниях, бесполезных состояниях дремоты.

Некоторым людям нужно несколько часов, чтобы заснуть, и несколько часов, чтобы отойти ото сна. Если бы мы могли сразу засыпать и быстро переходить от сна к бодрствованию, то мы предоставили бы этим промежуточным состояниям только треть или четверть того времени, которое по-настоящему теряем.

Но мы не знаем, как сознательно разорвать эти связи. Они разорваны в нас и восстановлены механическим образом.

Мы рабы этого механизма. Когда «это» ему нравится, мы можем переходить в другое состояние. Иначе, мы можем только лечь в постель и ждать, что «это» позволит нам отдыхать.

Эта механичность и эта нежелательная зависимость имеет различные причины. Одна из этих причин содержится в хроническом состоянии напряжения, о котором мы говорили в начале и которая является одним из многочисленных факторов потери нашего резерва энергии. Вы видите, следовательно, что освобождение от этого

17 хронического напряжения послужило бы двойной цели. Сначала мы сэкономили бы много энергии и затем избавились бы от бесполезно растянутого ожидания сна.

Видите, как это просто, как это легко достигнуть и как это необходимо. Освободить себя от этого постоянного напряжения — для нас имеет неоценимое значение.

Позже я дам вам некоторые упражнения для этого. Я рекомендую вам обратить на них очень серьезное внимание и приложить все свои силы для получения положенного от каждого упражнения.

Нужно во что бы то ни стало не напрягаться, когда в этом нет необходимости. Когда вы сидите и ничего не делаете, постарайтесь усыпить своё тело. Когда вы спите, то спите таким образом, чтобы вы спали целиком.

ЕСТЬ ЛИ СРЕДСТВО ПРОДЛИТЬ ЖИЗНЬ?

Нью-Йорк, 15 марта 1924 г.

ВОПРОС: Есть ли средство продлить жизнь?

ОТВЕТ: В некоторых различных учениях можно найти разнообразные теории продления жизни. Существуют многочисленные системы, имеющие отношение к этой теме. Даже встречаются оригиналы, которые верят еще и в существование эликсира жизни.

Я сейчас схематично объясню, как я понимаю этот вопрос.

Перед вами наручные часы. Вам известно, что существуют разнообразные модели часов. У моих есть пружина, рассчитанная на двадцать четыре часа. После двадцати четырех часов они останавливаются. Часы другого типа могут ходить неделю, месяц, возможно, даже год. Механизм всегда рассчитан на определенное время. Так он был сделан часовщиком, так он живет.

Возможно, вы заметили, что у часов имеется регулятор. Если его перемещать, часы могут идти медленнее или быстрее. Если вы его уберете, то пружина может ослабнуть очень быстро и, хотя она настроена на двадцатичетырехчасовую работу, она остановится за три-четыре минуты. Мои часы, напротив, могли бы также хорошо медленно идти в течение недели или месяца, хотя их механизм рассчитан на сутки.

Мы похожи на часы. Наша система функционирования установлена заранее. Каждый человек обладает несколькими видами пружин. Система различается сообразно наследству. Например, один механизм может быть рассчитан на семьдесят лет. Когда сила пружины подходит к концу, жизнь тоже подходит к концу. Механизм другого человека может быть рассчитан на сто лет: в том случае, если он был создан другим творцом. А у некоторых пружина может функционировать только одну неделю.

Таким образом, у каждого человека есть время жизни, свойственное только ему. Мы не можем изменить нашу систему. Каждый из нас остается таким, каким он был сотворен. Длительность жизни не может быть изменена: если пружина иссякла, то это конец.

Продолжительность жизни уже определена при рождении и если мы надумаем что-то в ней изменить, то это чистое воображение. Чтобы изменить что-то, нужно изменить всё: наследственность, своего отца, свою бабушку... Слишком поздно.

Хотя наш механизм не может быть искусственно изменен, однако возможно продлить жизнь.

Я сказал, что пружина вместо двадцати четырех часов могла бы работать неделю. Или наоборот: пружина, рассчитанная на пять-десять лет, может быть раскручена за пять-шесть лет.

У каждого человека есть главная пружина, таков его механизм. Ход этой пружины соответствует нашим впечатлениям и нашим ассоциациям.

С другой стороны, мы обладаем двумя или тремя спиралями — столько же мозгов. Мозги соответствуют этим пружинам. Например, наше мышление является одной из этих пружин. Наши мыслительные ассоциации имеют некоторую определенную длительность.

Мыслить, это как бы разматывать катушку ниток. Каждая катушка включает определенную длину нити. Когда я мыслю, нить разматывается. На моей катушке пятьдесят метров нити, на катушке другого — сто. Сегодня я израсходовал два метра, завтра я из-

расходую столько же и, когда пятьдесят метров подойдут к концу, моя жизнь также подойдет к концу. Длина нити не может быть изменена.

Но как пружина, рассчитанная на двадцать четыре часа, может быть раскручена за десять минут, так же моя жизнь может столь быстро исчерпаться. Единственная разница состоит в том, что обычно у часов одна пружина, тогда как у человека их несколько. Каждому Центру соответствует пружина разной длины. Когда одна из пружин останавливается, человек может продолжать жить. Например, его мыслительная система была рассчитана на семьдесят лет, а чувственная на сорок. Спустя сорок лет этот человек продолжает жить, но не чувствовать.

Между тем, ход пружины может быть ускорен или замедлен. Ничто не может быть изменено в этой области; единственно, что мы можем делать — это экономить.

Время пропорционально потоку ассоциаций; оно относительно. Чтобы понять это, вспомните о себе, например, такое: вы находитесь у себя, вы спокойны; вы думаете, что вы сидели пять минут, но часы доказывают вам, что прошел час времени. В другой раз вы ждете кого-то на улице; вы сердитесь, что никто не приходит. Вы думаете, что находитесь здесь целый час, хотя не прошло и пяти минут: это потому, что в течение этого времени у вас было много переживаний. Вы думали: «Почему она не приходит? Может быть, она попала под машину?» И так далее.

Чем больше вы сконцентрированы, тем время кажется вам короче. Оно может пройти незаметно, так как вы собраны, у вас мало переживаний, очень мало мыслей, очень мало ощущений.

Время субъективно; оно зависит от ассоциаций. Когда вы сидите без напряжения, время кажется вам долгим. Внешнее время не существует; оно существует для нас только внутренне.

В других центрах ассоциации разматываются точно так же, как и в мыслительном центре.

Секрет продления жизни состоит в том, чтобы медленно — и всегда умышленно — расходовать энергию.

Старайтесь мыслить осознанно. Это даст экономию в расходовании энергии. Не мечтайте.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Нью-Йорк, 1 марта 1924 г.

ВОПРОС: Существует метод воспитания детей, основанный на внушении во время сна. Что хорошего в этом методе?

ОТВЕТ: Этот вид внушения есть не что иное, как последовательное отравление. Оно разрушает последние признаки воли.

Воспитание — это очень сложная вещь. Оно должно охватывать всё. Было бы плохо, к примеру, давать детям только физические упражнения.

В общем, воспитание ограничивается мыслительным образованием. Ребенка заставляют, как попугая, учить наизусть стихи без всякого понимания, и родители довольны, когда он этого достигает. В школе он учит всё также механически и после сдачи экзаменов «на отметку» все равно ничего не понимает и ничего не доказывает. По мыслительной способности он взрослый человек сорока лет, но по сути в нём живёт десятилетний ребёнок. Думая, он ничего не боится, но в сущности он трус.

Его нравственность является чисто автоматической, чисто внешней. Как он заучивает стихи, так он усваивает мораль. Но сущность ребёнка, его внутренняя жизнь предоставлена самой себе, без всякого управления. Если быть искренними по отношению к себе, то мы должны признать, что у взрослых, как и у детей, нет морали: наша нравственность полностью теоретическая и автоматическая. Но если мы действительно искренни, то обнаружим, насколько же мы плохи.

Воспитание — это только маска, которая не имеет никакого отношения к нашей натуре. Люди верят, что один метод лучше другого, но на самом деле, все стоят друг друга. Мы все одни и те же, но мы быстро обнаруживаем соломинку в глазу соседа. Мы все слепы к своим изъянам. Если только человек заглянет в себя и сможет поставить себя на место другого, то обнаружит, что он сам никак не лучше. Если вы хотите быть лучше, попытайтесь помочь своему ближнему. Но сегодня люди только стремятся строить козни и ставить друг другу подножки. В действительности, человек не может помочь Другому, не может поддержать его, потому что он даже не может помочь себе.

Прежде всего, вы должны думать о самом себе, вы должны стараться изо всех сил выискивать себя. Вы должны быть эгоистом. Эгоизм — это первый этап на пути к альтруизму, христианству. Однако эгоизм должен иметь хорошее побуждение, что очень трудно. Мы учим наших детей быть обычными эгоистами, что является результатом нашего воспитания. Нам нужно всегда судить о них по себе. Мы отлично знаем, кто мы есть, и Можем быть уверены, что с помощью современного воспитания наши дети, в лучшем случае, будут как мы.

Если вы желаете добра своим детям, то должны сна-Чала желать собственного благополучия. Потому что, если изменитесь вы, то ваши дети тоже изменятся. Для будущего ваших детей вы должны на время их забыть и думать о себе.

Если мы удовлетворены собой, мы можем со спокойной совестью продолжать воспитывать наших детей, как мы делали это до сих пор. Но удовлетворены ли мы собой?

Мы всегда должны исходить из себя, должны брать себя в качестве примера, потому что мы не можем видеть другого через маску, которую он носит.

Только тогда, когда мы познаем самих себя, мы можем познать другого. Внутренне все люди одинаковы. У них такие же благие намерения стать лучше, но они не могут этого достичь. Это также для них нелегко. Они всё также несчастны и полны сожалений. Вы должны им простить, что они сегодня таковы, и думать о завтрашнем дне. Если вы жалуете себя, то вы должны пожалеть других, думая о будущем.

Воспитывать детей, испытывая сомнения,— это самый тяжкий грех. Если вы верите в то, что вы делаете, ваша ответственность не столь велика, чем если бы вы начали сомневаться в этом.

Закон требует, чтобы ваш ребенок ходил в школу. Пусть так! Но вы его отец, вы не должны довольствоваться школой. По опыту вы знаете, что школа даёт только знания, информацию, что она развивает только один центр. Вы должны, следовательно, приложить все усилия, чтобы вернуть всё это живое знание и заполнить пустоты. Это только компромисс, но иногда компромисс выглядит лучше, чем ничего.

Воспитание детей ставит большую проблему, о которой даже страшно подумать. Странная особенность современного образования состоит в том, что там, где дело касается секса, дети растут без направления.

Мы видим каков результат такого воспитания. По нашему собственному опыту мы все знаем, что это важная сторона жизни является почти полностью заброшенной. Редко найдется человек, который будет нормальным в этом плане.

Этот перекокс прогрессирует. Сексуальные проявления обнаруживаются у ребенка четырех, пяти лет, и если их не направлять, он может пойти по плохому пути. Это начало этого воспитания, и ваш собственный опыт поможет вам в этом. Очень редко бывает такое, что дети нормально воспитывались в этом отношении. Вы часто удручены своим ребёнком, но вы ничего не можете поделать. И когда он сам начинает понимать, что хорошо, а что плохо, зачастую бывает слишком поздно; зло свершилось.

Направлять детей в том, что касается секса—это очень деликатная вещь, потому что каждый частный случай требует различного подхода: глубокого знания психологии ребёнка. Чем меньше знаешь, тем больше подвергаешься риску. Объяснение или запрещение

ние чего-то ведет к тому, что эта мысль оседает у него в голове, возбуждает любопытство и подталкивает к запретному плоду.

Сексуальный центр играет очень большую роль в нашей жизни. Семьдесят пять процентов наших мыслей проистекают из этого центра и влияют на всё остальное.

Только народы Центральной Азии в этом отношении без аномалии. Там сексуальное образование входит в религиозные обряды и результаты великолепны.

ВОПРОС: До каких пор ребенком можно управлять?

ОТВЕТ: Вообще, воспитание ребёнка следует основывать на том принципе, что всё должно исходить из собственного желания. Ничего не должно быть дано ему в совершенно готовой форме. Ему можно только предложить идею, вместо того, чтоб направлять его, или даже издали косвенно им управлять, подводя его, начиная с другой вещи, к желаемой точке. Я никогда прямо не обучаю, иначе мои ученики ничему бы не научились. Если я хочу, чтобы один из моих учеников изменился, я начинаю издали или обращаюсь к другому, и таким способом он учится.

Это должно происходить таким же образом, потому что то, что прямо сказано ребёнку, он принимает механически и позже это у него проявляется также механически.

Механические проявления и то, которое приобретено индивидуальностью, различны; их свойства различны. Первые создаются, а вторые творят. Первые не являются творением, они только творение через человека, а не самого человека. Это толкуется, между прочим, искусством, у которого нет ничего подлинного. В творении искусства такого рода можно видеть, откуда происходит каждый отдельный поступок.

23 ФОРМИРУЮЩИЙ АППАРАТ

Лё Приёрэ, 29 января 1923 г.

Я понял в результате многих бесед, что создается ложная идея, которая, касается одного из центров. И эта ложная идея становится источником многих трудностей.

Речь идет о мыслительном центре и его связях с нашим формирующим аппаратом. Все импульсы, идущие от центров, передаются в формирующий аппарат, и все восприятия центров также выявляются через формирующий аппарат. И он не является каким-то центром, он является аппаратом. Он связан со всеми центрами. Центры, в свою очередь, связаны друг с другом, на путем особого соединения. Возможность коммуникации центров определяется некоторой степенью субъективности и уровнем силы ассоциации. Если мы возьмем серию вибраций, распределенных от десяти до десяти тысяч, то эта серия будет содержать многочисленные градации — сами включающие различные подразделы и определяющие силу ассоциаций, которой обладает каждый центр.

Только ассоциации, возникающие в одном центре, с определенной силой вызывают соответствующие ассоциации в другом центре; и только тогда дается импульс соответствующим связям в этом другом центре.

В формирующем аппарате связи с центрами являются более чувствительными, так как к нему идут все ассоциации.

Любой местный импульс, всякая ассоциация, возникающая в центрах, вызывает ассоциации в формирующем аппарате.

Что касается связи между центрами, то их чувствительность определяется некоторым уровнем субъективности. И только в случае, если импульс достаточно силен, соответствующее колесико может быть пущено в ход в другом центре. Это может произойти только под очень сильным импульсом особой скорости, темп которого вам уже задан.

Рычаги функционирования центров одни и те же. Каждый из рычагов содержит большое количество малых рычагов, предусмотренных для отдельных видов работы. Таким образом, все центры имеют одинаковую структуру, но содержание их различно. Четыре центра состоят из одушевленной материи, а материя формирующего аппарата неодушевлена. Формирующий аппарат представляет собой просто машину, подобную пишущей машинке, которая передает каждый удар юта-виши.

Проиллюстрируем это с помощью аналогии. Представьте себе формирующий аппарат в виде бюро, где сидит секретарь-машинистка. Каждый входящий документ поступает к ней, каждый посетитель обращается к ней. Она всем отвечает. Ответы, которые она дает, характеризуются фактом, что она сама является только служащей и ничем не ведает. Но она получила инструкции, у нее на полках книги, документы и словари. И если она обладает необходимыми элементами для того, чтобы найти соответствующие сведения, она отвечает согласно им; и если она их не имеет, то она не отвечает.

В то же время заводом руководят четыре компаньона, находящиеся в четырех различных офисах. Эти компаньоны соединяются с внешним миром через секретаршу. У них есть телефонная связь. Если один из них звонит другому, чтобы передать какую-то информацию, то секретарша должна соединить их. Но у каждого из этих четырех директоров есть различный код. Допустим, что один из них адресует другому послание, которое должно быть передано с точностью. Полагая, что это послание закодировано, она не может передать его таким, каким оно есть, так как код связан с произвольным соглашением. У нее в бюро находятся различные клише, бланки, карточки, которые накапливаются в течение ряда лет. В зависимости от личности, с которой она находится в контакте, секретарша консультируется со справочным пособием, раскодирует послание и передает его.

Если директора пожелают беседовать напрямую, то между ними нет средства коммуникации. Они связаны по телефону, но этот телефон функционирует только в хорошее время, в условиях тишины и спокойствия, что происходит редко. Так как этих условий зачастую нет, их связь осуществляется при помощи телефонного коммутатора, то есть через бюро секретарши. Но у каждого из них есть свой собственный код и опять же секретарша должна раскодировать и вновь закодировать их. Такое раскодирование зависит от служащей, у которой нет никакого интереса в этом деле, и она никоим образом не проявляет озабоченности. Как только заканчивается рабочий день, она уходит домой. Её раскодирование зависит от уровня образования, который она получила. А этот уровень у секретарш неодинаковый. Одна может быть глупышкой, а другая действительно деловой Женщиной. И в самом деле, существует устоявшаяся рутинная работа в бюро и секретарша привыкает к этому. Если ей нужен какой-то код, она выбирает клише и использует его, которое наиболее подходит и всегда под рукой.

Таково современное бюро, где работа секретарши в значительной степени облегчена. Она редко пользуется пишущей машинкой, так как в ее распоряжении имеются механические или полумеханические приспособления. Например, для каждого запроса сведений существуют готовые фишки, которые могут быть немедленно использованы.

В данном случае, разумеется, нужно учитывать характерный тип почти всех секретарш. В основном это девушки с романтическими склонностями, проводящие свое время за чтением романов или занятые личной корреспонденцией. Секретарша обычно кокетлива. Она часто смотрит в зеркало, пудрится, занимается своими делами, так как начальство часто отсутствует. Нередко случается, что она нечетко воспринимает то, что ей сказано, и по рассеянности нажимает не на ту кнопку, которая выдает одно клише вместо другого. Ну и что из этого? Ведь начальство отсутствует!

Директора, которые пользуются посредником для вступления в контакт друг с другом, делают то же самое, когда нужно войти в связь с посторонними людьми. Всё, что входит и выходит, должно быть раскодировано и вновь закодировано. Именно секретарша раскодирует все коммуникации между директорами и вновь их кодирует, чтобы направить их по адресату. То же самое происходит по поступающей корреспонденции: если она предназначена одному из директоров, секретарша должна ему ее передать в соответствии с установленным кодом. Но она часто допускает ошибки, она передает то, что было неправильно закодировано и тот, кто это принимает, ничего не понимает. Такова приблизительно картина вещей, существующая в нас.

Бюро — это наш формирующий аппарат, а секретарша —: это наше воспитание, со своими автоматическими концепциями, местными клише, теориями и мнениями, которые были у нас сформированы. Эта девушка не имеет ничего общего с центрами и также ничего с формирующим аппаратом. Но она там работает, и я вам объяснил, что она собой представляет. Воспитание не имеет ничего общего с центрами. Ребенка воспитывают следующим образом: «Если кто-то жмет тебе руку, ты должен вести себя таким же образом». Всё это происходит чисто механически. «Если делают то-то, нужно это делать так-то». И раз установившись, вещи не изменяются. Взрослые ничем не отличаются. Если кто-то наступает на мозоль, они реагируют всегда одинаково. Взрослые как дети, а дети как взрослые: все они реагируют. Машина функционирует и будет функционировать так же через тысячу лет.

Со временем на полках бюро накапливаются многочисленные карточки. Чем дольше живет человек, тем больше набирается карточек. Все одинаковые карточки размещаются в одном и том же книжном шкафу и когда наступает необходимость в получении сведений, секретарша ищет необходимую карточку. Для этого она должна вытащить их из шкафа, просмотреть их и разбирать до тех пор, пока не будет найдена соответствующая карточка. Все зависит от умения секретарши содержать картотеку в порядке. Одним секретаршам присуща методичность, у других она отсутствует, некоторые секретарши любят порядок, у других этого нет, одни будут складывать заявку на сведения в положенное место, другие же поступят иначе. Одни находят карточку мгновенно, другие же будут тратить на это много времени и могут тут же внести беспорядок. Наши мнимые мысли не являются ничем другим, как этими готовыми формулярами, извлеченными из шкафа, то, что мы называем мыслями, не является таковыми. У нас нет мыслей: мы имеем различные ярлыки — недомолвки, краткости, осведомленности — но ничего более, чем ярлыки. Эти ярлыки перемещаются с места на место. Заявки, идущие извне, — это то, что мы получаем в виде оттисков. Заявки идут не только извне, но и из различных внутренних источников. Всё должно быть перекодировано.

Этим хаосом является все то, что мы называем нашими мыслями и нашими ассоциациями. В то же время человек реально мыслит. Каждый центр мыслит. И когда эти мысли существуют и проникают в формирующий аппарат, и проникают только в форме импульсом и затем воссоздаются, но это воссоздание является механическим. И это происходит в лучшем случае, так как в общем в некоторых центрах нет никакого средства войти в связь с формирующим аппаратом. Из-за ошибочных связей информация не передается, или же она передается в искаженном виде. Но это не является доказательством отсутствия мысли. Во всех центрах продолжается - работа, существуют мысли и ассоциации, но эти ассоциации не достигают формирующего аппарата и, следовательно, ничем не проявляются. Мысли не могут также идти в обратном направлении, то есть не могут возвратиться от формирующего аппарата к центрам и, как следствие, не могут достигнуть центров, начиная извне. У каждого из нас есть центры: различие следует только из количества материала, которым они располагают. У одного человека его больше, у другого меньше; все им обладают, и только изменяется количество. Но у всех центры одинаковые.

Человек при рождении подобен шкафу или пустому складу. И только затем в них начинает скапливаться материал.

Машина у каждого функционирует одинаково: характерные черты центров идентичны, но отношение связи, которое существует между ними в соответствии с их природой и их жизненными условиями, более или менее чувствительны, элементарны или утонченны.

Наиболее примитивной и наиболее доступной является связь между моторным центром и формирующим аппаратом. Эта связь является наиболее грубой, наиболее осязаемой, наиболее непосредственной, наиболее массивной и наилучшей. Это как огромная труба. (Я говорю о связи, а не о центре). Это связь, которая быстро формируется и стремительно наполняется.

Второй связью является связь с сексуальным центром.

Третьей связью является связь с эмоциональным центром.

Четвертой связью является связь с мыслительным центром.

Количество материала и качество функционирования этих связей соответствует указанной градации. Первая связь существует и функционирует у всех людей: ассоциации воспринимаются и проявляются в моторном центре. Вторая связь с сексуальным центром существует у большинства людей, многие из них проживают жизнь только с этими двумя центрами. Все их восприятия и все их проявления берут там начало. Люди, у которых эмоциональный центр связан сформирующим аппаратом, находятся в меньшинстве. У них все эти проявления связаны с этим центром на всю жизнь. Но почти не существует людей, у которых функционирует связь с мыслительным центром.

Если мы попытаемся рассмотреть проявления человека в жизни, исходя из их качества и причины, мы обнаружим следующие пропорции: пятьдесят процентов жизненных проявлений и восприятий принадлежат моторному центру, сорок процентов — сексуальному и десять процентов — эмоциональному центру. В ущерб чего мы, кажется, уделяем большое значение проявлениям эмоционального центра и даем громкие имена их притоку и оттоку. Мы превозносим их до небес.

Мы рассмотрели лучший из случаев. Что касается нас, всё гораздо хуже. И если мы будем рассматривать себя с точки зрения их реальной значимости, то мыслительный центр имеет качество 1, эмоциональный — качество 2, сексуальный — качество 3 и моторный — качество 4. В лучшем случае мы обладаем минимум вторым качеством, в большей степени — третьим качеством и еще большей — четвертым качеством. Но в действительности более 3/4 наших жизненных проявлений и восприятий происходит безо всякой связи, полностью идущих через эту оплачиваемую секретаршу, которая оставляет после себя только машинку, когда уходит с работы.

Я начал с одной вещи и закончил разговор другой. Вернемся к тому, что я хотел назвать формирующим аппаратом.

Я не знаю, по какой причине те, кто присутствует на моих лекциях, называют этот аппарат центром. Для того, чтобы понять, что будет происходить в дальнейшем, необходимо хорошо уточнить, что это не центр. Хотя он располагается в мозге, он является простым органом.

Каждый центр имеет своё очертание, независимое, специфическое существование. В соответствии с качеством материи, каждый из них может быть назван индивидуальной целостностью, душой.

С точки зрения материальности и в соответствии с законом связывания, формирующий аппарат органичен. В центрах ассоциации влияния и даже существования являются психическими, в то время как все свойства, все качества и существование формирующего аппарата являются органическими.

Тем, кто слышал о различных плотностях интеллекта, я могу сказать, что сексуальный и моторный центры имеют каждый соответствующую плотность интеллекта, в то время как формирующий аппарат этим не обладает. Действие этих центров, а также их реакция являются психическими, тогда как в формирующем аппарате они являются материальными. Как следствие, наши мнимые мысли являются материальными, если причина и эффект этих мыслей располагаются в формирующем аппарате.

Каково бы ни было блестящее разнообразие нашей мысли, какой бы ярлык она не носила, какой бы вид она себе ни придавала, каким бы именем она не прикрывалась, ее значимость просто-напросто материальна. Что касается материального, к нему, например, отнесен хлеб, кофе, факт того, что кто-то наступил на мозоль, факт того, что кто-то посмотрел искоса или прямо перед собой, что кто-то почесал спину и тому подобное.

Если бы материального, например, боли в мозолях, не существовало, то не было бы и мысли.

ТЕЛО — СУЩНОСТЬ - ЛИЧНОСТЬ

Париж, август 1922 г.

С рождением человека, появляются три машины, которые продолжают развиваться до самой смерти. Эти машины не имеют между собой ничего общего: это наше тело, наша сущность и наша личность. Их формирование никак от нас не зависит. Их будущее развитие, развитие каждой из них зависит от данных, которые человек носит в себе, и от того, что его окружает: среда, обстоятельства, образ жизни и т. д. Для тела таковыми данными являются: наследственность, географические условия, питание и движение. Они не затрагивают личность. В течение жизни одного человека личность создается исключительно из того что он слышит, и того, что он читает.

Сущность чисто эмоциональна. Она — это прежде всего результат наследственных данных, которые предшествуют формированию личности и в дальнейшем являются результатом только последующего влияния ощущений и чувств, в среде которых живет и развивается человек.

Развитие трех машин начинается с первых дней жизни независимо друг от друга. Может случиться, например, что тело начинает свою жизнь в благоприятных условиях, на здоровой основе и в дальнейшем проявляет смелость; но сие не обязательно означает, что сущность человека должна быть подобной. В таких же условиях сущность может себя проявить слабой и трусливой. Человек может иметь смелое тело, контрастное с малодушной сущностью. Развитие сущности не обязательно следует развитию тела. Человек может быть очень сильным и здоровым, но, однако, трусливым как кролик.

Центр тяжести тела, его душа является моторным центром. Центром тяжести сущности является эмоциональный центр. А центром тяжести личности — интеллектуальный центр. Душа сущности есть эмоциональный центр. Также, как человек может обладать здоровым телом и трусливой душой, его личность может быть смелой и его сущность — боязливой. Возьмите, к примеру, здравомыслящего человека. Он образован, ему известно, что могут возникнуть галлюцинации и он также знает, что эти галлюцинации нереальны и не могут быть реальными. Как личность он не опасается этих галлюцинаций, но его сущность испытывает страх. Если его сущность сталкивается с подобным явлением, она может испытать ужас. Развитие одного центра не зависит от развития другого и один центр не может передать свой материал другому.

Невозможно категорически утверждать, что человек является тем или иным. Один из его центров может быть смелым, другой — робким; один добрым — другой злым; один — полным чувствительности, другой — грубым; один может быть щедрым, другой будет колебаться или покажет себя полностью скупым. Вот почему невозможно утверждать: добрый, смелый, сильный или извращенный.

Как мы об этом уже говорили, каждая из этих трех машин на свой манер представляет целую цепь, целую систему в своей связи, с одной стороны, с другой и с третьей.

Сама по себе каждая машина является сложной, тогда как ее пуск в действие является весьма простым. Чем больше детали машины усложнены, тем меньше рычагов управления. Однако количество рычагов варьирует в машинах — больше рычагов в одной машине, меньше рычагов в другой.

В течение жизни машина может формировать многочисленные рычаги для своего функционирования в то время как другая машина будет управляться меньшим количеством рычагов. Время, предусмотренное для формирования этих рычагов, ограничено. Это время само зависит от наследственности и географических условий. В среднем рычаги формируются в течение первых семи или восьми лет. В дальнейшем до четырнадцати или пятнадцати лет они еще могут подвергнуться модификации. Но после шестнадцати — семнадцати лет ни о каком формировании и изменении рычагов не может быть и речи. Это означает, что отныне только те рычаги будут действовать, которые были сформированы до указанного периода. Таков нормальный ход вещей в обычной жизни и человек будет напрасно страдать и вздыхать, но не в силах что-либо сделать. И это действительно и в том, что касается его способности учиться. Новые знания усваиваются до семнадцати лет; то что усваивается в последующем, можно назвать «усвоением» в кавычках — то есть просто-напросто усваивается давно известное. На первый взгляд это может показаться трудным для понимания.

Каждый человек со своими рычагами зависит от наследственности и места, социального окружения и обстоятельств, в которых он родился и вырос. Работа трех центров или «душ» схожа. Их структура различна, но проявления одни и те же.

Разберем пример с телом, как наиболее доступную нам машину.

Когда человек рождается, его мозг абсолютно чист. Он как грамофонная матрица; он обладает способностью все фиксировать. С самого начала и до трех месяцев он весьма чувствителен; после четырех месяцев он менее чувствителен; год спустя его чувствительность еще слабее. В начале может быть зафиксирован даже звук дыхания; неделю спустя с трудом удается услышать шепот. То же самое с человеческим мозгом. Вначале он очень рецептивен: каждое новое движение, плач, крик, смех, кашель — все это фиксируется. У каждого это происходит субъективным, особым образом. Со временем чувствительность мозга все больше и больше уменьшается и в дальнейшем полностью теряет эту способность. Таким образом, совершенно прекращается фиксация новых движений, новых «оттисков». То, что было зафиксировано, остается перечнем «оттисков» на всю жизнь. В конце концов один человек может располагать большим числом возможностей, другой будет обладать меньшим числом возможностей. Например, один человек может овладеть пятьюдесятью пятью возможностями за то время, когда он мог их зафиксировать. В то же время другой, живущий в тех же условиях, будет обладать двумястами пятьюдесятью возможностями. Эти возможности, т. е. рычаги, формируются в каждом центре по одним и тем же законам и остаются там на всю последующую жизнь. Их количество ограничено; таким образом, что бы этот человек не предпринял, он всегда будет прибегать к одним и тем же возможностям. Какова бы ни была роль, которую он хотел бы сыграть, он будет использовать сочетание тех возможностей, которыми он уже обладает, т. к. у него никогда не будет других. В обычной жизни новые возможности не возникают.

Каким образом оттиски, рычаги приводят в движение центр, т. е. как проявляется центр?

Например, человек устал. Следует первый удар: механически раскрывается какой-то оттиск. Все также механически этот оттиск затрагивает другой оттиск и приводит его в движение. Второй оттиск приводит в движение третий, третий приводит в движение четвертый и т. д. Центр начинает жить, действовать, т. е. проявлять себя. Это то, что мы называем ассоциациями тела. Другие машины также имеют оттиски, которые действуют тем же образом.

Различие между сном и бдением тела состоит в том, что во сне, когда удар идет извне, он ничего не возбуждает, он не производит ассоциаций в мозгу.

Кроме проявлений этих центральных машин (тело, личность, сущность), которые функционируют независимо, мы имеем «бездушные» проявления, происходящие за пределами центра. Для того, чтобы это понять, очень важно отметить, что мы разделяем воз-

возможности тела и чувства на две категории. Во-первых, прямые проявления каждого центра и, во-вторых, совершенно механические проявления, которые происходят за пределами центров. Например, движение поднятия руки идет от моторного центра. А у другого же человека инициатива может возникнуть за пределами центра. Допустим, что такие процессы, как радость, грусть, досада, ревность, происходят в этот момент в эмоциональном центре. Эти две возможности порождают новую механическую возможность. Затем это движение будет повторено совершенно механически без всякой необходимости. Таким образом, довольно легко приобретаются привычки, которые не имеют ничего общего с работой центров.

Когда я говорил о машинах, я назвал нормальной работой человека то проявление, которое, вовлекает все три центра, взятые вместе. В этом — проявление человека.

Но из-за ненормальной жизни у некоторых людей другие рычаги, сформированные за пределами центров, вызывают движения, независимые от души. Это может иметь место в плоти, мышцах, где угодно.

Движения, проявления и восприятия, идущие от различных центров, являются проявлениями центров, а не человека, не будем упускать из виду, что нормальный человек работает одновременно с этими тремя центрами. Способность испытать радость, грусть, холод, тепло, голод, усталость существует в каждом центре. Эти возможности, эти черты располагаются в каждом центре, могут быть слабыми, сильными или иметь различные качества. В дальнейшем мы рассмотрим, как эти возможности формируются в каждом отдельно взятом центре и как установить, какому центру они принадлежат. На данный момент нельзя упускать из виду одну вещь, которую вы должны себе четко представить: вам необходимо уметь отличать проявления человека от проявления центров.

Когда люди обсуждают кого-то, то они говорят: «он злой», «умный», «идиот». Все это об одном человеке. Но они не могут сказать: это Жан или это Симон. У нас привычка говорить «он». Но мы должны были бы говорить «он» в смысле «он» как тело, «он» как сущность, «он» как личность. Допустим, например, что мы представили бы сущность человека цифрой три, что показывает количество возможностей его сущности. Допустим, количество возможностей его тела будет равно четырем. Его головы — шести. Итак, когда мы говорим шесть, мы не имеем в виду всего человека, он должен был бы быть оценен цифрой тринадцать, т. к. тринадцать есть сумма его проявлений, его восприятий. Если бы речь шла только о голове, эта цифра равнялась бы 6. Важно отметить, что необходимо производить оценку не только на основе 6, но и на основе 13. Общей суммой является то, что его определяет. Человек, если взять вместе все элементы, мог бы набрать, скажем, сумму 30. Но эта общая сумма может быть достигнута только тогда, если каждый центр объединяет данное количество возможностей — например, $12+10+8$. Сумма этих чисел показывает проявления нормального человека, действительного главы семьи. Если мы говорим, что центр обязательно должен дать цифру 12, это означает, что он должен содержать количество соответствующих возможностей. При отсутствии одной из возможностей, эта цифра уменьшается до 11, что не позволяет нам получить цифру 30. Если принято считать человеком того, общая сумма которого достигает 30, то сумма в 29 говорит, что это уже не человек. Когда мы говорили о центрах и гармоничном развитии центров, мы хотели сказать, что для того, чтобы стать таким человеком, чтобы быть способным иметь такую общую сумму, которую мы только что рассмотрели, перед нами возникает условие.

Мы сказали в начале, что наши центры формируются независимо друг от друга и что между ними нет ничего общего. Но между ними должна произойти корреляция, т. к. сумма проявлений может быть достигнута на основе трех центров одновременно, а не одного. Если 30 является правильной суммой истинного проявления человека и если 30 возникает от трех центров в соответствии с определенной корреляцией, тогда необходимо, чтобы центры находились в подобной корреляции.

Это должно быть так, но в действительности это отсутствует. Каждый из центров изолирован. Между ними нет четкого отношения и они находятся в дисгармонии.

Например, кто-то располагает большим количеством возможностей в одном из своих центров; для другого же это будет проявляться в другом центре. Если мы будем рассматривать каждого в отдельности, то и общая длина будет различаться. Если принцип требует, чтобы было $12+10+8$ и чтобы вместо 12 был 0, результат будет равняться 18, а не 30.

Возьмем субстанцию, например, хлеб. Он требует определенной пропорции муки, воды, огня. Хлеб будет испечен в том случае, если его составляющие будут находиться в соответствующих пропорциях. Так же у человека, каждый источник должен внести соответствующий вклад как количественно, так и качественно. Если у Жерома много муки, т. е. много физических возможностей, но нет ни воды, ни огня, то это просто-напросто мука и это не хлеб и не индивид. У Одиль есть вода (чувства), она обладает немалыми эмоциональными возможностями. Но нельзя испечь хлеб только с водой — вновь все происходит впустую — ведь и море полно воды. У Леонида много огня, но нет ни муки, ни воды — и здесь ничего не получится. Если бы можно было их соединить вместе, результат равнялся бы 30 — это индивид. Так, в каком виде они существуют, они являются разрозненными кусками; но вместе втроем они дали бы цифру 30,

что равнялось бы их проявлению. Возьмем Одиль: может ли она сказать «я», она должна была бы сказать «мы», а не «я». Она обладает только водой, и тем не менее она говорит «я».

Каждая из этих трех машин призвана представлять человека и все три созданы, чтобы дополнить друг друга. Человек создан из троих людей. Каждый из них обладает отдельным характером, различной природой и страдает из-за отсутствия связи с другими. Наша задача состоит в том, чтобы организовать их таким образом, чтобы они взаимодействовали. Но прежде, чем приступить к этому и прежде чем определить проявление цифрой 30, попытаемся дать себе отчет в том, что в нас самих эти три машины фактически не взаимодействуют друг с другом. Они игнорируют друг друга. Они не только не прислушиваются друг к Другу, но если одна из них настоятельно просит другую делать что-то, и даже знает как это должно было бы произойти, другая машина или не знает как это делать, или же не хочет этого делать.

Так как наше время истекло, перенесем оставшиеся суждения на другой раз. С этого момента вы, возможно, научитесь действовать!

СУЩНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ Нью-Йорк, 29 марта 1924 г.

Для того, чтобы лучше понять, что означают внешнее рассмотрение и внутреннее рассмотрение, следует уяснить, что в каждом человеке существуют полностью разделенные части, в каком-то роде два различных человека. Таковы его сущность и его личность.

Сущность есть «я» — это наша наследственность, наш тип, наш характер, наша природа.

Личность — это есть случайная вещь — воспитание, образование, суждение — все, что идет извне. Личность есть одежда, которую вы носите, ваша маска, результат вашего воспитания или влияния вашего окружения, выводы, которые вы делаете на основе информации и знания, меняющиеся ежедневно, и которые взаимоисключают друг друга. Сегодня вы убеждены в одной вещи, вы в это верите, вы этого хотите. На следующий день, под другим, влиянием, ваша вера, ваши стремления меняются. Весь материал, составляющий вашу личность, может быть изменен полностью, искусственно или случайно, по причине окружающих обстоятельств, и это может произойти за очень короткое время.

Сущность же не меняется. Например, у меня смуглое лицо, я останусь таким, каким я родился. Это есть мой тип.

В данном случае, когда мы говорим о развитии и изменении, мы говорим о сущности. Наша личность остается рабыней; она может очень быстро меняться и даже в течение пол часа. Например, путем гипноза можно изменить ваши убеждения и это происходит только потому, что они чужды вам, потому, что они не ваши. В то же время то, что составляет сущность, принадлежит вам.

Мы всегда механически все рассматриваем через сущность. Каждое влияние механически вызывает значительное внимание.

Механически я вам нравлюсь; также механически вы получаете это впечатление от меня. Но это не вы. Это идет не от сознания, это происходит механически. Симпатия и антипатия, это вопрос взаимодействия типов. Внутренне я вам нравлюсь и хотя, в сущности, вы знаете, что я ничего не стою, что я не заслуживаю вашей симпатии, вы не можете сердиться на меня. Или еще: вы видите, что я не плох, но я вам не нравлюсь, и это останется навсегда.

Но у нас есть возможность не рассматривать изнутри. На данный момент вы не можете это сделать, потому что ваша сущность есть функция. Наша сущность состоит из многих центров, но у нашей личности есть один центр — формирующий аппарат.

Вообразите себе повозку, лошадь и извозчика. Наша сущность — это лошадь. Именно лошадь не должна была бы рассуждать. И если даже вы в этом отдаете себе отчет, лошадь это игнорирует, так как она не понимает вашего языка. Вы не можете дать ей распоряжение по этому поводу, научить ее не рассуждать, не реагировать, не отвечать.

С вашей логикой вы хотели бы не рассуждать, но прежде всего вам следует усвоить язык лошади, ее психологию чтобы разговаривать с ней. Затем вы можете приступить к тому, что вам подсказывает ваш разум и ваша логика.

Но если вы попытаетесь тут же все воспитать, вы ничему ее не обучите, ничего не измените, даже за сто лет. Это будет пустым пожеланием. На данный момент в вашем распоряжении два слова: «направо» и «налево». Когда вы натягиваете вожжи, лошадь подчиняется, и то не всегда: она делает это только тогда, когда она сыта. Но когда вы обратитесь к ней с речью, она будет просто отгонять мух своим хвостом и вам покажется, что она вас понимает. До того времени, когда наша природа не была испорчена, в экипаже и лошадь, и повозка, и извозчик, и хозяин составляли единое целое; у всех было единое понимание, все работали вместе; их труд, отдых, питание происходили одновременно.

Но язык был забыт, каждая из частей обособилась и существует отдельно, изолированная от целого. Однако в какие-то моменты необходимо, чтобы они работали совместно. Но это невозможно: одна из них желает одного, другая хочет другого.

Речь идет о восстановлении того, что было потеряно, а не о приобретении того, что могло бы оказаться новым.

В этом цель развития.

Для этого необходимо учиться различать сущность от личности и разделять их. Когда вам это удастся, вы будете знать, что изменять и каким образом. Между тем у вас остается одна возможность: учиться. Вы слабы, вы зависимы, вы — рабы. Трудно разрушать сразу привычки, накопленные годами. Позднее вы сможете заменять некоторые привычки другими, они также будут механическими. Человек всегда зависит от внешних влияний. Однако, некоторые влияния являются помехами, а другие — нет.

Чтобы к этому приступить, необходимо подготовить условия для работы. Существует много условий. Сегодня вы можете только наблюдать и собирать материал, необходимый для работы. И даже сейчас вы не различаете, откуда идут ваши проявления, от сущности или личности. Но если вы будете наблюдать внимательно, вы сможете вдруг это понять.

Пока вы собираете материал, вы его не видите. Это происходит потому, что обычно человек располагает только одним вниманием, направленным к тому, что он делает. Мысль не видит чувства, и наоборот.

Наблюдение требует многого. Прежде всего искренности по отношению к самому себе. А это очень нелегко сделать. Гораздо легче быть искренним со своим другом. Человек опасается проявить зло. Если случайно, проникая вглубь себя, он обнаруживает там зло, он констатирует свою никчемность. У нас есть привычка отгонять мысли, которые нас касаются, потому что мы боимся угрызений совести. Искренность подобна ключу, открывающему дверь, сквозь которую одна часть видит другую. Через искренность человек может увидеть и рассмотреть лицо вещи. Искренность по отношению к самому себе и есть довольно трудное явление, т. к. плотная короста покрыла сущность. Год за годом человек облачается в новые одежды, накладывает новую маску на свое лицо. Постоянно необходимо убирать все это — освобождать себя, оголяться. Пока человек не обнажается, он не может видеть.

В начале работы есть одно очень необходимое упражнение, т. к. оно помогает рассмотреть себя, собрать материал. Вот это упражнение: поставить себя на место другого. Это упражнение должно стать задачей.

Для того, чтобы объяснить то, что я хочу сказать, приведем пример. Мне известно, что вам нужны сто долларов на завтрашний день, но у вас их нет. Вы пытаетесь получить их, но тщетно. Вы расстроены. Ваши мысли, ваши чувства заняты этой проблемой. Вечером вы присутствуете на лекциях. Но вы поглощены мыслями о деньгах. Вы рассеяны, и вы нервничаете. Если сегодня я адресую вам неприятное слово, вы придете в негодование. В то время как завтра, если у вас будут деньги, вы над этим, возможно, посмеетесь. Если я вижу, что вы сегодня не в духе, а я знаю вас с другой стороны, я пытаюсь войти в ваше положение. Я спрашиваю себя, как бы я действовал на вашем месте, если бы кто-то доставил мне неприятное. Задавая себе этот вопрос, я тотчас же пойму, что, если, кто-то раздражен или уязвлен невежливостью, то на данный момент этому существует причина. Я вскоре пойму, что все одинаковы, что человек не бывает всегда хорошим или всегда плохим. Мы все одинаковы. Как меняюсь я, так и меняется другой. Если вы это осуществите, если вы об этом будете помнить, если вы будете думать об этой задаче и решать ее в нужный момент, вы увидите много вещей в самих себе и вокруг вас, вещей, которых вы никогда ранее не видели. Это первый этап.

Второй этап — это практическое использование концентрации.

При помощи этого упражнения вы достигнете других вещей. Самонаблюдение является очень трудным, но оно может дать значительный материал. Если вы вспомните, как вы себя проявляете, как вы реагируете, как вы чувствуете и какие желания у вас имеются, вы можете многое узнать. Нередко вы сможете различать моментально то, что идет от мысли, то, что связано с мыслями, то, что относится к телу. Каждая часть находится под различными влияниями; если мы освобождаемся от одного влияния, мы становимся рабами другого. Например, я могу стать свободным духовно, но я не способен изменить то, что происходит с моим телом, оно действует по-другому. Человек, сидящий около меня, воздействует на меня своим присутствием. Я знаю, что я должен был бы быть вежливым, но я испытываю к нему антипатию. Каждый центр имеет свою сферу эманации и зачастую нельзя избежать этого.

Я вам советую сочетать это упражнение с самонаблюдением.

Но мы всегда забываем. Мы вспоминаем только после встряски. В нужный момент ваше внимание отвлечено, например, тем фактом, что вы не любите этого человека и что вы не можете помешать себе почувствовать эту антипатию. Нельзя забывать этот факт, необходимо зафиксировать это в памяти. Вкус к эксперименту проходит быстро. Без внимания проявления угасают. Следует все фиксировать в памяти, иначе все забывается. То, что мы хотим, так это не забывать.

Есть вещи, которые нередко повторяются. Случайно вы можете увидеть какую-то вещь, если вы ее не вспомните, вы можете ее потерять навсегда. Если вы хотите «познать» Америку, вы должны зафиксировать это в вашей памяти. Сидя в своей комнате вы ничего

не увидите: нужно наблюдать в жизни. В своей комнате вы не разовьете в себе хозяина. Человек может быть силен в монастыре, но слабым в жизни. И нам нужна сила, чтобы жить. Например, в монастыре человек может обойтись без еды в течение недели, но в жизни он не может обойтись без еды даже в течение трех часов. Итак, чему послужат эти упреждения?

САМОРАЗДЕЛЕНИЕ С САМИМ СОБОЙ

Лё Приёрэ, 28 февраля 1923 г.

Пока человек не отделяет себя от самого себя, он ничего не достигнет и никто ему не поможет.

Руководить самим собой весьма сложно. Это долгосрочная задача. Это требует значительной энергии. Это требует больших затрат труда. Но это первая необходимость, саморазделение не требует больших усилий; требуется только серьезное желание, желание взрослого человека. Если человек этого не достигает, то обнаруживается, что у взрослого человека отсутствует это желание. И как следствие, для него ничего здесь нет. И все, что мы говорим сейчас, касается взрослых.

Наш интеллект, наше мышление не имеет ничего общего с нами, с нашей сущностью: нет ни взаимоотношений, ни зависимости. Наша мысль живет сама по себе и наша сущность живет также сама по себе. Когда мы говорим о «саморазделении», это свидетельствует, что мысль должна быть отделена от сущности. Наша слабая сущность подвержена изменениям в любой момент, т. к. она зависит от многих влияний: от питания, окружения, времени, погоды, других многочисленных факторов. Но мысль зависит от весьма малого количества влияний и настолько, что при незначительном усилии она сохраняется в заданном направлении; каким бы слабым ни был человек, он придает мысли желаемое направление. Но он никак не влияет на свою сущность. Нужна чрезмерная власть для того, чтобы направить свою сущность и сохранить это направление (тело или сущность, речь идет всегда об одном и том же дьяволе).

Сущность человека не зависит от него: она может быть в хорошем или плохом настроении, разраженной, веселой или грустной, возбужденной или спокойной. Все эти реакции возникают независимо от человека. Он может быть в дурном настроении потому, что съел то, что ему не следовало.

Если у человека нет определенных приобретений, то у него нельзя ничего и попросить. От него нельзя взять большего, чем он обладает. С простой практической точки зрения человек не может нести ответственность за подобное положение. Это не его ошибка, что он представлен таким, каким он есть. Я также должен с этим считаться, т. к. я знаю, что невозможно ждать от слабого человека того, что превышает его силы. То, что требуется от него, должно соотноситься с той силой, которой он обладает. Очевидно, многие из вас пришли сюда потому, что недостает сил. Они пришли, чтобы ее приобрести. Это говорит о том, что они стремятся стать сильнее. И нельзя думать, что они уже стали сильными.

Но я говорю в данный момент о другой нашей составляющей, о мысли. Что касается мысли, я знаю, что каждый из вас обладает достаточной силой, что у каждого из вас есть способность и власть действовать по-другому, нежели он может это сделать сейчас.

Мысль способна функционировать независимо, но она имеет склонность к идентификации с сущностью, она может стать функцией сущности. У многих из тех, кто здесь присутствует, мысль не стремится быть независимой, ведь она только функция.

Таким образом, в ущерб времени, которое они здесь -провели и вопреки даже тому желанию, которое у них было до прихода сюда, они оказались в более худшем положении, чем человек с улицы, т. е. в положении человека, у которого никогда не было стремления делать, что попало.

Повторю: всякий взрослый человек может добиться независимости мысли, все имеющие это реальное желание, могут этого достигнуть. Но никто не пытается это сделать.

В то же время, как я уже вам говорил, мы не способны контролировать наши различные внутренние состояния, и этого нельзя требовать от нас. Когда мы будем способны сделать это, появится новое требование.

Для того, чтобы вы четче уяснили то, о чем я хочу сказать, приведу один пример. В данный момент я спокоен, я не реагирую ни на что и ни на кого, я поставил перед собой задачу установить хорошие отношения с мсье Б, потому что я нуждаюсь в нем для осуществления моих дел, и я могу добиться того, что я хочу, только с его помощью. Но мсье Б. мне не нравится. Это очень неприятный человек. Он непонятлив. Ограничен. Противен. В нем нет ничего хорошего. Я настроен таким образом, что весь его облик действует на меня. Достаточно того, чтобы я на него посмотрел, как мое настроение портится. Я выхожу из себя, когда он начинает говорить глупости. Я — человеческое существо, я слаб, мне не удастся убедить самого себя, что не следует быть раздражительным, но я продолжаю раздражаться.

Однако я могу себя контролировать. Все зависит от моего серьезного отношения, с которым я желаю достигнуть цели и в чем мсье Б. может мне помочь. Если я буду придерживаться подобного мнения, я смогу осуществить задуманное. Каким бы раздраженным я ни был, я вспоминаю о своем стремлении. Напрасно я буду злиться, выходить из себя, где-то в моей голове я буду вспоминать задачу, которую поставил перед собой. Моя мысль будет не способна сдерживать что-либо происходящее во мне, она не способна заставить меня испытать другое чувство по отношению к мсье Б. Но она способна вспомнить. Я говорю самому себе: «Ты нуждаешься в нем. Не злись. Не будь грубым с ним». И если даже я обозвал бы его различными словами, пытался бы его побить, моя мысль продолжала бы призывать меня к порядку и повторять мне, что я не должен был бы реагировать подобным образом. Но мысль сама не способна осуществить, что попало.

Вот что может предпринять тот, у которого есть серьезное желание не уподобляться своей сущности, вот этого, что означает «отделить мысль от сущности».

Что же случается, когда мысль становится просто функцией? Если я раздосадован, если я теряю терпение, я буду мыслить или, вернее, «это будет мыслить» вопреки этой досаде. И все я буду видеть через призму этого чувства. К черту!

Я утверждаю, что у серьезного человека, обычного, простого человека, без особых полномочий, но у человека взрослого, что бы он не решил, какую бы цель перед собой не ставил, его задача остается постоянно в его мысли. И далее если практически он не может ее осуществить, то она постоянно держится у него в голове. И даже если на него влияют другие факторы, его мысль будет начеку. Перед ним стоит проблема и если он честен, он приложит усилия для ее решения, потому что он взрослый человек.

Никто не может помочь ему в этом «зове», в этом саморазделении с самим собой. Каждый человек должен осуществить это сам. И только когда человеку удастся это разделение, другой сможет помочь ему. И тогда только Институт может оказаться ему полезным, если в действительности он прибыл в Институт, чтобы найти там эту помощь.

Несомненно, вы вспоминаете, что было сказано в предыдущих лекциях по поводу того, что человек желает. Я могу утверждать, что многие из вас не знают, чего они желают и не знают, почему они находятся здесь. У них нет сильного желания. В любой момент каждый жаждет чего-то, но в нем «это» желает.

Я привел пример того, что хотел одолжить денег у М. Б. Я могу заполучить то, что желаю, только придавая первоочередность этому желанию, превращая для себя это желание в главную вещь. И если каждый из вас что-либо желает, и если Институт знает то, что он желает, то ему может быть оказана помощь. Но когда у человека миллион желаний, все одинаково важны, то никакое из них не будет реализовано, т. к. нужны годы для осуществления чего-то одного, а для миллиона...

И правда, что нелегко хотеть, но мысль должна всегда вызывать то, что она хочет.

Единственное различие, которое существует между ребенком и взрослым, заключается в мысли. Как у того, так и у другого имеются слабости, такие, как жадность, обидчивость, наивность. И взрослому и ребенку присущи такие чувства, как любовь, ненависть и прочее. У них одни и те же функции. Та же чувствительность. Тот и другой реагируют, тот и другой испытывают воображаемые страхи. Короче, различий нет. Единственное различие — это мысль. У нас больше материала, больше Логики, чем у ребенка.

Другой пример. М. А. обозвал меня дураком. Я потерял свое хладнокровие и бросился на него.

Ребенок поступает также. Но взрослый, испытывая то же негодование, может не пойти на рукопашную. Он возьмет себя в руки, т. к. если он ударит М. А., то вмешается полиция, а взрослые опасаются того, что могут подумать окружающие люди и сказать: «Этот человек не умеет себя контролировать». Я сдерживаю себя, опасаясь, что М. А. покинет меня на следующий день, тогда как я нуждаюсь в нем для выполнения моей работы. Короче, возникают различные мысли, которым удастся или не удастся остановить меня. И тем не менее мысли со мной.

У ребенка нет логики, нет материала, и по этой причине мысль его есть только функция. Мысль не обременит его голову. В нем будет «это мыслит». И в конкретном случае «это мыслит» будет пропитано ненавистью, другими словами, возникнет отождествление.

Между взрослым и ребенком не существует строго очерченных границ. Возраст еще не определяет зрелость. Человек может прожить сто лет и остаться ребенком. Он может казаться взрослым, а быть просто-напросто ребенком, если мы называем «ребенком» того, у кого нет независимой логики мышления. Человек может считаться взрослым только с того момента, когда его мышление приобретает это качество. С этой точки зрения можно сказать, что Институт предназначен для взрослых. Только взрослый может извлечь из этого пользу. Мальчик или девочка восьми лет могут быть как взрослые, а человек шестидесяти лет походит на ребенка. Институт не может превратить людей во взрослых: они должны быть взрослыми уже до прибытия сюда. Все те, кто входит в Институт, должны быть взрослыми, я хочу сказать взрослыми не в их сущности, а в их мышлении. Прежде чем продолжать, необходимо четко уяснить, что каждый из вас желает и что он может дать Институту.

Институт может дать совсем немного. Программа Института, его возможности выражены в нескольких словах: Институт может помочь стать христианином. Это просто! И это все! Институт может достичь этого при условии, если у человека есть желание. Но оно будет, если в нем есть место для постоянного желания.

Прежде чем быть способным, нужно желать. Существует три этапа: желать, быть способным, быть.

Институт — это средство. Вне Института можно желать, можно быть. В данном случае здесь можно стать способным.

Большинство из присутствующих здесь называют себя христианами. Практически все «христиане» в кавычках. Попытаемся рассмотреть этот вопрос как взрослые. Доктор Х., вы христианин? Что вы об этом думаете? Следует ли любить своего ближнего или ненавидеть его? Кто может любить, как христианин? Невозможно ли быть христианином?

Христианин требует многих вещей. Мы взяли в качестве примера одну вещь. Кто может любить или ненавидеть по команде? Однако христианское нравоучение ясно говорит, что нужно любить людей, но это невозможно. Однако совершенно очевидно, что любить необходимо. Прежде всего нужно быть способным и только тогда можно любить. К сожалению, со временем нынешние христиане усвоили от этого нравоучения только вторую часть — любить, но они потеряли из виду первую часть — религию, которая должна была бы предшествовать второй части. Но было бы совершенно абсурдным, чтобы господь требовал от человека того, что он не в состоянии дать.

Полмира исповедует христианство, другая половина исповедует другие религии. Для меня как здравомыслящего человека нет никакой разницы: все религии подобны христианству. Можно сказать, что мир христианский. Различаются только названия. Мир стал христианским не вчера, он существует тысячи лет. Христиане существовали до появления христианства. Итак, здравомыслие мне подсказывает: с тех пор, как люди стали христианами, как же они могут допустить, чтобы требовали невозможного?

Но реальность выглядит иначе. Не все было так, как мы это сейчас видим. Совсем недавно люди забыли первую часть этого нравоучения. Забыв это, они потеряли средство, которое помогало им быть способными. В действительности это стало невозможным.

Пусть каждый из вас откровенно себя спросит, может ли он любить всех людей. Если он выпил чашку кофе, он любит. Напротив, если он не выпьет, он не любит. Как можно называть это христианством?

В прошлом не все люди подразделялись четко на христиан. В одной и той же семье одних называли христианами, других — дохристианами, а третьих — «нехристианами». Итак, в одной и той же семье были люди, принадлежащие к первой, второй и третьей категории.

45 Но сегодня все называют себя христианами. Это наивно, нечестно, опрометчиво и даже достойно презрения называться христианами, если это неоправданно. Христианин — это человек, способный следовать заповедям. Человек, способный осуществить все, что требуется от христианина, одновременно мышлением и своей сущностью и называется христианином без кавычек. Человек, который в мыслях желает осуществить то, что требуется от христианина, но может осуществить это мышлением, а не сущностью, называется дохристианином. А человек, который ничего не может делать даже при помощи мышления, называется нехристианином.

Постарайтесь понять то, что я пытался донести до вас. Постарайтесь понять это шире и глубже.

ТРИ СИЛЫ

23 мая 1923 г.

У человека три вида сил, каждая со своей независимой природой, каждая со своими законами и своим собственным установлением. Но у них одно и то же начало.

Первую называют физической силой. Ее количество и ее качество зависят от структуры человеческой машины и природы ее тканей.

Вторую силу называют психической силой. Ее качество зависит от интеллектуального центра человека и материала, который она содержит. То, что обычно понимается под «волей», или другие подобные понятия,— это функция этой силы.

Третью называют моральной силой. Она зависит от воспитания и наследственности.

Относительно легко изменить две первые, так как они легко формируются. Напротив, моральную силу изменить очень трудно, так как нужно много времени для ее формирования.

Если у человека здравый смысл и нормальная логика, то он всегда в состоянии изменить свое мнение и свою «волю». Но чтобы изменить свою природу, свое моральное образование, для этого требуется продолжительное давление.

Эти все три силы материальны. Их количество и их качество зависит от количества и качества того, кто их производит. Человек обладает большой физической силой, если он очень мускулистый. Например, А. может поднять более тяжелый груз, чем Б. Та же вещь справедлива для психической силы: она зависит от материала и данных, которыми располагает человек.

Подобным образом человек может иметь большую моральную силу, если условия его существования позволяют ему подвергаться влиянию некоторых идей, чувств и религии. Также, чтобы быть в состоянии что-то изменить, нужно долго жить.

Физическая сила, моральная сила и психическая сила относительны. Часто говорят, например, что человек может изменяться. Но то, что он есть, то, каким создала его природа, таким он останется. Если он захочет увеличить свою силу, все, что он может сделать, это накопить ее.

Источник энергии не может быть изменен; он останется таким же, можно лишь увеличить продуктивность. Каждая из этих трех сил может возрасти за счет экономии и разумной траты. Если мы научимся этому, это будет выполнимо.

Экономя свою энергию и научившись ее расходовать, человек может стать в сто раз сильнее, чем атлет. Если бы Ж. знала, как тратить и как расходовать, она бы могла, к настоящему времени, быть в сто раз сильнее, чем К., физически такой же. Это касается всего. Экономия может быть применена также в психической и в моральной областях.

Исследуем физическую силу. Вы, возможно, используете сейчас другие слова, чем прежде, и вы говорите о различных вещах, но никто среди вас не знает, как работать. Вы могли бы работать, прилагая в пять раз больше усилий и израсходовать в десять раз меньше энергии. Например, Б. использует молоток, он работает с ним всем своим телом. Если он мобилизует десять фунтов силы, только один перенесется на молоток и девять других будут израсходованы без всякой необходимости. Но для лучшего результата молотку требовалось бы два фунта, и Б. дает ему только половину. Вместо пяти минут он потратит десять. Следовательно, он не работает так, как он должен был бы работать.

Вы расходуете много силы без надобности, не только когда вы работаете, но даже тогда, когда вы ничего не делаете.

Садитесь так, как я, сожмите пальцы настолько сильно, как вы можете, и постарайтесь сокращать только мышцы своих пальцев. Вы видите, каждый это делает по-разному. Один напрягает ноги, другой — спину.

Если вы будете внимательны, вы не сделаете этого

привычным образом. Научитесь напрягать вашу правую руку или левую руку, когда вы сидите, когда вы стоите, когда вы лежите (обращаясь к М.). Встаньте, напрягите вашу руку и оставьте остальную часть тела расслабленной. Это нужно сделать, чтобы хорошо это понять. Когда вы напрягаете руку, постарайтесь различить напряжение и расслабление.

Сейчас я иду без напряжения, стараясь только сохранить равновесие. Если я остановлюсь, я сразу зашатаюсь. Но я хочу идти, не расходуя никакой силы. Я даю только начальный толчок, остальное совершается по инерции. Таким образом, я пересекаю зал, не растратив энергии. Чтобы прийти сюда, вы должны предоставить движению его естественный ход. Оно не зависит больше от вас. Я уже сказал одному из вас, что если он искал управления своей скоростью, это показывает, что он напрягал свои мышцы.

Постарайтесь все расслабить, кроме своих ног, и идти. Особое внимание уделите сохранению своего тела в пассивном состоянии, но голова и лицо должны остаться бодрыми. Язык и глаза должны говорить.

Целый день, каждый миг что-то нам досаждают, мы любим это, мы ненавидим то, и т. д. Сейчас мы осознанно расслабляем какие-то части нашего тела и напрягаем другие. Делая это, мы доставляем себе удовольствие. Каждый из нас более или менее способен это делать и каждый хорошо чувствует, что чем больше над этим работаешь, тем лучше это можно делать. Все, что вам нужно, это практика: у вас есть только желание это сделать и вы его осуществите. Желание рождает возможность. Я говорю о физических вещах. Назавтра каждый сделает тоже следующее упражнение: каждый раз, когда вы почувствуете себя оскорбленным, позаботьтесь о том, чтобы это не распространялось по всему вашему телу. Контролируйте свою реакцию: не давайте ей ходу.

Например, такая проблема: кто-то меня обидел. Я не хочу его прощать, но я предпринимаю все, чтобы обида не захватила меня всего. Мне не нравится лицо П. Пока я его вижу, у меня чувство антипатии. Следовательно, я пытаюсь не быть под властью этого чувства. Главное, это не люди; главное — это проблема.

А теперь другая вещь. Если бы все были любезны и приятны, то у меня не было бы возможности поупражняться. Я должен, следовательно, быть доволен тем, что есть люди, благодаря которым я упражняюсь.

То, что нас касается, происходит таким образом, что мы не присутствуем при этом. Это функционирует в нас. Мы рабы этого. П. может быть мне антипатична, но она может быть симпатична для кого-то другого. Моя реакция во мне. Вещь, которая выражает антипатию, — во мне. Ее не в чем упрекнуть отношением ко мне, что она антипатична. То, что нас касается, в течение дня или в ходе всей нашей жизни, создается по отношению к нам самим. Иногда то, что нас касается, может быть добрым. Это отношение механическое, также как механическое напряжение наших мышц.

Сегодня мы учимся работать. В то же время мы хотим научиться быть затронутыми тем, что должно нас затронуть. В общем, мы затронуты тем, что нас не должно касаться, вещи, которые поражают нас целый день, не должны были добраться до нас, потому что они не имеют никакого реального существования. Это упражнение моральной силы. Что касается психической силы, дело состоит в том, чтобы не допустить «его» к размышлению, а настойчиво заставить его остановиться, чтобы то, что он думает, было хорошим.. Как только мы вспомним, как только мы придем в себя, мы должны тотчас же попытаться помешать ему мыслить.

Во всяком случае, что хорошо или плохо — подобная мысль не откроет Америки. Как вам трудно в этот момент не напрягать свою ногу, так же трудно не стараться думать «о ней». Но это возможно.

Возвратимся к упражнениям: те, кто выполнит их, могут вернуться ко мне за другими, но сейчас их у вас достаточно.

Вы должны работать с настолько малыми частями своего тела, насколько это возможно. Ваш принцип должен заключаться в том, чтобы сконцентрировать всю возможную силу именно на тех частях тела, которые выполняют работу, не пытаясь напрягать другие части.

УПРАЖНЕНИЕ «СТОП» Париж, 6 августа 1922 г.

Упражнение «стоп» обязательно для всех учеников Института. В этом упражнении по команде «стоп» или по заранее установленному сигналу каждый ученик обязан немедленно остановить всякое движение, где бы он ни находился и что бы он ни делал. Происходит ли это в самый разгар ритмических движений, или в обычной жизни Института, за работой или за обеденным столом, он обязан не только прекратить свои движения, а сохранить выражение лица, улыбку, взгляд, напряжение всех мышц тела именно в том состоянии, в котором была дана команда «стоп». Он должен сохранять взгляд на той точке, на которую он был направлен в момент подачи команды. Пока он находится в состоянии прерванного движения, ученик должен приостановить ход своих мыслей и не допускать какой-либо мысли, что бы она из себя не представляла. Ему необходимо сконцентрировать все свое внимание на наблюдении за напряжением мышц в различных частях своего тела, направляя это внимание с одной части тела на другую, помня о том, чтобы мышечное напряжение оставалось без изменения, не увеличиваясь и не уменьшаясь.

Таким образом, человек, прекративший движение и находящийся в неподвижности, не находится в «позе». Речь просто идет о прерывании движения в момент перехода от одной позы к другой.

Вообще-то мы переходим от одной позы к другой так быстро, что мы не замечаем позы, которую мы принимаем в период перехода. Упражнение «стоп» дает нам возможность видеть и чувствовать наше собственное тело в положениях и позициях, которые ему полностью не привычны и не присущи.

Всякая раса, всякая нация, всякая эпоха, всякая страна, всякий класс и всякая профессия располагают определенным количеством поз, которые им присущи, из которых они никогда не выходят и которые представляют особый стиль эпохи, расы или данной профессии.

Каждый человек в соответствии со своим индивидуальным характером заимствует из этого стиля определенное количество соответствующих ему поз и, как следствие, каждый индивид имеет весьма ограниченное их число. Это можно, например, видеть в художественном произведении невысокого качества, когда художник, привыкший механически выражать стиль эпохи и движение расы или класса, пытается изобразить другую расу или другой класс.

Подобные примеры часто встречаются в иллюстрированных изданиях, где мы нередко видим людей восточной национальности, изображенных с движениями и позициями английских солдат или изображения крестьян с жестами и позами оперных певцов.

Стиль движения и поз каждой эпохи, каждой расы и каждого класса неразрывно связан с некоторыми формами мышления и чувств. Они настолько связаны, что человек не может изменить ни форму своих мыслей, ни форму своих чувств, не изменив свои позы.

Формы мыслей и чувств могут быть названы «позами» мышления и чувства. Каждый человек обладает определенным количеством интеллектуальных и эмоциональных поз, так же как и определенным количеством моторных поз. Его физические, интеллектуальные, эмоциональные позы взаимозависимы. Таким образом, что человек не может никогда выйти за пределы своего собственного перечня интеллектуальных и эмоциональных поз, по крайней мере, если его физические позы остаются без изменений.

Психологический анализ и изучение психомоторных функций, используемых определенным образом, показывают, что каждое из наших движений, произвольное или непроизвольное, является бессознательным переходом от одного автоматически фиксированного положения к другому.

Представить, что наши движения были произвольными, это иллюзия, в действительности, они автоматические. Наши мысли, наши чувства также автоматические. Их автоматизм тесно связан с автоматизмом наших движений. Изменение одного влечет изменение другого. Если, например, внимание человека направлено на изменение автоматизма

мышления, его обычные движения и положения создадут помеху новому способу мышления, вызвав прежние привычные ассоциации.

Мы не определим, насколько моторные, интеллектуальные, эмоциональные функции взаимозависимы, даже если мы обнаружим, насколько наше настроение и наше эмоциональное состояние зависит от наших движений и наших положений. Если человек принимает позу, которая у него соответствует чувству огорчения или неприязни, тогда он очень быстро реально почувствует огорчение или неприязнь. Страх, безразличие, и т. д. могут быть вызваны искусственными изменениями поз. - Так как все функции человека, интеллектуальные, эмоциональные и моторные, располагают собственным количеством поз и постоянно воздействуют одна на другую, то из этого следует, что человек никогда не может выйти из своего собственного перечня поз.

Методы работы Института по гармоничному развитию Человека дают возможность выхода из этого круга укоренившихся автоматизмов, и одним из этих средств, специально предлагаемых в начале работы над собой, является упражнение «стоп». Немеханическое исследование самого себя возможно только при правильном применении упражнения «стоп».

Начатое движение прерывается приказом или условным сигналом. Тело становится неподвижным и фиксируется в момент перехода от одной позы к другой в положении, где оно никогда не прерывается в обычной жизни. Созерцая себя в таком положении, т. е. состоянии этой необычной позы, человек рассматривает себя с новой точки зрения, видит и наблюдает так, как никогда он этого не делал. В этой необычной для него позе он будет мыслить, чувствовать и познавать себя по-новому. Круг прежних автоматизмов разорван. Тело тщетно борется с тем, чтобы вернуться к удобной ему обычной позе. Воля человека, мобилизованная командой «стоп!», противится этому. «Стоп» — это упражнение, которое одновременно затрагивает волю, внимание, мышление, чувство и движение.

Но нужно понять, что для активизации воли с достаточным усилием для того, чтобы человек находился бы в непривычной позе, необходима подача команды «стоп!» извне.

Человек не может дать самому себе команду «стоп», т. к. его воля не подчинилась бы этому приказу. Это происходит потому, что сочетание привычных, моторных, эмоциональных, интеллектуальных положений сильнее, чем воля.

Команда «стоп!», идущая извне, занимает даже место эмоциональных и интеллектуальных поз, а в это время моторные позы подчиняются воле.

МОЖНО ЛИ КОНТРОЛИРОВАТЬ ДЫХАНИЕ? Чикаго, 26 марта 1924 г.

ВОПРОС: Полезно ли выполнять дыхательные упражнения?

ОТВЕТ: В Европе люди из-за этой проблемы потеряли голову. В течение 4—5 лет я зарабатывал на жизнь тем, что лечил несчастных, которые нанесли ущерб своему здоровью, используя различные методики. По этому вопросу написано немало книг. Каждый пытается внушить другому: «Чем глубже вы дышите, говорят они, тем больше приток кислорода» и т. д. Финальным результатом явилось то, что они стали нуждаться в лечении. Я признателен авторам этих трудов, основателям школ и т. д.

Как вам известно, это вторая разновидность пищи. Во всем необходимы правильные пропорции. Например, в явлениях, которые изучают химия, физика и т. д. Кристаллизация может иметь место при соответствующей пропорции и только в таком случае можно достичь чего-то нового.

Каждая материя обладает определенной плотностью вибрации. Взаимодействие между материями имеет место, если есть точное соотношение между вибрациями этих различных материй. Я уже говорил о тройственном законе. Если, например, положительная материя имеет вибрацию, допустим, 300, а негативная материя — 100, то сочетание возможно. Но

если вибрации не соответствуют точно этим количествам, не получится никакого сочетания, и в этом случае мы получим механическое смешение, которое может разделиться на составляющие части. Это еще не есть новая материя.

И в количественном отношении сочетающиеся субстанции должны иметь определенные пропорции. Известно, чтобы замесить тесто, требуется соответствующее количество воды в зависимости от используемого количества муки. Тесто не получится, если будет недостаточно воды.

Ваше обычное дыхание механическое. Вы вдыхаете механически необходимое количество воздуха. Если это количество превышает положенное, воздух не может вступать в сочетание, как следовало бы; необходима правильная пропорция.

Воздух содержит не только кислород. В нем наличествуют другие элементы. Все проникает в легкие. Обычно, когда вы дышите, ваши легкие берут то, что необходимо, это их функция. В каждом механизме, в каждом органе имеются предусмотренные места для прохождения определенной субстанции, в данном случае это воздух. Когда у вас искусственное дыхание, вы подвергаетесь риску вдохнуть другие субстанции, чем те, которые полагались бы, т. к. пропорция не соблюдена, и в тело проникают ненужные субстанции.

Искусственно контролируемое дыхание, которое широко применяется, ведет к дисгармонии. Из этого следует: чтобы избежать ущерба, который может вызвать это искусственное дыхание, необходимо соответствующим образом изменить другие элементы. Без глубоких знаний это невозможно. К примеру, желудок нуждается в соответствующем количестве пищи, не только из-за поступления питательных веществ, но потому, что создана привычка. Мы употребляем пищи больше, чем это необходимо, потому что нам это нравится и просто доставляет нам удовольствие, и еще потому, что желудок привык к нагрузкам.

Пищеварительный тракт имеет нервные окончания, когда давление отсутствует, нервные окончания стимулируют мышцы желудка, что приводит к ощущению голода.

Существуют 2 вида голода: телесный и нервный.

Многие наши органы функционируют механически, что мы не осознаем. У каждого органа есть свой собственный ритм и ритмы различных органов находятся в определенном взаимодействии.

К примеру, изменяя наше дыхание, мы вносим изменения в ритм легких, но т. к. все взаимосвязано, изменению начинают подвергаться и другие ритмы. Если мы продолжаем дышать таким образом, в течение долгого времени меняется ритм всех органов. Например, меняется ритм желудка. А у желудка свои собственные привычки, ему необходимо определенное время для переваривания пищи; допустим, что пища должна перевариваться в течение часа. Если ритм функционирования желудка ускоряется, то пища быстрее проходит через него, и желудок не успевает брать из пищи все, что необходимо. Впрочем, может произойти то же самое при замедлении функции желудка.

Предпочтительнее тысячу раз не прикасаться к нашему механизму и оставить его действовать даже в плохом состоянии, чем пытаться внести глубокие изменения без солидных знаний. Человеческий организм представляет собой очень сложное строение, в котором много численные органы имеют свои ритмы и различные потребности, и к тому же многие органы взаимосвязаны друг с другом.

Необходимо или изменить все, или не трогать ничего. Иначе существует опасность нанести больше ущерба, чем положительного влияния. Дыхательные упражнения в том виде, в котором они сегодня практикуются, являются причиной многочисленных болезней.

Только в исключительных случаях, когда человек чудом приостанавливает пользоваться неправильной системой, ему удается избежать зла.

Если человек пользуется этими упражнениями в течение долгого времени, то результаты оказываются весьма печальными.

Для того, чтобы совершенствоваться, необходимо знать каждый винтик, каждую гайку своего собственного механизма, что поможет вам правильно действовать. Но если вы плохо в нем разбираетесь и пытаетесь действовать, вы можете нанести себе вред. Риск тем более велик, т. к. наш механизм чрезвычайно сложен. В нем хрупкие, легко ломающиеся детали, которые при малейшем усилии могут разрушиться. И вы не найдете эти винтики в торговой лавке.

Будьте осторожны. Вы избежите риска, если будете хорошо информированы.

Если кто-то из вас проводит эти эксперименты с дыхательными упражнениями, рекомендую прекратить это, пока не поздно.

ПОЗИЦИИ И ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ Берлин, 24 ноября 1921 г.

Вы задаетесь вопросом, что является причиной движения. Каждой позиции тела соответствует определенное внутреннее состояние и, наоборот, каждому внутреннему состоянию соответствует определенная позиция. У каждого человека имеется определенное количество привычных позиций, он переходит от одной позиции к другой, никогда не останавливаясь на промежуточных позициях.

Факт того, что вы принимаете новые, непривычные позы, позволяет вам наблюдать за вами изнутри другим образом, чем вы это делаете. Это особенно ясно, когда вы должны застыть на месте при команде «стоп». Напряженные мышцы должны оставаться в напряженном состоянии, то же самое происходит и с расслабленными мышцами. К тому же при подобной команде вы не только выполняете ее внешне, но она должна влиять на ваше внутреннее движение. Вы прилагаете усилия для сохранения своих мыслей и эмоций такими, какими они были, одновременно наблюдая за самим собой.

Предположим, вы хотели бы стать актрисой. Ваши обычные позы соответствуют определенной роли. Например, роли служанки, а вам необходимо сыграть роль графини. А у графини свои отличительные позы. В Добротной школе драматического искусства вас научат, например, двумстам позам. Характерными позами для графини, например, являются позы номер 14, номер 68, номер 101 и номер 142. Когда вам это известно, вам достаточно на сцене перейти от одной позы к другой, поэтому, какой бы вы ни были плохой актрисой, в течение всего спектакля вы будете графиней. Но если вы не знаете этих поз, то даже самый неискушенный зритель обнаружит в вас не графиню, а служанку.

Вам следует наблюдать за собой иначе, чем вы это делаете в обычной жизни. Вам необходима другая позиция, отличающаяся от той, которая вам была до сих пор присуща. Вы знаете, к чему ведут ваши обычные позиции. Не имеет никакого смысла ни для вас, ни для меня продолжать работу в той же манере, т. к. у меня нет никакого желания работать с вами, если вы остаетесь такими, какими вы есть. Вы стремитесь к знаниям, но то, что у вас до сих пор было, не является таковыми. Это только механический набор информации. Эти знания не в вас, а вне вас. Они не имеют никакой ценности. Какой интерес представляет для вас то, что вы знаете, если оно было привнесено однажды кем-то другим? И так как вы этого не создавали, это, как следствие, обесценивает эти знания. К примеру, вы говорите, что вы умеете набирать страницу типографским шрифтом для газет, что для вас имеет значение. Но то же самое может сделать машина. Комбинировать, это еще не создавать.

Каждый обладает ограниченным перечнем обычных поз и внутренних состояний. Она художница и вы можете сказать, что у нее свой стиль, это ограничение. Какими бы ни были сюжеты ее картин, это будет одно и то же. Откуда бы они ни были взяты, из европейской или азиатской жизни, я тотчас же узнаю, что эти картин принадлежат ей и никому другому. Если актер, который будет одним и тем же во всех ролях, только самим собой, каким актером считать его? Только случай смог бы предоставить ему роль которая полностью соответствовала тому, кем он является в жизни.

На данный момент, всякое знание механическое, как и все остальное. Например, я посмотрел на женщину, тотчас же она становится благожелательной. Если же я посмотрю на нее гневно, она разозлится, и не только на меня, но и на своего соседа, а ее сосед разозлится на другого и т. д. Она негодует, потому что я посмотрел на нее недобрым взглядом. Это у нее происходит механически. Но она не может разозлиться по своей собственной и свободной воле. Она рабыня позиции других. Это не было бы настолько серьезным, если бы эти другие все были живыми существами, но она также рабыня вещей. Любая вещь сильнее ее. Это вечное рабство. Не вам принадлежат ваши функции. Вы сами являетесь функцией того, что происходит в вас.

Перед лицом новых вещей нужны новые позиции. Посмотрите: в данный момент каждый слушает по своему усмотрению. Оно соответствует его внутренней позиции. К примеру, Староста слушает, размышляя, а вы — чувствуя; и если вас попросят повторить только что сказанное, каждый ответит на свой манер, в зависимости от внутреннего состояния на данный момент. Спустя час кто-то может сказать неприятную вещь. Старосте, тогда как вам дадут для решения математическую задачу; то, что повторит Староста о том, что он слышал, будет высказано в связи с его чувствами, в то время как вы облечете свое высказывание в логическую форму.

Все это происходит потому, что действует один центр, например, мысль или чувство. Вы должны научиться слушать по-другому. То, что вы познали до сих пор, есть знание одного центра, знание без понимания. Много ли существует вещей, которые вы знаете и в то же время понимаете? Например, вы знаете, что такое электричество, но понимаете ли вы это так же четко, что дважды два четыре. Вы понимаете это так прекрасно, что никто не может вам доказать обратное. Но что касается электричества, то это совсем другое дело.

Сегодня вам объясняют одним образом, вы в это верите, завтра вам дадут другое объяснение, вы в это тоже поверите. Но понимание — это восприятие не одним центром, а, по крайней мере, двумя. Существует более объемное понимание. Но на данный момент достаточно, чтобы вы достигли осуществления контроля одного центра над другим. Когда один центр воспринимает, а другой, являясь свидетелем этого восприятия, соглашается с ним или, напротив, отбрасывает его, тогда и происходит понимание. Если дискуссия центров не приводит ни к какому окончательному результату, то это будет полупониманием. Полупонимание также не удовлетворяет. Нужно, чтобы все, что вы здесь слышали и то, о чем вы говорите между собой в другом месте, было сказано или выслушано не одним центром, а двумя. В противном случае это не даст никакого положительного результата ни для вас, ни для меня. Для вас это будет как вчерашний день: простое накопление новых информации.

СЕМЬ КАТЕГОРИЙ УПРАЖНЕНИЙ

Лё Приёрэ, ноябрь 1922 г.

Все данные в Институте упражнения могут быть разделены на семь категорий. В первой категории упражнения имеют в качестве центра гравитации тело, во второй — мышление, в третьей — чувство. В четвертой категории — мышление и чувство вместе. В пятой — тело и чувство. В шестой — чувство, мышление и тело. Что касается седьмой категории, она охватывает в одно целое эти три и наш автоматизм.

Нужно признать, что большую часть времени мы живем в этом автоматизме. Если бы мы жили все время с помощью одних наших центров, то это не имело бы достаточно энергии. Этот автоматизм, следовательно, особенно нам нужен, хотя сейчас он является нашим худшим врагом. Мы должны сначала, на время, освободить себя от него, чтобы создавать тело и сознательно мыслить: пока мы не свободны от автоматизма, мы никогда не сможем научиться большему — мы должны на время отстранить его. Позже следует изучить этот автоматизм с целью приспособить его для наших нужд.

Мы уже знаем некоторые упражнения. Например, мы изучили упражнения для тела. Мы взяли за другие задачи, которые были элементарными упражнениями для развития мышления. Мы еще не сталкивались с упражнениями для чувства. Они более сложные. Сначала их даже трудно себе представить.

Однако они представляют для нас особую важность. Область чувств занимает первое место в нашей внутренней жизни. Действительно, все наши несчастья происходят из хаотического состояния, чувств. В нас слишком много подобного материала, с которым мы живем.

И в то же время у нас нет чувств. Я хочу сказать, что у нас нет ни объективных, ни субъективных чувств. Все наши чувства насыщены чем-то чуждым и полностью механическим. К примеру, у нас нет никакого ни морального, ни субъективного, ни объективного чувства. (Существует три вида чувств: субъективное, объективное и автоматическое).

Объективное моральное чувство соответствует, на протяжении веков, некоторым фундаментальным, и незыблемым моральным законам, находится в химическом и физическом согласии со средой и человеческой природой, с объективно установленными для всех законам" и связанными с Великой Природой (или, как говорят, с Богом).

Субъективное моральное чувство существует у человека, который на основе своего индивидуального опыта, своих качеств, своих личных наблюдений и смысла справедливости полностью является его достоинством, формирует свою собственную концепцию морали и основывает на ней свою жизнь.

Действительно, не только эти два чувства нравственности — первое как второе — не существуют у людей, но те не имеют о них ни малейшего представления.

То, что мы называем моралью, распространяется, впрочем, на всякую вещь.

У нас более или менее теоретическое представление о морали. Мы много читали, много слышали, но мы не способны применить все это к жизни. Мы живем так, как нам это позволяет наш механизм. Теоретически мы знаем, что мы должны были бы любить Н., но на самом деле он нам антипатичен — нам не нравится его нос. Мысля так, я понимаю, что, также эмоционально, я должен был бы относиться к нему справедливо, но я на это не способен. Когда я нахожусь далеко от Н., в течение года я могу решиться на хорошее к нему отношение, но если некоторые механические ассоциации утвердились во мне, то все станет таким же, как прежде, когда я его вновь увижу.

Моральное чувство является у нас автоматическим. Я могу поставить себе за правило думать так или иначе, но «это» не живет подобным образом.

Если мы хотим работать над собой, мы не должны быть только субъективными; нам нужно привыкать понимать то, что означает «объективное». Субъективное чувство не может быть одинаковым у каждого — все люди разные. Один англичанин, другой еврей... Один любит фазана и так далее. Мы все различные, но наши "различия должны быть унифицированы действием объективных законов. В отдельных случаях достаточно маленьких субъективных законов. Но в совместной жизни справедливости можно достигнуть только через объективные законы. Их число очень ограничено. Если все люди имели бы в себе это малое число законов, то наша внутренняя и внешняя жизнь была бы намного счастливее, люди не чувствовали бы себя одинокими, у них не было бы больше печали.

С древнейших времен, на основе человеческого опыта и искусства мудрого правления, сама жизнь постепенно развивала пятнадцать заповедей и установила их для блага индивидов и для блага всех народов. Если бы пятнадцать заповедей действительно жили в нас, то мы были бы способны понимать, любить и ненавидеть. В нас были бы основы правильного суждения.

Все религии, все учения идут от Бога и взывают к Богу.

Это не значит, что Бог действительно дан нам ими, но это значит то, что они связаны со всем и с тем, что мы называем Богом.

Например, Бог сказал: «Люби родителей своих и ты будешь любить меня». И, верно, кто не любит своих родителей, не может любить Бога.

Прежде чем идти дальше, остановимся и спросим себя: «Любим ли мы своих родителей? Любили ли мы их, как они того заслужили, или это было только подобием «такой любви»? И как мы должны любить?»

АКТЕР Нью-Йорк, 16 марта 1924 г.

ВОПРОС: Способствует ли профессия актера развитию согласованной деятельности центра?

ОТВЕТ: Чем больше актер играет, тем больше в нем подразделяются функции центров.

Нужно быть прежде всего актёром, чтобы играть. Мы говорили о спектре, который излучает белый свет. Человек может называться актёром только тогда, когда он способен произвести белый цвет. Истинный актёр тот, кто творит, который излучает семь цветов спектра. Такие актёры были, такие актёры ещё есть. Но сегодня чаще всего актёр предстаёт перед нами только внешне. У актёра, как у всякого человека, имеется определённое количество принципиальных позиций; другие же позиции являются только результатом различных сочетаний первичных позиций. Все роли основаны на позициях. Невозможно приобрести новые позиции в практической деятельности, которые только усиливают прежние позиции. Чем дальше вы идёте, тем вам труднее усвоить новые позиции и остаётся меньше возможности.

Все усилия актёра тщетны, это только трата энергии. Если бы материал экономился и расходовался на что-либо новое, он оказался бы эффективней. Но фактически, это всегда одна и та же песня.

Актёр предстаёт творцом только через собственное воображение и представление других. В реальности он не творит.

В нашей работе эта профессия не может быть помощью, напротив, она отрицательно влияет на будущее. Чем быстрее человек прекратит это занятие, тем будет лучше и тем легче ему будет усвоить новое.

Талант можно создать за сутки. Гений существует, но обычный человек не может быть гением. Разговоры об этом напрасны.

И так во всём искусстве. Истинное искусство не может быть результатом труда обычного человека, который не может играть и не может быть «я». Актёр не обладает тем, чем обладает другой человек, он не может чувствовать то, что может чувствовать другой человек. Если он играет роль священника, ему следовало бы понимать и чувствовать то, что понимает и чувствует священник. Но этого не происходит, потому что он не обладает опытом священника, всем тем, что знает и понимает священник. Такое происходит во всякой

профессии; каждый раз необходимо усваивать специальные знания, без которых у артиста всё происходит на уровне воображений.

Ассоциации в каждом человеке возникают особым образом. Передо мной человек, совершающий определенный жест. Это производит на меня впечатление, что служит началом ассоциаций. Вероятно, полицейский мог бы заподозрить кого-то в стремлении очистить мои карманы, Я же на месте полицейского не понял бы этого жеста и не предположил, что этот человек мог бы даже подумать об этом. Если же я священник, то у меня возникают другие ассоциации; как священник я думаю, что жест этого человека относится к душевному состоянию, в то время как этот человек думает, как бы стащить мой кошелек.

И только тогда, когда я разбираюсь одновременно в психологии священника и в психологии полицейского, в их различных позициях, которые могут быть поняты моим мышлением; и только тогда, когда во мне существуют соответствующие позиции чувства и тела, я могу понять, что значат их идейные ассоциации, а также, какие идейные ассоциации вызовут в них соответствующие чувственные ассоциации. Таково моё суждение.

Так как я хорошо знаю свой механизм, всякий раз я даю команду для изменения ассоциаций, но это нужно осуществлять действительно всякий раз. Всякий раз ассоциации автоматически меняются, одна ассоциация вызывает другую и так далее. Если я играю какую-то роль, то я должен всё время направлять. Невозможно полагаться на импульсивность.

Я могу направлять только если существует тот, который был бы способен направлять. Моё мышление не может направлять, оно занято. Чувства тоже заняты. Необходимо, чтобы был кто-то, не вовлеченный в действие, не задействованный в жизни. Только тогда имеется возможность направлять.

Тот, у которого есть «Я» и тот, который знает, что имеется в различных сферах, может сыграть роль. Тот, у которого нет «Я», не способен это сделать.

Обычный актёр не может сыграть роль, его ассоциации различаются. У него может быть только соответствующий костюм, он может хорошо или плохо усвоить необходимые позиции, повторить мимику, которую ему подсказал постановщик. Автор также обязан знать это. Для того, чтобы быть истинным актером, нужно быть настоящим человеком. Настоящий человек может быть актёром, а настоящий актёр может быть человеком.

Каждый должен пытаться быть актером. Это возвышенная цель. Цель всякой религии, всякого познания — быть актёром. Сегодня же все — «актёры».

ТВОРЧЕСКОЕ ИСКУССТВО — СУБЪЕКТИВНОЕ ИСКУССТВО

Нью-Йорк, 2 марта 1924 г.

ВОПРОС: Необходимо ли изучать математические основы искусства, или возможно создавать произведения искусства без такого изучения?

ОТВЕТ: Без такого изучения возможно ожидать только случайные результаты; не может быть вопроса, чтобы повторить их.

ВОПРОС: Возможно ли бессознательное творческое искусство, идущее от чувств?

ОТВЕТ: Бессознательное творческое искусство невозможно, наше чувство очень глупо. Оно видит только единственную сторону вещей, тогда как понимание требует видения всех сторон. Изучая историю, мы видим, что такие случайные результаты могут происходить, но это не правило.

ВОПРОС: Можно ли написать гармонично музыку без знания математических законов?

ОТВЕТ: Гармония будет между одной нотой и другой, и получатся аккорды, но между этими гармониями не будет гармонии. То, о чем мы сейчас говорим, это сознательное влияние. Композитор может испытывать это влияние.

Сейчас неважно, что можно взять, неважно, кто в том или ином состоянии. Предположим, что вы чувствуете себя счастливыми. В это время слышится шум, звон колокольчика, какая-то музыка, мелодия, возможно, фокстрот. Вы совершенно забыли мотивы, но позднее, когда вы услышите ту же музыку или тот же колокольчик, они вызовут в вашей памяти, ассоциацией, то же чувство, например, любовь. Это также влияние, но оно субъективно.

И это не только музыка, неважно, какой шум мог здесь послужить ассоциацией. И если он связан с какой-то неприятной вещью, например, с потерей денег, то в результате возникнет эта неприятная ассоциация.

Но то, о чем мы говорим,— это объективное искусство, объективные законы музыки или живописи.

То качество, которое знаем мы,— субъективно, так как без знания математики объективное искусство невозможно. Случайные результаты очень редки.

Ассоциации составляют для нас очень сильное и значимое явление, но сегодня забыли это, что они означают. В старое время существовали специальные праздничные дни. Один день, например, был посвящен некоторым звуковым комбинациям, другой — цветам (растениям) или цветам (качествам), третий — вкусу, четвертый — погоде или жаре, сравнивались различные ощущения.

Например, один день был праздником звука. Один час раздавался один звук, другой час — другой звук. В то же время распространяли специальный напиток или, иногда, специальный «пар». В итоге, создавали некоторые состояния и чувства с помощью химических средств в связи с внешними влияниями для того, чтобы в будущем создать некоторые ассоциации. Позже они воскрешались в тех же состояниях, когда возникали подобные внешние обстоятельства.

Даже был специальный день мышей, змей и других животных, которых мы особенно боимся. Людям давали специальный напиток, затем они держали в руке змей, чтобы так к ним привыкнуть. Это производило на них такое впечатление, что потом они больше их не боялись. Такие обычаи долгое время существовали в Персии и в Армении. Древние отлично понимали человеческую психологию и именно это служило им проводником. Но массам никогда не объясняли мотивов, им давали самое различное толкование. Только священники знали смысл всего этого. Эти факты относятся к дохристианской эпохе, к той, в которой народы управлялись царями-священниками.

ВОПРОС: Служили ли танцы только управлению телом, или они имели мистическое значение?

ОТВЕТ: Танцы существуют только для мысли. Они ничего не несут душе, которая ни в чем не нуждается. Один танец имеет определенное значение; каждое движение имеет определенное содержание.

Но душа не употребляет виски. Ей это не нравится. То, что она предпочитает, это другая пища, которую она получает независимо от нас.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Нью-Йорк, 24 февраля 1924 г.

ВОПРОС: Требуется ли работа Института того, чтобы мы отказались на несколько лет от нашей основной работы, или ее можно продолжать одновременно?

ОТВЕТ: Работа Института — это внутренняя работа; до сих пор вы делали только внешнюю работу, но здесь речь идет совсем о другой вещи. Для некоторых, может быть, необходимо оставить свою внешнюю работу, для других нет.

ВОПРОС: Состоит ли цель в том, чтобы развиться и достигнуть равновесия, которое позволит стать более сильным, чем внешняя среда, дабы быть сверхчеловеком?

ОТВЕТ: Человек должен отдавать себе отчет в том, что он не может сделать. Вся наша деятельность разобщена внешними толчками; это происходит совершенно механически. Вы не можете сделать, даже если вы хотите сделать.

ВОПРОС: Какое место занимает искусство и творческая работа в вашем учении?

ОТВЕТ: Сегодня искусство необязательно творческое. Искусство для нас не цель, а средство. Древнее искусство обладает некоторым внутренним содержанием. В прошлом искусство имело ту же цель, что в наши дни книга: сохранять и передавать определенные знания. В древние времена не писали, включали учение в произведения искусства. Мы нашли бы много идей, содержащихся в произведениях древнего царства, которые дошли до наших дней, если бы мы только умели их читать. Это было бы справедливо для всех искусств, включая музыку. Древние именно таким образом рассматривали искусство.

Вы видели наши движения и наши танцы. Но вы видели только внешнюю форму, красоту, технику. Мне не нравится внешняя сторона того, что вы видели. Для меня искусство — это средство, ввиду гармоничного развития. Все, что мы делаем здесь, было предусмотрено для того, чтобы ничего не могло быть сделано автоматически и неосознанно.

Гимнастика и обычные танцы создаются механически. Если наша цель состоит в гармоничном развитии человека, тогда танцы и движения являются для нас средством объединения мысли и чувства с движениями тела в общем проявлении. Во всём, что мы делаем, мы ищем развития чего-то, что не может быть развито прямо и механически — чего-то, что выражает всего человека: мышление, тело и чувство.

Второй объект танцев — это учение. Некоторые движения несут в себе доказательство, определенное знание, религиозные или философские идеи. В некоторых танцах даже можно найти кухонный рецепт.

В некоторых странах Востока внутреннее содержание этих танцев сегодня почти забыто, и однако продолжают их танцевать просто по привычке.

Таким образом, движение имеет две цели: учение и развитие.

ВОПРОС: Значит ли это, что ничего в западном искусстве не имеет значения?

ОТВЕТ: Я изучал западное искусство после того, как изучил древнее искусство Востока. Для вас скажу правду, я не нашел ничего на Западе, что могло бы сравниться с восточным искусством. Западное искусство имеет только внешнюю сторону, оно иногда содержит много философии; но восточное искусство точное, математическое, без манипуляций. Это есть форма письма.

ВОПРОС: Не обнаружили ли вы чего-то подобного в древнем западном искусстве?

ОТВЕТ: Изучая историю, мы видим, как всё мало-помалу меняется. Это относится к религиозным церемониям. В начале они имеют смысл, и официалы понимают этот смысл. Но со временем смысл забывается и церемонии продолжают праздновать механически.

Чтобы понять книгу на английском языке, необходимо знать английский язык. То же самое для искусства.

Я здесь говорю не об искусстве воображения, а о математическом и не субъективном искусстве. Современный художник может «чувствовать» свое искусство, верить в свое искусство, но его творения вы видите субъективно: кому-то они доставляют удовольствие, а кому-то разочарование. Это вопрос о личном вкусе, о «мне нравится» или «мне не нравится».

Но древнее искусство не имело объекта удовольствия. Все, кто читал его, понимал его. Сейчас задача искусства совершенно забыта.

Возьмите архитектуру: среди зданий, которые я видел в Персии и в Турции, мне вспоминается одно здание из двух комнат. Все, кто заходил в эти комнаты, будь то молодые или старые, англичане или персы, плакали. Какая бы ни была их формация, их культура. Мы продолжали этот эксперимент в течение двух или трех недель и наблюдали реакции каждого. Мы специально выбрали веселых людей. Результат был всегда один и тот же.

В смысле архитектурных комбинаций, подходящих к этому зданию, колебания, математически высчитанные, не могли произвести иного эффекта. В нас действовали некоторые законы, и мы не могли сопротивляться внешним воздействиям. Потому что архитектор обладал реальным знанием, следуя которому он строил, основываясь на математике.

Мы провели другой опыт. Мы настроили свои музыкальные инструменты и подобрали звуки таким образом, что с первым встречным, даже с любым прохожим на улице, мы достигаем необходимого результата. Единственное различие было в том, что один оказывался более чувствительным, другой менее.

Вы входите в монастырь. Вы, возможно, не религиозный человек, но тот, кто там играет и поет вызывает у вас желание помолиться. Позже вы сами удивитесь этому. И это справедливо для всех.

Объективное искусство основано на законах, современная музыка полностью субъективна. Возможно установить, откуда происходит всё то, что составляет это субъективное искусство.

ВОПРОС: Является ли математика основой всякого искусства?

ОТВЕТ: Всякого древнего восточного искусства.

ВОПРОС: Итак, знает ли кто-нибудь формулу, по которой можно создать совершенную форму, собор, который производил бы то же впечатление?

ОТВЕТ: Да, и вызывал те же реакции.

ВОПРОС: Тогда искусство является познанием, и не требуется таланта?

ОТВЕТ: Искусство есть познание. Талант относителен. Я мог бы научить вас хорошо петь за неделю даже если у вас нет голоса.

ВОПРОС: Таким образом, если я знаю математику, то могу ли я писать как Шуберт?

ОТВЕТ: Знание необходимо — математики, физики.

ВОПРОС: А оккультной физики?

ОТВЕТ: Всё знание едино. Если вы знаете только четыре арифметических действия, тогда для вас десятичные дроби являются высшей математикой.

ВОПРОС: Чтобы писать музыку, требуется ли только знание, и не нужна ли идея?

ОТВЕТ: Математический закон является одним и тем же для всех. Всякая математически созданная музыка является результатом движений. В ходе моих поездок по сбору материала об искусстве, у меня появилась идея по исследованию танцев. Я фиксировал только движения. По возвращении я играл музыку в соответствии с теми движениями, которые зафиксировал: она оказалась идентичной с оригинальной музыкой, так как человек, который сочинил эту музыку, написал ее также следуя математическим законам. И однако, фиксируя движения, я не слушал музыку, так как я не ставил перед собой такую цель. (Кто-то задает вопрос о темперированной гамме).

ОТВЕТ: На Востоке у них та же октава, что и у нас — от ДО до ДО. Только здесь мы делим октаву на семь, тогда как там существуют различные деления: 48, 7, 4, 23, 30. Но закон везде тот же самый: от ДО до ДО октава. Каждая нота сама содержит семь. Чем тоньше слух, тем больше число делений.

В Институте мы используем четверти тона, потому что западные инструменты не имеют более мелких делений. С пианино вынуждены идти на некоторый компромисс, но струнные инструменты позволяют использовать четверти тона. На Востоке используются не только четверти тона, но и седьмые.

Для иностранцев восточная музыка кажется монотонной, они удивлены ее шероховатым стилем и ее музыкальной беднотой. Но то, что они слышат как одну ноту является целой мелодией для жителей той страны — мелодия внутри ноты. Этот вид мелодии является более неуловимым, чем наш; если восточный музыкант дела, г ошибку в своей мелодии, для слушателей результатом является какофония. Но для европейцев все это лишь ритмическая монотонность. Только человек, который вырос в той стране, может отличить хорошую музыку от плохой.

ВОПРОС: Раз математическое знание приобретено, разве может человек выразиться в той или иной форме искусства?

ОТВЕТ: Не существует предков для развития, ни для молодых, ни для старых.

ВОПРОС: В каком направлении?

ОТВЕТ: Во всех направлениях.

ВОПРОС: Нужно ли нам желать развития?

ОТВЕТ: Речь не идет только о том, чтобы его желать. Сначала я сейчас объясню вам, что такое развитие. Существует закон эволюции и инволюции. Все существует в движении — неорганическая жизнь как жизнь органическая — стремится кверху, к низу. Но эволюция имеет свои пределы так же, как и инволюция. Возьмем в качестве примера музыкальную гамму из семи нот. От одной ДО к другой, к некоторому месту, где существует остановка. Когда вы стучите по клавише, вы слышите ДО, вибрации которого имеет некоторую инерцию. Посредством этой вибрации это ДО может пройти некоторую дистанцию, пока не завибрирует другая нота, именно РЕ, затем МИ. До этой точки ноты несут в себе внутреннюю возможность продолжения, но здесь, если не вмешивается внешний импульс, октава снова понижается. Напротив, если октава получает эту внешнюю помощь, она может продолжать развиваться.

Человек построен соответственно этому закону. Он играет роль аппарата в развитии этого закона. Я ем, но природа сотворила меня для некоторой цели. Я должен двигаться вперед. Я ем не для себя, но для некоторого внешнего намерения. Я ем потому, что пища, которую я потребляю, не может развиваться сама, без моей помощи. Я ем хлеб, я поглощаю воздух и впечатления, которые проникают в меня извне и действуют затем сообразно закону. Это закон октавы. Если мы возьмем какую-нибудь ноту, она может быть взята как ДО. ДО содержит одновременно возможность и инерции; она может подняться до РЕ и до МИ без помощи. Хлеб может олгазионировать, но если он не комбинировал с воздухом, то он не может стать ФА. Энергия воздуха помогает ему перейти трудный пассаж. После этого он больше не нуждается в помощи СИ, но он не может самостоятельно двигаться дальше. Наша цель заключается в том, чтобы помочь октаве свершиться. Для обычной животной жизни СИ является самой высокой точкой, и это есть материя, на основе которой может быть создано новое тело.

ВОПРОС: Разделена ли душа?

ОТВЕТ: Закон один. Но душа далека — в данный момент мы говорим о близких вещах. Этот закон Троицы вездесущ. Невозможно иметь ничего нового без третьей силы.

ВОПРОС: Можно ли преодолеть остановку при помощи третьей силы?

ОТВЕТ: Да, если вы обладаете знанием. Природа создала вещи такими, что воздух и хлеб химически совершенно различны и не могут сочетаться; но так как хлеб превращается в РЕ, затем в МИ, он становится более проницаемым, таким, что они могут уже сочетаться. Сейчас вы должны работать над собой, вы есть ДО; когда вы подойдете к МИ, вы можете встретить помощь.

ВОПРОС: Случайно?

ОТВЕТ: Один кусок хлеба я ем, другой бросаю; случайно ли? Человек — это трехэтажный завод. Существует три двери, через которые поступают природные ресурсы, чтобы быть перенесенными в соответствующие отделы, где они будут складированы. Если это был колбасный завод, люди видели бы только входящие каркасы и выходящие колбасы. Но на самом деле это очень запутанное устройство. Если бы мы хотели построить такой завод, который мы изучаем, то сначала нам нужно посмотреть все машины и детально их исследовать. Закон «то, что внизу является таким же, так и то, что вверху» повсюду себя обретает; это один и тот же закон. В нас также есть Солнце, Луна, планеты — но в очень маленьком масштабе.

Всё существует в движении, все имеет эманации, потому что всё съедает что-то и съедается чем-то. Эманации у Земли, эманации у Солнца и эти эманации материальны. Земля

имеет атмосферу, которая ограничивает свои эманации. Между Землей и Солнцем имеется три вида эманации: эманации Земли идут только на короткую дистанцию, эманации планет идут дальше, но не достигают Солнца. Между нами и Солнцем существуют три вида материй, каждая обладает различной плотностью. Прежде всего ближайшая Земле материя, содержащая её эманации; затем материя, содержащая эманации планет; и еще дальше материя, где существуют только эманации Солнца. Плотности находятся в отношении 1, 2 и 4, и вибрации находятся в обратном отношении, потому что чем тоньше материя, тем больше плотность ее вибраций. Но за пределами нашего Солнца существуют другие Солнца, которые также имеют эманации и которые рассеивают материи и передают влияния. По ту их сторону находится источник, что мы можем выразить только математически, который также обладает эманациями. Эти высшие зоны находятся вне досягаемости эманации Солнца.

Если мы примем материю последней зоны за 1, то чем больше разделяется материя, тем больше возрастает плотность и тем больше растут числа. Тот же закон проникает во всякую вещь. Закон Троицы — позитивные, негативные и нейтрализующая сила. Когда две первые силы сливаются с третьей, создается что-то одновременно различное. Например, пока мука и вода остаются таковыми, не существует изменения. Но если вы прибавите огня, он их испечет и будет создано то новое, которое будет иметь различные свойства.

Единство составляет три материи. В религии у нас есть молитва: Бог-отец, Бог-сын и Бог-Святой Дух. Три в Одном — выражающие закон раньше, чем факт. Это фундаментальное единство используется физически и берется как символ единства. Этими тремя материалами являются «углерод», «кислород» и «нитроген» (азот); вместе они формируют «водород», который является основой всякой материи, какова бы ни была ее плотность. Космос — это октава из семи нот, каждая из которой, в свою очередь, может быть подразделена в другую октаву, и таким образом следовать до последнего атома. Все приводится в порядок октавами, каждая октава становится нотой большей октавы до тех пор, пока вы не дойдете до космической Октавы.

От Абсолюта эманации отходят во все направления, но мы выбираем одно — космический Луч, в котором мы есть: Луна, органическая жизнь, Земля, планеты, Солнце, Все Солнца, Абсолют.

Эманации Абсолюта встречают другие материи и превращаются в новые материи, которые сами продолжают превращаться соответственно закону, становясь постепенно всё более и более плотными.

Мы можем считать эти эманации Абсолюта тройственными, но когда они опускаются до порядка следующей материи, то они становятся СИ.

С другой стороны, как и в нас самих, одновременно существует эволюция и инволюция; процесс может, следовательно, возрастая или убывая, и ДО имеет силу превратиться в СИ, или в другом направлении в РЕ. Октава Земли нуждается в помощи в точке МИ, в той помощи, что она получает от планет, чтобы превратить МИ в ФА.

ВОПРОС: Возможно ли, основываясь на октаве, познать существование других, различно созданных космических пространств?

ОТВЕТ; Этот закон всемогущ и опыты это доказывают.

ВОПРОС: Человек имеет в себе октаву; но как достичь высших возможностей?

ОТВЕТ: Цель всех религий состоит в достижении этого. Это не может быть сделано бессознательно; но это является объектом образования.

ВОПРОС: Идет ли речь о последовательном развитии?

ОТВЕТ: До некоторого предела. Но позже наступает трудный пассаж МИ—ФА и необходимо найти, как преодолеть его согласно закону.

ВОПРОС: Является ли предел одним и тем же для всех?

ОТВЕТ: Пути подхода различны, но все должны вести к «Филадельфии». Предел является тем же самым.

ВОПРОС: Могут ли все, используя математический закон, развиваться до самой высокой степени?

ОТВЕТ: Тело при рождении является результатом многих вещей и только пустой возможностью. Человек рожден без души, но ему возможно создать одну. Наследственность для души не важна. В каждом человеке много превращенных вещей; они являются индивидуальными; но за этой точкой никакая подготовка не может помочь.

Пути различны, но все должны вести к «Филадельфии», это фундаментальная цель всех религий. Между тем каждый идет туда собственным маршрутом. Нужна специальная подготовка. Все наши функции должны быть упорядочены и все наши части развиты.

После «Филадельфии» путь один. Человек имеет в себе три лица с различными языками, различными желаниями, различным развитием и различным воспитанием; но позже это становится одним и тем же существом. Есть только одна религия, так как эти три лица должны быть равными в своем развитии.

Вы можете начать как христианин, буддист, мусульманин и работать в привычной для вас последовательности. Вы можете начать с одного центра. Но затем другие центры должны, в свою очередь, быть развиты.

Иногда религия умышленно скрывает вещи, потому что по-другому мы не могли бы работать. В христианстве вера является абсолютной необходимостью и христиане должны развивать свое чувство. Для этого необходимо вести работу по одной этой функции. Если у вас есть вера, вы можете сделать все необходимые упражнения. Но без веры вы не смогли бы сделать их с пользой.

Если мы хотим пересечь комнату, то возможно, что мы не можем идти прямо, так как дорога очень трудная. Хозяин это знает. Он знает, что мы должны идти влево, но он нам об этом не говорит. Хотя движение влево это наш первый этап, наша ответственность остается в том, чтобы пересечь. Затем, когда мы приходим и преодолеваем трудность, мы должны иметь новую цель. Нас трое, а не один, каждый с различными желаниями. Даже если наш разум сознает сколь важна цель, лошадь ничто не интересует, кроме её корма; нам тоже иногда нужно уметь «манипулировать» и заманивать лошадь.

Но какой бы мы не выбрали путь, наша цель состоит в развитии нашей души, в свершении нашего самого высшего предназначения. Мы рождены в реке, где капли пассивны, но тот, кто работает для себя самого одновременно является внешне пассивным и внутренне активным. Две жизни соответствуют закону: одна идет по пути инволюции, другая — по пути эволюции.

ВОПРОС; Счастлив ли тот, кто достигает «Филадельфии»?

ОТВЕТ: Я знаю только два стула. Никакой стул не является несчастным; этот стул счастливый и тот другой тоже счастливый. Человек может всегда искать лучший стул. Когда он принимается искать лучшее, это всегда означает, что он разочарован, потому что если он удовлетворен, то он не ищет другого. Его стул иногда настолько плох, что он не может больше на него сесть, тогда он решает найти другой стул, так как на этот момент он чувствует себя неважно.

ВОПРОС: Что наступает после «Филадельфии»? **ОТВЕТ:** Одна очень маленькая вещь. В настоящий момент, когда нет постоянного хозяина, повозка испытывает затруднения, так как пассажиры, которые находятся в ней, дают команды, которые им заблагорассудятся. После «Филадельфии» появляется хозяин, который берет все на себя, кто думает за всех, кто всё устраивает и следит за тем, чтобы всё было хорошо. Это очевидно, я в этом уверен, что существование хозяина благо для всех.

ВОПРОС: Вы посоветовали быть искренними. Я обнаружил, что мне нравится быть лучше счастливым идиотом, чем несчастным философом.

ОТВЕТ; Вы полагаете, что не удовлетворены собой? Я вас опровергну. Вы совсем механический, вы не можете ничего делать, вы подвергнуты галлюцинациям. Когда вы смотрите с центра, вы целиком во власти галлюцинации; с двумя центрами вы уже напо-

ловину свободны; но если вы смотрите с тремя центрами, то вы уже не зависите от галлюцинации. Вы должны начать копить материал. У вас не может быть хлеба без выпечки: знание есть вода, тело есть мука и эмоция — страдать — это огонь.

БОГ — СЛОВО

Нью-Йорк, 1 марта 1924 г.

Каждая религия утверждает одно и то же: Бог есть Слово, и Слово есть Бог.

Одно из учений утверждает, что когда мир еще не существовала, были эманации, был Бог-Слово. Бог-Слово — это мир. Бог говорит: «Дабы он тоже был» и послал Отца и Сына... Он всегда посылает Отца и Сына. И, однажды, он послал Святой Дух.

Все вещи в мире подчиняются Закону Троицы, всё, что существует, появилось согласно этому закону. Комбинации позитивных и негативных принципов могут произвести новые результаты, только если вторгнется третья сила.

Если я стану утверждать, она примется отрицать — и мы заспорим! Но ничего нового не будет сотворено, если ничего другого не вторгнется в обсуждение. Только тогда (когда вторгнется другое) может появиться нечто новое.

Возьмем Луч творения. Вверху Абсолют, Бог-Слово. Он один в трех: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Абсолют творит согласно с этим же законом. И все необходимые для произведения нового явления силы суть все эти три в самом Абсолюте. Он их «эманурует». Иногда три силы меняют место.

Три силы или три принципа, изошедшие из Абсолюта -сотворили всё множество Солнц, среди которых одно — наше. Все эти эманации и их взаимодействие производят новые комбинации. Это верно для человека, для

"Земли, для микроба. Каждое Солнце также эманурует и эманации этих Солнц через комбинации позитивной и негативной материи дают рождение новым формам. Земля наша — результат одной из этих комбинаций, и самая недавняя комбинация — это Луна.

После акта творения происходят существование и эманации. Эманации, в соответствии со своими свойствами, проникают во все вещи. Они также достигают и человека.

Взаимодействие эманации приводит к возникновению новых трений.

Различие между творческой активностью Абсолюта и последующих актов творения, как я уже сказал, заключается в том, что Абсолют творит исходя из Себя Самого. Лишь Абсолют обладает Волей. Только Он извергает три силы из Себя Самого. Последующие акты творения механически следуют за взаимодействием этих сил, соразмерно тому же Закону Троицы. Ни одна из изолированных сущностей не может творить сама по себе — возможно лишь коллективное творение.

Направление творческой активности Абсолюта ориентируется на человека, является направлением, данным силой изначального импульса. Соразмерно Закону Семи, это развитие не может следовать иначе, кроме как вплоть до определенной точки.

Мы обрели линию, исходящую из Абсолюта и пересекающую нас. Эта линия может прогрессировать только до определенной точки и останавливается на нашей Луне. Луна — это последняя точка творения на этой линии.

Всё это можно сравнить с лестницей, чьей последней ступенью будет Луна. Важнейшие точки этой линии творения суть: Абсолют, Солнце, Земля и последняя — Луна. Каждая из этих точек — это ДО. Между этими четырьмя точками есть три октавы: Абсолют — Солнце, Солнце — Земля, Земля — Луна. Внутри этих октав, в трёх местах, есть как бы три машины, чья функция — совершать переход от ФА до МИ.

Вся длина космической лестницы, необходимый толчок на уровне ФА должен исходить снаружи, а необходимый толчок на уровне СИ исходит изнутри до ДО. Посредством этих толчков осуществляется сворачивание сверху вниз и разворачивание снизу вверх. Жизнь человека играет роль, схожую с ролью планет по отношению к Земле, Земли — по отношению к Луне, и всех Солнц по отношению к нашему Солнцу.

Материя, идущая от Абсолюта, зовется «водородом».

Это результат комбинации «углерода», «кислорода» и «азота». Когда элементы одного водорода сочетаются с элементами другого, он преобразуется в новый вид водорода, имеющий свои собственные качества и свою плотность.

Всё управляется одним законом — закон очень прост. Я показал вам, как он действует вовне; теперь вы можете открыть, как он действует вовнутрь вас. В соответствии с ним, вы можете следовать то закону инволюции, то закону эволюции. Вы должны применить внешний закон вовнутрь.

Мы сотворены по образу Бога — по образу Троицы. Если мы будем сознательно поглощать три субстанции и извергать их вовне, мы сможем производить вне себя то, что захотим. Это значит творить. Но когда это вершится сквозь нас, то это творение Творца. В этом случае три силы проявляются в нас порознь и сочетаются вне нас. Всякое творение может быть то субъективным, то объективным.

ВОПРОС: Какой нейтрализующий элемент есть в рождении человека?

ОТВЕТ: Некий цвет, который пропитывает активные и пассивные начала. Он также материален и обладает специальными вибрациями. Все планеты производят вибрации на Земле и всякая жизнь окрашена вибрацией планеты, ближайшей к Земле в данный момент. Каждая планета имеет свои эманации и их действие все более ощущается по мере приближения к Земле. Планеты извергают отдельные потоки, но ни один из них не выдерживает чистого состояния, кроме как на краткое время. Иногда целая масса имеет отдельные вибрации. И там три принципа начала должны соответствовать друг другу соразмерно закону. Если их отношения верны, то там можно иметь кристаллизацию.

(Кто-то спрашивает о Луне).

ОТВЕТ: Луна — великий враг человека. Мы служим Луне. В прошлый раз мы говорили о кундабуффере. Кундабуффер — это представитель Луны на Земле. Мы словно овцы Луны, которых она растит, кормит, стрижёт и которых она бережёт для своего личного употребления. Но когда она голодна, она убивает сколько захочет. Вся органическая жизнь работает на Луну. Пассивный человек служит инволюции, активный — эволюции. Надо выбирать. Но есть один принцип: служа одному, вы можете сделать карьеру; служа другому, вы многое сохраняете, но без перспективы на будущее.

В обоих случаях мы — рабы, ибо в обоих случаях мы зависим от одного господина. Внутри нас — еще одна Луна, одно Солнце и так далее. Мы воспроизводим всю систему. Если вы знаете свою Луну и каково её действие, то вы можете понять космос.

УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ Нью-Йорк, 20 февраля 1924 г.

Всегда и повсюду существует утверждение и отрицание. Это касается не только отдельных людей, но и всего человечества. Если одна половина человечества утверждает одно, другая утверждает противоположное. Например, существуют два противоположных мировоззрения: наука и религия. То, что утверждает наука, отрицается религией, и наоборот. Это механический закон и иначе не может быть. Это явление происходит повсюду и на любом уровне, в окружающем мире, в городах, в семье, в личной жизни отдельного человека. Один центр человека утверждает, другой отрицает. Мы постоянно раздваиваемся.

В этом состоит объективный закон, рабами которого мы являемся, к примеру, я обязательно являюсь рабом науки или религии. В двух случаях человек зависим от того объективного закона, от которого невозможно избавиться. Свободен тот, кто придерживается середины. Если ему удаётся это сделать, он избегает этого всеобщего раболепского закона.

Но каким же образом избежать этого закона? Это невероятно трудно. У нас не хватает сил, чтобы не уступить этому закону. Мы рабы и мы слабы. Однако внутри нас есть возможность избавления от этого закона, если мы будем пытаться делать это медленно, постепенно, но настойчиво. С объективной точки зрения это означает, само собой разумеет-

ся, идти против закона, против природы, другими словами, совершать грех. Но мы можем это сделать, так как существует закон другого порядка: Бог нам ниспослал другой закон.

Что же нужно предпринять для этого? Вспомним первый пример: религия и наука. Я буду спорить с самим собой и каждый попытается сделать то же самое.

Я рассуждаю следующим образом: «Я бедный маленький человек. Мне пятьдесят лет, а религия существует вот уже тысячи лет. Миллион людей изучали религии, а я их отрицаю». Я себя спрашиваю: «Допустимо ли, чтобы все были дураками, и только я один умный?» То же самое происходит с наукой, которая зародилась в далёкие времена. Допустим, что я отрицаю науку. Вновь возникает вопрос: «Допустимо ли, чтобы только я один был самым умным, тогда как множество людей в течение длительного времени занимались наукой?»

Если я нормальный человек и если я рассуждаю непредвзято, то я пойму, что могу быть умнее одного или двух людей, но не самым умным из тысячи, из миллионов. Повторяю, что я являюсь просто маленьким человеком. Могу ли я критиковать религию и науку? Что вообще я могу делать? Я начинаю размышлять, что может быть истина состоит в «том и другом». Невозможно, чтобы все ошиблись. Теперь же я попытаюсь понять, что из этого происходит. Когда я начинаю думать непредвзято, углублять свои знания, я обнаруживаю, что религия и наука правы, та и другая, несмотря на то, что они противопоставлены друг другу. Я выявляю небольшое недоразумение. Одна затрагивает один вопрос, другая — другой. Или же они рассматривают один и тот же вопрос, но под различным углом зрения; или же одна из них рассматривает причины, другая — последствия одного и того же явления, и всё это никогда не приводит их к сближению. Каждая из них права, т. к. они основаны на математически точных науках. Если мы будем рассматривать только результат, то мы никогда не поймем, в чём состоит различие.

ВОПРОС: В чем ваша система отличается от философии йогов?

ОТВЕТ: Ваши йоги идеалисты, а мы материалисты. Я скептик. Первая заповедь на стенах Института гласит: «Ни во что не верьте, даже в самих себя». Я верю, только если у меня есть статистическое доказательство; другими словами, если я достигаю неоднократно одного и того же результата. Я учусь, я работаю для того, чтобы найти путь, а не потому, что я верю. Я попытаюсь схематически пояснить одну вещь; не воспринимайте это буквально, а попытайтесь уловить в этом принцип.

За пределами известного вам тройственного закона существует семиричный закон, гласящий, что ничего не остается неподвижным; всякая вещь движется или по пути эволюции, или по пути инволюции. У этих двух движений есть предел. Каждая линия развития содержит две точки, где движение не может продолжаться без внешней помощи. В двух определенных точках возникает дополнительный толчок, вызываемый внешней средой. Также в этих двух точках всякая вещь нуждается в импульсе, без которого она не может двигаться. Этот семиричный закон присутствует повсюду: в химии, физике и т. д., один и тот же закон вездесущ.

Лучшей иллюстрацией данного закона является структура музыкальной гаммы. Рассмотрим её октаву. Она начинается с ДО. Между ДО и следующей нотой есть полутон, который позволяет переход к РЕ. Подобии образом происходит переход от РЕ к МИ. Но у МИ нет полутона и что-то извне должно повлиять на переход к ФА. От ФА гамма продолжается к СОЛЬ, от СОЛЬ к ЛЯ, от ЛЯ к СИ. Но в данном случае, как это происходит с МИ, СИ нуждается, в свою очередь, во внешнем воздействии.

Каждый результат является ДО. Не в самом процессе, а как элемент. Каждое ДО в самом себе является полной октавой. Некоторые музыкальные инструменты могут выразить семь нот, которые содержатся в этом ДО. Каждая единица содержит семь единиц в себе самой и, подразделяясь, создает семь новых единиц. Разделяя каждое ДО, мы получаем еще ДО, РЕ, МИ и продолжение.

ЭВОЛЮЦИЯ И ПИЩА

Человек является трехэтажным заводом. Мы говорим о том, что существует три вида пищи, поступающие через три различные двери. Первым видом пищи обычно называют «пищу», хлеб, мясо и т. д.

Каждый вид пищи является одним ДО. В организме ДО переходит к следующей ноте. Каждое ДО способно пройти в РЕ в желудке, где субстанции пищи меняют вибрацию и плотность, химически перерабатываются, смешиваются и под действием некоторых сочетаний переходят к РЕ. РЕ также имеет возможность перейти к МИ. Но МИ не изменяется сама по себе: к ней на помощь стремится пища второй октавы. ДО второго вида пищи, то есть воздуха, помогает МИ первой октавы перейти к ФА, после чего эволюция может продолжаться. В аналогичной позиции вторая октава, в свою очередь, нуждается в помощи более высокой октавы. Ей помогает нота третьей октавы, то есть третьего вида пищи — октава впечатлений.

Таким образом, первая октава изменяется до СИ.

Наиболее тонкой субстанцией, которую может вырабатывать человеческий организм на основе того, что мы обычно называем пищей, является СИ. Эволюция куска хлеба продолжается до СИ. Но СИ не развивается далее у обычного человека. Если бы нота СИ могла изменяться и переходить к ДО новой октавы, то существовала бы возможность создать новое тело внутри нас. Но для этого необходимы особые условия. Сам человек не может стать новым человеком; специальные внутренние комбинации вступают в силу.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ

Когда необходимая материя накапливается в достаточном количестве, она начинает кристаллизоваться, так же как и соль кристаллизуется в воде, если не соблюдаются соответствующие пропорции. Когда в человеке накапливается большое количество тонкой субстанции, наступает момент, когда в нём может появиться и кристаллизоваться новое тело; это ДО новой октавы, более высшего порядка. Это тело, часто называемое «астральным», создается только на основе этой специальной материи; оно не может явиться неосознанно. В обычных условиях данная субстанция может быть выработана в организме, но использованная и отброшенная прочь.

ПУТИ

Создавать тело внутри человека является целью всех религий и всех учений; у каждой религии свой собственный путь, но цель одна и та же.

Для достижения этой цели существует много путей. Я изучал примерно двести религий, и если бы нужно было их классифицировать, я пришёл бы к выводу, что существует только четыре пути.

Как вам уже известно, человек обладает определенным количеством специфических центров. Рассмотрим четыре из них. Моторный, интеллектуальный, эмоциональный центры и формирующий аппарат.

Представьте себе человека в виде квартиры из четырех комнат. Первая комната — это наше физическое тело и соответствует повозке в другой картине, описанной ранее. Вторая комната — это эмоциональный центр, который соответствует лошади; третья комната — интеллектуальный центр, что соответствует извозчику; четвертая комната — это хозяин.

Всякая религия подразумевает, что хозяин отсутствует и его надо искать. Но хозяин не может присутствовать, если квартира заставлена мебелью. Прежде чем принимать гостей, нужно расставить мебель во всех комнатах.

Каждый это делает на свой манер. Небогатый человек ставит мебель в каждую комнату отдельно по мере возможности. Чтобы заполнить мебелью четвертую комнату, надо за-

кончить с тремя предыдущими. Различие между четырьмя путями — это очередность, в соответствии с которой мебель расставляется в трёх комнатах.

Первый путь начинается меблированием первой комнаты и так далее.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУТЬ

Четвертый путь — это путь айда-йоги. Он схожий с путём йоги, но в то же время у него есть свои особенности.

Как йоги, айда-йоги изучают то, что может быть изучено. Вообще, нет средства познать больше, чем путем обычной йоги. Но на Востоке существует обычай: если я знаю что-то особенное, я это рассказываю только своему старшему сыну. Тот же, в свою очередь, скажет это только своему старшему сыну. Таким образом, из поколения в поколение передаются отдельные секреты, которые недоступны посторонним людям.

Возможно, один из ста йогов знает эти секреты. Но дело в том, что существует определенная форма познания, которая может способствовать работе на этом пути. В чём различие? Рассмотрим это на примере. Допустим, что для выработки в нём определённой субстанции, йог должен проделать дыхательные упражнения. Он знает, что ему необходимо вытянуться и какое-то время вдыхать воздух. Айда-йог знает то, что знает йог и действует так же, как он. Но он обладает определенным аппаратом, при помощи которого, вдыхая воздух, он концентрирует элементы, необходимые для его тела. Айда-йог выигрывает во времени, так как ему известны эти секреты.

Там, где йог тратит пять часов, айда-йог — один час. Айда-йог использует то, что не известно йогу. За месяц он делает то, что йог делает за год. И так во всем.

Все эти пути направлены к одной цели. Внутренняя трансформация СИ в новое тело.

Как человек может создавать второе астральное тело путём методического процесса в соответствии с законами, так же он может создавать внутри самого себя третье тело, и затем приступить к созданию четвертого. Одно тело возникает из другого. Они могут быть разделены и рассажены на разных стульях.

Все пути, все учения имеют одну и ту же цель. Они всегда стремятся к одной и той вещи. Однако тот, кто вступил на один из этих путей, может не давать себе в этом отчета. Монах верует, он думает, что можно дойти до цели только этим путём. Только его хозяин знает цель, но он умышленно не говорит ему об этом, так как если бы его ученик знал эту цель, то он был бы менее прилежен.

У каждого пути свои теории, свои доказательства.

Материя повсюду одна и та же, но она постоянно меняет место и входит в различные сочетания. От плотного камня до хрупкой материи каждое ДО обладает своей собственной эманацией, своей собственной атмосферой, так как каждая вещь либо съедает сама, либо её съедают. Одна вещь съедает другую; я съедаю вас, вы съедаете соседа и так далее. Всякая вещь подвергается инволюции и эволюции. Существо — это что-то такое, которое существует в какой-то период без инволюции (каждая органическая и неорганическая субстанция может быть существом. Далее мы увидим, что всё органическое).

Всякое существо эманурует, распространяет определённую материю. Это относится как к Земле, так и к человеку и микробу. Земля, на которой мы живем, эманурует и имеет свою собственную атмосферу. Планеты также являются существами, они также эмануруют как Солнце. На основе позитивной и негативной материи эманации Солнца способствовали рождению новых форм. Земля — результат одной из таких сочетаний.

Эманации каждого существа имеют свои пределы и, как следствие, каждой точке соответствует различная плотность материи. После акта творения существование идет своим чередом, существа продолжают эманировать. Здесь, на этой планете, имеются эманации Земли, планет и Солнца. Но эманации Земли распространяются только на определенное расстояние. По ту сторону существуют эманации Солнца, планет, но не Земли.

В зоне эманации Земли и Луны материя более плотная; над этой зоной материя более тонкая. Эманации проникают во всякую вещь в соответствии с их возможностями. Так они достигают человека.

Кроме нашего Солнца имеются и другие. Так же, как я рассматривал все планеты вместе, я рассматриваю теперь вместе все Солнца и их эманации. По ту сторону мы ничего не можем видеть, но мы можем логически говорить о мире высшего порядка. Для нас это крайняя точка. Ему также присущи его собственные эманации. Сообразно закону Троицы, материя постоянно находится в различных сочетаниях, становится более плотной, вступает в сочетание с другой материей и становится еще плотнее, что модифицирует все её свойства и возможности. Например, в наивысших сферах ум существует в своей чистой форме, но, спускаясь, он теряет свои качества.

Всякое существо имеет в себе ум, иначе говоря, всякое существо является более или менее умным. Если мы обозначим плотность Абсолюта за 1, то следующая плотность будет 3, потому что в Боге, как и во всех вещах, существует три силы.

Закон повсюду один и тот же. Плотность следующей материи будет в два раза больше, чем плотность второй и в шесть раз больше плотности первой материи. Следующая плотность равна 12 и в определённой точке материя достигнет плотности 48. Это значит, что эта материя в сорок восемь раз тяжелее, в сорок восемь раз менее умнее и так далее. Мы можем узнать вес каждой материи, если мы определим её место. Или, наоборот, если мы определим её вес, то мы узнаем место, откуда происходит эта материя.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ БЕСПРИСТРАСТНЫМ?

Нью-Йорк, 20 февраля 1924 г.

Невозможно быть беспристрастным даже тогда, когда лично нас ничего не касается. Таков закон, такова человеческая натура.

Как и почему, об этом мы поговорим в дальнейшем. А пока поставим проблему следующим образом:

1. В человеческой машине есть что-то, не позволяющее оставаться беспристрастным, то есть рассуждать спокойно и объективно, не поддаваясь эмоциям;

2. Иногда путем специальных усилий можно освободиться от такой тенденции.

Что касается второго пункта, я вас сейчас попрошу попытаться приложить усилия и сделать это непременно для того, чтобы наша беседа отличалась от всех бесед обычной жизни, то есть просто опрокинуть ничто в пустоту, что было бы полезно как для вас, так и для меня.

Я называю беседы обычными: «Опрокинуть ничто в пустоту». Подумайте серьезно о всех беседах, которые у вас состоялись с момента вашего рождения. Спросите себя, посмотрите на себя: привели ли эти беседы к какому-то результату? Знаете ли вы сегодня, что у вас есть что-то уверенное и неоспоримое, как, например, суждение дважды два четыре. Если вы искренне ищете в себе, если вы искренне отвечаете, вы согласитесь, что они ни к чему не привели.

Наш здравый смысл придет к выводу, что если подобная манера беседы не привела ни к чему до настоящего времени, то от нее нечего желать и в будущем. Даже если бы человеку было суждено жить сто лет, результат был бы одним и тем же.

И напротив, мы должны искать причину всего этого и по возможности внести изменения. Наша цель заключается в раскрытии этой причины; итак, начиная с этого момента, мы должны попытаться изменить манеру наших бесед.

В прошлый раз мы начали говорить о законе Троицы. Я сказал, что этот закон везде и во всём, он присутствует также в наших беседах. Например, когда люди говорят, среди них есть всегда тот, кто утверждает, и тот, кто отрицает. Если они не вступают в разговор, ни-

что не говорит об этих утверждениях и этих отрицаниях. Если они вступают в дискуссию, то возникает новый результат, то есть новое понятие, которое не принадлежит ни человеку, который утверждал, ни тому, кто отрицал.

Это тоже закон, так как совершенно неверно будет говорить, что ваши предыдущие беседы не дали никакого результата. Он был, но не для вас, результат был для чего-то или для кого-то вне вас.

Сейчас мы говорим о результатах, которые мы сами приобретаем или которые мы хотим приобрести. Итак, вместо того, чтобы дать действовать закону через нас и вне нас, мы хотим, чтобы он действовал в нас и для нас. Для достижения этого достаточно изменить поле деятельности этого закона.

То, что вы делали до сих пор, утверждая, отрицая и вступая в дискуссию с другими, я хотел бы сейчас, чтобы вы проделали это с самими собой, для того, чтобы результаты, которых вы достигнете, были субъективными, а не объективными, как это было до сих пор.

ВСЁ МАТЕРИАЛЬНО

Эссенцуки, 1918 г.

Все в мире материально и в соответствии со всеобщим законом всё находится в движении и постоянном изменении. Это изменение касается как самой тонкой, так и самой грубой материи, и наоборот. Между этими двумя полярными состояниями существуют многочисленные степени плотности материи.

Подобное преобразование материи осуществляется неравномерно и прерывисто. На определенных стадиях этого развития происходят остановки, которые в какой-то мере можно сравнить с промежуточными станциями. Они создаются всем тем, что можно назвать организмами в широком смысле этого слова; Солнцем, Землей, человеком, микробом. Эти станции являются трансформаторами, преобразующими материю как в возрастающем направлении, где она утончается, так и в обратном направлении, где она уплотняется. Подобное преобразование происходит чисто механически.

Материя повсюду одинакова, но её плотность на каждой ступени разнородна. Далее, каждая материя имеет своё собственное место в общей градации материи, что позволяет сказать, находится ли материя на тонкой или плотной стадии становления. Трансформаторы отличаются только градацией. Человек является также промежуточной станцией, как Земля или Солнце; в нём происходят такие же механические процессы. В нём происходит то же преобразование высших форм материи в низине, и низших форм — в вышине.

Это преобразование субстанций, проходящее по двум направлениям: эволюции и инволюции, осуществляется не только вдоль главной линии, идущей от самого тонкого до самого плотного и наоборот, но эта линия на каждой промежуточной станции, на каждой ступени способствует созданию боковых ответвлений. Необходимая материя может быть схвачена и поглощена определенным существом, что служит её эволюции или инволюции. Всякая вещь поглощает, то есть питается чем-то и в свою очередь служит пищей. Это то, что означает «взаимобразный обмен». Оно осуществляется во всем, как в органической, так и в неорганической материях.

Как я уже об этом говорил, всё есть движение. Никакое движение не следует прямой линии, каждое движение идет по двум одновременным направлениям, оно само находится в кругообороте и стремится к наиболее близкому центру гравитации в соответствии с законом падения. Это то, что обычно называется движением. Этот всеобщий закон был известен в далекой древности. Мы можем его не рассматривать в некоторых событиях прошлого, которые никогда бы не произошли, если бы люди тех эпох не знали бы об этом. Когда-то в прошлом люди знали как использовать и контролировать эти законы Природы. Это искусственное направление механических законов человеком является магией и тре-

бует не только преобразования субстанций в желаемом направлении, но и сопротивления, противопоставления отдельным механическим влияниям, которые основываются на одних и тех же законах. Те, кто знает эти всеобщие законы и умеет использовать их — маги. Есть *белая* и *чёрная* магии. Белые маги пользуются знаниями для достижения добра; черные маги пользуются знаниями для со-вершения зла, для удовлетворения своих собственных эгоистических целей.

Так же как и Великое Знание, Магия, которая существует с давних времён, не предавалась забвению и содержит в себе то же знание, что и раньше. Изменялась только форма, в которой это знание выражалось и передавалось в зависимости от времени и места.

Сейчас мы говорим на языке, который через два века подвергнется изменениям, а два века назад он был не таким, каким он является сегодня. Также и форма, в которой Великое Знание, выраженное в определенный момент, становится малопонятным для последующих поколений, оно было усвоено исключительно буквально. Для многих людей внутреннее содержание потеряно. Две линии цивилизации, независимые друг от друга, параллельно развиваются в истории человечества, это эзотерическая и экзотерическая линии. Не меняясь, одна из них одолевает другую и развивается, в то время как Другая затушёвывается. Возникает период цивилизации с эзотерической доминантой и благоприятствуют внешние, политические и другие условия. Подобное произошло с христианством. Знание широко распространяется, выступая в форме образования в соответствии с условиями места и времени. Но тогда как для одних религия служит путеводителем, то для других она является жандармом.

Христос был также магом, человеком Знания. Он не был Богом, или скорее, если Он был Богом, то на определенной ступени. Истинный смысл и реальное значение многих положений Евангелия сегодня почти забыты. Например, Тайная вечеря была событием совершенно другого плана, каким его обычно представляют. В действительности, Христос смешал свою кровь с хлебом и вином, которые он дал своим последователям.

Для того, чтобы вам было понятно, я приведу другие рассуждения.

Всё, что существует, окружено атмосферой. Отличие касается только объёмов. Чем больше организм, тем больше атмосфера. В этом плане каждый организм можно сравнить с заводом. Завод окружен атмосферой из дыма, пара, отходов производства и некоторых компонентов, которые испаряются во время производственного процесса. Качество этих составляющих меняется. Точно таким же образом человеческая атмосфера включает в себя различные элементы. Атмосфера каждого завода имеет определенный запах. То же самое происходит с атмосферой каждого человека. Острое обоняние, например, Собаки, легко различает атмосферу одного человека от атмосферы другого.

Я уже говорил, что человек является также станцией для трансформации субстанции. Часть субстанции произведенных механизмов служит для трансформации других субстанций, в то время как остальная часть уходит в атмосферу, то есть теряется.

Таким образом, организм работает не только на себя, но и еще для чего-то другого. Человек, обладающий знанием, знает, как задержать эти тонкие материи и аккумулировать их. Только значительное аккумулирование этих материй создает возможность формирования в человеке второго, более лёгкого тела.

Обычно материи, составляющие атмосферу, постоянно расходуется, восстанавливаясь благодаря внутренней работе человека.

Атмосфера человека необязательно имеет форму сферы. Она постоянно меняет форму. В период напряжения, страха или опасности она вытягивается в сторону напряжения, а противоположная сторона тут же становится тоньше.

Атмосфера человека занимает определенное пространство, в пределах которого она испытывает притяжение организма. Но за определенным пределом частицы атмосферы срываются и больше не возвращаются. Это происходит каждый раз, когда атмосфера сильно вытянута в одном направлении.

То же самое происходит, когда движется человек: частицы его атмосферы отрываются и остаются позади, что способствует появлению «хвоста», благодаря которому за этим человеком можно идти по следу. Эти частицы могут быстро рассеяться в воздухе, но они также могут оставаться на месте на достаточно продолжительное время. Частицы его атмосферы могут также оставаться на одежде, на белье и на других его вещах, что приводит к тому, что между ними и этим человеком устанавливается связь.

Магнетизм, гипноз и телепатия относятся к явлениям того же порядка. Действие магнетизма прямое, действие гипноза распространяется на короткое расстояние через атмосферу, действие телепатии распространяется на более длинное расстояние, что позволяет сравнивать ее с действием телефона или телеграфа. У телефона и телеграфа связь осуществляется с помощью металлической проволоки, а при телепатии связь зависит от следов частиц, оставляемых человеком. Тот, у кого есть дар телепатии, может заменить этот след своей собственной материей. Таким образом, он устанавливает связь, создавая нечто вроде кабеля, по которому он действует на психику другого. Если у него есть предмет, принадлежащий кому-то, после установления подобной связи он может формировать вокруг этого предмета образ воска или глины и, действуя на неё, действует таким образом на другого человека.

ЧЕТЫРЕ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Нью-Йорк, 17 февраля 1924 г.

Принятие решения и желание работать представляются гораздо более трудными, чем работа над собой. Для этого необходимо, чтобы все наши центры пришли к согласию, уяснив, что для того, чтобы осуществить какую-либо совместную работу, они должны подчиниться одному хозяину. Но трудно прийти к согласию, так как если бы хозяин существовал, то невозможно было бы никому из них давать распоряжения другим и делать то, что им хотелось бы. У рядового человека нет хозяина. А где нет хозяина, там нет и души.

Душа — это цель всех религий и всех учений. Но это только цель, возможность, но не факт.

87 У рядового человека нет ни души, ни воли. То, что обычно называется «волей», есть только следствие желаний. Если у человека есть какое-то желание и в тот же момент у него возникает противоположное желание, более сильное, чем первое, то оно поглощает и устраняет его. Это то, что называется волей в повседневном языке.

Ребенок никогда не рождается с душой, которая приобретается в течение всей жизни.

К тому же это большая роскошь, удел узкого круга людей. Большинство людей проводят свою жизнь без души и без хозяина. В обыденной жизни совершенно нет необходимости в душе.

Но душа не возникает из ничего, так как всё материально. Душа также материальна, но она состоит из очень тонкой субстанции. Чтобы иметь душу, нужно обладать соответствующей субстанцией.

Таким образом, у нас нет материала для наших повседневных функций. Если мы хотим обеспечить необходимую субстанцию, соответствующий капитал, мы должны приступить к экономии, имея в виду завтрашний день. Например, я привык съедать каждый день картофель, следовательно, я буду съедать только половинку, а другую оставлю про запас или буду голодать. Резервы субстанции должны быть большими, в противном случае исчезнет то, что есть.

Если у нас есть кристаллики соли и мы их положим в стакан воды, то они быстро растворяются. Мы можем еще добавлять соль, она будет растворяться. Но наступает момент, когда раствор перенасыщается, соль уже не растворяется, и кристаллы оседают в стакане. То же самое происходит с человеческим организмом. Даже если постоянно производятся

материалы, необходимые для формирования души, то они рассеиваются и растворяются. Для того, чтобы была возможна кристаллизация, необходимо перенасыщение этими материалами.

Кристаллизованная таким образом материя принимает форму физического тела человека, копией которого она является и может быть от него отделена. У этих двух тел неодинаковая жизнь и каждое из них подчиняется различным законным порядкам. Второе тело является «астральным» телом. Его называют душой по отношению к физическому телу. Наука уже предвидит возможность экспериментальным путем установить наличие второго тела.

Когда мы говорим о душе, мы обязаны объяснить, что может быть множество категорий душ. Но только одна может по праву называться душой.

Как уже было сказано, душа приобретается в течение всей жизни. Если человек, который начал аккумулировать эти субстанции, умирает до того, как они кристаллизуются, то в тот же миг смерти физического тела эти субстанции также распадаются и исчезают.

Как и всякое другое явление, человек является производным от трех сил.

Как и всякая живая вещь, Земля, планетная система и Солнце изучают эманации. В пространстве, расположенном между Солнцем и Землей, существуют три сочетания эманации. Являясь самыми тонкими, самые длинные эманации Солнца из-за больших размеров достигают Земли и даже проникают сквозь нее, не останавливаясь. Эманации планет достигают Земли, но не достигают Солнца. Эманации Земли еще более укорочены. Так, в пределах атмосферы Земли существуют три вида эманации: Земли, планет и Солнца. По ту сторону эманации Земли отсутствуют, есть только эманации Солнца и планет, а еще выше существуют только эманации Солнца.

Человек — это результат взаимодействия планетных эманации и земной атмосферы с материалами Земли. Когда умирает обычный человек, его физическое тело разделяется на составляющие части; то, что идет от Земли, уходит в Землю. Ты только прах и ты станешь прахом! Часть, что идет от планетных эманации, возвращается в планетный мир, часть, что идет от земной атмосферы, возвращается обратно. Таким образом, ничто не существует как целое.

Если второе тело кристаллизуется в человеке до его смерти, то оно может продолжать жить после смерти физического тела. Материя этого астрального тела соответствует своими вибрациями материи эманации Солнца; теоретически оно нерушимо в пределах Земли и ее атмосферы. Однако продолжительность его существования может продолжаться, так как оно может существовать долгое время или его существование может быть скоротечным. Дело в том, что второе тело, как и первое, имеет центры, как и первое живет и питается впечатлениями и нуждается в получении определенного воспитания, подобно новорожденному, у которого нет опыта и впечатлений. В противном случае оно предается забвению, не способно существовать независимо и так же как физическое тело разделяется на части.

Все, что существует, подчиняется одному и тому же закону: «то, что находится вверху, такое же, что находится внизу». То, что может существовать при определенных условиях, не может существовать в иных условиях. Если астральное тело соприкасается с материей более тонких вибраций, оно распадается на части.

Вот почему на вопрос: «бессмертна ли душа?», можно только ответить: «да или нет». Чтобы получить более точный ответ, нужно знать, о какой душе и о каком бессмертии идет речь.

Как я уже об этом сказал, второе тело человека по отношению к физическому телу является душой. Хотя оно также разделено на три принципа, взятое целиком, оно представляет активную силу, позитивный принцип по отношению к пассивному, негативному принципу, чем является физическое тело. Среди них появился нейтрализующий принцип

как специальный магнетизм, которым никто не обладает, но без которого второму телу невозможно быть хозяином первого.

Последующее развитие возможно. Человек имеющий 2 тела может с помощью кристаллизации новых субстанций обрести новые свойства. Таким образом, третье тело формируется внутри второго; его часто называют «ментальным телом». Третье тело станет активным принципом, второе тело — нейтрализующим принципом, первое — физическое тело — пассивным принципом. Но это еще не душа в реальном смысле слова. При смерти физического тела астральное, в свою очередь, умирает, а ментальное тело остается в одиночестве. Но, хотя при некоторых условиях оно бессмертно, то рано или поздно оно умирает.

Только четвертое тело означает осуществление возможного развития для человека в земных условиях его существования. Оно бессмертно в пределах солнечной системы. Этому телу принадлежит истинная воля, оно реальное «Я», душа человека, хозяин, оно есть активный принцип по отношению к другим телам, вместе взятым.

Взаимопроникая, четыре тела отличаются друг от друга. После смерти физического тела высшие тела распадаются.

Перевоплощение является чрезвычайно редким явлением. Оно происходит или по окончании очень длительного временного периода, или в возможности существования человека в физическом теле во всякой точке тождественной ему, обладающему высшими телами. К тому же астральное тело перевоплощается только при случайной встрече с физическим телом, что может происходить бессознательно. В то время как ментальное тело уже способно к выбору.

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ВЛИЯНИИ Нью-Йорк, 24 февраля 1924 г.

Человек подвергается многочисленным влияниям, которые могут быть разделены на две категории: на те, которые вызваны физическими и химическими причинами, и на те, которые вызваны ассоциативным путем и происходят от нашей обусловленности.

Физико-химические влияния имеют материальную природу и происходят от комбинаций двух субстанций, которые, сливаясь, порождают нечто новое. Эти влияния возникают независимо от нас. Они действуют во вне.

Например, эманации одного лица могут комбинировать с моими — смесь дает рождение чему-то новому. И это справедливо не только для внешних эманации, то же самое происходит внутри человека.

Вы, возможно, заметили, что когда кто-то сидит вблизи вас, то вы чувствуете себя хорошо или плохо. Мы чувствуем себя плохо, когда нет согласия.

У каждого человека имеются различные виды эманации со своими собственными законами, которые восприимчивы к различным комбинациям.

Эманации одного центра формируют многообразные комбинации с эманациями другого центра. Этот вид комбинаций является химическим. Эманации изменяются — это зависит вплоть до того, пью ли я чай или кофе.

Ассоциативные влияния совершенно различны. Если кто-то меня толкает, вдобавок если он плачет, то на меня это действует механически. Это приводит в действие некоторое воспоминание, и это воспоминание или ассоциация вызывает во мне другие ассоциации и так далее. Под действием этого толчка меняются мои ощущения, мои мысли. Это не химический, а механический процесс.

Источник этих двух влияний в действительности находится совсем близко к нам. Но существуют и другие влияния, которые возникают из обширных очагов, таких как Земля, планеты, Солнце, которые подчиняются законам другого порядка. В то же время много-

численные влияния, проистекающие из этих громадных существ не могут нас достигнуть, если мы находимся целиком под влиянием малых вещей.

Поговорим сначала о физико-химических влияниях. Я уже сказал, что у человека множество центров. Я говорил о повозке, лошади и кучере, а также о носилках, вожжах и эфире. Всякая вещь имеет свои собственные эманации и свою собственную атмосферу. Природа каждой атмосферы является особенной, поскольку у каждого различное начало, различные свойства и различное содержание. Они кажутся теми или другими, но вибрации их материи различны.

Повозка, наше тело, имеет атмосферу, обладающую специальными свойствами.

Мои ощущения также производят атмосферу, эманации которой могут распространяться на длинное расстояние.

Когда я думаю ассоциативно, возникают эманации третьего вида.

Когда пустое место в повозке занято пассажиром, эманации также различны, они отдельны от эманации кучера. Пассажир не является грубияном: он думает о философии, а не о виски.

Таким образом, каждый человек может иметь четыре вида эманации, но необязательно. Можно иметь больше эманации одного вида и меньше другого. Человек варьирует в этом отношении, и один и тот же человек в разные моменты может быть разным. Я выпил кофе, но он его не выпил — разная атмосфера. Курю я, но вдыхает она.

Всегда существует взаимодействие, иногда для меня вредное, иногда благотворное. В каждую минуту я тот или этот, и вокруг меня то или это. И влияния во мне тоже варьируют.

Я не могу ничего изменить.

Я раб этих влияний, которые я называю физико-химическими.

Ассоциативные влияния полностью различны. Рассмотрим сначала те, которые действуют на меня посредством «формы». Форма влияет на меня. Я привык видеть особую форму и когда она отсутствует, это наводит на меня страх. Форма дает начальный толчок моим ассоциациям. Красота — это также «форма». В реальности, мы не можем видеть форму такой, какая она есть, мы видим только образ.

Второе из этих ассоциативных влияний устанавливается моими ощущениями, моими симпатиями или антипатиями.

Меня затрагивают ваши ощущения, следом реагируют мои. Но иногда происходит обратное. Это зависит от комбинаций. Или вы влияете на меня, или я на вас. Это влияние может быть названо «отношением».

Третье из этих ассоциативных влияний будет названо «убеждением» или «внушением». Например, один человек словами убеждает другого человека. Кто-то убеждает вас, вы убеждаете кого-то другого. Все убеждают, все внушают.

Четвертое из этих ассоциативных влияний заключается в превосходстве одного человека над другим. Возможно, что там нет влияния, идущего от формы или чувства. Вы знаете, что этот человек более умен, более богат, что он способен говорить на разные темы; словом, он обладает чем-то специальным, авторитетом. Все это вас достигает потому, что это выше вас и это происходит вне всех чувств.

Таким образом, существует восемь видов влияний. Половина — это физико-химические влияния; другая половина — ассоциативное.

Кроме того, существуют другие влияния, которые проникают в нас довольно глубоко. Каждый миг нашей жизни, каждое чувство, каждая мысль получают окраску планетарных влияний. И тут мы рабы.

Я только вкратце рассмотрю этот аспект и вернусь затем к главной теме. Не забудьте, о чем мы говорили. Большинство людей нелогичны в своих суждениях и постоянно отклоняются от темы.

Земля и все другие планеты находятся в постоянном движении, у каждой различная скорость. То они приближаются, то удаляются. Их взаимодействие также интенсивно или ослаблено, или даже совсем прервано. На данный момент достаточно сказать, что планетарные влияния на Земле чередуются: то действует одна планета, то другая, то третья и так далее. Как-нибудь мы изучим влияние каждой планеты отдельно, но сегодня, чтобы дать вам основную идею, мы возьмем их в совокупности.

Мы можем схематично описать эти влияния следующим образом. Вообразим огромное колесо, подвешенное над Землей, с семью или девятью огромными цветными прожекторами, закрепленными по кругу. Колесо вращается и свет разных прожекторов по очереди направляется к Земле — вследствие чего Земля всегда окрашена светом прожектора, который светит в данный момент.

Все существа, рожденные на Земле, окрашены светом, который преобладает в момент рождения, и они сохраняют эту окраску на протяжении всей своей жизни. Так же как нет следствия без причины, так нет причины без следствия. И вне всякого сомнения планеты имеют громадное влияние сразу на жизнь человечества в целом и на жизнь каждого индивида в частности. Большое заблуждение современной науки заключается в том, что она не признает это влияние. Но это влияние не является столь большим, как хотели бы заставить нас поверить в это современные «астрологи».

Человек есть продукт взаимодействия трех видов материи: одна — позитивная (атмосфера Земли); вторая — негативная (минералы, металлы) и третья комбинация (планетарные влияния), которые происходят извне и встречают эти две материи. Нейтрализующая сила — это планетарное влияние, окрашивающее каждую новую жизнь. Окраска остается в совокупности своего существования. Если цвет был красный, то когда эта «жизнь» встретит красный цвет, она почувствует свою сопричастность с ним.

Определенные комбинации цвета оказывают успокаивающее действие; другие — возбуждающее; каждый цвет обладает своим специфическим свойством. Это закон химических различий. Таким образом, существуют «симпатичные» и «антипатичные» комбинации. Например, красный цвет стимулирует гнев, синий цвет пробуждает любовь. Боевитость связана с желтым цветом. Следовательно, если я склонен внезапно приходить в бешенство, то это связано с влиянием планет.

Это не значит, что вы или я действительно существовали бы таким образом, но это возможно. Могут вмешиваться более сильные влияния. Иногда внутри вас действует другое влияние и оно вам мешает ощутить внешнее влияние. Так, вы можете быть настолько сильно захвачены, что находитесь, так сказать, запертым в броне. И это касается не только планетарных влияний. Зачастую влияние далекого источника может вас не затронуть. Чем отдаленней влияние, тем оно слабее. Даже если оно было послано специально для вас, оно не могло бы вас достичь потому, что ваша броня помешала бы этому.

Чем больше человек развит, тем больше он подвержен влияниям. Иногда, пытаясь освободиться от различных влияний, мы, освобождаясь от одного, подпадаем под множество других и, таким образом, мы становимся еще менее свободными, еще более рабами.

Мы говорили о девяти влияниях. Все они влияют на нас в любой момент. Каждая мысль, каждое чувство, каждое движение является результатом того или иного влияния. Все, что мы делаем, все наши проявления происходят потому, что нечто внешнее влияет на нас. Это рабство то унижает нас, то нет: это зависит от того, что мы любим. Мы также живем под многочисленными влияниями, как и животные. Мы можем пытаться освободить себя от одного или двух влияний, но всякий раз, когда мы освобождаемся, на нас действует десять других. Однако у нас есть некоторая свобода выбора, иначе говоря мы можем сохранить одни влияния и освободиться от других. Возможно выйти из-под влияния двух видов.

Чтобы освободить себя от физико-химических влияний, нужно быть пассивным. Я повторяю, речь идет о влияниях на эманации атмосферы тела, чувств, мышления и, у неко-

торых, также эфира. Чтобы сопротивляться этим влияниям, нужно быть пассивным. Таким образом, можно стать немного свободнее. Здесь вступает в силу закон притяжения. Все притягивает само себя. То есть всякая вещь направляется туда, где ее больше. Тому, у кого много, дают еще больше. У того, у кого мало, изымают даже это малое.

Если я спокоен, то мои эманации имеют вес, так что другие эманации идут ко мне и я могу их впитать туда, где у меня для них есть место. Но если я взволнован, то эманации у меня недостаточно, поскольку они идут к другим. Если эманации идут ко мне, то они занимают вакантные места, так как они нужны там, где пусто.

Эманации остаются там, где господствует покой, там, где отсутствие конфликта, там, где находится пустое место. Если такого места нет, если все заполнено, то эманации могут ко мне вернуться, но они либо отскакивают, либо проходят. Если я спокоен, то я обладаю пустым местом и могу принять их, но если я заполнен, то они не беспокоят меня. Таким образом, в обоих случаях, я нахожусь в хорошем положении.

Освобождение от влияний второго вида, то есть от ассоциативных влияний, требует искусственной борьбы. Здесь играет роль закон отталкивания. Этот закон состоит в следующем: там, где мало, прибавляется много. Иначе говоря, это противоположность первого закона.

Благодаря влияниям второго вида, все разворачивается сообразно закону отталкивания.

Следовательно, чтобы самому освободиться от влияний, существует два отличительных принципа для двух видов влияний. Если вы хотите освободить себя, то вы должны знать, какой принцип применять в каждом отдельном случае. Если вы вызываете к принципу «отталкивания», когда необходим принцип «притяжения», то вы проиграете. Многие люди делают противоположное тому, что требуется. И однако легко определить различие между двумя обсуждаемыми влияниями. Это можно даже сделать сразу. Что касается других влияний, нужно большое знание. Но легко разделить эти два вида влияния: каждый, если постарается посмотреть, может распознать, о каком виде влияния идет речь. Но многие люди, зная о существовании таких эманации, не видят между ними разницы. Однако, если внимательно за ними понаблюдать, то различить их легко. Действительно интересно заняться таким изучением; каждый день, достигая более интересных результатов, приобретаю способность различать. Но это очень трудно теоретически выразить.

Невозможно достичь непосредственного результата и тут же освободиться от этих влияний. Не для каждого остается возможность их изучать и различать.

Измените дальнюю цель; это требует много времени и труда. Но изучение не занимает много времени. И если вы подготовили себя к изменению, то задача будет менее сложной, вам не потребуется много времени для различения.

Изучение второго вида влияний, ассоциативных влияний, более удобно на практике. Возьмем, к примеру, влияние, исполненное через форму. Или вы влияете на меня, или я влияю на вас. Но форма является внешней: движения, одежда, свойство или противоположность — все, что обычно называется «маской». Если вы понимаете, то вы легко можете изменить это. Предположим, что вы ему нравитесь в черном платье; благодаря этому вы можете влиять на него. Или он может на вас влиять. Не хотите ли вы поменять платье только для него одного или для многих людей? Есть та, которая делает это только для него, а не для других. Иногда нужен компромисс.

Не принимайте ничего буквально. Я говорю это в качестве примера.

В том, что касается второй категории ассоциативных влияний, которые мы называем «чувством» и «отношением», мы должны бы знать, что позиция других по отношению к нам зависит от нас самих. Если вы хотите жить с умом, вы должны прежде всего понять, что ответственность за почти все хорошие или плохие чувства, которые вы внушаете, заключается в вас, в вашем внешнем и внутреннем положении. Положение других людей

часто отражает ваше собственное положение. Вы начинаете, другой вам следует. Любите вы, любит она. Вы сердитесь, она сердится. Это закон: вы получаете то, что даете.

Но иногда существует различие. Иногда нужно бы любить это и не любить то. Случается, что вы любите ее, а она вас не любит; но как только вы перестаете ее любить, она начинает вас любить. Это происходит согласно физико-химическим законам.

Всякая вещь есть результат трех сил: повсюду существует утверждение и отрицание, катод и анод. Человек, Земля, все, что существует, является магнитом. Различие состоит только в количестве эманации. Везде две силы находятся в творческом движении: одна притягивает, другая отталкивает. Как я только что сказал, человек тоже является магнитом. Правая рука отталкивает, левая — притягивает, или в противном случае будет изъян. Одни вещи эманруют больше, другие — меньше; но каждая вещь отталкивает или притягивает. Всегда существует «один, кто отталкивает, и другой, кто притягивает» или «один, кто притягивает, и другой, кто отталкивает». Когда ваш способ притяжения и отторжения гармонирует с таким же способом другого человека, то это дает полное понимание и любовь. Вот почему результаты могут быть очень различны. Сообразно тому, есть или нет соответствия, когда я притягиваю и он отталкивает, результат будет очень разным. Порой мы отталкиваем одновременно. Если возникает согласие, то влияние, как результат, оказывает успокаивающее действие. Иначе происходит обратное.

Одна вещь зависит от другой. Например, я не могу быть спокойным: я притягиваю и он отталкивает. Или я не могу оставаться спокойным, пока не постараюсь изменить ситуацию. Но мы можем попытаться адаптировать себя. Существует закон, согласно которому после толчка следует пауза. Мы можем использовать эту паузу, если мы способны удержать ее и не броситься навстречу следующему толчку. Если мы умеем оставаться спокойными, то мы извлечем пользу из вибраций, которые продолжаются после толчка.

Каждый способен остановить движение, так как существует закон, согласно которому всякая вещь движется столь долго, сколь длится ее импульс. После чего она останавливается. Он так же как и я, каждый из нас может остановить движение.

Все происходит таким образом. Толчок в мозгу и вибрации приводятся в действие. Вибрации продолжаются по инерции как круги на поверхности воды, когда бросают туда камень. Если удар сильный, то пока движение успокоится, проходит много времени. То же самое происходит с вибрациями в мозгу. Если я постоянно не даю толчков, то они останавливаются, успокаиваются. Нужно научиться их останавливать.

Если я действую сознательно, то взаимодействие произойдет сознательно. Если я действую бессознательно, то результатом будет все, что выходит из меня.

Я утверждаю одно, сейчас же он начинает мне противоречить. Я говорю, что это черное, он знает, что это черное, но он имеет охоту спорить и начинает утверждать, что это белое. Если я нарочно с ним соглашаюсь, то он сейчас же изменит утверждение и будет настаивать на том, что раньше отрицал. К согласию прийти невозможно, потому что каждый толчок провоцирует в нем оппозицию. Если он устанет, то он может согласиться внешне, но не внутренне. Например, я вас вижу; мне нравится ваше лицо. Этот новый толчок, более мощный, чем просто разговор, внешне устанавливает во мне согласие. Иногда, когда вас уже убедили, вы продолжаете спорить.

Очень интересно наблюдать за разговором других людей со стороны. Это интересней, чем смотреть кино. Иногда два человека говорят одну и ту же вещь, один утверждает, другой этого не понимает и спорит... хотя имеет то же мнение.

Все происходит механически.

То, что касается отношений, может быть сформулировано следующим образом: внешние отношения зависят от нас. Мы можем изменить их, если мы примем необходимые меры.

Третий вид влияний, внушение, является очень мощным. Каждый подвержен внушению, каждый практикует внушение на другого. На нас воздействуют многочисленные

внушения, особенно если мы не знаем, что подвержены опасности. Но даже если мы это знаем, внушения все равно проникают в нас.

Существует закон, который очень важно понять. Согласно общему правилу, когда это происходит, у нас работает только один центр — мышление или чувство. Когда отсутствует власть, критики, когда другой центр не обследует наше чувство, оно имеет определенный вид. Сам центр не обладает ни сознанием, ни памятью; это кусок мяса без соли определенного вида, это орган, некоторая комбинация субстанций, который просто обладает специальной способностью регистрации.

В сущности, действительно можно было бы это сравнить с чувствительным покрытием записывающей ленты. Если я говорю что-то на нее, то она может позже это повторить. Она полностью механическая, органически механическая. Что касается субстанции, то все центры немного различаются, но их свойства одинаковы.

Если я скажу центру, что вы красивы, он в это поверит. Если я ему скажу, что это красное — он также в это поверит. Но он не понимает; его понимание совершенно субъективно. Далее, если я задам ему вопрос, он ответит, повторяя то, что я сказал. Он не изменится ни через сто лет, ни через тысячу. Он всегда останется таким же. Внутри нашего ума нет критического отдела, нет сознания, нет ничего. И все другие центры являются подобными.

Что же такое наше сознание, наша память, наш критический отдел? Это очень просто. Это то, что входит в действие, когда один центр специально обследует другой, когда он видит и чувствует то, что там происходит, и, видя это, регистрирует все в себе самом.

Он получает новые впечатления; и затем, если мы хотим знать, что произошло раньше, то мы ищем в другом центре и по мере нахождения, мы узнаем то, что произошло вначале. То же происходит с нашим критическим отделом — один центр обследует другой. Согласно одному центру мы знаем, что эта вещь красная, но другой центр видит ее синей. Один центр всегда старается убедить другой. Вот что такое критический отдел.

Если два центра долгое время находятся в разногласии по поводу одной вещи, то это разногласие мешает нам дальше размышлять.

Если другой центр не наблюдает, то первый продолжает мыслить по-прежнему. Мы очень редко наблюдаем за одним центром исходя из другого — это происходит только моментами, может быть по минуте в день. Когда мы спим, то мы никогда не смотрим одним центром за другим; и, проснувшись, мы делаем это только время от времени.

В большинстве случаев каждый центр живет своей собственной жизнью. Он безраздельно верит во все, что слышит и регистрирует, все так, как услышал. Если он слышит то, что уже слышал, то он ограничится регистрацией. Если он слышит нечто, что не согласовывается, например, когда бывшее красным становится синим, он сопротивляется; но не потому, что он хочет знать истину, а просто он не верит в это сразу. И между тем, он верит, он верит всему. Если что-то меняется, ему просто требуется время, чтобы восприятия заняли свое место.

Если другой центр не следует в тот момент за этим, то он накладывает синий на красный. И таким образом синий и красный остаются вместе. Позже, когда мы расшифровываем запись, появляется ответ: «красное». Но с таким же успехом могло появиться и «синее».

Мы можем получить критическое восприятие всякого нового впечатления, если мы будем действовать во время восприятия таким образом, чтобы присутствовал другой центр и воспринимал эту информацию под другим углом. Допустим, на данный момент, я говорю что-то новое. Если вы меня слушаете одним центром, в том, что я говорю, не будет ничего нового. Нужно слушать иначе. В противном случае как ничего не было ранее, так и ничего не будет теперь. Все имеет свою цену: синее станет красным, красное станет синим и еще раз не будет знания. Синее даже может стать желтым.

Если вы хотите услышать новые вещи по-новому, вам следует их слушать по-новому. Это необходимо не только в работе, но и в жизни. Вы обретете большую свободу в жизни, станете более уверенным, если будете интересоваться всеми новыми вещами и напоминать себе о них посредством нового метода. Нетрудно понять этот новый метод, который не будет больше полностью автоматическим, а станет полуавтоматическим. Данный новый метод заключается в следующем: как только появляется мысль, попытайтесь ощутить ее. Когда вы что-то чувствуете, попытайтесь направить свои мысли на свое чувство. До настоящего времени мысль и чувство существовали раздельно.

Начните наблюдать за своей мыслью, испытайте то, о чем вы думаете. Подготовьте себя к завтрашнему дню и застрахуйте себя от разочарования. Вы никогда не поймете того, что я хочу вам передать, если вы будете продолжать слушать так, как прежде. Вспомните то, что вы уже знаете, все, что вы уже прочитали, все, что вы видели, все, что вам показали, я уверен, что вы в этом ничего не смыслите. Если когда-либо вы откровенно спросили бы себя: «Понимаю ли я, почему дважды два четыре?», вы обнаружили бы, что вы в этом сомневаетесь. Вы слышали, что кто-то другой об этом говорил и вы это повторяете. Это происходит не только с явлениями обыденной жизни, но и с явлениями более высшего порядка, непонятным для вас. Все, что вы имеете, не принадлежит вам.

В вас находится мусорный ящик и вы туда накидали что попало. Но в нем много ценных вещей, которые вы могли бы использовать. Есть специалисты, которые собирают то, что бросают в эти ящики, а некоторые даже обогащаются таким образом. В ваших ящиках достаточно материала, чтобы все понять. Если вы все понимаете, то вы будете все знать. Нет необходимости накапливать больше, все уже есть. Чего не хватает, так это понимания, его место пусто. Вы можете располагать большой суммой денег, не принадлежащей вам, но вам было бы лучше иметь меньшую сумму, например, сто долларов, но которые принадлежали бы вам. К сожалению, все, чем вы располагаете, вам не принадлежит.

Великая идея может быть воспринята только с великим пониманием. Для нас малые идеи представляют все, что мы способны понять, и еще как.

Лучше обладать внутренне малой вещью, чем внешне большой. Обратите внимание на себя. Вы можете начать с того, что вы желаете думать об этом, но думайте иначе, чем вы думали до сих пор.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕДЕТ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

Лё Приерэ, 13 февраля 1923 г.

Освобождение ведет к освобождению.

Таковы первые слова Истины, не в кавычках, а Истины в прямом смысле этого слова, не просто теоретического понятия, не просто обыкновенного слова, Истины, реализуемой на практике.

Скрытый смысл этих слов может быть объяснен следующим образом. Под освобождением мы понимаем такое освобождение, которое является целью всех учений, всех религий, всех эпох. Оно в действительности является чрезвычайно важным. Все люди стремятся к нему, желают им обладать. Но оно недостижимо без первой свободы, малой свободы. Большая свобода есть свобода внешних влияний. Малая свобода есть свобода внутренних влияний.

Вначале эта малая свобода кажется большой, так как Дебютант почти не зависит от внешних влияний. Только

101 человек, освобожденный от внутренних влияний, попадает под влияние внешних.

Внутренние влияния мешают человеку быть под воздействием внешних. Внутренние влияния, внутреннее рабство происходят от различных источников, так же как и различных независимых факторов. Независимых в том смысле, что речь идет то об одной вещи, то о другой, так как у нас много врагов.

Таких врагов у нас такое количество, что не хватило бы одной жизни бороться в отдельности с каждым из них. Нам нужно найти методу, линию действия, которые позволили бы нам разом покончить с возможно большим количеством этих внутренних врагов, находящихся в основе таких влияний.

Я уже говорил, что у нас имеются различного рода враги. Но самыми главными и наиболее активными являются тщеславие и самолюбие. Существует даже учение, в соответствии с которым эти враги считаются представителями и посланниками дьявола.

По некоторым соображениям их еще называют Госпожа Тщеславие и Господин Самолюбие.

Подчеркиваю, таких врагов много. Я упомянул только о двух из них по причине их фундаментального значения. Сейчас нелегко было бы охарактеризовать их всех. Трудным представляется рассматривать каждое специфически и прямолинейно, что заняло бы достаточно много времени из-за их многообразия. Мы должны воздействовать на них косвенно таким образом, чтобы одновременно освободиться от многих врагов.

Эти представители дьявола постоянно находятся у порога, разделяющего нас от извне, создавая, таким образом, помехи, как хорошим, так и плохим влияниям проникнуть в нас.

Человек, выбирающий вид влияний, имеет преимущество в том, что у него будут эти хранители. И напротив, тот, кто хочет испытать все влияния, какими бы они ни были, так как нет возможности иметь только хорошие влияния, должен освободиться от большего количества этих хранителей и закончить, полностью освободившись от них.

Для достижения этого имеется множество путей и средств. Лично я посоветовал бы вам попытаться освободиться, не прибегая к бесполезным теориям, а выбирая путь простого самонаблюдения, самонаблюдения активного. Активное самонаблюдение открывает путь к этому. Но тот, кто не достигает этого, кому не удастся достичь своего этим путем, не имеет средств продвигаться дальше.

Возьмем, к примеру, самолюбие, которое практически занимает половину времени нашей жизни. Если извне кто-то или что-то задерживает наше самолюбие, сила полученного шока закрывает все двери, отрезает нас от жизни, не только на короткое время, но и на длительный срок.

Когда я связан с внешним миром, я живу. Если же я живу только внутренним миром, это не жизнь. Но весь мир живет именно так. Когда я созерцаю, я связываюсь с внешним миром.

Допустим, я здесь сижу. М. находится здесь, так же как и К., мы живем вместе. М. считает меня идиотом, я оскорблен. К. недружелюбен со мной, это задевает меня. Я «рассуждаю», я уязвлен, долго еще я не успокоюсь и обрету равновесие. Мы все чувствительны, все мы беспрестанно подвергаемся подобного рода испытаниям. Не успеет пройти одно испытание, как на его месте появляется другое. Наша машина создана таким образом, что она не содержит отчетливых границ для одновременных испытаний. У нас только одно место для психических испытаний. И происходит это таким образом, что если это место занято испытаниями, о которых я говорил, речь не может идти о тех испытаниях, которые мы желаем. Так как испытания, к которым нас подводит некоторое внутреннее поведение, не могут состояться пока вещи остаются такими, какими они есть.

М. посчитал меня идиотом. Зачем же мне оскорбляться? Я не чувствую себя оскорбленным, такие вещи меня не трогают. Не из-за того, что у меня нет самолюбия, у меня может его больше, чем у кого бы ни было. Вполне возможно, что именно это самолюбие защищает меня от оскорбления.

Я раздумываю, я рассуждаю в полный противовес с оппонентом. Он считает меня идиотом. А он, кто же он? Может он сам идиот? Или сумасшедший? Нельзя ожидать от сорванца, чтобы он был мудрецом. Я не могу требовать от него, чтоб он был мудрым. Его суждения глупы. Может кто-то внушил ему такую мысль обо мне, или она сама пришла ему в голову, что я идиот. Тем хуже для него. Я знаю, что я не идиот и это меня не задева-

ет. Что какой-то идиот назвал меня идиотом, это не затрагивает меня изнутри. Но если в какой-то период я вел себя как идиот, и кто-то назвал меня идиотом, я не огорчаюсь, потому что в мои планы не входило быть идиотом.

Не сомневаюсь, что такова цель каждого. Этот кто-то мне напоминает о моей цели, он помогает мне видеть, что я идиот и вел себя, как идиот. Я об этом поразмыслию и, может быть, в следующий раз не буду действовать, как идиот.

Итак, ни в том, ни другом случаях я не унижен.

К. недоброжелателен ко мне. Это не задевает меня, напротив, мне жалко К. Я жалею его из-за его недоброго взгляда, которым он посмотрел на меня. У него дол жен быть повод, чтобы посмотреть так косо на меня. Какой же это повод?

Я знаю самого себя. Мои суждения основываются на моих знаниях.

Кто-то ему вероятно сказал что-то про меня, что дало ему повод иметь неправильное представление обо мне. Я жалею его как раба, который взглянул на меня глазами другого. Это доказывает, что его нет, как личности. Это просто-напросто раб, следовательно, он не может меня унижить. Все сказанное является примером особого способа мышления.

В действительности, секретная причина всех подобных реакций заключается в том, что мы не владем самими собой и что у нас отсутствует истинное самолюбие. Если самолюбие такое, каким мы его рассматриваем обычно, является предосудительным, истинное самолюбие, которого по несчастью у нас нет, необходимо и желанно.

Обычное самолюбие есть признак высшего самомнения. Человек, который обладает таким самолюбием, обнажает сам себя.

Как мы уже говорили, самолюбие есть представитель Дьявола, это наш худший враг, главный тормоз нашим чаяниям и нашим свершениям. Самолюбие — основное оружие Преисподней.

Но вместе с тем самолюбие — свойство души. Через самолюбие приоткрывается дух. Самолюбие указывает и доказывает, что человек есть частица Рая. Самолюбие есть «Я», а «Я» есть Бог. Следовательно, самолюбие необходимо.

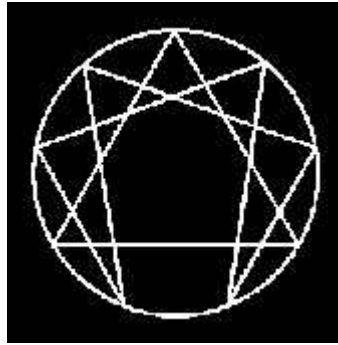
Самолюбие — ад, самолюбие есть также рай. Оба имеют одинаковое наименование, внешне они схожи, однако являются полностью противоположными и противопоставлены в их сущности. Но если мы относимся к этому поверхностно, то всю жизнь будем рассматривать их, никогда не видя различия между ними.

Известная поговорка гласит: «Тот, кто самолюбив, находится на полпути к свободе». Однако, если мы коснемся тех, кто сегодня сидит здесь, каждый переполнен самолюбием. И несмотря на то, что самолюбие прямо прет из нас, мы еще не обладаем даже малой толикой свободы. Наша цель состоит в том, чтобы овладеть самолюбием. Если оно у нас будет, то только одним этим мы освободимся от многих врагов. Мы можем освободиться от главных врагов — Господина Самолюбие и Госпожи Тщеславие.

Каким образом отличить один вид самолюбия от другого? Мы говорили, что внешне это нелегко. Различение уже трудно осуществить, когда мы рассматриваем других, и еще более трудно, когда мы рассматриваем самих себя.

Спасибо Боже, что мы здесь, что мы избегаем всякого смещения того или другого видов самолюбия. Нам везет! Истинное самолюбие полностью отсутствует, таким образом, нет никакого смещения.

В начале нашей беседы я упомянул выражение «активное самонаблюдение». Активное самонаблюдение приходит с практикой. Его нужно практиковать длительное время и в различных формах.

ГУРДЖИЕВ Г.И.

Эссе и размышления О

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Предисловие переводчика
2. Жанна де Зальцманн---Пробуждение мысли
3. Жанна де Зальцманн---Первое посвящение
4. Г.И. Гурджиев---Вопросы и ответы
5. Рене Домаль---Первый шаг

ГУРДЖИЕВ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

6. Басараб Николеску---Гурджиевская философия природы
7. Чарлз Т. Тарт---Динамика сна наяву

ГУРДЖИЕВ, ТЕАТР И МУЗЫКА

8. Питер Брук---Тайное измерение
9. Дэвид Хайкс---Поиск пробужденного слушания

ВОСПОМИНАНИЯ

10. Уильям Дж. Уэлш---Воспоминания
11. Соланж Клостре---Десерт

12. Об авторах

© Общество Друзей Абсолюта, составление

© Андрей Степанов, перевод, 2002

© Андрей Степанов, редакция, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Статьи в этом сборнике написаны людьми, принадлежащим к совершенно различным областям познания: здесь и теоретическая физика и театр, музыка и психология, высказывания самого Гурджиева и воспоминания о нем. Эти статьи не только раскрывают учение Гурджиева совершенно с разных сторон, но и доказывают, что в нем действительно содержится полное и всеобъемлющее знание – от космологии Вселенной до ролей, которые мы играем в жизни. Важно, что кроме теоретических описаний, в них даются (часто между строк) и практические способы воплощения в жизнь тех или иных идей.

На этих страницах постоянно встречаются три понятия – "Абсолют", "пробуждение" и "состояние присутствия". Попробуем соединить их вместе.

Пробужден ли Абсолют? Находится ли он в состоянии присутствия? Что произойдет, если он, не дай Бог, заснет? Над последним вопросом даже не хочется особо задумываться, а на первые два не будет грехом ответить утвердительно. Прибегнув к помощи одного из семи первоверховных законов – закону аналогии, можно утверждать, что и в человеческом микрокосме также есть свой маленький Абсолют – искра большого Абсолюта. Но где же его найти? Вряд ли можно сказать, что он заснул, скорее, это мы удалились от него слишком далеко, забыв закон иерархий и превратив свой внутренний мир из строго упорядоченного места проявлений нашего Абсолюта в полнейший хаос, окутав свой разум пеленой образов, перестав управлять чувствами, не в силах выбиться из наезженной колеи механических движений. Это драма как всего нашего Космоса, так и каждого из нас.

Что же делать? "Прежде чем начать что-либо делать, - не раз повторял Гурджиев, - вы должны осознать свое ничтожество. После этого можно начинать". И здесь его мнение полностью совпадает с мнением мудрейшего из мудрейших, незабвенного Ходжи Насреддина, говаривавшего, что даже Абсолют, перед тем как стать Абсолютом, долгое время был Ничем.

Основой данного сборника послужила книга "Gurdjieff: Essays and Reflections on Man and His Teaching", edited by J. Needleman and G. Baker.

Цитаты из книги Г.И. Гурджиева "Рассказы Баалзебуба своему внуку" в основном приводятся в классическом переводе Ф. Веревина, А. и Г. Беляевых, Л. Морозовой. Цитаты из книги П.Д. Успенского "В поисках чудесного" в основном приводятся в классическом переводе Н.В.фон Бока.

Ваши Вопросы и замечания, отзывы и пожелания направляйте по адресу gurdjieff@pisem.net . Смотри также <http://gurdjieff.pisem.net> .

Информацию о проводимых в России семинарах, посвященных психологии возможной эволюции человека и внутренней алхимии, можно получить по адресу: egory@mailbox.riga.lv .

Андрей Степанов

май 2002 Р.Х.

ЖАННА ДЕ ЗАЛЬЦМАНН

(1889 – 1990)

Жанна де Зальцманн, дочь знаменитого швейцарского архитектора Жюля Аллемана, изучала музыку (фортепиано, композицию и оркестровое дирижирование) в Женевской консерватории. Как танцовщица, преподаватель ритмических движений и ученица Эмиля Далькрозе, она с самого начала участвовала в работе авангардного Института Искусств, открытым Далькрозе в 1912 году в Геллерау, Германия. Там она повстречалась с художником и театральным дизайнером Александром де Зальцманн, за которого вышла замуж в 1917 году. Во время русской революции вместе с мужем Жанна де Зальцманн жила в Тифлисе, где открыла школу танцев и музыки. В 1919 году композитор Томас де Гартманн представил молодую пару Гурджиеву. Встреча оказалась судьбоносной. Со временем Жанна де Зальцманн стала самым доверенным помощником Гурджиева. В конце своей жизни он доверил ей продолжать свою Работу. Кроме этого, она руководила переводом и публикацией письменных трудов Гурджиева.

Более сорока лет Жанна де Зальцманн неустанно трудилась вместе со своими учениками, сохраняя и передавая упражнения и танцы, данные Гурджиевым. Свидетельством ее работы является выдающаяся серия документальных фильмов под названием «Священные танцы».

ПРОБУЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Объективная мысль – это взор свыше. Этот взор свободен, он способен видеть. Без этого взора свыше, видящего меня, моя жизнь – это жизнь слепого человека, который идет по пути, ведомый лишь импульсом и не знающий куда и зачем он идет. Без этого взора свыше я не могу знать, что я существую.

Во мне есть сила, способная поднять меня над самой собой, дабы увидеть себя свободно – со стороны. Моя мысль может быть свободной. Но для того, чтобы быть

свободной, она должна освободить себя от всех ассоциаций, что держат ее в плену и делают пассивной. Мысль должна разорвать все нити, что связывают ее с миром образов и форм; она должна высвободить себя из-под постоянного давления эмоций. Мысль должна чувствовать свою силу противостоять этому давлению, свою объективную способность постепенно поднимаясь, наблюдать свыше за тем, что тянет ее вниз. Именно через это движение она становится активной. Она становится активной через самоочищение. Тогда раскрывается ее истинная цель, уникальное предназначение – осознать самого себя, проникнуть в эту мистерию.

Иначе наши мысли – лишь иллюзии, которые поработают нас, в силках которых наши реальные мысли теряют свою объективную силу и намерение. В путях слов, образов, форм мысль теряет свою силу распознавать. Она теряет ощущение Я. Организм человека начинает плыть по течению, лишенный внутреннего разума. Без этого внутреннего видения я могу только впасть обратно в автоматизм, будучи предоставленной лишь воле случая.

Этот взор свыше делает меня одновременно и более свободной и более ответственной. В наиболее яркие моменты самоосознавания я достигаю состояния, когда чувствую благословение этого взора свыше, который спускается вниз, чтобы дотронуться до меня. В его свете я становлюсь прозрачной.

Каждый раз первым шагом является ощущение, что чего-то не хватает. Я чувствую потребность в реальной мысли. Стремление к свободной мысли делает меня способной реально осознавать собственное существование. Настоящей целью и единственной задачей активной мысли является открытие себя заново.

Итак, предметом моей борьбы является пассивность моего обычного мышления. Без этой борьбы не может родиться более высокое сознание. С помощью этой борьбы я могу оставить позади иллюзии по поводу своего собственного «Я», в которых я живу и достичь более реального видения. В недрах этой борьбы из хаоса рождается порядок. Устанавливается иерархия: два уровня, два мира. Пока существует только один уровень, нет места более глубокому видению. Распознавание другого уровня восприятия есть пробуждение мысли.

Без такого рода усилий мысль снова впадает в сон, наполненный словами, образами, предвзятыми представлениями, приблизительным знанием, мечтами и этот процесс бесконечен. Это мысль человека без глубинного осмысления. Для человека порой страшно осознать, что он не был способен жить своим собственным независимым мышлением, без того, что видит реальность, без связи с высшим миром.

Глубоко в моей сущности лежит возможность воссоединения с тем, кто видит. Здесь я соприкасаюсь с источником чего-то уникального и стабильного, неизменного.

Примечание: Этот текст, датированный 23 июля 1950 года, взят из дневника Жанны де Зальцманн. Публикуется с разрешения Мишеля де Зальцманн.

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы можете видеть, что в жизни вы получаете взамен точно то, что вы отдаете. Ваша жизнь – ваше зеркало. Это ваше отражение. Вы пассивны, слепы, требовательны. Вы берете от жизни все, принимаете все без каких-либо обязательств. Ваше отношение к миру и к жизни – это привычка человека, имеющего право требовать и брать, но не способного зарабатывать и платить по счетам. Вы воспринимаете все вещи как должное только потому, что вы – это вы! И в этом ваша слепота. Ничто не задевает ваше внимание. И именно это отделяет один мир от другого.

Вы не имеете меры для измерения себя. Вы живете лишь согласно категориям «Я люблю» или «Я не люблю», у вас нет другой оценки, кроме своей собственной. Вы не распознаете ничего, что лежит выше вас – ни теоретически, ни логически. Именно поэтому вы продолжаете требовать и верить в то, что все очень дешево и у вас в кармане достаточно, чтобы получить все, что вы пожелаете. Вы не распознаете ничего из того, что выше вас, равно как и то, что вне вас или внутри вас. Именно поэтому я повторяю, вы не имеете внутренней шкалы измерения и живете пассивно, лишь согласно своим симпатиям и антипатиям.

Вас ослепляет ваша «оценка самих себя». Это самое большое препятствие на пути к новой жизни. Вы должны быть способны преодолеть это препятствие, этот порог прежде, чем идти дальше. Этот порог делит людей на две категории: «зерна» и «плевелы».

Не имеет значения, насколько умен или даровит человек; если он не способен к переоценке самого себя – нет надежды на внутреннее развитие, на работу в ключе внутреннего самопознания, реального бытия. Человек остается таким, каким он был всю свою жизнь. Первым требованием, первым условием, первым проверочным тестом для того, кто хочет работать над самим собой, является способность к переоценке самого себя. Человек должен не просто воображать, верить или думать, но увидеть в себе некие вещи, которые он никогда прежде не видел, увидеть их в реальном свете. Понимание человеком самого себя не может измениться, если он по-прежнему ничего не видит в себе самом. А для того, чтобы видеть, он должен научиться видеть; это первое посвящение человека на пути к познанию самого себя.

Прежде всего человек должен понять, за чем он должен наблюдать. Когда он знает это, он способен делать усилия, удерживать свое внимание и наблюдать с постоянной настойчивостью. Только постоянно поддерживая свое внимание и не забывая наблюдать, возможно, однажды человек будет способен видеть. Если он увидел однажды, он может увидеть второй раз, и если так будет продолжаться – он не сможет больше не видеть. Это и есть состояние, к которому мы стремимся, цель нашего самонаблюдения; из этого состояния рождаются наши истинные желания и мы из холодных превращаемся в теплых, вибрирующих; к нам прикасается наша собственная реальность.

На сегодняшний день мы не имеем ничего, кроме иллюзий по поводу себя. Мы оцениваем себя слишком высоко. Мы не уважаем себя. Для того, чтобы уважать себя, необходимо выделить в себе часть, которая выше других и которая будет свидетелем уважения к себе. Тогда мы учимся уважать себя, и в отношениях с другими людьми мы будем руководствоваться тем же уважением.

Вы должны понять, что все другие мерки – талант, образование, культура, одаренность - являются очень частными и изменчивыми. Единственной точной и

неизменной, объективно истинной меркой является внутреннее видение. Я вижу – я вижу себя самого, и это реальная оценка. Выделив свою высшую реальную часть, вы способны оценить свои низшие части, которые также являются реальными. И эта высшая оценка, определяющая роль каждой части, приведет к уважению самого себя.

Но вы увидите, что это нелегко. И не дешево. Вы должны платить ежедневно. Платить за тех, кто не платит, за ленивых людей, за паразитов, за безнадежность. Вы должны платить, платить много и сразу, платить авансом. Платить самим собой. Искренне, сознательно, бескорыстно. Платить больше, чем способен заплатить, без тени экономии, надувательства или какой-либо фальсификации, платить больше, чем ожидаешь получить. И только тогда вы познакомитесь со своей собственной природой.

Вы разглядите все трюки, все уловки, к которым прибегает ваша природа, чтобы не платить «наличными». Потому что вы должны поплатиться вашими заготовленными теориями, закоренелыми убеждениями, предрассудками, симпатиями и антипатиями. Не торгуясь, честно, без претензий. Искренне попробуйте увидеть, что вы расплачиваетесь с собой фальшивыми деньгами.

Попытайтесь хотя бы на один момент воспринять идею о том, что вы не являетесь тем, за кого себя выдаете, вы переоцениваете себя, лжете самому себе. Лжете каждый миг, каждый день, всю свою жизнь. И эта ложь настолько захватила вас, что вы не способны ее больше контролировать. Вы находитесь в плену лжи. Вы лжете всегда и везде. Ваши взаимоотношения с другими людьми – ложь. Ваши социальные условности – ваше воспитание и обучение – ложь. Равно как и все ваши теории и искусство. Ваша социальная жизнь и ваша семейная жизнь – ложь. И то, что вы возомнили о самих себе - тоже ложь.

Но вы никогда не остановите себя в том, что вы говорите и делаете, до тех пор, пока вы верите в себя. Вы должны остановиться внутри себя и пронаблюдать. Пронаблюдать за собой непредвзято, восприняв хоть на миг эту идею лжи. И если вы будете наблюдать за собой таким образом, без сожаления затрачивая себя, отдавая все свое надуманное богатство за миг реальности, возможно, внезапно вы откроете в себе нечто такое, что никогда прежде не видели. Вы увидите, что отличаетесь от того, кем себя представляли. Вы увидите, что вас двое. Один из них реально не существует, но занимает место и играет роль за другого. А тот, кто существует реально – настолько слаб и едва ощутим, что исчезает быстрее, чем успевает появиться. Он не способен выносить ложь. Малейшая ложь сражает его наповал. Он не способен сражаться, он не способен противостоять, он заранее поражен. Учитесь наблюдать, пока не разглядите в себе свою двойную природу, ложь и обман. Как только вы познаете двойственность своей природы, внутри вас родится истина.

Примечание: Эти строки – вступительное слово Жанны де Зальцманн на встрече Гурджиева с учениками в сентябре 1941 года в Париже.

Г. И. Гурджиев

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Существует масса свидетельств о том, что Гурджиев обладал необычайной способностью использовать все задаваемые ему вопросы, чтобы передать невыразимое, обезоружить вопрошающего, лишить его возможности прибегнуть к привычным способам мышления, создавая необходимые условия для прямой передачи знания Бытия. Этот аспект Гурджиевского метода работы с людьми Успенский описал в «Поисках чудесного»; еще более яркие примеры можно отыскать на страницах книги «Взгляды из реального мира». Приводимые записи сделаны в сороковые годы, в завершающий период жизни Гурджиева, и публикуются впервые. В них мы слышим голос учителя, который не просто направляет нас к «идеям», но и сопереживает задающему вопрос. Материал того времени, сохраненный с разрешения Гурджиева, был воссоздан с наивозможной точностью. Читатель должен учитывать, что Гурджиев создал специальный язык для своего учения, и определенные ключевые слова обладают особым смыслом и весомостью.

Г.: Летописец, вы хотите что-то записать?

Е.: Сэр, я записываю все, все, что в состоянии понять.

Г.: Итак, если вы хотите что-то записать, задайте вопрос и запишите его как упражнение.

Е.: Сэр, сегодня у меня нет вопроса.

Г.: Все равно, задайте вопрос для практики, чтобы поупражняться.

Е.: Сэр, проблема, стоящая сейчас передо мной, связана с моей работой в течение дня. У меня никак не получается работать и выполнять задачу, выбранную мной. Если я один, я могу работать, но Вы говорили, что даже корова способна на это.

Г.: Я не сказал «корова», я сказал «осел». Корова – паразит, она только дает молоко. Осел же действительно трудится. Итак?

Е.: Задание, которое я себе поставил – помнить себя, когда я нахожусь среди людей. С близкими мне людьми я могу помнить себя. Раз за разом я терплю неудачу, но в конце концов я могу вспомнить. Однако в присутствии человека, которого я выбрал у себя в офисе, я не могу вспомнить, что для меня важно изменить мои с ним взаимоотношения, что только благодаря ему я могу работать. Конечно, я наказываю себя, но недостаточно строго. И мне так и не удалось осознать, насколько это для меня важно. Недавно кое-что произошло; я понял нечто новое, но еще не смог осуществить это на практике.

Г.: Таким образом вы не добьетесь того, чего хотите. Я советую вам установить связь между тем, что вы пытаетесь сделать, и какой-либо привычкой. Например, курением. Начните убеждать себя. Завтра утром, если вы помните себя, вы

заслужите того, чтобы покурить. Если вы не помните себя, вы не курите. Вы можете курить только, если этого заработаете, только если вы вспомните себя. До сих пор вы никогда не составляли план. Сделайте это искренне, сделайте это своим заданием и с честью его выполните. Если вы помните, вы курите; в противном случае – нет. Можете это сделать?

Е.: Конечно.

Г.: Не курите до следующей встречи. Если вы снова забудете, опять не курите до следующей встречи, и так далее. Тем временем вы должны учитывать, что от этого зависит ваше будущее; если вы сами помните себя, вы сможете изменить свое будущее. Это большое дело; это крупное решение, связанное с вашей целью. Вы курите, так что для вас это большая жертва. Если это не так, выберите еще что-нибудь. Это должна быть подлинная жертва. Вы можете курить, пока не встретитесь с этим человеком. Когда у вас начинается день? В десять утра?

Е.: Примерно в семь, в половине восьмого.

Г.: Когда вы встречаете его?

Е.: Примерно в половине десятого.

Г.: Тогда вы можете курить до половины десятого, до вашей встречи. Если вы забудете себя, увидев этого человека, тогда не курите до конца дня. То же самое на следующий день. Я не могу вам посоветовать ничего другого. Это просто. Хотя я понимаю, что сделать это очень сложно.

Я вижу, вы серьезно к этому относитесь. И я серьезно отвечаю вам. Раз, другой вы забудете. Это не имеет значения. Но таким образом вы поймете множество вещей. Вы будете вынуждены осознать, что курить хочет ваше тело. Все происходит от этого; все начинается здесь. Вы полностью в своем теле. У вас нет реального «Я». Ваш центр тяжести находится в теле. Когда вы здесь, вы думаете, что кем-то являетесь. Вот вы сидите, хорошо поев, вы говорите, что вы существуете, но когда вы уходите отсюда, все меняется, и вы уподобляетесь животному.

Это упражнение начнет показывать вам, почему необходимо жить реальным «Я», реальной индивидуальностью. Вы не знаете, что такое реальное «Я». Вы даже не знаете его вкус. Вы говорите об этом, философствуете, но не знаете, что это такое. Здесь вы говорите об этом и верите, что все говорится об этом, но как только вы возвращаетесь в жизнь, все исчезает. Ваш центр тяжести находится в теле. Вы возвращаетесь к привычному центру тяжести. Используйте эту задание для того, чтобы понять, что представляет собой реальная работа.

То, что я предлагаю ему, столь же необходимо остальным. Можно выбрать не курение, а что-то другое. Необходима реальная жертва.

Так, вы не хотели задавать вопрос, но в то же время вопрос-то у вас был. Почему же вы его не задали?

Е.: У меня был очень личный вопрос; не каждому это интересно.

Л.: Я хочу рассказать о том, что пробудилось во мне после сегодняшнего чтения, где говорилось насчет драматургов, рассматривающих других, но ни разу не взглянувших на самих себя. Думаю, раньше я несколько раз видела себя, но с какого-то времени я не могу видеть себя. И еще: я также вижу ошибки других, но мне бы хотелось видеть мои собственные. Мне хотелось бы видеть себя такой, какая я есть. Я привыкла к тому, что могу помнить себя, но сейчас я неспособна на это.

Г.: Соотносится ли с вашей проблемой ответ на предыдущий вопрос?

Л.: Да.

Г.: Тогда делайте то же самое. Если вы не курите, выберите что-нибудь еще. Пробуйте! Это станет для вас хорошим эталоном. Делайте то же самое, боритесь с собой. Например, свяжите это с вечерней трапезой. Поставьте себе задачу: помнить. Если вы помните себя, съешьте обед. Если вы забываете выполнить свою задачу, накажите себя, не обедайте. Наутро можете позавтракать – это и будет ваш обед. Вечером, если вы не помните себя, не обедайте. Не обедайте, пока не будете помнить. Вы узнаете о себе много нового. Вы сможете увидеть в себе новые породы собак. Вот смотрите: вы все принимаете, готовы все делать, но в жизни не делаете ничего. Необходимо делать в жизни. Пока что никто из присутствующих здесь ничего не сделал в жизни. Здесь, по четвергам, среди друзей, вы разговариваете, философствуете, но все впустую. Все, что я говорю, служит лишь тому, чтобы прояснить жизненные обстоятельства. То, что вы делаете, важно делать в жизни, и только в жизни учитывается.

Д-р Б.: Я хотел бы задать вопрос о связи работы и усталости. Мне кажется, есть разница между рабочими усилиями и автоматическими усилиями. Внешняя работа отнимает энергию. Внутренняя работа, напротив, должна накапливать энергию. Если она выполняется правильно, она даже дает отдых. Но для меня все наоборот. Считается, что в тот момент, когда я делаю усилие, ворота, через которые вытекает энергия, автоматически закрываются. Но все оказывается наоборот. Я очень устаю. Я теряю энергию.

Г.: С другой стороны, вы сохраняете ее. Мы сознательно питаемся электричеством, которое имеется в теле и преобразуем его. Это придает нам силу... В обычной жизни вы автоматически теряете ее. Здесь же все по-другому; это другой вид усталости. У этой другой усталости есть будущее. Это утомительно, но приводит к существенному результату. Заряжаются ваши аккумуляторы. Если вы будете продолжать, ваши аккумуляторы наполнятся определенной субстанцией. В данный момент, чем больше вы утомляете себя, тем больше этой субстанции производится вашим организмом.

Д-р Б.: Благоприятствует ли усталость усилию сосредоточения?

Г.: Если это обычная усталость, то нет смысла пытаться совершить усилие; в таком состоянии вы не можете делать даже обычные вещи. Вы потеряете последние остатки сил. Работа зависит от другого аккумулятора. Для этого другого вида усталости существует закон: чем больше вы отдаете, тем больше получаете.

Д-р А.: Могу ли я задать вопрос из чистого любопытства? Можно ли спать сознательно?

Г.: Вы хотите сказать, когда вы буквально спите, или не засыпая?

Д-р А.: Я хочу сохранять сознание во время сна.

Г.: Да, в принципе это возможно, но не для вас в данный момент. Возможно, в будущем, но не сейчас. Возможно даже заводить себя, как часы. Можно повторять себе нечто определенное таким образом, что оно автоматически, посредством самовнушения, становится частью человека. Человек может даже внушать себе что-то во время сна. Но вам я не советую этим заниматься. До того, как сознательно спать, необходимо обрести иное качество сна. Есть уровни. Есть четыре вида сна. Можно спать на одну шестую, одну четверть, наполовину, или полностью. Это зависит, помимо других факторов, от того, как вы провели день. Если вам снятся сны, вы спите наполовину. В этом случае необходимо спать, ну, скажем, семь с половиной часов. Если вы не видите снов, достаточно четырех с половиной часов. Есть даже такое качество сна, когда достаточно одного часа. Важно не количество, а качество. Допустим, чтобы расслабиться, вам нужно два часа – не сознательно, а автоматически. На это нужно время. Вы можете начать сегодня сознательно расслабляться до тех пор, пока не заснете. С одной стороны, подобное расслабление улучшит качество сна; с другой стороны, вы начнете таким образом устанавливать дисциплину, которая сделает возможным связь, контакт между вашим осознанием и телом.

Д-р А.: Мне нужны способы не для того, чтобы заснуть; скорее, чтобы проснуться.

Г.: Я говорил о том, что нужно, чтобы спать хорошо и функционировать хорошо. Делайте то же самое утром. Сразу же установите этот контакт, эту связь между вашим осознанием и телом. Составьте план, думайте о том, как вы собираетесь провести день. Делайте ту же обычную работу, которую вы делаете, чтобы расслабиться. Ваша жизненная энергия удвоится. Вам нужно много времени, чтобы проснуться?

Д-р А.: Если я не заставляю себя, то долго нахожусь в полусне.

Г.: Тогда помните себя и составьте план. Не фантазию, а настоящий план. Делайте это утром и вечером, проснувшись и перед сном. Будьте хорошим доктором своему осознанию.

Д-р А.: Но если я составляю план заранее, он исчезает в тот момент, когда я просыпаюсь.

Г.: Конечно! Необходимо создать новые привычки. Это можно делать лишь мало-помалу. Ничто не дается сразу.

С.: Можно ли впредь избежать сновидений в качестве упражнения?

Г.: Seriously подумайте о вашей цели. У вас есть серьезная цель?

С.: Я говорю о сновидениях во время сна.

Г.: Оставим это в стороне. Что вы можете сделать? Не это нужно менять. Измените качество сна – вот лекарство. Растирайтесь холодной водой перед сном. Сделайте это привычкой. Позже, лежа в постели, молитесь за умерших близких людей. И то, и

другое – хорошая подготовка ко сну. Иначе будут продолжаться грезы о минувшем вечере, фантазии о минувшем вечере. Хороший сон будет хорошей подготовкой к завтрашнему дню. Если вы сделаете то, о чем я только что говорил, вы будете спать без сновидений.

Д.: Как-то я задал общий вопрос о непривязанности. Как можно ее достичь?

Г.: Мы только об этом и говорим. Необходимо иметь идеал. Создайте в себе идеал. Это освободит вас от автоматических привязанностей. Сознательно – а также автоматически – думайте об этом. По мере роста у вас сформируется новый центр тяжести.

Д.: Легче отрешиться от материальных вещей или от чувств?

Г.: Это одно и то же. Все имеет одинаковую ценность. Вы привязаны к одному или другому центру. Необходимо взглянуть на это, не философствуя. У вас нет ни идеала, ни серьезной цели. Вы – сложная машина. Вам нужно установить реальный контакт с чем-то. У вас ни с чем нет связи; вещи связаны с вами. Вы – их раб. Понимаете? Не вы относитесь к вещам, а они к вам, они командуют вами.

Не очень-то весело, правда? Простите меня. Невозможно всегда быть вежливым. Абсолютно невозможно. Если вы хотите говорить правду, вы не можете всегда быть вежливы. Это раздражает художников, и не только их. Я объяснял это в «Баалзебубе».

А.: Сэр, однажды вы говорили о разделении дня на две части: одна часть – для работы, другая – для жизни. Так вот, я заметил, что моя жизнь мешает работе; а с другой стороны, работа мешает моей жизни. Скажем, накапливаются ассоциации, связанные с работой которые не только не помогают в жизни, но мешают ей. Больше того, эти ассоциации портят все, что я получаю. То, что я понимаю, помогает на день-два, но затем вмешиваются ассоциации и я не в состоянии делать что-либо. Как это можно изменить?

Г.: Во-первых, я не говорил о том, чтобы разделить день напополам; я не говорил о двух половинах.

А.: Я сказал «две части». Я не имел в виду две равные части.

Г.: Хорошо. Я имел в виду, что необходимо выработать привычку подготавливать себя к работе. В течение дня определенное время должно быть посвящено работе. Ничего другого вы не делаете. Ради этого вы жертвуете всем остальным. В начале, пока вы неспособны работать, вы не пытаетесь сделать что-то особенное, вы не работаете. Но вы думаете о работе. Или читаете что-нибудь о работе. Вы читаете, разговариваете и думаете об этом. Например, вы выбрали время между одиннадцатью и полуднем. Вы позволяете течь ассоциациям о Работе. Это еще не работа, но вы подготавливаете почву. Вы принимаете идею, что определенный период времени должен быть посвящен работе. И если вам дается работа, или если вы дадите себе работу, вы будете выполнять ее в течение того времени, которое вы подготовили для этого. Будет создано место. Человек понимает, делая, и вы измерите полученный результат. Вы говорите, что работаете. Вы так думаете. Но пока что здесь никто не работает; все это лишь детские игры. Чуть лучше «щекотки». Новый вид щекотки. При настоящей работе пот льет градом со лба и пяток.

Б.: Когда я встречаю людей, проявляющих какой-то интерес к этим вопросам, или задумывающихся над ними, я делюсь своим немногим опытом и всем, чему я научился здесь. Но потом я сожалею об этом и чувствую себя опустошенным.

Г.: Вы уже замечали, что опустошаете себя, говоря с кем-либо о том, что глубоко вас интересует? Поэтому необходимо экономить. Нужно научиться быть начеку, научиться сохранять в себе свежие, непереваренные идеи. Однажды, в жизни, вы сможете использовать идеи как инструмент, без отождествления. Сейчас вы вкладываете в беседу слишком много самого себя. Вместе со словами вы теряете все остальное. Вы отдаете не только слова, вы теряете себя. Вы отождествляетесь с собой.

Б.: Я полагаю, меня подталкивает чувство собственного превосходства. Из-за этого я разговариваю подобным образом.

Г.: У вас есть слабость, которую должен разрушить каждый человек, работающий со мной: Вы верите. Вы ни во что не должны верить. Вы должны все подвергать сомнению. Вы должны отбирать для себя лишь то, что в состоянии доказать математически – как дважды два четыре. Вы не должны ни во что верить, потому что вера ничего не стоит. Вы верите, вы отождествляетесь с собой, вам бы хотелось передать свою веру с помощью эманаций. Вы отождествляетесь с собой и отдаете всю свою энергию. Если вы не верите, если вы остаетесь абсолютно беспристрастным, желая передать что-то кому-то, это будет услугой, а вы будете слугой.

(Обращаясь к доктору А.) Вы это понимаете? Вы это ощущаете?

Д-р А.: Я заметил, что человек теряет все, если изливается кому-то.

Б.: Я заметил, что не могу не использовать силу, приобретенную благодаря работе, чтобы доказать людям, что я выше их.

Г.: Вы – человек маленький. В вас выросла только одна сторона. Шесть других сторон также нуждаются в росте. Впоследствии вы сможете представить себе, что вы и другие – это не одно и то же. Вы не должны забывать, что первое, что вы должны узнать – свое ничтожество. У вас богатое воображение. Если бы вы знали о своем ничтоестве, у вас бы исчез импульс демонстрировать свое превосходство другим.

Б.: Если я нахожусь в одиночестве, или с так называемыми "хорошими" людьми, я вижу свое ничтожество. С заурядными людьми забываю.

Г.: Поставьте такую задачу: думайте о своем ничтоестве, когда вы общаетесь с другими. Считайте, что теперь у вас есть задача. Работайте над ней. Признайте свою слабость и работайте.

М-м Д.: В чем ценность молитвы? Когда я чувствую себя слабой и беспомощной, когда я не могу делать то, что должна делать, я не могу удержать себя от молитвы. Но это автоматическая, ничего не стоящая молитва. Тем не менее, я часто обращаюсь к ней, поскольку я нахожу в ней помощь.

Г.: Это способ успокоить себя. Что вы хотите спросить?

М-м Д.: У меня такое впечатление, что это нестоящая молитва, потому что на самом деле это и не молитва вовсе, это плач, призыв о помощи. Могу я позволить себе продолжать?

Г.: Не нужно использовать для этого молитву. Весь мир этим занимается – человек помолится и вот он прощен. Все прекрасно. Он уже кандидат в рай.

М-м Д.: Я даже еще не подошла к концу. Я не спросила о том, какое понятие я имею о Боге. Я не знаю, кому адресован этот зов.

Г.: Возможно, вы молитесь автоматически, возможно, вы утешаете себя автоматически. И то, и другое бесполезно для будущего. Для вашего будущего это даже преступление. Ваша молитва не должна быть автоматической. Вы должны молиться, молиться по-настоящему, как христианка. Вы должны молиться всем своим присутствием, сосредоточив все свои три центра на одном предмете. Вы должны молиться головой, чувствами, ощущением. Примите это как задачу. Не молитесь, чтобы утешиться. Эта, другая молитва, не утешит вас, она вас утомит. Но позже вы достигнете успеха, делая то, что необходимо для вас.

Христианин молится всем своим присутствием. Человек, как правило, молится только своими мыслями. Возможно, существует и более великий закон. Человеку никогда не говорили, как молиться, и ему никогда не приходит на ум, что состояние чувства и присутствия должно соотноситься с движением молитвы. Если Вам привычно молиться автоматически, я советую вам с этого момента молиться так, как пожелаете, но не так, как вы делали это прежде.

Д.: Мистер Гурджиев, на этой неделе я сделал одно наблюдение. Несколько мальчиков, оказавшихся передо мной, вызвали во мне жалость, поскольку они были бедные и голодные. Я не знал, как вести себя перед ними. Я не знал, что думать. Сперва это была жалость, но я видел, что не могу ничего сделать, и вскоре...

Г.: Извините, но вы могли бы кое-что сделать. Вы могли бы дать им что-то, чтобы напитать их. Не буквально, но вы могли бы позаботиться, чтобы у них было хоть что-нибудь поесть. Если, объективно, вы их любили; если, объективно, вы хотели, чтобы у них было что-то поесть, этого было бы достаточно. Они бы ушли и, автоматически, нашли бы кого-то, кто дал бы им чего-нибудь поесть.

Д.: Я действительно видел свою слабость, и моя жалость превратилась в ненависть.

Г.: Нужно попробовать по-другому. Возможно, вы думали об этом всего лишь поверхностно. Подумайте по-человечески, подумайте о помощи своему ближнему всем своим сердцем, с подлинной жалостью. Вы хотите, чтобы он хорошо питался? Прежде всего, убедите себя, соберитесь внутри себя и молитесь:

"Я ЕСМЬ, Я ХОЧУ БЫТЬ, РАДИ НЕГО"

И, поверьте мне, выйдя из школы, не сделав и десяти шагов по улице, он встретит кого-нибудь, кто даст ему поесть. Это закон. Или, может быть, спустя неделю он выиграет в национальную лотерею. Такова сила чувства жалости, пожелания, любви всем своим присутствием. Впоследствии вы будете говорить по-другому, вы сможете помогать кому-то, не дарами денег или еды – это дешево – но вы сможете

помочь ему реальным желанием, реальным отношением, всей силой вашего Я ЕСМЬ. Не головой, не автоматически, но всем своим присутствием вы сможете помочь.

[Человек, обычно записывающий беседы, задает длинный вопрос. Все это время кто-то другой записывает вместо него, затем возвращает ему бумагу и карандаш.]

Г.: Между прочим, я хотел бы узнать, когда ваш друг помогает вам делать вашу работу, платите ли вы ему той же монетой?

Дж.: Нет.

Г.: Это нужно учесть. Платить нужно всегда. Деньгами или чем-то еще. Вы должны платить за его помощь.

Л.: (Прерывая) Это я у него в долгу. В определенные моменты он показал себя настоящим другом.

Г.: (Обращаясь к Дж.) Тогда вы должны платить оба, и вот каким образом. Если вы видите Л. десять минут, вы выполняете упражнение в течение десяти минут – держите руки по швам. Если вы видите его пятнадцать минут, тогда держите руки по швам пятнадцать минут. Если полчаса, час, тогда таким образом полчаса или час! Таким способом вы платите, так как он тоже уже заплатил. Если вы оба счастливы, значит, вы сполна заплатили ему за его помощь, и он тоже сможет почувствовать ее реальную ценность.

С.: Когда я пытаюсь наблюдать свою мысль, я замечаю другую мысль, отделяющую себя от первой. Но когда я нахожусь посередине, я не знаю, до какого предела субъективно мое переживание двух этих вещей.

Г.: (После разговора на русском с мадам де З.) Извините, так в чем ваш вопрос? Что вы не знаете?

С.: Я не знаю, что происходит, потому что, когда я начинаю думать, я становлюсь ученым. Мне хотелось бы более точно понять то, что я обнаружил.

Г.: Это просто. Обычно вы думаете головой, мозгами. Когда вы думаете головой, ваша мысль отделена от вас, вы не более чем человек в мысли.

Иногда участие принимает ваше чувство, а это уже другое. Получаются два человека вместе, теперь думает не один человек, но два. Если вы уже сумели жить таким образом, попробуйте снова к этому вернуться. Когда в этом принимает участие ваше чувство, это новое состояние для вас. Эта новизна желательна. Делайте это упражнение часто. Когда вы думаете, прочувствуйте, что вы думаете. Когда вы привыкнете соединять эти два состояния, вы сможете прибавить ощущения. Тогда вы сможете думать тремя вашими центрами. Это есть мысль реального человека.

Одной головой бесполезно. С добавкой чувства, это уже что-то, но если на этом остановиться, то есть риск уподобиться истеричной бабе. Необходимо стабилизировать чувство, тогда приходит к участию третий источник. Тогда вы сможете сказать: "Я думаю, как человек, а не как кошка или собака, я думаю, как человек". Тогда вы сможете говорить о мысли. Попробуйте вспомнить, что вы чувствовали; попробуйте прийти к этой другой мысли, этому новому качеству. Не только головой, но пытаюсь почувствовать то, что вы думаете. Сделайте это упражнением. Это не вся работа, но это даст вам возможность двигаться дальше. Я счастлив, что вы это увидели. Вы уже многого достигли. (Обращаясь к другим) Он уже наполовину человек.

Р.: Делая упражнение, данное мне мадам де Зальцманн, я понял, что никогда не присутствовал, что я всегда был в будущем или в прошлом, но в действительности не присутствовал никогда. Это дало мне новое ощущение и новое желание – быть присутствующим. Фраза "быть присутствующим" обрела для меня новый смысл. Однако самостоятельно я не мог вновь отыскать это ощущение, это желание быть присутствующим. Я хотел бы получить упражнение, которое бы помогло мне обрести это ощущение, это желание помнить себя.

Г.: У вас есть это ощущение?

Р.: Да, я чувствую, что понятие "быть присутствующим" имеет для меня новое значение. До этого я никогда не рассматривал его в подобном ключе.

Г.: Помимо всего прочего, это напоминает мне слова некоего персидского философа о прошлом, настоящем и будущем. Они высечены на памятнике неподалеку от одной персидской деревни: "НАСТОЯЩЕЕ СУЩЕСТВУЕТ, ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ПРОШЛОЕ И ПОДГОТОВИТЬ БУДУЩЕЕ". Ничего себе памятник, а? И в то же время как грандиозно. Вот что вам нужно. Ведь настоящим вы можете исправить прошлое и подготовить будущее. Без настоящего прошлое и будущее не существуют. Настоящее существует для того, чтобы исправить все наши ошибки и подготовить будущее, так сказать, другую жизнь, желанную для вас. Для вас очень важно чувствовать настоящее. Вы должны делать все, чтобы иметь настоящее. Это относится к каждому, но особенно к вам. Необходимо иметь настоящее. Прошлое – это прошлое; вчерашний день закончился; он не вернется никогда. Может наступить завтра, но завтра будет разным, в зависимости от присутствия сегодня. Это необходимо практиковать. Необходимо все делать сегодня. Забудьте вчера и забудьте завтра. Сегодняшним днем вы исправляете вчерашний день и даете завтрашнему возможность стать тем, чем ему должно быть.

Я собираюсь дать вам маленькое упражнение, очень маленькое. Выберите кого-нибудь, близкого вам, например компаньона, друга. Для этого упражнения взывайте к нему так, чтобы он об этом не знал. Это только для вашей внутренней жизни.

Думайте о нем. Это задача: никогда не забывать его. Думайте о его отношении к вам в прошлом и о том, как вы вели себя по отношению к нему. Это для прошлого. Что касается настоящего, сегодня у него то же отношение к вам, что было и в прошлом. Но сегодня вы хотите изменить это отношение, и вы ведете себя с ним совершенно иначе, чем вчера. Например, вы привыкли реагировать на его проявления совершенно автоматическим, внешним способом. Сегодня, в настоящем, у вас есть внутреннее взаимоотношение с ним. Он будет продолжать относиться к вам так же, но вы сознательно, внутри себя, измените свое отношение. Сегодня всем

своим присутствием вы вспомните, каким вы были вчера и попытаетесь обрести новое отношение с вашим другом. Вы скажете себе, что, возможно, это он – тот, кто даст вам возможность исправить ваше прискорбное прошлое, тот, кто автоматически поможет вам исправить то, что было плохим.

Позднее, внутри себя вы проверите результаты, и вы заметите, что его отношение к вам также изменилось. В то же время, он-то изменился без работы, ничего особенного не делая. И когда он вспомнит свои прежние взаимоотношения с вами, он будет думать о вас с благодарностью. Вы сможете наблюдать, что настоящим вы изменили то, что было в прошлом, и в будущем, он будет даже желать оказать вам помощь, потому что вы поняли его. Выберите для этого упражнения кого-нибудь, с кем у вас реальная связь, но не среди своей семьи.

В следующий раз, я надеюсь, у вас появятся новые наблюдения, так что я смогу более масштабно ответить на ваши вопросы. Если бы я сделал это сегодня, это выкристаллизовало бы в вас характерную человеческую тенденцию думать о больших вещах и никогда не делать маленьких.

[В записях учеников Гурджиева можно найти многочисленные яркие фрагменты, показывающие способ, которым Гурджиев раскрывал новые аспекты своего учения, посредством ответов на вопросы. Нижеприведенный фрагмент взят из книги Ч. С. Нотта "Учение Гурджиева: дневник ученика"*.)]

Отвечая на вопрос о второй пище, воздухе, Гурджиев сказал:

Есть две части воздуха, эволюционирующая и инволюционирующая. Только инволюционирующая часть может оживить "Я". В настоящий момент это инволюционирующая часть служит только для общих космических целей. Только когда в вас появится сознательное желание, вы сможете усвоить эту, полезную для вас, часть воздуха, исходящую из первоисточника.

Чтобы быть в состоянии усваивать инволюционирующую часть воздуха, вам нужно постараться осознать свою собственную значимость и значимость тех, кто окружает вас. Вы смертны, и когда-нибудь вы умрете. Тот, на кого направлено ваше внимание – ваш ближний; он тоже умрет. Вы оба – ничтожества. Сейчас бóльшая часть ваших страданий – "тщетные страдания"; они возникают из-за чувства гнева, ревности и обиды на других людей. Если вы приобретете навык всегда осознавать неизбежность их смерти и своей собственной смерти, у вас появится чувство жалости к другим, и будьте справедливы к ним, поскольку их проявления неприятны вам только потому, что вы или кто-то наступил им на мозоль, или же потому, что чувствительны ваши собственные мозоли. В настоящий момент вы не можете этого видеть. Попробуйте поставить себя на место других – они столь же значимы, как и вы; они страдают, как и вы, и, как и вы, умрут. Только если вы всегда будете стараться ощутить эту значимость, до тех пор, пока это не превратится в привычку, куда бы ни было направлено ваше внимание, только тогда вы сможете усвоить полезную часть воздуха и обрести реальное "Я". У каждого человека есть хотения и желания, которые ему дороги и с которыми он не расстанется до самой смерти.

От осознания значимости своего ближнего, когда ваше внимание направлено на него, осознания того, что он умрет, в вас возникнет жалость и сострадание к нему, и в конце концов вы полюбите его; а также, если делать это постоянно, в некой вашей части возникнет реальная, сознательная вера, которая распространится на остальные части, и у вас появится возможность узнать реальное счастье, поскольку благодаря этой вере появится объективная надежда – надежда на основу для продолжения.

Рене Домаль

Первый шаг

В 1936 году Рене Домаль писал другу: «Я долгое время искал этот невербальный метод активного самопознания. Наконец я встретил того, с кем я работаю сейчас, того, кто посвятил этой проблеме всю свою жизнь, кто может помочь другим в поисках ее решения. Это вопрос работы с телом – инстинктами, чувствами, разумом, когда человек экспериментирует над собой и испытывает себя; слова приходят только после переживания».

Вы всегда ошибались. Вы, как и я, как любой другой человек, ищете легких путей, ведущих в никуда. Только во сне ваш разум движется к истине. Подумайте сегодня о том, что удерживает вас и мешает вам: ваши самые прекрасные теории упираются в бесплотную стену. Эта пелена окрашенных форм, образов, звуков, прикосновений, вроде бы иллюзорных, тем не менее оказывается непреодолимой. Отсюда вы начинаете свой путь, но ошибаетесь дверью. Правильнее, пожалуй, сказать, что вы полагаете, будто отправились куда-то; на самом деле вы засыпаете на пороге и видите во сне собственные мнения о мире и разуме.

Сегодня я подожду вас у порога. Попробуем вместе сделать наши первые шаги. Для начала я попрошу вас взглянуть, не мудрствуя лукаво, окинуть взглядом то, что окружает вас в данный момент. Что вам видится? Прежде всего, не начинайте размышлять о реальности этого мира: каким образом вы можете оценить его? Знаете ли вы, что такое абсолютная реальность? Отправляющийся в путешествие должен оторваться от привычных мест; не думайте, будто цель может быть достигнута благодаря точной и подробной карте; линия, прочерченная на карте, имеет смысл лишь тогда, когда возможно определить свое местонахождение. И точно так вы стремитесь к себе! Я хочу сказать: пробудить себя, найти себя. Место, где вы находите себя – это истинное состояние сознания, взятое во всей его полноте. Это – отправная точка. И все наши спекуляции – не более, чем карта предполагаемого путешествия.

Все самодостаточные метафизические системы описывали тщету усилий человека, который тратит время на чтение путеводителей и изучение маршрутов,

прокладывает на карте путь и полагает, что он путешествует. До сих пор философы едва ли занимались чем-либо другим; или, если кто-то из них на самом деле странствовал, то он не поведал нам об этом. Таким образом, любая философия, даже если она прожита своим создателем как подлинный опыт, остается бесплодной забавой, не несущей людям никакой пользы.

Попытка, которую я предлагаю нам совершить вместе, может быть выражена одним словом: бодрствуйте. Сперва я просил вас пробудиться, чтобы увидеть, насколько вы осознаете данный момент. Вы осознаете непрекращающиеся изменения. Но так или иначе, вы чувствуете потребность стать тем, кем вы еще не являетесь; впрочем, возможно, что вы меня не понимаете и утверждаете, что не чувствуете ничего подобного. Даже в этом случае вы можете ощутить, что вы спите, пассивно принимая условия, навязанные вашему сознанию. Пробуждение – это не состояние; это действие. И люди пробуждаются гораздо реже, чем пытаются убедить в этом других.

Утром человек просыпается в постели. Едва поднявшись, он снова засыпает: полностью отдавшись своему автоматическому функционированию, благодаря которому его тело одевается, выходит на улицу, идет на работу, ест, болтает, читает газету – ведь все эти вещи обычно выполняет тело. Все это время человек спит. Чтобы пробудиться, он должен подумать: «Вся эта суматоха находится снаружи меня». Необходим акт размышления. Но если этот акт и отделяет человека от дальнейшего автоматического функционирования, то вспоминая, рассуждая, разговаривая с самим собой, он будет делать вид, что по-прежнему мыслит, хотя на самом деле он снова заснул. И так он может проводить целые дни, не пробуждаясь ни на секунду. Только подумайте об этом, когда будете находиться в гуще людей, и вы увидите, что вас окружает толпа спящих. Человек проводит во сне не треть жизни, как считается, а почти всю жизнь, в этом реальном сне духа. Для этого сна, этой инерции сознания он – легкая добыча, потому что, будучи от природы практически неизлечимо ленив, он желает пробудиться... конечно... но, поскольку усилия ему делать противно, он желает (и по наивности верит, что такое возможно), чтобы однажды совершенное усилие привело его к постоянному, или, по крайней мере, долговременному бодрствующему состоянию. Желая бодрствовать, он засыпает. Так же, как невозможно желать спать – ибо желание, каким бы оно ни было, всегда является пробуждением – так же невозможно бодрствовать, не желая этого каждый момент.

Единственное немедленное действие, которое вы можете выполнить – пробудиться, начать сознавать себя. Только взгляните на все, что вы сделали за этот день: быть может, только сейчас вы впервые пробудились и только в этот момент осознаете, что выполняли все свои действия как автомат, не думая. В большинстве случаев люди так и не понимают, что спят. Теперь примите, если хотите, это лунатическое существование. Вы можете быть лентяем или тружеником, крестьянином, торговцем, дипломатом, художником, философом, ни разу не пробуждаясь, лишь время от времени наслаждаясь или мучаясь от способа вашего сна. Наверное, еще удобней – чтобы уж совсем ничего не менять – было бы вообще не просыпаться.

И, поскольку реальность духа – это действие, в этом сне, в отсутствие действий и мыслей, ничего нет. Поистине, это духовная смерть.

Но если ваш выбор – быть, тогда вы обрекли себя на тяжкую дорогу, на которой непрестанно, каждый момент приходится совершать усилие. Вы пробуждаетесь и

сразу же должны пробудиться снова. Вы пробуждаетесь от пробуждения, и первое пробуждение тоже выглядит, как сон. На этом пути самоизучения сознание работает постоянно. Там, где большинство лишь просыпается, засыпает, просыпается и вновь засыпает, поднимаясь на одну ступень сознания только для того, чтобы тут же упасть, никогда не поднимаясь выше этой зигзагообразной линии, там вы найдете себя. Вы будете двигаться по неопределенному пути новых пробуждений, и, поскольку нет ничего лучше для постижения сознания, ваши размышления об этих бесконечных пробуждениях для обретения высочайшего сознания составят науку наук. Я называю ее метафизикой, но, хотя это – наука наук, не забывайте, что она никогда не станет ничем, кроме как заранее нарисованным маршрутом – да и то лишь в общих чертах – подлинного путешествия. Если вы забудете об этом, если вы поверите, что достигли пробуждения, потому что заранее создали условия для постоянного бодрствования – в тот самый момент вы засыпаете и, засыпая, умираете духовно.

Басараб Николеску

Гурджиевская философия природы

Почти повсеместно стало очень модным находить параллели между современной наукой и тем или иным учением, той или иной философской системой, той или иной религией. Социальная подоплека подобной тенденции достаточно очевидна: современный всемогущий «бог» технонауки призывается в свидетели «серьезности» другой области знания.

Даже если намерения некоторых исследователей (и я включаю в их число тех, кто рассматривает соотношения между наукой и Гурджиевским учением) и не ограничены этой мотивацией, тем не менее налицо большое недоразумение. Методология и перспективы того или иного учения, системы философии, или религии чрезвычайно отличаются от методологии и целей современной науки. Сравнение результатов или идей, кажущихся сходными, может привести лишь к наихудшим заблуждениям, расплывчатым аналогиям, лишенным смысла и, в лучших случаях, к «поэтическим» сравнениям.

Тем не менее, поиск истинного соотношения между наукой и подобными сферами знания мог бы, по моему мнению, оказаться ценным. Такую связь можно проследить в вопросе философии природы, как он рассматривается тем или иным учением или религией.

Очевиден факт, что Гурджиевское учение рассматривает философию природы, и в данном труде я намереваюсь подробнее остановиться на этом. Гипотеза соотношения между человеком и природой была недвусмысленно сформулирована Гурджиевым:

"Невозможно изучать систему Вселенной, не изучая человека. В то же время, невозможно изучать человека, не изучая Вселенную. Человек – это образ мира. Он

был сотворен по тем же законам, по которым был сотворен весь мир. Зная и понимая себя, он узнает и поймет весь мир, все законы, которые создали мир и управляют миром. И в то же время, изучая мир и законы, им управляющие, он узнает и поймет законы, которые управляют им... Таким образом, изучение мира и изучение человека должны вестись параллельно"1.

Сравнение между современной наукой и этим типом философии уходит далеко за пределы чисто интеллектуального упражнения. Во-первых, ряд великих научных открытий направлялся идеями философии природы. Например, хорошо известна роль, сыгранная немецкой натурфилософией в открытии Эрстедом электромагнетизма в 1820 году. Подобные случаи редки, но важно само их наличие, а не их число. Они доказывают наличие глубинной связи между природой и «реалистичной» философией природы.

Не менее важным выглядит и второй аспект. Характерной чертой нашей эпохи является отсутствие смысла, и прежде всего – отсутствие системы ценностей, направляющих технауку. В таком контексте мы и рассмотрим Гурджиевскую философию природы.

ПРИНЦИП ПРЕРЫВНОСТИ И КВАНТОВАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ

Одним из наиболее удивительных аспектов Гурджиевской философии природы является центральная роль, отводимая прерывности и ее прямая связь с современной физикой.

Действительно, за редкими исключениями, непрерывность – константа человеческого мышления. Возможно, ее основой служат доказательства, получаемые нами при помощи органов чувств: непрерывность нашего тела, непрерывность окружающей обстановки, непрерывность памяти. Она относится к видимой области, области неизменных, устойчивых форм (или форм, развивающихся неизменным путем), области объектов. Смерть, естественные катаклизмы, мутации до недавнего времени считались проявлением случайности или непостижимой тайны. Для своего развития наука нуждается в математическом аппарате. Подобный инструмент, основанный на непрерывности, был открыт Ньютоном и Лейбницем: дифференциальное исчисление. Столетиями научная мысль питалась идеей непрерывности.

Гурджиев, однако, подчеркивал важнейшую роль прерывности, или дискретности, в природе:

"Отметим, что согласно принятым на Западе взглядам, вибрации непрерывны. Это означает, что вибрации считают развивающимися беспрепятственно по восходящей или нисходящей линии, - пока продолжает действовать сила первоначального импульса, вызвавшего вибрацию и преодолевающего сопротивление среды, в которой эта вибрация происходит. Когда сила импульса иссякнет, а противодействие

среды возьмет верх, вибрации естественно замирают и прекращаются. Но пока этот момент не достигнут, т.е. не началось естественное ослабевание, вибрации развиваются однообразно и постепенно, а при отсутствии противодействия могут длиться бесконечно. Одно из фундаментальных положений нашей физики - это непрерывность вибраций, хотя данное положение не было точно сформулировано, поскольку его никогда не ставили под сомнение. В некоторых новейших теориях это положение пошатнулось. Тем не менее, физика еще очень далека от правильных воззрений на природу вибраций или того, что соответствует нашим концепциям вибраций в реальном мире.

В этом случае точка зрения древнего знания противоречит точке зрения современной науки, ибо в основу понимания вибраций древнее знание полагает принцип отсутствия непрерывности вибраций.

Принцип отсутствия непрерывности вибраций выражает характерный признак всех вибраций в природе, возрастающих или нисходящих: они развиваются не однообразно, а с периодическими ускорениями и замедлениями².

Эти положения были сформулированы Гурджиевым в 1915 году. Дата важна*.

Сам Гурджиев был в курсе этих научных исследований, как доказывают его слова «в некоторых новейших теориях это положение пошатнулось». Говоря о «современной науке» Гурджиев имел в виду то, что мы называем сегодня «классической наукой». Кроме этого, важно то, что Гурджиев видит эпистемологический и философский барьер современной ему науки.

В предисловии к своей работе, опубликованной в 1900 году, Макс Планк писал: «После нескольких недель самого напряженного труда в моей жизни передо мной забрезжил свет во тьме, и стали открываться неожиданные перспективы³». Этот «свет во тьме» привел его к созданию концепции – элементарному кванту действия («действие» - физическая величина, соответствующая энергии, умноженной на время) – которая должна была совершить революцию в физике и серьезно изменить наше видение мира. Квант выражается универсальной константой («постоянная Планка»), имеющей определенное значение.

Квант Планка представляет дискретную, прерывную структуру энергии. Планк полностью сознавал, что разрушением старых всемогущих концепций непрерывности ставятся под вопрос самые основы классического реализма: «Этот квант представляет собой нечто абсолютно новое, неожиданное, и совершает революцию в теоретической физике, основанной на непрерывности, присущей всем причинно-следственным отношениям с момента открытия дифференциального исчисления Лейбницем и Ньютоном⁴».

Нужно иметь в виду, что «прерывность», или «дискретность», о которой мы говорим (в отношении квантовой теории или же в отношении к Гурджиевской космологии) – это чистая и устойчивая прерывность, не имеющая ничего общего с популярным значением этого слова (например, развилка дороги). Чтобы попытаться уловить всю странность идеи прерывности, представьте себе птицу, прыгающую с одной ветки на другую без прохождения каких-либо промежуточных точек: как если бы птица внезапно материализовывалась на одной ветке, затем на другой. Несомненно, что

перед такой возможностью наше привычное воображение пасует. Однако подобные ситуации можно точно описать математически.

Квантовая прерывность – бесконечно менее богатая концепция, чем прерывность в том смысле, в каком она используется в Гурджиевской космологии. Там она представлена как фундаментальный аспект одного или двух законов, управляющий всеми мирами (закон семи). Условием взаимопроникновения разных миров являются «непременные-аспекты-интервала-непрерывно-струящегося-целого⁵». Прерывность позволяет единству существовать в многообразии, а многообразию – в единстве. Прерывность дает возможность эволюции и инволюции. Прерывность допускает сосуществование глобальной причинности и локальной причинности. И наконец, прерывность убеждает в высоком положении человека и придает смысл его жизни. Таким образом, мы находимся очень далеко от квантовой прерывности.

МАТЕРИЯ И СТЕПЕНИ МАТЕРИАЛЬНОСТИ

Гурджиев неоднократно подчеркивал материалистический характер своего учения: «Все во Вселенной материально: поэтому Великое Знание более материально, чем материализм⁶». Он добавлял: «Все во Вселенной может быть взвешено и измерено. Абсолют так же материален, так же взвешиваем и измерим, как луна, как человек⁷». Это заявление шокировало некоторых спиритуалистов и приверженцев Традиции, и умиротворяло некоторых ученых (забудем на время слово «Абсолют»).

Это смелое утверждение, однако, полностью раскрывается только в тот момент, когда Гурджиев проводит различие между «материей» и «степенью материальности». Как и любой ученый, Гурджиев убежден, что «материя везде одна и та же⁸». Но он вводит понятие степени материальности, связанной с энергией: «Верно: материя везде одна и та же; но материальность различна. А разные степени материальности непосредственно зависят от свойств и качеств энергии, проявляющейся в данном пункте⁹».

Для физика девятнадцатого столетия идея «степеней материальности» мало бы что означала. Она приобретает реальную ценность с открытием квантового мира, чьи законы кардинально отличаются от законов макрофизического мира. Изучение бесконечно малого обнаруживает степень материальности, отличную от макрофизического мира.

Мы не будем обсуждать здесь законы квантовой физики. Но позвольте вкратце упомянуть о существенном факте.

Классическая физика признает два вида отличных друг от друга объектов: корпускулы* и волны. Классические корпускулы – дискретные объекты, четко локализованные в пространстве и характеризующиеся, с динамической точки зрения, их энергией и инертной массой. Корпускулы можно легко представить в виде бильярдных шаров, постоянно путешествующих в пространстве и времени, описывающих очень точную траекторию. Что касается волн, их представляли занимающими все пространство, в континууме. Волновой феномен может быть описан как наложение периодических волн, характеризующийся пространственным периодом (длина волны) и временным периодом. Точно так же волна может

характеризоваться «частотой вибраций» (величина, обратная периоду колебаний) и «пространственной частотой волны» (величина, обратно пропорциональная длине волны). Таким образом, волны легко визуализировать.

Квантовая механика полностью перевернула эту точку зрения. Квантовые частицы – это корпускулы и волны в одно и то же время. Их динамические характеристики связаны с формулами Эйнштейна-Планка (1900-1905) и де Бройля (1924): энергия пропорциональна временной частоте (формула Эйнштейна-Планка), а инертная масса пропорциональна пространственной частоте волны (формула де Бройля). В обоих случаях коэффициентом пропорциональности служит постоянная Планка.

Это представление квантовой частицы противостоит всем попыткам представить ее в форме пространства и времени, поскольку очевидно, что невозможно представить в уме нечто, что являлось бы одновременно корпускулой и волной. В то же время энергия изменяется дискретным образом. Природой воссоединяются концепции непрерывности и прерывности.

Нужно хорошо понимать, что квантовая частица – совершенно новый объект, который нельзя свести к классическим представлениям; квантовая частица – это не простое сопоставление корпускулы и волны.

Квантовую частицу можно описать как единство противоположностей. Более правильным было бы заявить, что это частица не является ни корпускулой, ни волной. Единство противоположностей – более, чем простая сумма его классических составляющих, совокупность которых противоречива (с классической точки зрения) и приближительна (с квантовой точки зрения).

Когда Гурджиев утверждает, что «мир состоит из вибраций и материи, или из материи в состоянии вибраций, из вибрирующей материи⁹», и когда мы вспоминаем роль, которую он придавал частоте вибраций, энергии, прерывности, заманчиво подумать о новых квантовых объектах. Позвольте внести ясность: я не утверждаю, будто квантовые частицы можно отождествить с «вибрациями», о которых говорил Гурджиев (что в любом случае было бы абсурдно), но они представляются их воплощением в квантовом мире. В то же время неоспорим тот факт, что открытие квантового мира дало рациональное научное объяснение понятию «степень материальности». Гурджиев связывал тонкость материи с частотой вибраций: «Выражение "плотность вибраций" соответствует частоте этих вибраций и употребляется в смысле, противоположном понятию "плотности материи", т.е. чем выше "плотность материи", тем ниже "плотность вибраций", и наоборот, чем выше "плотность вибраций", тем ниже "плотность материи". Наивысшей "плотностью вибраций" обладает самая тонкая, наиболее разреженная материя. А в материи с наибольшей возможной плотностью вибрации замедляются и почти прекращаются. Поэтому самая тонкая материя соответствует наивысшей "плотности вибраций"¹⁰».

Действительно, какую можно представить связь между стулом и нейтрино (частицей, не имеющей массы и электрического заряда, беспрепятственно проникающую сквозь нашу макрофизическую материю)? Ясно, что это вопрос двух разных миров – двух разных уровней реальности, управляемых разными законами – и что различие степени тонкости материи между одним и другим уровнем чрезвычайно значительно.

Сосуществование разных уровней материи позволяет нам увидеть, что существуют разные типы материи, определяемые именно их степенью материальности. Гурджиев – не единственный современный мыслитель, убежденный в существовании нескольких типов материи. Стефан Люпаско* (1900-1988), в основе философии которого лежит квантовая физика, посредством своей логики энергетического антагонизма пришел к выводу о существовании трех типов материи-энергии.

Говоря о количестве типов материи, Гурджиев высказывал два взаимопротиворечащих утверждения. В сборнике его лекций, изданных под названием «Взгляды из реального мира», он говорит: «Единство состоит из трех материй»¹¹, в то время как в «Поисках чудесного» он утверждает, что существует «двенадцать категорий материи»¹². Фактически здесь нет противоречия. Когда Гурджиев, как и Люпаско, говорит о трех типах материи, он недвусмысленно ссылается на закон трех, дающий структуру всем феноменам реальности. В этом смысле число три, выдвинутое Гурджиевым и Люпаско, не является простым совпадением; вывод Люпаско, основанный на тернарной логике – «включенном среднем» - явно соотносится с законом трех. Наконец, рассматривая идею материальности по отношению к структуре Вселенной, Гурджиев в своей космологии заключает, что должно непременно существовать двенадцать категорий материи. Это обеспечит ученых работой на несколько столетий.

Существование двух материй – макрофизической материи и микрофизической материи – пусть даже не единогласно принятое (или признанное таковым), не вызывает жесткого противодействия. С другой стороны, одного упоминания «биологической материи» или «психической материи» довольно, чтобы заставить бурлить научный мир, в котором все еще господствует редукционизм. Точно так же не каждый готов принять утверждение Люпаско (идеи которого очень близки идеям Гурджиева), что каждая система включает в себя аспект, который одновременно является макрофизическим, биологическим и психическим.

По Гурджиеву, в природе нет ничего полностью инертного; все находится в движении: «скорость вибрации материи показывает степень разумности данного ее вида. Вы должны помнить, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного. Все по-своему живо и сознательно, все разумно. Только эта сознательность и разумность выражается по-разному на разных уровнях бытия, т.е. в разных масштабах. Но вам необходимо понять раз и навсегда, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного; просто существуют разные степени одушевленности и разные масштабы»¹³.

Это, на первый взгляд, удивляющее утверждение соответствует тому, что мы наблюдаем в микрофизических масштабах. «Инертная материя» - выражение классической науки, в наши дни полностью утратившее свой смысл. Микрофизическая материя является чем угодно, но уж ни в коем случае не «инертной материей». На микрофизическом уровне кипит деятельность, происходит бесконечное количество процессов, вечная трансформация энергии и материи, постоянное создание частиц и античастиц. Ошеломляющее количество информации и увеличивающаяся плотность энергии в квантовом мире доказывает, что практически невозможно провести границу между живым и неживым. Вполне вероятно, что квантовая частица обладает собственной индивидуальностью, собственным разумом, в совокупных отношениях вечного сотворения и аннигиляции всех других частиц.

Гурджиев часто возвращался к проблеме разумности материи: «Помимо своих космических качеств, каждое вещество также обладает психическими качествами, т.е. определенной степенью разумности»¹⁴. Это объясняет, почему определенные вещества способствуют эволюции человека, эволюции, которая является ядром Гурджиевского учения.

По Гурджиеву, между материями не существует разделения: «Тонкие материи пронизывают более плотные»¹⁵. Яркий пример – микрофизическая материя, пронизывающая макрофизическую материю. Протоны, нейтроны, электроны, квантовый вакуум находятся в нас, пусть даже мы и не отождествляем себя с квантовым миром.

Гурджиев идет еще дальше, утверждая, что в человеке содержатся все материи Вселенной: «Вся окружающая нас мировая материя, пища, которую мы едим, вода, которую пьем, воздух, которым дышим, камни, из которых построены наши дома, наши собственные тела - все это пронизано разными видами материи, существующей во Вселенной. Нет необходимости изучать или исследовать Солнце, чтобы обнаружить материю солнечного мира: эта материя находится в нас самих, будучи результатом деления наших собственных атомов. Точно так же в нас пребывает материальная среда всех иных миров. Человек представляет собой "миниатюрную вселенную" в полном смысле этого слова: в нем наличествуют все виды материи, из которых состоит вселенная: действуют те же силы, те же законы, что управляют жизнью во вселенной; поэтому, изучая человека, мы можем изучить весь мир, а изучая мир, можем изучить человека»¹⁶.

Как можно увидеть, материализм Гурджиевского учения – чрезвычайно комплексный, и мы лишь поверхностно коснулись его отношения к современной науке. Но несомненно одно: Гурджиевские «материи» обладают многочисленными аспектами, большинство из которых выходит за рамки методологии современной науки, поскольку они касаются внутренней алхимии человека.

ЗАКОН ТРЕХ И НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ЛОГИКИ

Испокон веков в человеческой деятельности преобладало бинарное мышление: «да» или «нет». Длительное столетиями царствование Аристотелевской логики продолжается и по сей день. В некоторых традиционных учениях (особенно в христианской теологии) имеется возможность новой логики, но эта возможность остается в руках малого числа посвященных. К этой новой логике относится учение Гурджиева о законе трех, который проявляет себя также и в квантовой физике.

Согласно Гурджиеву, закон трех – «фундаментальный закон, создающий все феномены во всем многообразии единства всех Вселенных».

«Это "закон трех", или закон трех принципов, трех сил. Он проявляется в том, что любое явление, в каком бы масштабе оно ни происходило, от молекулярных до

космических, представляет собой результат сочетания или встречи трех различных и противоположных сил. Современная мысль принимает наличие двух сил и их необходимость для того, чтобы возник какой-нибудь феномен: сила и противодействие, положительный и отрицательный магнетизм, положительные и отрицательные электрические заряды, мужские и женские клетки и так далее, но она не всегда и не везде находит даже эти две силы. Относительно же третьей силы вопрос никогда и не ставился, а если кто-то его поднимал, остальные ничего не слышали.

Согласно истинному, точному знанию, одна или две силы не в состоянии произвести какое-либо явление. Необходимо присутствие третьей силы, ибо только с ее помощью первые две могут произвести в той или иной сфере то, что называется феноменом. Первую силу можно назвать активной, или позитивной; вторую – пассивной, или негативной; третью – нейтрализующей. Но это – лишь названия, поскольку в реальности все три силы одинаково активны и проявляются как активная, пассивная и нейтрализующая лишь в точке их соприкосновения, так сказать, только по отношению друг к другу в данный момент»¹⁷.

Перед обсуждением особого характера третьего принципа позвольте коротко остановиться на характере противоположности (или, как это называет Люпаско, «антагонистическом противоречии») между тремя принципами, к которым постоянно возвращается Гурджиев. В «Рассказах Баалзебуа своему внуку» он описывает закон трех как «закон, который всегда переходит в следствие и становится причиной последующих следствий и всегда функционирует посредством трех скрытых в нем независимых и совершенно противоположных характерных проявлений, невидимо и неосязаемо»¹⁸. Стоит подчеркнуть этот аспект: скрытый, невидимый и неосязаемый характер трех принципов. Манифестация возможна только благодаря взаимодействию между законом трех и законом семи.

Противоположность между тремя принципами – подлинное «противоречие» в философском смысле этого слова: нечто, далекое от саморазрушения, создает себя посредством антагонистической борьбы.

Сравнительно легко представить себе противоречие между двумя понятиями, но практически невозможно (исключая формальные математические построения) постичь противоречие между тремя понятиями. При включении третьего понятия два остальных теряют собственную идентичность. В этом смысле мы можем понять выражение «включенное среднее». Парадоксально, но в логике «включенного среднего» понятия «истинно» и «ложно», отнюдь не теряя свою ценность, значительно расширяются, охватывая большее количество явлений, чем позволяет бинарная логика.

Вышеперечисленные вопросы прекрасно иллюстрирует пример из квантовой физики.

В эксперименте, проводимом (что очевидно) в макрофизическом мире, квантовая частица проявляется как волна или корпускула, так сказать, как одна из двух противоположных и антагонистических объектов. Мы можем использовать выражение «антагонистическая комплементарность», поскольку качества волн и корпускул взаимоисключаемы. Теперь, с надлежащего уровня реальности

квантового мира как третье понятие появляется квантовая частица, не волна и не корпускула, но которая, с точки зрения макрофизического мира, может проявлять себя как волна и как корпускула. В этом смысле квант – примиряющая сила между волной и корпускулой. Но в то же время, не будучи ни волной, ни корпускулой и проявляясь на другом уровне реальности, квант безусловно находится в противоречии с волной или корпускулой.

Нужно отметить, что П.Д. Успенский – один из наиболее известных учеников Гурджиева – в своей книге «Tertium Organum», опубликованной в России в 1912 году, был первым современным мыслителем, утверждавшим о важности принципа «включенного среднего» как фундаментальной логики новой науки.

Ранее я привел в качестве примера третьего понятия квантовую частицу в ее собственном мире. Но видим ли мы эту частицу? Можем ли мы проникнуть в квантовый мир? Наши способы измерения всегда макрофизические, и в действительности квантовую частицу мы не видим. С помощью ускорителей мы можем реконструировать ее, например, по ее следам. Наше макрофизическое строение не дает нам возможности свободно путешествовать в квантовом мире и наблюдать, что же там происходит.

Для понимания этого третьего термина требуется концептуальная революция. Сравнительно недавние открытия в физике частиц неожиданно пролили свет на третью силу. Для объединения всех физических взаимодействий требуется пространство-время, число измерений которого во много раз превосходит число измерений нашего пространства-времени (три измерения пространства и одно измерение времени). Неважно, что подобное объединение может произойти только при сказочных уровнях энергии, недостижимых на наших ускорителях. Важно то, что столь большое число измерений может быть собрано воедино логической последовательностью физических законов. Не является ли это «большое» пространство-время проявлением третьей силы? Может ли третья сила быть источником прерывности, нераздельности и нелокализуемости?

По сравнению с этим «большим» пространством-временем мы, бедные жители четырех измерений, слегка напоминаем двумерных существ концептуальной Вселенной Эдвина А. Эбботта*, Флатландии, которым казалось чудом явление существ из мира трех измерений. Но мы можем точно понять эту третью силу, если, как говорил Гурджиев выйдем за пределы ограничений «фундаментальных категорий нашего восприятия феноменального мира», то есть выйдем за пределы нашего ощущения пространства и времени. Настойчивость Гурджиева в его философии природы, связанная с научными идеями «измерений», «пространства» и «времени» выглядит не случайной. В частности, чрезвычайно существенно различие между разными космосами, связанное с разным числом измерений пространства-времени в них.

«Окиданох» - чудесный Гурджиевский символ тернарной динамики и ее проявлений. Он представлен как «Вездесущий Активный Элемент», или как «Уникальный Активный Элемент»¹⁹, особенности которого – основная причина всего, что существует во Вселенной. «Только одна космическая кристаллизация, существующая под названием "Вездесущий Окиданох", получает свое первоначальное возникновение - хотя она также кристаллизуется из Эфирокрилно - из трех Святых источников Теомертмалогоса, то есть из эманации Святейшего Солнца Абсолют. Повсюду во Вселенной этот "Вездесущий Окиданох", или

"Вездесущий Активный Элемент", принимает участие в образовании как больших, так и малых возникновений и является вообще основной причиной большинства космических явлений»²⁰.

В прямой связи с тремя принципами закона трех, естественно, что «никакие результаты, нормально полученные из процессов, происходящих благодаря этой Вездесущей Мировой Субстанции, никогда не могут быть восприняты существами или ощущаться ими»²¹. Но как связать неуловимый характер трех принципов закона трех с фактом, что Окиданох является, в то же время, субстанцией, пронизывающей все космические формации? Действительно, «когда сгущается новая космическая единица, то "Вездесущий Активный Элемент" не сливается целиком с таким новым возникновением и не трансмутируется целиком в каком-нибудь определенном надлежащем месте - как происходит со всеми другими космическими кристаллизациями во всех упомянутых космических формациях, - а как только он входит целиком в какую-нибудь космическую единицу, в нем сразу же происходит так называемый "Джартклом", то есть он распадается на те три основных источника, из которых он получил свое первоначальное возникновение, и только тогда эти источники, каждый в отдельности, дают начало независимому сгущению трех отдельных соответствующих формаций внутри данной космической единицы»²². Таким образом, три принципа присутствуют повсюду. Но что же придает Окиданох характер субстанции, или вещества? Определенно, не три принципа. Поэтому Гурджиев вводит символ эфирокрилно, «той первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная и которая является основой возникновения и поддержания всего существующего»²³. Именно этот четвертый элемент Окиданох и придает ему характер вещества: «определенная часть чистого - то есть абсолютно несмешанного - Эфирокрилно непременно входит во все космические формации и служит там, так сказать, для связи всех активных элементов этих формаций, а потом, когда три его составные части сливаются вновь, упомянутая часть Эфирокрилно восстанавливается»²⁴.

Попутно заметим, что символ Окиданох создает интересные взаимоотношения между «тремя» и «четырьмя»: «три» представляет скрытую, невидимую и неосязаемую характеристику трех принципов, в то время как «четыре» представляет проявление трех принципов на плане материи-энергии.

Фонетическое сходство может заставить нас подумать о возможной связи между «эфирокрилно» и «эфиром», особенно когда Гурджиев говорит о «первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная». Но здесь нет подлинной взаимосвязи. Эфир – это неподвижная, универсальная система координат. Эфирокрилно, вместе с Окиданох, связано с движением, трансформацией, передачей энергии.

Мы можем представить Окиданох полем, наполняющим все космосы, чьи вибрации преобразуют закон трех в материальные проявления. Если «естественный» человек восприимчив к дуализму, то Вселенная, насколько можно заключить, безусловно нуждается в трех действующих силах.

ПРИРОДА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

По Гурджиеву, Бог был вынужден сотворить мир:

"И в это время нашему Создателю-Вседержцу явилась надобность сотворить теперь существующий Мегалокосм, то есть наш мир... Наш Всемогущий Творец однажды заметил, что Солнце-Абсолют, на котором он пребывал, хотя и незаметно, но постоянно уменьшается в размере... Причиной постепенного уменьшения размеров Солнца-Абсолюта был Геропас, или течение самого времени"²⁵.

На первый взгляд это утверждение может показаться лишь проявлением знаменитого Гурджиевского юмора. Но роль, приписываемая времени, чрезвычайно занимательна; сходная идея имеется в космологии Якоба Беме (1575-1624). По Беме, Бог также вынужден был сотворить Вселенную – из-за насущной жажды познать себя. Так он умер для себя, чтобы родиться, подвергнув себя циклу времени. «Рождение Бога» - фундаментальный аспект доктрины Беме.

Между философией Гурджиева и Беме можно найти немало сходных черт²⁶: закон трех и закон семи, лежащие в основе их космологии, роль прерывности, универсальный обмен веществ, живая Природа. У Гурджиева, как и у Беме, имеется два значения слова «природа»: «сотворенная природа» и «божественная природа». Идея природы – объемлющая как божественную, так и сотворенную природу – относится к взаимодействию между всеми уровнями реальности. Итак, согласно и Гурджиеву, и Беме, материализм и спиритуализм – две грани одной и той же реальности.

Удивительно, что среди бесчисленных книг и штудий, посвященных учению Гурджиева, нет ни одной, посвященной сходству идей Беме и Гурджиева. Нельзя полагать, что работы Беме служили Гурджиеву источником вдохновения. Их философии природы четко отличаются, и отличаются даже в сходных элементах (например, динамическое функционирование закона трех и закона семи). Ясно одно: на протяжении веков в различных философиях природы неизменно появлялся ряд фундаментальных идей. Этот факт, который особенно важен сегодня, когда ведется поиск новой философии природы, находящейся в гармонии с открытиями современной науки. Вернемся к Гурджиевской концепции Творения: необходимо было спасти божественный мир от воздействия времени. Так была сотворена Вселенная, бесконечная цепь, скованная универсальной взаимозависимостью, что позволило избежать воздействия времени. Гурджиев называл эту универсальную взаимозависимость «величайший общекосмический Трогаавтоэгократический процесс... подлинный спаситель от закономерного воздействия безжалостного Геропаса»²⁷, или «Трогаавтоэгократический процесс, система, которая поддерживает все возникшее и существующее, реализованная нашим БЕСКОНЕЧНЫМ ТВОРЦОМ для того, чтобы во Вселенной мог происходить так называемый "обмен веществ", или "взаимное питание" всего существующего, и чтобы поэтому безжалостный "Геропас" не мог бы оказывать своего пагубного воздействия на Солнце Абсолют»²⁷.

Трогаавтоэгократический процесс и самосовершенствование: Принцип универсальной взаимозависимости можно встретить не только в учении Гурджиева.

Он встречается по многим традиционным учениях. Однако Гурджиевская трактовка, бесспорно, оригинальна.

Вселенная Гурджиева характеризуется обобщенной нераздельностью: «все зависит от всего остального, все связано, нет ничего отдельного. Поэтому все идет только по тому пути, по которому должно идти»²⁸.

Системы разных уровней обладают собственной автономией, ибо, согласно Гурджиеву, Абсолют непосредственно участвовал только в сотворении первого космоса. Другие космосы сформировались на основе самоорганизующих принципов – однако всегда подчиняясь закону трех и закону семи. Таким образом было обеспечено многообразие Вселенной. С другой стороны, взаимодействие разных космосов посредством универсального обмена материи-энергии обеспечивает единство многообразия. По словам Гурджиева, «ученое существо» по имени Атарнах выдвинуло следующую гипотезу: «По всей вероятности, в Мире существует закон взаимного поддержания всего существующего. Очевидно, наши жизни также служат для поддержания чего-то великого или малого в Мире»²⁹.

Гурджиевская Вселенная не статична, это Вселенная, находящаяся в вечном движении и изменяющаяся не только на физическом плане, но и в плане биологическом и психическом. В разных мирах всегда происходит эволюция и инволюция. И если брать в расчет число разных материй, характеризующихся разными степенями материальности, можно понять важнейшую роль универсального обмена веществ в эволюции и инволюции:

"В связи с этими неотъемлемыми процессами «эволюции» и «инволюции» в законе Гептапарапаршинок в больших и малых космических концентрациях начали кристаллизоваться и растворяться разные виды определенных субстанций с их собственными, присущими только им качествами. Эти субстанции объективная наука называет «активные элементы». Все результаты «эволюции» и «инволюции» этих активных элементов осуществляются Трогоавтоэгократическим принципом; и во всей Вселенной, средствами взаимного поедания и поддержания существования друг друга они производят общекосмический процесс «Иранирануманж», или, как я уже говорил, «общекосмический обмен субстанций»³⁰.

Трогоавтоэгократический процесс замечательным образом соотносится с принципом «самосовершенствования*», сформулированным в 1960 году американским физиком Джеффри Чью*. В научном контексте ближайшим эквивалентом этому слову будет термин «самостоятельность»*.

Теория самосовершенствования появилась, как естественная реакция на классический реализм и идею необходимости стабилизации процессов в пространстве-времени. Предлагая радикальный отказ от всех процессов стабилизации, теория самосовершенствования подразумевает отсутствие всех фундаментальных «строительных блоков» физической реальности. Согласно этой теории, у квантовой частицы имеется три различных роли: (1) роль компонента составных систем; (2) роль посредника силы, отвечающей за единство составной системы; (3) роль составной системы.

Итак, в теории самосовершенствования часть проявляется в то же время, как целое. Рассматривается вопрос самого понятия идентичности частиц: оно используется вместо понятия взаимоотношений между «событиями». Отношения между событиями отвечают за появление того, что мы называем частицей. Не существует объекта в себе, обладающего собственной идентичностью, который мы могли бы отделить или обособить от других частиц. Частица есть то, что она есть, поскольку все другие частицы существуют в то же самое время: атрибуты детерминированного физического объекта являются результатами взаимодействий со всеми остальными частицами. Согласно теории самосовершенствования, действительно существует закон «взаимного поддержания» всех квантовых частиц. И, как и в Трогоавтоэгократическом процессе, система есть то, что она есть, поскольку все другие системы существуют в одно и то же время. Необходимо подчеркнуть роль самосостоятельности в построении реальности – самосостоятельности, обеспечивающей связность Всего.

В формулировке принципа самосовершенствования имеются различные степени обобщений. Так, английский физик Пол Дэвис* не колеблясь, говорит о «космическом самосовершенствовании»³¹.

В этой общей форме теория самосовершенствования пытается ответить на вопрос: как устроена Вселенная? Является ли она неким механизмом, несомненно изумительным, но все же механизмом, построенным из практически независимых систем, механически взаимосвязанных? Или в ее основе лежит единство, поддерживаемое динамическим разумом в перманентной эволюции на всех уровнях природы? Является ли уровень природы тем, что он есть, поскольку в то же самое время существуют и все другие уровни? Существуют ли законы, применимые ко всем уровням природы (частицам, атомам, планетам), непреложные законы, которые, однако, по учению Гурджиева, производят различные эффекты в зависимости от уровня, на котором они действуют? Другими словами, существует ли между различными уровнями природы то, что можно назвать «взаимное питание» или «взаимное поддержание»? Или же Вселенная – юдоль печали, где каждый уровень обречен из-за постоянного роста беспорядка, энтропии, на разрушение и смерть?

Вселенная выглядит способной на самосотворение и самоорганизацию без какого-либо «внешнего» вмешательства. Именно этот целостный процесс самосотворения и самоорганизации Пол Дэвис окрестил «космическим самосовершенствованием». «Вселенная наполняет себя исключительно собственной физической природой со всей энергией, необходимой для создания и оживления материи, упорядочивая таким образом энергию собственного взрыва. Это – космическое самосовершенствование. Своим существованием мы обязаны его поразительной мощи»³². Кажется очевидным, что самосотворение и самоорганизация имеют смысл лишь во Вселенной, созданной из бесконечной цепи систем, регулируемых универсальной взаимозависимостью. Условия самосотворения и самоорганизации – единство в многообразии и многообразии единства. Иначе не может действовать ничего, кроме закона случая.

Наконец, логически возможно постулировать форму, еще более обобщенную, чем принцип самосовершенствования, включающую квантовый мир, макрофизический мир, Вселенную, жизнь и сознание. В этой чрезвычайно общей форме принцип самосовершенствования (на настоящем этапе знания) приобретает ненаучный

характер. Какова бы ни была судьба теории самосовершенствования в физике частиц (доминирующая теория в 1960-1970 годах, ныне вытесненная теорией квантового поля), она представляет немалый методологический и эпистемологический интерес. Это не просто новая тема в физике, скорее, это символ – символ, вызывающий появление видения единства Мира. Этот символ, оставаясь точным, неисчерпаем. Он широко проявляется в области естественных систем. Действительно, существует «тотальное самосовершенствование», составляющее видение Мира, и «частичное самосовершенствование», относящееся к научной теории. Одно без другого выглядит бледно и, в конце концов, бесплодно. Двойной аспект принципа самосовершенствования как символа и научного понятия объясняет, почему он позволяет столь тесно увязать науку и философию природы.

Космические измерения и объединение физических взаимодействий: Вернемся к понятию «измерений» и его смыслу. В центре Гурджиевской философии природы лежит идея «космосов»: «только идея космосов дает прочное основание для установления законов относительности. Подлинная наука и подлинная философия должны основываться на понимании законов относительности. Следовательно, можно сказать, что наука и философия в истинном смысле этих слов начинаются с идеи космосов»³³. «Луч творения» включает в себя семь космосов, содержащихся один в другом: Абсолют, Все Миры, Все Солнца (Млечный Путь), Солнце, Все Планеты, Земля, Луна. Нас не должны уводить в сторону имена, данные этим мирам. Например, небесные тела обладают помимо своих обычных физических качеств, другими качествами, объясняющими, почему число измерений пространства отлично от числа измерений нашего мира:

"Каждый космос - это одушевленное и разумное существо. Каждый космос рождается, живет, умирает. Все космосы являются результатом действия одних и тех же сил, одних и тех же законов. Законы всюду одинаковы. Но проявляются они на разных планах вселенной, т.е. на разных уровнях, по-разному, во всяком случае, не одинаково"³⁴.

Интересно представить, как Гурджиев рассматривает понятие «Всех Миров»:

"Можно сказать, что «Все Миры» должны образовать нечто Целое, или Единое, непостижимое для нас... Это Целое, или Единое, или Все, можно назвать «Абсолютом» или «Независимым», поскольку, включая все в себя, оно ни от чего не зависит, представляя собой «мир» для «всех миров»³⁵.

Перед нами отличный пример противоречивого мышления, которое само по себе может ввести нас в мир символов. Интересно отметить, что, согласно Гурджиеву, «Человек живет во всех этих мирах, но по-разному. Это значит, что на него оказывает влияние прежде всего ближайший к нему мир, подходящий к нему вплотную, частью которого он является. Более далекие миры также влияют на человека как непосредственно, так и через другие, промежуточные миры, но их

действие уменьшается пропорционально их удаленности от человека или росту различий между ними и человеком. Как будет видно впоследствии, непосредственное влияние Абсолютного до человека не доходит, но влияние следующего мира и влияние мира звезд проявляются в жизни человека уже вполне ясно, хотя они, конечно, науке неизвестны»³⁶. Другими словами, несмотря на свою трехмерную структуру, потенциально человек имеет пусть и трудный, но все же возможный доступ к другим измерениям.

Но в чем же смысл «семи независимых измерений» (пространства, конечно, поскольку в Гурджиевской космологии существует только одно измерение времени)? Используется ли слово «измерение» в его научном, математическом смысле (измерение пространства-времени), или же в нем скрыто расплывчатое и неоднозначное значение, близкое к значениям обычного языка? Ответ не допускает двусмысленности: Гурджиев использует это слово в научном смысле. Во-первых, Успенский представил Гурджиеву интерпретацию последовательности этих семи измерений основанную на научном понимании слова «измерение», и Гурджиев с этим согласился³⁷. С другой стороны, сам Гурджиев несколько раз вполне четко раскрывал этот предмет. Например, он говорит: «Взаимоотношения космосов постоянны и всегда одинаковы. Иначе говоря, один космос относится к другому как ноль к бесконечности»³⁸. Но отношение между «нулем и бесконечностью» - именно то, что характеризует отношение между пространством с определенным числом измерений и пространством с большим числом измерений (например, отношение точки к линии, линии к плоскости). Именно это отношение «нуля к бесконечности» вдохновило Эдвина Эбботта на создание замечательной книги «Флатландия»³⁹, где он описывает радости и горести двумерных существ, сталкивающихся с чудесами трехмерного мира. Это напоминает о замечании Гурджиева, связанном с мистическим опытом и экстатическими состояниями: интеллектуальный, эмоциональный и двигательный центры «передают в земных трехмерных формах то, что полностью находится за пределами земных измерений»⁴⁰. Здесь отчетливо видно, что слово «измерение» используется в его научном значении.

Вселенная Гурджиева в своей полноте обладает большим числом измерений. Но, поскольку у различных миров имеются не только физические качества, не означает ли это, что сама физическая Вселенная может быть описана пространством-временем с большим числом измерений?

Некоторые теории объединения берут в качестве отправной точки пространство с большим числом измерений, чем мир, в котором мы живем. Очевидно, что невозможно представить себе дополнительные измерения пространства, так как наши органы чувств созданы, чтобы соответствовать трехмерной реальности. Однако объединение всех взаимодействий требует физического существования этих странных пространств. В определенном смысле, симметрии, ведущие к объединению, связаны с семью дополнительными измерениями пространства. Возможно, эти семь измерений были «спрессованы» между десятой и сорок третьей секундой после Большого Взрыва; т.е. они скрыты в очень малой области пространства (от десяти до тридцати трех сантиметров). Объединение всех физических взаимодействий, дополнительные измерения пространства, необходимое отношение между частицей и Вселенной (в полном смысле космогенеза): неужели они лишь случайно совпадают с выводами Гурджиевской философии природы?

Квантовый вакуум и Ничто: Я хотел бы завершить данное обсуждение теоретическим предположением, могущим показаться не бесспорным.

По Гурджиеву, луч творения заканчивается Ничто. Действительно, вполне естественно связать «конец» с «Ничто». Но все усложняется, когда он говорит от том, что «Ничто» означает Абсолют в аспекте «Святой Крепкий»:

"Между Всем и Ничто проходит луч творения. Вы знаете молитву: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный"? Эта молитва пришла из древнего знания. "Святой Боже" значит Абсолютное, или Все; "Святой Крепкий" также означает Абсолютное, или Ничто, "Святой Бессмертный" означает то, что находится между ними, т.е. шесть нот луча творения с органической жизнью. Все три, взятые вместе, составляют одно; это нераздельная и неслиянная Троица".

В этом свете возникает искушение провести связь между «Ничто» и квантовым вакуумом. Мне определенно не хотелось бы утверждать идентичность «Ничто» и квантового вакуума (это было бы нелепо), но можно предположить, что квантовый вакуум может, на физическом плане, являться одной из граней «Ничто». Достоверность подобного предположения доказывается словами самого Гурджиева. Согласно его описанию луча творения, при нисхождении материя становится все более и более плотной, все менее и менее разумной, подверженной все большему числу законов. И вот, в конце луча творения, вновь появляется Абсолют, и линейный аспект луча творения трансформируется в круг. Вселенная замыкается в кольцо, заключающее в себе неопределимое число систем, находящихся в вечном взаимодействии. Таким образом мы можем лучше понять смысл Трогавтоэгократического процесса.

Значение выражения «квантовый вакуум» находится как нельзя далеко от общепринятого значения слова «вакуум». Чем меньшую и меньшую область пространства мы изучаем, тем мы находим большую и большую активность, признак вечного движения. Ключ к пониманию этой парадоксальной ситуации дается в принципе неопределенности Гейзенберга. Чрезвычайно малая область пространства по определению соотносится с чрезвычайно малым временем и, согласно принципу Гейзенберга, с чрезвычайно широким спектром энергии. Итак, «квантовые флуктуации» вакуума обуславливают внезапное возникновение «виртуальных» пар частица-античастица, взаимно аннигилирующих друг друга, и этот процесс происходит за очень короткие промежутки времени. Все есть вибрация: согласно квантовой физике, мы не можем найти в мире инертную, неподвижную точку, в которой не существовало бы движения. На квантовом уровне вакуум полон; это место спонтанного создания и аннигиляции частиц и античастиц. Квантовые частицы обладают определенной массой и поэтому, согласно теории относительности, для материализации нуждаются в определенной энергии. Направляя в квантовый вакуум энергию, мы можем способствовать этой возможной материализации. Именно этим мы и занимаемся, конструируя ускорители частиц (здесь возникает замечательная диалектика между «видимым» и «невидимым»: чтобы обнаружить бесконечно малые частицы, нам приходится строить гигантские ускорители).

Полный квантовый вакуум в потенциале содержит в себе все частицы, наблюдались ли они уже или нет. Мы сами «извлекли» из Ничто большую часть известных нам

частиц при помощи ускорителей и других экспериментальных аппаратов, в то время как «естественный» мир более «экономен»: протона, нейтрона и электрона достаточно для построения практически всей нашей «видимой» Вселенной. В этом смысле мы – участники реальности, охватывающей нас, наши частицы и нашу Вселенную.

Квантовый вакуум – удивительная грань реальности. Квант, вибрации, являются ли они реальными или виртуальными, присутствуют повсюду. Пустота полна вибраций. Потенциально в ней содержится вся реальность. Возможно, вся Вселенная появилась из Ничто благодаря гигантской флуктуации пустоты, известной нам как «Большой Взрыв» (или лучше сказать, «Великий Звук»). Итак, почему бы не провести связь между квантовым вакуумом и Ничто в аспекте «Святой Крепкий»?

Проведенные нами сравнения между современной наукой и Гурджиевской философией природы, возможно, кому-то покажутся опрометчивыми. Эта философия природы – неотъемлемая часть учения Гурджиева, учения согласно традиции. В диалоге между наукой и традицией неизбежно возникают две основные трудности: методология и язык. В методологии традиции человек – не «объективный» наблюдатель реальности, отделенной от него, а участник этой реальности, и его собственная эволюция обусловлена его отношением к другим аспектам реальности. Воспроизведение феноменов в данном смысле не является условием «реальности» данных феноменов, поскольку в этих феноменах не учитываются те или иные аспекты Всего – согласно традиции, объективная наука – это наука Всего. Ясно, что научная методология противоположна традиционной методологии. Другое серьезное отличие связано с языком. Говоря об идее единства, Гурджиев настойчиво подчеркивает это отличие:

"Для субъективного сознания мир расколот на миллионы отдельных, не связанных между собой явлений. Попытки связать эти явления в какого-то рода философскую и научную систему ни к чему не приводят, потому что люди не в состоянии воссоздать, идею целого, отправляясь от отдельных фактов, и не способны постичь принцип разделения целого, не зная законов, на которых основано такое разделение.

Тем не менее, идея всеобщего единства существует и в интеллектуальном мышлении; но такую идею в ее отношении к многообразию невозможно ясно выразить в словах или логических формах: всегда остается непреодолимая трудность языка. Язык, построенный посредством выражения впечатлений множественности в субъективных состояниях сознания, никогда не сможет с достаточной точностью, полнотой и ясностью передать идею единства, которая для объективного сознания является простой и очевидной.

Понимая несовершенство и слабость обычного языка, люди, обладавшие объективным знанием, пытались выразить идею единства в "мифах" и "символах",

в особых "словесных формулах", которые, передаваясь без изменений, передавали идею из одной школы и из одной эпохи в другую"41.

Я подробно рассматривал языковые проблемы в своей работе «Nous, le particule et le monde». Упомянем здесь лишь некоторые аспекты. Научное понятие имеет четкой значение и (в точных науках) математический аспект – конечно, в смысле «количественной математики». С другой стороны,

"Символ никогда нельзя брать в окончательном и определенном смысле. Выражая законы единства в бесконечном многообразии, символ обладает бесчисленным множеством аспектов, в которых его можно рассматривать; и от человека, подходящего к нему, требуется умение видеть его сразу с нескольких точек зрения"42.

Более того, «символ никогда не может быть окончательно истолкован. Он может только быть пережит»43. Точность символа выражается именно в неизменности, скрытой за бесконечной множественностью его аспектов. Можно утверждать, что символическое мышление, как и научное, также связано с математикой, но с «качественной математикой». Вспомним о том, что Галилей, один из основателей современной науки, проводил различие между «божественной математикой» и «человеческой математикой».

Как видно, Гурджиев не отрицает того, что идея единства всего может появиться также и в научной или философской мысли, но ссылается на «непреодолимую трудность языка». Исключительный прогресс в физике за последние десятилетия объясняется не только тем фактом, что преобладающие идеи единства и объединения привели к чрезвычайно плодотворным теоретическим и экспериментальным результатам. Он обязан также тому, что в этой системе взглядов возникали идеи нового типа, которые я называю «идеи-символы». Идеи-символы, подобно теории самосовершенствования или объединению всех взаимодействий, обладают всеми характеристиками символа, за исключением того факта, что для их эффективности в научном плане они должны иметь частичное, усеченное значение, в зависимости от их общей формулировки. Это объясняет, почему существует несколько формулировок теории самосовершенствования или теории объединения. Это также объясняет, почему знаменитая теория объединения всех взаимодействий включает в себя только физические взаимодействия. Более того, не исключено, что при попытке объяснить взаимодействия, происходящие на сверхвысоких уровнях энергии с событиями, происходящими на более низких уровнях, трудности, с которыми сталкивается эта теория, связаны именно с символическим характером идеи объединения. Теория, основанная на идее-символе, по определению, является открытой теорией, пытающейся объять безграничное богатство символа. Символ обеспечивает подобной теории устойчивость. Открытая теория может изменить форму и математическую формулировку, но ее направление всегда останется прежним.

В любом случае, появление в науке идей-символов представляет собой подлинную концептуальную революцию, уходящую далеко за пределы науки. В наше время впервые стал возможен диалог между наукой и традицией, диалог, необходимость которого ясна более, чем когда-либо.

ЖИЗНЬ, ГЕЯ И АНТРОПИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

За редкими исключениями, современная философия считает, что жизнь и человек возникли в результате случайности. Однажды мы случайно появились на маленькой планете, вращающейся вокруг определенной звезды, на далекой окраине галактики, не представляющей собой ничего особенного. Наши философы с радостью и твердой уверенностью пропагандируют этот печальный и тягостный образ.

В этом отношении Гурджиевская точка зрения полностью противоположна точке зрения современной философии. Для него жизнь и человек являются продуктами космической необходимости – жизнь не может существовать без Вселенной, а Вселенная не может существовать без жизни. «Таким образом, органическая жизнь представляет собой необходимое звено в цепи миров, которые не могут существовать без нее, как и она не может существовать без них»⁴⁴. Согласно космологии Гурджиева, жизнь появилась как необходимая точка разрыва, чтобы заполнить, в соответствии с законом семи, один из интервалов космической октавы: «Эти условия для обеспечения перехода сил создаются при помощи устройства особого механического приспособления между планетами и Землей. Это механическое приспособление, "передаточная станция" сил, - есть органическая жизнь на Земле. Органическая жизнь на Земле была создана, чтобы заполнить "интервал" между планетами и Землей»⁴⁵.

Парадоксальным образом этот взгляд на необходимость жизни подтверждается не философией, а наукой. Мне хотелось бы поговорить о знаменитом «антропическом принципе» («антропический» происходит от греческого слова антропос, означающего «человек»). На эту тему имеется обширная литература⁴⁶. Мы ограничимся обсуждением лишь некоторых аспектов в связи с Гурджиевской космологией.

Антропический принцип был введен Робертом Х. Дикке в 1961 году и получил свое развитие в работах Брэндона Картера, Стивена Хоукинга, Джона Барроу, Фрэнка Типлера* и других исследователей.

В наше время антропический принцип представлен в различных формулировках. Несмотря на такое разнообразие, его основная идея легко распознаваема: наличие взаимосвязи между появлением человека, «разумной» жизни в космосе – и физических условий, регулирующих эволюцию Вселенной. Эта взаимосвязь находится в очень жестких рамках: если значение определенных физических констант или параметров, проявляющихся в определенных законах, хотя бы незначительно изменяется, то исчезают физические, химические и биологические условия, допускающие появление человека. «Большой сюрприз, - пишет Хьюберт Ривз*, - кроется в том, что квази-полнота вымышленных Вселенных, смоделированных физиками на компьютерах, будет чрезвычайно отличаться от

нашей Вселенной. В частности, такие Вселенные будут абсолютно неспособны породить живых существ, обладающих биохимической структурой»⁴⁷. Брэндон Картер подчеркивает важность гравитационной постоянной *. Эта константа должна находиться близко к экспериментально наблюдаемому значению, чтобы планеты могли существовать достаточно длительное время для появления жизни на них. Слишком сильная или слишком слабая гравитация приводит либо к эфемерным планетам, либо просто к невозможности появления на них живых существ. Константа взаимодействия (гравитационная постоянная), характеризующая сильные взаимодействия, происходящие в квантовом мире, весьма точна: «Если сила оказывается большей, чем должна быть... не появится водорода для образования звезд первостепенной важности... И наоборот, если она слишком мала, не появятся такие сложные атомы, как углерод»⁴⁸.

Таким образом, эволюция Вселенной регулируется необъятной самостоятельностью, включающей в себя как физические взаимодействия, так и феномен жизни. Галактики, звезды, планеты, человек, атом, квантовый мир объединены одной и той же самостоятельностью. В этом смысле антропический принцип можно рассматривать как особый случай самосовершенствования и как иллюстрацию Трогаавтоэгократического процесса.

Не нужно смешивать самостоятельность антропического принципа с простой когерентностью последовательностью. Мы можем думать, что благодаря тому простому факту, что Вселенная существует, она обязательно должна быть логически последовательна, когерентна, гармонична. В этом смысле антропический принцип превращается в тривиальное утверждение. Но гармония нашей Вселенной – весьма специфична. С точки зрения физики, ничто не препятствует созданию различных Вселенных, в которых могла бы присутствовать жизнь, по тем же физическим законам, но с другими константами и параметрами, применимыми к этим законам. Но астрофизические исследования доказывают удивительный факт: чтобы появилась жизнь, огромное количество этих констант и переменных должны находиться в чрезвычайно жестких рамках. Таким образом, антропический принцип неявным образом ставит ошеломляющий вопрос об уникальности этого мира.

В любом случае, тот факт, что для того, чтобы на маленькой планете появилась жизнь, необходимо по меньшей мере создание целой галактики, открывает широкие перспективы философского и поэтического плана. В своих петербургских и московских группах Гурджиев настаивал на том, что жизнь появилась не благодаря случайному созданию на земле определенных молекулярных структур, но пришла «Свыше», из мира небесных тел. Успенский комментирует: «органическая жизнь... начинается на Солнце. Последний пункт был наиболее важным, потому что он вновь, как и многое в системе Гурджиева, оказался в противоречии с обычными теориями возникновения жизни, так сказать, снизу. В его объяснении жизнь пришла сверху».⁴⁹ Эта точка зрения находится в полном соответствии с антропическим принципом: для появления жизни необходима как минимум галактика, поэтому в этом смысле жизнь имеет небесное происхождение. Мы – дети звезд.

Если принять небесное происхождение жизни, становится интересно прояснить взаимоотношение между жизнью и Землей. По Гурджиеву, жизнь – это «орган восприятия Земли»⁵⁰. Для него, как и для Кеплера, Земля – живое существо. Она даже говорит о «степени разумности», которой обладает Земля. На научном плане подобная точка зрения может показаться совершенно нереалистичной (если не сюрреалистичной). Но здесь сюрприз преподносит сама наука. После

продолжительных исследований весьма серьезный ученый Джеймс Лавлок* формулировал «гипотезу Геи»: Земля действует как живой организм. Таким образом, биосфера представляет собой саморегулирующееся существо, управляющее физическим и химическим окружением для обеспечения условий существования жизни*. (Имя «Гея» - греческой богини Земли, данное этой гипотезе, было предложено писателем Уильямом Голдингом*).

«Гипотеза Геи», в свою очередь, представляет собой настоящую идею-символ. Поэтому, хотя в Гурджиевской философии природы понятия «жизнь» и «разум» гораздо богаче, нежели в «гипотезе Геи», тем не менее, между ними можно безусловно провести связь.

Гурджиевская философия природы связывает воедино две научные гипотезы, принадлежащие совершенно различным областям: антропический принцип и «гипотезу Геи».

ГУРДЖИЕВ И ТЕОРИЯ СИСТЕМ

Удивительное сходство можно обнаружить также между Гурджиевскими идеями и теорией систем, появившейся несколько десятилетий спустя формулировки его учения. В этой связи нужно отметить, что в Гурджиевской терминологии слово «система» появляется, когда он говорит об «Общесистемном гармоничном движении», «общесистемной гармонии» или «общим систематическом движении»⁵¹.

Современная теория систем появилась, как отказ от классического реализма, не соответствующего данным современной науки, и как попытка упорядочить сложные взаимоотношения, проявляющиеся во всех областях реальности и особенно в физике. Системный подход происходит из таких разнообразных областей науки, как биология, экономика, химия, экология и физика. Конечно, мы не будем рассматривать здесь технические или математические аспекты различных теорий систем, а взглянем на теорию систем как на видение мира, что так хорошо описано Эрвином Ласло⁵².

Косвенным образом мы проследим параллели между Гурджиевской философией природы и теорией систем.

Перед тем, как перейти к отличиям (которые не менее интересны), позвольте обобщить эти параллели:

1. Мы можем представлять Вселенную великим целым, гигантской космической матрицей, в которой все находится в вечном движении и энергетическом формировании. Это Все регулируется универсальной взаимозависимостью. По Гурджиеву, эта взаимозависимость обусловлена действием прерывности – характеристикой закона семи и закона октавы. «Закон октав объединяет все процессы Вселенной»⁵³. Это единство не статично; оно включает в себе дифференциацию, многообразие, появление иерархических уровней, относительно независимых систем, «объектов», рассматриваемых как локальные конфигурации

энергии. По Гурджиеву, появление этих свойств обусловлено существованием различных материй-энергий и действием закона трех.

2. Различные системы представляют собой множества элементов, взаимодействия между которыми нельзя свести к нулю: отсутствие взаимодействия означает смерть, исчезновение системы, ее распад на составные части. Само существование системы означает, что она – не просто сумма ее частей. Итак, по Гурджиеву, системой можно назвать все, учитывая, что каждая отдельная частица Вселенной оживлена движением, и что часть всегда соотносится с целым. В этом случае очень четко видно, что множество частей – больше, чем их простая сумма.

3. Открытость системы, ее взаимодействие с другими системами предотвращает ее дегенерацию, смерть из-за неизбежной деградации энергии и увеличение беспорядка. Таким образом, для обеспечения многообразия мира, вечного и универсального энергетического обмена должна быть создана «система систем», система гигантской и непрерывной нераздельности, как вертикальная гарантия «жизни» остальных систем. Открытые системы действуют, по словам Эрвина Ласло, «как модули координации природной иерархии»⁵⁴. В Гурджиевской космологии открытость создается комплексным действием закона семи, но этот предмет слишком объемён для данной статьи⁵⁵. Отметим лишь две характеристики, обуславливающие открытость: (1) «Любая нота любой октавы может быть любой нотой любой иной октавы, проходящей сквозь нее» и (2) «Каждую ноту любой октавы можно рассматривать как октаву на другом плане. Каждая нота этих внутренних октав опять-таки содержит в себе целую октаву»⁵⁶. Это второе свойство придает цепи систем вид дерева.

4. В отличие от редукционизма, объясняющего многообразие как субстанцию, общую для различных систем, теория систем, как и Гурджиевское учение, рассматривает общую организацию. Эта общая организация имеет энергетическую природу; энергия предстает, как объединяющая концепция «субстанции» - «кристаллизованной» формы энергии – и «информации» – «кодированной» формы энергии. По Гурджиевской космологии, общая организация обусловлена совместным действием закона трех и закона семи. Эти законы обеспечивают неизменность энергетической структуры и стабильность естественных систем.

5. Естественные системы образуются из самих себя; они создают себя во времени. Естественные системы избегают устойчивости, эквивалентной дегенерации и смерти, благодаря достижению – посредством открытости другим системам – стабильности в неустойчивости. Итак, неустойчивость становится источником эволюции и творения. Самоорганизация и самосотворение естественных систем – несомненные признаки свободы, но свободы, действующей в рамках согласованности и совместимости с необходимой динамикой Всего.

Эти характеристики можно встретить и в космологии Гурджиева. В Гурджиевской Вселенной сосуществуют детерминизм и индетерминизм. Различные семеричные циклы могут эволюционировать или инволюционировать; они могут быть связаны между собой самыми разнообразными способами. От этих взаимосвязей зависит самоорганизация и самосотворение различных систем. Наконец, особо выделяется роль флюктуаций:

"Закон октав объясняет многие явления в нашей жизни, которые иначе понять невозможно. Первое - это принцип отклонения сил. Второе - тот факт, что в этом мире ничто не стоит на одном месте, не остается тем, чем было; все движется, все куда-то перемещается, все меняется и неизбежно или развивается, или идет вниз, ослабевает и вырождается, иными словами, все движется или по восходящей, или по нисходящей линии октав. И третье - что в развитии восходящих и нисходящих октав постоянно происходят флюктуации - подъемы и падения"⁵⁷.

Как в подобной философской форме рассматривать теорию систем? Как естественную философию? Определенно нет, поскольку ее гипотезы выходят за пределы изучения естественных систем, давшего толчок ее появлению. Скорее, это попытка создания современной философии природы⁵⁸, которую можно методологически сравнить с Гурджиевской космологией. Верно и то, что теория систем в значительной степени пренебрегает квантовой физикой и астрофизикой, что безусловно снижает ее философский интерес, как попытку дать общее описание Вселенной.

Если параллели между теорией систем и Гурджиевским учением весьма интересны, то различия между ними не в меньшей степени поучительны:

1. Теория систем, завораживающая во многих отношениях, тем не менее становится чрезвычайно расплывчатой и туманной, когда речь заходит о динамическом описании единства многообразия, или многообразии единства. С другой стороны, согласно Гурджиеву, «Число фундаментальных законов, управляющих всеми процессами в мире и в человеке, очень невелико. Разные сочетания немногих элементарных сил создают все кажущееся многообразие явлений»⁵⁹. Этот гипотетически-дедуктивный метод, которым пользовался еще Кеплер, встречается и в современной науке. Мы постулируем некоторое число законов, часто очень абстрактных, математических, а посему далеких от непосредственно наблюдаемой реальности; мы выводим следствие этих законов и сравниваем результаты с экспериментальными данными. В Гурджиевской космологии фундаментальными законами Вселенной являются закон трех и закон семи (или октав). В его философии природы эти законы имеют полностью аксиоматический характер. Труды Гурджиева и Успенского являются свидетельством плодотворности подобного подхода. На мой взгляд, основная слабость современной теории систем – именно в отсутствии аксиоматического подхода.

2. Когда теория систем говорит об «обмене» (веществ, энергии, информации), очевидно, что имеется в виду горизонтальный обмен, происходящий между системами одного и того же уровня (уровня частиц, человеческого уровня, планетарного уровня). Но в Гурджиевской Вселенной равным образом учитывается вертикальный обмен, происходящий между системами разных уровней благодаря тому, что эти уровни обладают общей материей-энергией; существует не одна, а несколько материй-энергий. Тот факт, что законы, управляющие различными уровнями, различны, объясняет, почему вертикальные обмены все же столь редки и почему они связываются с исключительным утоньшением. Мы можем заменить слово «уровень» на слово «космос», добавив к нашим посылкам дополнительные

измерения пространства. Но теория систем не рассматривает существование нескольких космосов.

3. В теории систем понятие «комплексности», или «сложности», выглядит по своей сути неопределенным. Эта неопределенность обусловлена тем фактом, что комплексность зависит от природы пространства-времени. В подавляющем большинстве работ, посвященных теории систем, «комплексность» неявным образом связывается с непрерывным, четырехмерным пространством-временем, характеризующим наш собственный уровень. В наше время для описания естественных систем возможен не только четырехмерный континуум пространства-времени. Как мы уже замечали, на квантовом уровне мы можем допустить существование пространства-времени с числом измерений, большим четырех – или даже дискретное пространство-время. В каждом случае очевидно, что комплексность будет обладать различной природой.

Те же замечания применимы и к Гурджиевской космологии. Для него различные космосы связаны с различным числом измерений их собственного пространства-времени. Следовательно, при переходе из одного космоса в другой комплексность будет четко отличаться.

4. В теории систем время не обладает какой-то особенной характеристикой по отношению к его обычным физическим качествам, в то время как Гурджиев проводит тонкое различие между временем и пространством. Согласно ему, время – это «Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление»:

"Время само по себе не существует; имеется лишь совокупность результатов, вытекающих из всех космических явлений, присутствующих в данном месте. Само Время ни одно существо не может ни понять разумом, ни почувствовать какой-либо внешней или внутренней бытийной функцией. Его нельзя ощутить даже никакой степенью инстинкта, который возникает и присутствует в каждом более или менее независимом космическом сгущении... О времени можно судить, только если сравнивать реальные космические явления, происходящие в одном и том же месте и в тех же самых условиях, где Время констатируется и учитывается... Только одно Время не имеет объективного смысла, так как оно не является результатом деления на отрезки каких-либо определенных космических явлений. И оно не исходит из чего-нибудь, а всегда сливается со всем и становится самостоятельным и независимым; поэтому во всей Вселенной только его одно можно назвать и превознести как «Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление»⁶⁰.

Эти высказывания Гурджиева представляют интересную диалектику между временем и не-временем, между временем и отсутствием времени.

Рассматриваемый отдельно, пространственно-временной континуум представляет собой приближение, как субъективный феномен, связанный с подсистемой. Каждая подсистема, соответствуя определенному уровню материальности, имеет собственное пространство-время. Таким образом, время, ассоциирующееся с подсистемой, будет «дыханием»⁶¹, характеризующим индивидуальность данной подсистемы в единстве Вселенной.

С другой стороны, согласно Гурджиевскому определению времени, если мы учитываем все феномены во всех местах Вселенной, время прекращает существовать. Единство бесконечной цепи взаимосвязанных систем дает возможность избежать воздействия времени; оно находится вне времени.

5. Несмотря на взаимодействие между системами и их бесконечную цепь, теория систем не придает особого значения месту этих систем в целокупности всех систем и отношению той или иной системы к целому. С другой стороны, по Гурджиеву эти аспекты весьма существенны. Для их изучения он вводит принцип относительности:

"Изучение отношения законов к плоскостям, на которых они проявляются, приводит нас к пониманию относительности. Идея относительности занимает в этом учении весьма важное место, и позднее мы к ней еще вернемся. Но прежде всего нужно понять относительность каждой вещи и каждого проявления в зависимости от места, занимаемого в космическом порядке"62.

Может показаться удивительным выбор слова «относительность». Вероятно, Гурджиев знал о теории относительности Эйнштейна. Употребил ли он это слово иронически? Но, в точном соответствии с теорией Эйнштейна, многообразие феноменов в различных системах координат сосуществует с неизменностью физических законов во всех системах координат. Таким же образом, в космологии Гурджиева великое многообразие феноменов, происходящих в различных космосах, сосуществует с неизменностью великих космических законов – законом трех и законом семи. Гурджиев настаивал на необходимости изучения феноменов одного космоса с точки зрения законов другого космоса. Точно так же, если мы сменим одну систему координат на другую, то, согласно теории относительности Эйнштейна, мы продемонстрируем – многообразием этих трансформаций – динамический аспект законов неизменности.

Гурджиев говорит о «точном языке», структура которого основывается на принципе относительности. Все идеи этого нового языка сосредоточены вокруг единственной идеи: эволюции. «Место в космическом порядке», рассматриваемое Гурджиевым в его определении принципа относительности, фактически есть «место на лестнице эволюции»63.

Вероятно, принцип относительности, со всеми вытекающими из него следствиями, представляет собой наиболее важное отличие между теорией систем и Гурджиевской философией природы.

ОСНОВА ЗНАНИЯ И ОСНОВА ПОНИМАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Нет нужды лишней раз говорить о гегемонии технонауки в нашем обществе. Слово «наука» в наше время неразрывно связано с понятием «могущество». Но чему служит это знание? Во имя чего так бурно развивается технонаука?

Эти вопросы могут показаться бесполезными, поскольку автоматически проводится связь между словами «технонаука» и «прогресс». К несчастью, слово «прогресс» - одно из самых двусмысленных и ядовитых слов нашего языка.

В отсутствии системы ценностей развитие технонауки следует своей собственной логике: будет сделано все, что может быть сделано. На миг задумавшись, мы можем осознать, насколько пугающа такая логика технонауки. Невозможно счесть ее губительные последствия для человеческого рода, часть которых наблюдается уже сегодня. Ряд философов не преминул отметить опасности технонауки, следующей исключительно собственной логике.

Так, философ Мишель Анри* заявляет, что технонаука – причина нового варварства: «Наносится ущерб самой жизни, разрушаются все наши ценности не только эстетические, но также и этические и сакральные – а с ними и сама возможность жить»⁶⁴. Несколько подлинных ученых, еще умудряющихся выживать в мире науки (их особенно много среди биологов и практически нет среди физиков) яростно выступают против подобного варварства. Не приходилось ли вам слышать, будто изучение мозга должно привести к формулировке этики? Такие нелепые утверждения укрепляют точку зрения Мишеля Анри.

В основном позиция Мишеля Анри совпадает с позицией Гурджиева. По Гурджиеву, упадок и исчезновение цивилизаций связано с «нарушением равновесия между “знанием” и “бытием”»: «В истории человечества известны многочисленные примеры, когда из-за перевеса знания над бытием или бытия над знанием погибали целые цивилизации»⁶⁵. А разве мы не живем в мире, где знание намного перевешивает бытие?

В этой связи Гурджиев разделяет «основу знания» и «основу понимания». «Знание - это одно, понимание - другое. Люди часто смешивают эти понятия и не видят ясно разницу между ними. Знание само по себе не дает понимания; и понимание не увеличивается благодаря росту одного лишь знания. Понимание зависит от отношения знания к бытию, это - равнодействующая знания и бытия. И знание не должно отходить от бытия чересчур далеко, иначе понимание окажется слишком далеким от того и другого. Вместе с тем, отношения между знанием и бытием не меняются вследствие простого роста знания. Они изменяются только тогда, когда бытие и знание растут одновременно. Иными словами, понимание возрастает лишь с возрастанием уровня бытия»⁶⁶. Гурджиев иронически описывает «ученого новой формации», служащего единственно знанию:

"Особенно западная культура убеждена в том, что человек может обладать огромными знаниями, быть, например, способным ученым, делать открытия, двигать вперед науку, и в то же время оставаться - и иметь право оставаться - мелочным, эгоистичным, придирчивым, низким, завистливым, тщеславным, наивным, рассеянным человеком. Здесь, кажется, считают, что профессор должен всегда и везде забывать свой зонтик. Таково его бытие; а люди думают, что его знание не зависит от его бытия. Люди западной культуры высоко ценят уровень

знания человека, но не ценят уровень его бытия и не стыдятся низкого уровня собственного бытия. Они даже не понимают, что это значит, не понимают, что уровень знания человека зависит от уровня его бытия. Если знание уходит далеко вперед от бытия, оно становится теоретическим, абстрактным и неприменимым к жизни, а фактически - вредным; ибо вместо того, чтобы служить жизни и помогать людям успешно бороться с трудностями, которые им встречаются, оно осложняет жизнь человека, приносит в нее новые затруднения, горести и беспокойства, которых в ней не было раньше. Причина этого заключается в том, что знание, которое не находится в согласии с бытием, не может быть достаточно полным и соответствовать реальным нуждам человека. Оно всегда остается знанием лишь одной вещи, игнорирующим другую вещь, знанием детали без знания целого, знанием формы без знания сущности. Такое преимущество знания перед бытием наблюдается в современной культуре. Идея же ценности и важности бытия и его уровня совершенно забыта; забыто и то обстоятельство, что уровень знания определяется уровнем бытия. Фактически на данном уровне бытия возможно знание, ограниченное известными пределами. В границах данного бытия улучшение качества знания совершенно невозможно, и происходит накопление информации одной и той же природы в пределах уже известного. Изменение же самой природы знания возможно только с изменением природы бытия"67.

Мы можем видеть всю важность Гурджиевской философии природы в его определении «основы понимания»: отношение между проявлениями на различных планах реальности, отношение между частью и целым, отношение между формой и структурой.

С другой стороны, в Гурджиевской терминологии смысл слова «быть» очень точен. Он связан с эволюцией – центральным аспектом устного и письменного учения Гурджиева. Гурджиев возражает против принятого значения выражения «эволюция человека»: Только такая теоретическая и далекая от жизни мысль, как европейская, способна представить себе эволюцию человека как процесс, не связанный с окружающей природой, рассматривать эволюцию как постепенную победу над природой. Это совершенно невозможно»68. Более того, абсурдна и разрушительна сама идея «победы над природой»; ей обусловлен тревожный и опасный характер технауки. Человек – часть природы, а не ее завоеватель. В этом смысле каждая «победа над природой» потенциально может оказаться парадоксальным поражением человека. Скорее, нужно рассматривать связь между человеком и природой. Но такая связь возможно только при наличии «основы понимания».

В «Рассказах Баалзебуба своему внуку» Гурджиев описывает некоторые детали внутренней алхимии, ведущей к «основам понимания», но для полного осознания смысла этого выражения необходимо основательное знание учения Гурджиева. Достаточно сказать, что по Гурджиеву «основа понимания» органически сплавлена с бытием человека, в то время как «основа знания» представляет собой лишь голую информацию. В любом случае, в той или иной форме именно «основа понимания» могла бы помочь развитию диалога между наукой и смыслом.

Современное взаимодействие между наукой и смыслом характеризуется появлением идей-символов, подтверждаемых важными научными открытиями – немаловажное событие, которое, на мой взгляд, единственно способно совершить подлинную революцию. Возможно, мы находимся на пороге нового Возрождения, одним из

условий которого является именно диалог между наукой и смыслом. Наука все ближе и ближе подходит к своим пределам, проистекающим из ее собственной методологии. Наука может распознавать знаки природы, но из-за собственной методологии неспособна раскрыть смысл этих знаков. Наука содержит в себе гигантский технологический потенциал. Сама по себе технонаука, оторванная от философии из-за ее доминирующего положения в нашем обществе, может вести только к саморазрушению. Наше саморазрушение неминуемо порождается онтологическим непониманием знаков природы, все более и более многочисленных, более и более мощных, более и более активных. Это онтологическое непонимание, в свою очередь, приводит к технологическому, анархическому развитию, неизменно сопровождаемому беспокойством об эффективности и прибыли.

Нам необходим посредник между наукой и смыслом. Таким посредником может стать только новая философия природы. Отправной точкой для такой новой философии может стать лишь современная наука, но наука, которая, достигнув собственных пределов, допускает и даже призывает онтологическую открытость. Развитие идей-символов в квантовой физике и других науках, равно как и интерпретация ряда важнейших научных открытий, открывает невероятно свободное пространство, в котором возможен диалог между прошлым и будущим, между наукой и философией природы, искусством, традицией и другими формами знания.

Трудно представить себе возврат к древним философиям природы при нынешнем состоянии знания и нынешних тенденциях в философских, исторических, социологических и религиозных сферах. Но изучение ряда философий природы, такой, как Гурджиевская философия природы, демонстрирующая глубинные соответствия с современной наукой, может оказаться бесценным подспорьем в поисках философии природы, приспособленной к нашему времени. Гурджиевская философия природы, несомненно, опережает наше время, так же, как она предвосхитила некоторые аспекты современной науки. В любом случае она может помочь в выборе между новым варварством и новым Возрождением. И к этому Возрождению нас может привести только «основа понимания».

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА:

Замечательный в некоторых отношениях текст г-на Николеску вполне заслуживает послесловия. Оставим вводную часть, во многом спорную, на совести автора. И продолжим вместе с ним интерпретацию некоторых идей.

Бедного Абсолюта терроризирует Время и грозит его скукожить. Тот защищается, как может, и частокол Дней Браммы должен отгородить его от злой напасти. Но затухающий ли это процесс – День-Ночь, сутки прочь? Если вдруг, не дай Бог, да, то надо Абсолюту помочь, подкинуть пару идей, ведь нам со стороны видней!

Ну, например: если все мировые события повязаны круговой порукой, то, стало быть, в каждый момент времени их дальнейшее развитие предсказуемо. Ибо события развиваются по законам и имеют с ними обратную связь (что важно). Кстати, природа самих законов, их сущность и генезис нашим братьям ученым-

материалистам неведома, но это их нисколько не смущает. Но предсказуемость мировых событий – фактор уязвимости Вселенной и, раз уж она является оборонительным приспособлением против страшного Времени, то эту уязвимость нужно Абсолюту преодолеть. Поможем?! Нет, без дураков, ведь для победы, возможно, достаточно лишь прецедента, это не обязательно должно быть что-то вселенски-глобальное. Более того, возможно, этот прецедент уже свершился в прошлом (или по-любому свершится в будущем), и в наших услугах никто особенно не нуждается. Но все же – почему бы и нет: помочь дедушке-Абсолюту – абсолютно благородная задача, и попробуйте-ка придумать другое столь же увлекательное занятие! Посему создание включенных во вселенские процессы достаточно независимых автономий, реализующих принципы непредсказуемости, привносит массу смысла (и силы) и в наше существование, и в существование Вселенной. А что же господа квантовые механики? Судя по статье г-на Николеску, они спят и видят, как бы поживиться у религий, учений и т.п. новыми идеями для своей научной деятельности. Бог в помощь! К разрушению монополии бинарной логики уже и так пришли технари-практики: они обнаружили, что память компьютера можно более эффективно организовать не на двоичном битовом принципе, а на тернарном. И уже пытаются экспериментировать с этим. Так что, если квантовые теоретики не совсем еще вялые, то им стоит подзаняться математическим представлением информации о мире в ключе сопряжения законов трех и законов семи (по Гурджиеву).

В заслугу современной физике можно зачесть то, что она умудрилась-таки обнаружить эту простую по сути вещь: информационный контекст вселенской природы не должен быть представлен в виде единого мономорфного дизайна. Но только открытый комплекс дизайнов позволит ухватить суть этой природы и обрести в ней свою роль активного присутствия и участия. А роль пассивного наблюдателя здесь, в нашей Вселенной, не актуальна, она не позволяет быть достаточно адекватным ее природе и, соответственно, эффективно понимать и отражать эту природу; удел такого наблюдения – заблуждение. Итак, поможем Абсолюту?!

Чарлз Т. Тарт

Динамика сна наяву

Обыкновенный транс. Одна из основных тем Гурджиева – «человек спит». Пользуясь собственной терминологией, я бы сказал, что обычное состояние сознания человека, «согласованное сознание[1][1]», подобно «трансу», подразумевающему утрату жизненности и отсутствие инициативы, сопровождающемуся чрезвычайно механистичными мыслями. Прилагательное «согласованный» означает, что эта особая форма транса вызвана той культурой, в которой мы вырастаем. Это согласие – скрытое и явное – имеет отношение не только к социально важным понятиям, но даже к самой природе реальности.

Утверждение Гурджиева, что «человек живет во сне» провокационно по существу; оно не может не вызывать реакции. Но, если его принять, эта реакция может привести к самонаблюдению, к «самовоспоминанию», к возможности более эффективных, более сознательных действий.

Наблюдать наш сон – или «ежедневный транс» - значит наблюдать нашу механичность и наши сны наяву. Этим способом можно проверить, насколько мы привязаны эмоционально к нашим дневным снам и окружающим условиям. Если наше поведение в большинстве случаев кажется «нормальным», это происходит из-за согласия с условиями. Но Гурджиев, наряду с некоторыми современными психологами, считает, что такое внешне нормальное поведение – лишь выражение «обыкновенного трансa», часто приводящее к неврозам.

Гурджиев часто говорил, что мы ведем себя, как машины. Поглощенные автоматическими рутинными действиями, мы упускаем то, что он называл «пищей впечатлений», самую тонкую пищу, столь же необходимую для нашего существования, как воздух и обычная еда. Изучая искусство самовоспоминания, обращая внимание на вроде бы обычные ситуации, мы повышаем качество этой тонкой пищи, необходимой для нашего роста. Увы, это длительный труд, и мы сперва поговорим об «обыкновенном трансe» и о том, что приводит нас к нему.

В структуре наших личностей бесчисленное множество несоответствий и противоречий. Какая-то наша часть (субличность) может требовать постоянного внимания, например, чтобы ощущать себя в безопасности, в то время как другая часть боится внимания и хочет быть в одиночестве. Какая-то часть может хотеть упорно трудиться и стать знаменитой; другая часть ненавидит работу и любит спать допоздна. Жизнь также нередко разочаровывает нас: мы хотим чего-то, но не можем этого получить. Постоянное чувство разочарования и неудовлетворенности может привести к большим страданиям, особенно если они связаны с различными аспектами нашей личности. Наряду с реальными способами борьбы с противоречиями и страданиями, существуют и нереальные. На них мы и сосредоточимся.

Мы можем сильно страдать, начав сознавать лишь одно наше значительное противоречие. Что же произойдет, если мы начнем сознавать несколько или все наши противоречия? Гурджиев утверждал, что если человек внезапно осознает все свои противоречивые части, скорее всего, он сойдет с ума. К счастью, маловероятно, что может случиться такое внезапное полное самопознание.

Когда мы разделены на части, эти части удерживаются на своих местах действующими механизмами. Гурджиев называл такие механизмы буферами.

Механическая аналогия для психологических буферов – буфера железнодорожных вагонов. Когда вагоны сцеплены вместе, они постоянно сталкиваются друг с другом на скорости несколько миль в час. Представьте себе, какие жесткие толчки и сотрясения испытывали бы пассажиры при столкновении тяжелых стальных вагонов! Буфер – поглотитель толчков, как бампер на автомобиле: он поглощает большую часть внезапной энергии первичного толчка, затем гораздо медленнее, не так заметно, высвобождает ее. Психологические буфера сглаживают внезапный шок, происходящий при переключении от одной субличности к другой, делая толчок настолько мягким, что мы редко замечаем изменения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Гурджиев не писал конкретно о природе буферов. Возможно, он не считал это необходимым. Если вы добились успехов в самонаблюдении, вы нейтрализовали буфера, зачем же тратить время на их изучение? Может быть, он полагал, что каждому необходимо узнать собственную личную защиту, чтобы открытие было максимально эффективным.

С другой стороны, современная психология и психиатрия накопила немало знаний о характерных видах буферов, хотя в них отсутствует концепция пробуждения. Общий психологический термин для определения буферов – защитные механизмы. Я полагаю, что эти знания весьма обогащают Гурджиевскую концепцию. Если мы хотим преодолеть эти защитные механизмы, очень важно их понимать.

Теория психоанализа, рассматривающая защитные механизмы в мельчайших подробностях, утверждает, что мы используем их, когда выражение какого-либо инстинктивного импульса социально запрещено (необузданная сексуальность, например, или жадность). Защитные механизмы также амортизируют сознание, смягчая противоречия, разочарования и жизненные невзгоды. Будучи наиболее заметными у невротиков, защитные механизмы широко и непреднамеренно используются обычными людьми. Мы не можем поддерживать наш «согласованный транс» без их амортизирующего действия.

Некоторые используют только один из этих механизмов чуть ли не для всех своих защитных нужд. Это основная форма защиты, соотносящаяся с Гурджиевской основной чертой, лежащей в центре структуры ложной личности. Но так или иначе, мы используем те или иные защитные механизмы. Мы будем рассматривать их главным образом в связи с целью: пробудиться.

Прежде, чем мы углубиться в частности, необходимо сделать одно обобщающее утверждение о защитных механизмах: как правило, они являются динамичными, а не статичными. Нельзя просто сказать, что мы обладаем какими-либо привычками, искажающими наше восприятие, чувства, мышление и действие, и что у этих привычек есть эмоциональная основа. Эти защитные механизмы, цель которых – оградить от страдания, обладают своего рода рассудком и мотивацией. Защита начинается обычно как действие, по крайней мере частично уменьшающее страдание человека, особенно в детстве, когда формируется большинство защитных механизмов. Таким образом, на том или ином уровне сознания каждый из нас охраняет свои защитные механизмы, часто даже не подозревая об этом.

Хотя современная психология может многое предложить для психологического и духовного развития, необходимо отметить серьезное упущение в современных знаниях о защитных механизмах. Модель человека, лежащая в их основе, довольно-таки негативна. Человек рассматривается только как животное, инстинктивно заботящееся о своем выживании и удовольствии, наслаждающееся превосходством над другими. Подавление, таким образом, рассматривается как необходимое средство для сдерживания животной природы. Мы не можем завладеть всем, что нам нужно, когда нам этого хочется, или убить того, кто стоит на нашем пути.

Ограничения, сдерживание и автоматизация при окультуривании, создание соответствующих условий для сверх-эго, подавляющего нашу низшую природу, выглядят абсолютно необходимыми. Таким образом, некоторые виды защитных механизмов обычно рассматриваются, как необходимость для сдерживания нашей животной природы. Только тогда, когда они становятся слишком эффективными, лишая нас большего количества счастья, чем необходимо для компромисса с цивилизованной жизнью, только тогда они рассматриваются как невротические. Человек должен быть переполнен чувством вины и тревоги, если он думает о том, как ограбить банк или изнасиловать ребенка, но если он испытывает тревогу от поездки на эскалаторе или боится разговаривать с незнакомыми людьми, он считается невротиком.

Сейчас и всегда в психологии (юнгианской, гуманистической и трансперсональной, упомянем эти три) были заметные тенденции к тому, чтобы рассматривать позитивную, даже духовную сторону присущей нам природы. Но негативный взгляд на человека вплетен во всю нашу психологию и культуру.

Чтобы частично уравновесить положение, я попытаюсь показать, как различные защитные механизмы могут препятствовать развитию и проявлению более глубоких и позитивных сторон нашей природы.

Ложь: Все буферы и защитные механизмы являются видами лжи. Они представляют истину в ложном свете как нам, так и другим. Гурджиев придавал большое значение пониманию лжи. Хотя большинство людей полагает, что они никогда не лгут или редко делают это, Гурджиев настаивал на том, что большинство людей большую часть времени лжет. То, что они не знают этого, лишь усугубляет ситуацию.

Ложь может быть эффективной защитой против давления со стороны других людей. Человек, поклявшийся не совершать того или иного поступка, может избежать наказания. Успех лжи зависит от чувствительности других людей к ней и фактов, поддерживающих или опровергающих ложь. Иногда к этому относится также способность лжеца отождествляться с собственной ложью, так что она начинает выглядеть истиной даже для него, что создает атмосферу убежденности, передающуюся слушателям.

Если вы пытаетесь лгать и испытываете в связи с этим вину и беспокойство, вы будете часто выказывать признаки, которые насторожат ваших слушателей. Поскольку социальная сплоченность и стабильность исходят от людей, не лгущих относительно того, что принято считать особенно важным, значительная часть процесса «окультуривания» посвящена созданию сильного сверх-эго, наказывающего человека чувством вины, если он лжет.

Иногда мы лжем, чтобы уклониться от наших более существенных, более высоких граней. Мы можем говорить себе и другим: «Все так делают, это ничего не значит», хотя нечто в нас хорошо знает, что мы поступаем против своей высшей личности. Конечно, такой род лжи может использоваться, чтобы избежать некоторых приказов сверх-эго, но Гурджиев утверждал, что в нас имеется высший врожденный аспект, обладающий более глубокими моральными принципами, но мы пытаемся избегать того, чтобы следовать им.

Гурджиев не говорил подробно о нравственности повседневной лжи, поскольку он признавал как культурную относительность ценностей, так и лицемерие большинства наших убеждений относительно нравственности.

Для некоторых людей ограниченная во времени практика обдуманной и сознательной лжи может оказаться очень полезной. В то же время она не так-то легка. В нескольких случаях я давал участникам учебной группы «простое» задание: в течение двух недель каждый день им нужно было пять раз «невинно лгать». Я подчеркивал, что эта ложь должна была быть безвредна и не иметь реальных последствий ни для них, ни для людей, которым они лгали. Тем не менее при выполнении этого упражнения студенты обычно испытывали большие трудности и напряжение, или сопротивлялись, постоянно забывая про него.

Бессознательная, привычная, автоматическая ложь – реальная проблема. Люди, находящиеся в согласованном трансе, подобны машинам; они должны делать то, к чему они приспособлены. Машины не бывают хорошими или плохими. Когда человек развил в себе реальную способность выбирать, лгать ему или нет, тогда становится значимым вопрос нравственности. До этого развития нравственные вопросы только отвлекают внимание от реальной проблемы, а именно – отсутствия в нас подлинного сознания и воли.

Сдерживание (супрессия)[2][2]: Сдерживание представляет собой сознательный защитный механизм. При сдерживании вы осознаете недопустимое желание или побуждение, но воздерживаетесь от его проявления. Недопустимость может являться результатом запретов сверх-эго и/или социальных правил поведения.

Если вы благодаря вашему воспитанию считаете, что нехорошо чесаться в присутствии других, вы тем не менее можете предаваться этому занятию наедине. Если же, к несчастью, вас воспитали так, что вы считаете, что чесать зудящие места уже само по себе плохо, вы всегда будете испытывать при этом по меньшей мере чувство вины. Сдерживание в данном случае используется, чтобы избежать атак со стороны сверх-эго.

Сдерживание часто противоречит нашим лучшим сторонам. «Мне стоило бы защитить этого ребенка, которого так жестоко дразнят. Но если я поступлю так, то вся эта шайка накинется на меня. Они будут говорить, что я такой же тупица, а я хочу, чтобы меня принимали за взрослого. Лучше я промолчу».

На поверхностном уровне сдерживание часто бывает полезным, если вы знаете, что делаете. Но на более глубоком уровне вы в действительности можете не понимать причины, побуждающие вас к мысли, что вы должны сдержать желание или чувство. Эти причины могут присутствовать в вас как часть согласованного транса, так что сдерживание может оказаться проявлением другой патологии.

Формирование реакции: Формирование реакции – это более серьезное проявление сна наяву, так как оно затрагивает блоки и искажения нашего обычного сознания, препятствуя нашему пробуждению и развитию высшего сознания.

Формирование реакции – механизм отрицания недопустимого желания или чувства. Реакция формируется практически мгновенно, без каких-либо усилий. Предположим, что вы были глубоко религиозным ребенком, но ваши ожидания не оправдались. Например, несмотря на ваши проникновенные молитвы, умер ваш

любимый друг. Горе, которое вы испытываете, отвращает вас от всех религиозных чувств. Теперь, во взрослой жизни, при малейшем упоминании о религии вы автоматически (и весьма эмоционально) подвергнете предмет разговора насмешкам. Это – формирование реакции.

Формирование реакции можно сравнить с басней про «лису и зелен виноград». Вы не можете что-то получить и из-за этого начинаете рассматривать негативные аспекты предмета или явления: «Да на самом-то деле мне вовсе и не нужна эта никчемная вещь!». Во всех случаях чрезмерного осуждения или неумеренного восторга полезно задать себе вопрос, не являются ли подобные эмоции защитной реакцией, скрывающей другие чувства.

По мере того, как вы будете приобретать опыт самонаблюдения, особенно обращая внимание на более тонкие, малозаметные аспекты чувств и на быстрые мимолетные эмоции, вы сможете заметить чувства, формирующие реакции, и глубже изучить их. Этот защитный механизм можно также изучить, систематически задавая себе вопрос: испытываете ли вы какие-либо противоположные чувства или вас удерживают укоренившиеся убеждения?

Подавление (репрессия)[3][3]: Подавление – полное блокирование осознания недопустимого чувства или желания. Это – раздвоение разума на сознательную часть, не осведомленную о недопустимом, и бессознательную часть, в которой может происходить сильная реакция. Недопустимое принудительно удерживается от осознания, человек даже не понимает, что нечто было подавлено. Как будто в нашей памяти хранятся материалы, помеченные специальной надписью: «Внимание! Знать или переживать данные сведения опасно! Всегда держите их подальше от сознания!».

Некоторые подавленные факты вначале переживались сознательно. Подавление служит устранению сознательной боли. Впрочем, реакция подавления может происходить практически мгновенно, как защита восприятия, не оставляя в сознании никакой памяти.

На первый взгляд, концепция подавления может показаться противоречивой. Как можно знать о чувствах и желаниях человека, если он настаивает, что абсолютно не сознает этих желаний и чувств?

Предположим, пациент приходит к психотерапевту. При первых беседах врачу нужно составить мнение об отношении пациента к различным вопросам, которые могут оказаться важными. Психотерапевт спрашивает: «Как Вы ладите с Вашей мамой?». Пациент отвечает: «Прекрасно, я очень ее люблю», но врач замечает, что его лицо бледнеет, кулаки сжимаются и весь он напрягается.

Дальнейшие расспросы могут показать, что пациент не осознает своего недовольства, интенсивной эмоциональности своего невербального поведения и считает, что испытывает к своей маме только положительные чувства. Это означает подавление: негативные чувства пациента по отношению к своей матери настолько сильны и неприемлемы, что они полностью заблокированы для осознания.

В процессе «окультуривания» происходит подавление нашей жизненности, нашей сущности, и этому подвержены многие. В детстве вы никогда бы не прошли мимо, увидев забавную собачку. Будучи взрослым, вы вряд ли почувствуете побуждение взглянуть на нее. Вы слишком важны, вам нужно спешить на работу! Широко

распространенное подавление нашего врожденного любопытства, когда человек позволяет себе проявлять интерес только к тому, что считается социально важным, является одним из самых неприятных аспектов «окультуривания».

Даже при систематическом самонаблюдении бывает очень трудно докопаться до сведений и чувств, связанных с подавлением. По определению, факты блокируются от сознания благодаря веской, но скрытой причине, и желание познать себя посредством самонаблюдения может оказаться недостаточным для преодоления этого блока. Вы можете время от времени замечать «странные» реакции, косвенные влияния подавления, вроде раздраженного тона нашего пациента, настолько не вяжущегося с его утверждениями о любви к матери; но чтобы раскрыть подавленный материал, может понадобиться помощь опытного психотерапевта или учителя.

Отождествление и субличности: Отождествление – неотъемлемый, жизненно важный аспект психологического функционирования, что часто подчеркивал Гурджиев, говоря о множестве «Я».

Допустимость и недопустимость собственных чувств и желаний – более важный вопрос, чем допустимость и недопустимость еще чьих-то чувств. Когда в вас возникает недопустимое чувство или желание, если вы отождествляетесь с другим аспектом себя, другим «Я», другой субличностью, не имеющей подобных чувств и желаний, тогда вы отдаляете себя от чувства, вы отрекаетесь от него. Это был мимолетный каприз, возможно, легкое помрачение ума, но это был не я; можно больше об этом не думать.

Переходы между субличностью могут сформировать таким образом эффективную защиту против того, чтобы полностью переживать или справляться с тем, что в нас неприемлемо. Действительно, оставаясь с допустимым набором субличностей, все время стараясь отождествляться только с ними, мы снижаем вероятность возникновения неприемлемых чувств и желаний. Предположим, у меня есть субличность, которой нравится быть жестокой по отношению к животным, но большое «Я» (в смысле моей сущности или более глубинного «Я»), или мои обычные субличности восстают против этой жестокой субличности и ее чувств. Сосредоточившись на допустимых субличностях, я могу направить все свое внимание и энергию на то, чтобы жестокая субличность никогда не стала активной, даже при появлении «подходящих» обстоятельств.

Отождествление – качество, обретаемое в процессе моделирования мира, автоматического конструирования сознания. Качество «Это я!» первоначально является результатом прямых сенсорных связей: я вижу свою ладонь перед лицом; ладонь соединяется с рукой; рука подчиняется моей воле; если кто-то касается моей руки, я чувствую прикосновение, и так далее. Качество «Это я!» применяется затем и к некоторым умственным процессам, к моделированию, так что когда в нашей памяти всплывает то или иное переживание, оно уже оказывается помечено ярлыком: «Это я! Обращаться с почтением!».

Все более и более полное принятие себя таким, каков я есть, появляющееся со временем благодаря самонаблюдению и самовоспоминанию, делает подобное разделение менее необходимым и превращает отождествление в добровольный процесс, в инструмент, которым мы можем пользоваться по желанию, в отличие от автоматического защитного механизма.

Интроекция[4][4]: Интроекция или, как мог бы выразиться Гурджиев, «внутреннее учитывание», представляет собой примитивный вид отождествления. Объект, концепция или человек представляется частью вас, даже когда он кажется чуждым или отделенным. Будучи частью вас, он обладает особой силой.

Предположим, вы оказались в ситуации, когда ваш гость сделал ряд негативных замечаний. Вы начинаете сердиться; вы хотите отплатить за нанесенную обиду и попросить его уйти. Но в вас возникает интроекция, образ, модель вашей матери. Вы ощущаете, что она в каком-то смысле «внутри» вас, и говорит вам, что вы всегда должны быть вежливы с гостями, что воспитанные люди никогда не обижают гостей. Поэтому вы не действуете в соответствии со своими чувствами и остаетесь вежливым, хотя внутренне страдая. Это интроекция. Ваша мать действительно находится внутри вас в виде своей активной модели.

Модель человека, интроецированного в вас, может также препятствовать вашим желаниям быть щедрым, заботливым и чутким. В нашем примере, если вы начнете отождествляться с образом своей матери, то установка «быть вежливым с гостями» станет вашим отношением. Вам не будет казаться, что какой-то чужеродный элемент внутри вас оказывает на вас давление; он станет вами.

Противоречие, испытываемое при интроекции, дает возможность увидеть этот процесс при помощи самонаблюдения, хотя для того, чтобы осознать функциональные причины, стоящие за интроекцией, потребуются значительные усилия.

Разделение (компартаментализация)[5][5]: При изоляции или диссоциации недопустимые или противоречивые желания и чувства ослабляются, так как вы разделяетесь на несвязанные между собой части. Если чувство «А» пугает вас, так как вы чувствуете «В», тогда чувства «А» и «В» помещаются в отдельные «отсеки» разума, так что вы не можете испытывать их одновременно: поэтому не возникнет никакого конфликта. Не тратя умственную энергию, ассоциируя и связывая их, они останутся разобщенными, диссоциированными.

Защитный эффект схож с эффектом отождествления, при котором противоречивые желания или чувства присущи отдельным субличностям и не пересекаются. Однако изоляция не требует энергии мощного качества «Это я!» или ассоциирования изолированных чувств и желаний с субличностями.

Изоляция может удерживать вашу интуицию и жизненно важные переживания, необходимые для роста. Я знаю людей, испытавших глубокие духовные переживания, но изолировавших этот положительный толчок, так что в их жизни ничего не изменилось.

Защитные механизмы изоляции можно распознать, когда вы замечаете, что кто-то (в том числе и вы) придерживается двух твердых, но противоречивых мнений, обычно в различные моменты или в разном контексте, не чувствуя противоречий или беспокойства относительно подобной непоследовательности. Если вы обратите внимание на эту непоследовательность, человек обычно будет стремиться ускользнуть от разговора, сохраняя изоляцию.

Самонаблюдение помогает узнать изолированные аспекты ментального функционирования, но без сознательного усилия по сравнительному и противопоставлению этих наблюдений они сами могут оказаться изолированными, не побуждая вас к тому, чтобы измениться. Здесь может помочь психотерапевт или учитель, способный показать наши противоречивые, изолированные аспекты.

Проекция[6][6]: Проекция противоположна отождествлению. Когда возникает недопустимое желание или чувство, то в процессе моделирования мира это чувство помечается ярлыком: «Это не я; это чувствует или это хочет кто-то другой». Поскольку защитная проекция обычно происходит по отношению к неприемлемым, «нехорошим» чувствам и желаниям, то другие люди рассматриваются как плохие.

Предположим, вас воспитали так, что вы считаете, что раздражение – это плохо: хорошие люди никогда не раздражаются, они всегда терпеливы и понимающи. Вас не только наказывали в детстве, когда вы были раздражены, но во многих случаях ваши чувства недооценивались: «Ты же на самом деле не сердись. В любом случае это нехорошо. Ты просто устал». Такая недооценка чувств ребенка весьма распространена. Теперь представим, что в магазине вас обслуживает нерасторопный и бестолковый продавец. На самом деле он просто недавно на этой должности, хотя и старается изо всех сил. Но вы спешите, раздражаясь на задержку и на его ошибки. Но, поскольку это чувство неприемлемо, вы начинаете думать, что продавец сердится и намеренно досаждал вам! Он – плохой и сердитый, а вы – невинный, добрый и даже чересчур терпеливый. После того, как произошла эта первичная проекция, она будет в дальнейшем влиять на ваше восприятие/моделирование мира. Вы станете еще бдительней ко всем ошибкам продавца, и это искаженное восприятие будет подтверждать первичную проекцию.

Проекция может использоваться также для переноса собственных добродетелей на других, чтобы не разрушать свой, скромный и непритязательный, образ. «Кто-то придет и сделает все, как надо». «Все изменится к лучшему». Когда вы проецируете вовне слишком много собственных добродетелей, вы становитесь восприимчивы к манипуляциям со стороны других людей. Я обнаружил в связи с этим, что самонаблюдение и самовоспоминание по Гурджиеву приводит к любопытному феномену. Вы ясно видите свои «изъяны», благодаря чему уменьшается ваше чувство собственной важности. В то же время вы видите также, что по большей части это чувство важности было воображаемым и, отказываясь от него, вы обретаете подлинную внутреннюю силу.

Проекции можно наблюдать, замечая их «привкус», став достаточно быстрым ментально, чтобы замечать мимолетное мгновение – например, когда вы раздражаетесь до того, как начнете воспринимать другого человека раздраженным. Полезно также проверять проекции, спрашивая других людей о том, что они в действительности чувствуют. Конечно, это не всегда срабатывает, вам не всегда скажут правду, но люди, которым вы доверяете, могут вам помочь. Наблюдайте за собственной склонностью считать, что каждый, не соответствующий вашему восприятию (проекции), лжет!

Рационализация[7][7]: Рационализация – защитный механизм, позволяющий реагировать на ситуации, вызывающие недопустимые чувства и желания, но, благодаря использованию правдоподобного и приемлемого логического обоснования, их недопустимость становится менее выраженной.

Предположим, в детстве вы страдали от чувства неполноценности и ненавидите это чувство. Вы обнаружили, что давая советы другим людям, забываете о собственном чувстве неполноценности, вы чувствуете свою важность и компетентность. Когда вы встречаете человека, испытывающего проблемы, у вас эмпатически возникает чувство собственной неполноценности, но это чувство немедленно стирается, рационализируется похвальным желанием помочь другому. Теперь вы можете помогать другим и хорошо себя чувствовать: вы считаете, что действуете из наилучших побуждений. Ваше рационалистическое обоснование желания давать другим советы смягчает глубинное, недопустимое чувство собственной неполноценности. Конечно, у нас есть природное сущностное желание помогать другим, так что в данной рационализации присутствует изрядная доля истины. Чем больше истины присутствует в защитной рационализации, тем лучше она функционирует.

Предположим, вы внезапно осознали факт, что так любите помогать другим лишь для того, чтобы скрыть собственное чувство неполноценности. «Хорошо, - скажете вы, - больше никаких советов! У меня свои психологические проблемы, так что я неспособен давать достойные советы». Возможно. Но также это может оказаться защитной рационализацией, препятствующей вам заботиться о других людях и сопереживать им.

Сублимация[8][8]: Психоаналитическая концепция сублимации состоит в том, что инстинктивное желание/энергия, первично направленная на недопустимый объект, сосредотачивается на приемлемом объекте. Человек, считающий что секс греховен в своей основе, может вести целомудренную жизнь, стараясь сублимировать свою сексуальную энергию в напряженной работе. Физически агрессивный человек, сознавая, что непосредственное насилие приведет к неприятностям, может стать незаурядным бизнесменом.

Сублимация – заменитель наслаждения, дающий нечто, удовлетворяющее ваши желания и облегчающий их груз. С одной стороны, она может быть сознательным процессом, при котором вы знаете, что совершаете компромисс, требуемый реальностью. С другой стороны, вы можете не отдавать себе отчет в своих действиях и использовать рационализацию или другие защитные механизмы для поддержки сублимации.

Развитие способности распознавать сублимации проистекает из общей способности к самонаблюдению и самовоспоминанию. Эти процессы ведут к растущему осознанию и развитию вашей сущности, и вы начинаете лучше понимать, что вам на самом деле нравится.

Регрессия[9][9]: Регрессия обычно рассматривается как последний рубеж обороны, применяемый, когда не действуют более «взрослые» защитные механизмы. Человек возвращается к личности и психологическим структурам, бывшим у него в более раннем возрасте, когда жизнь удовлетворяла его в большей степени.

Несколько лет назад я разработал полезную технику для наблюдения подобных регрессий. «Мгновенные ответы», прямые словесные отклики на вопросы, при отсутствии времени на их формулировку или обдумывание (цензуру), могут многое открыть, если вы обязались говорить правду. Договоритесь об этом со своим другом или супругой/супругом, и попросите его или ее неожиданно задавать вам вопрос: «Сколько тебе лет?» в моменты, когда вы эмоционально возбуждены. Отвечайте

сразу же после вопроса, говорите первое число, которое придет в голову, независимо от того, как вы сами расцените данный ответ. Обычно ответы указывают на удивительно юный возраст. Если оба человека, выполняющие это упражнение, спорят между собой, многие доводы растворяются в смехе после того, как оба начинают понимать, что эмоционально ведут себя как трех-четырёхлетние дети. Конечно, этим нужно заниматься в атмосфере взаимного доверия и уважения, иначе другой может победить в споре, заставив вас признать, что вы вели себя несерьезно. Эта техника «мгновенных ответов» может найти самое разнообразное применение в познании себя.

К ПРОБУЖДЕНИЮ

Сон наяву – согласованный транс – непростое состояние. Слишком много наших сущностных чувств, желаний, талантов скрывается и искажается в ходе приспособления к тому, что принято считать нормой. Сон наяву полон неестественности и напряжения. Защитные механизмы – амортизаторы, буферы, позволяющие адекватно (согласно социальным стандартам) функционировать культуре в целом.

Однако плата за это высока, как для отдельных людей, так и для всей культуры. Напряженность, беспокойство, спешка отчуждают нас от нас самих и от других людей. Усиление этого само-отчуждения, искажения нашего восприятия внешней реальности, особенно других людей, и искажения наших собственных чувств, происходящие из-за нашей автоматичности и защитных механизмов, часто приводят к неоправданным поступкам.

Если можно пробудиться, так почему же не сделать этого?

Питер Брук

Тайное измерение

Уходя корнями в древнюю утерянную традицию, Гурджиевское учение, тем не менее, удивительно современно. Оно с исчерпывающей точностью анализирует человеческие затруднения. Оно показывает, насколько, начиная с самого раннего детства, обусловлены люди, как они действуют согласно глубоко заложенным программам, живя от причины к следствию в непрерывной цепи реакций. Эти реакции, в свою очередь, создают поток ощущений и образов, симулирующих реальность; но они – всего лишь интерпретация реальности, обреченной скрываться за их постоянным течением.

Каждый феномен возникает из поля энергий: каждая мысль, каждое чувство, каждое движение тела – проявление определенной энергии, но в кривобоком человеческом существе то одна, то другая энергия постоянно разбухает, засасывая другую. Это бесконечное метание между разумом, чувством и телом порождает колеблющиеся серии импульсов, каждый из которых обманчиво утверждает себя как «Я»; одно желание сменяется другим, и посему у человека не может быть ни непрерывного намерения, ни подлинного желания, лишь хаотический набор противоречий, в которых все мы живем, в которых у нашего эго есть иллюзия силы воли и независимости. Гурджиев называл это «ужасом ситуации».

Его цель – не утешение; он заботится только о беспристрастном выражении истины. Если есть смелость слушать, то можно ознакомиться с наукой, весьма далекой от той, что известна нам.

Со времен Возрождения наша наука аккуратно отмечала процессы и механизмы Вселенной, от бесконечно больших до бесконечно малых, но была абсолютно неспособна распространить свои уравнения на измерение живого опыта. Наука пренебрегает сознанием; она не может ухватить ни смысл восприятия, ни специфический вкус мышления. У крайне абстрактной, чисто ментальной системы математических символов нет ключа к проникновению в область художественного опыта или духовности. В результате мы имеем две параллельные интерпретации, которые никогда не смогут сойтись: научный язык определений и символический язык восприятия. Мы вынуждены принимать ту или иную сторону, «физики» против «лириков», и при этом мы неизбежно сталкиваемся с древнейшим дуализмом: материя и дух. Для ученого просто невыносима сама идея, что существует «нечто», что невозможно «потрогать», нельзя увидеть и обнаружить никаким инструментом; для него это какое-то «мумбо-юмбо», и можно понять нетерпение, с которым он отшвыривает как метафизику, так и духовность в мусорную корзину предрассудков. Взамен он предлагает внешне убедительную картину Вселенной, где все связано логической последовательностью событий, приведших когда-то к появлению человека. В этом видении космос предстает неистощимой, но тупой динамо-машиной, а все энергии – слепой бесчувственной силой.

В современной науке нигде нельзя встретить идею того, что сознание – неотъемлемая часть энергии, и что уровень сознания неразрывно связан с частотой вибраций. Глубина Гурджиевского учения в том, что оно объемлет «полное поле», которое столетиями искали как ученые, так и люди искусства. Это дает возможность соотнести каждый феномен с другим согласно измерению, включающему человеческий опыт: это измерение – воспринимаемо; мы признаем его, мы говорим о нем, хотя оно и остается без определения – мы называем его «качество».

Слово «качество» в наши дни так широко используется, что практически обесценилось – можно даже сказать, потеряло качество – но тем не менее всю нашу жизнь мы живем согласно интуитивному ощущению его смысла, определяющему большинство наших отношений и решений. Стало модным не доверять «субъективным оценкам», но все же мы оцениваем людей, реагируем на их присутствие, ощущаем их чувства, восхищаемся их мастерством, осуждаем их действия, будь то стряпня, политика, искусство или любовь – в терминах неписанных иерархий качества.

Ничто не можно быть лучшей иллюстрацией этого, чем любопытный феномен под названием «искусство», которое преобразует саму природу нашего восприятия и открывает нам ощущение чуда и даже благоговения. Определенные частоты вибраций – цвета, формы, геометрические фигуры, а прежде всего – пропорции, пробуждают в нас соответствующие частоты, каждая из которых обладает специфическим качеством или «ароматом». Такова, например, пропорция Золотого Сечения, неизменно вызывающая чувство гармонии, или другие геометрические фигуры, психологическое восприятие которых неотделимо от их математического описания. Архитектура всегда стремилась обвенчать чувство с пропорцией, и на интуитивном уровне художник или скульптор неустанно исправляют и совершенствуют свою работу, чтобы открыть путь к подлинному внутреннему чувству. Поэт просеивает свои мысли, обращая внимание на тончайшие намеки звука и ритма, сокрытых за мешаниной слов, наполняющих разум. Так он создает фразу, несущую новую силу, и читатель, в свою очередь, может воспринять собственные усиленные чувства, преобразованные энергией впечатлений от стихотворения. В каждом случае единственное отличие – качество, являющееся результатом не случайного, но уникального процесса.

Большую часть искусства можно назвать субъективным, поскольку оно рождается из индивидуального, личного источника. Но есть великие работы, объективность которых позволила им стать универсальными для всего человечества, обращаясь к нему с уровня, находящегося за пределами личного опыта. Что же это за уровень? Чтобы понять это, мы должны исследовать источник наших творческих импульсов.

Сегодня мы пытаемся путано объяснить весь художественный и религиозный опыт в терминах психологических и культурных условий. До известного предела это так, но не все наши импульсы являются результатом этих субъективных условий. Подлинное качество обладает объективной реальностью и управляется точными законами: каждый феномен поднимается и падает, уровень за уровнем, согласно естественной шкале ценностей. Очень точно это иллюстрируется в музыке, где переход от одной ноты к другой преобразует ее качество. «Объективная наука», как ее называл Гурджиев, использует музыкальную аналогию, чтобы обрисовать Вселенную, составленную цепью энергий, растянутых от самой низкой до самой высокой октавы: каждая энергия, поднимаясь или ниспадая, трансформируется, обретая более плотную или более тонкую природу согласно занимаемому уровню. На каждом специфическом уровне энергия соответствует степени разумности, и сама является сознанием, колеблющимся в широком диапазоне вибраций, определяющих человеческий опыт.

Гурджиев говорит не только об энергиях, способных подняться на новые уровни интенсивности; он утверждает также реальность абсолютного уровня чистого качества. Энергии нисходят из этого источника, встречаясь и взаимодействуя с энергиями, известными нам. Смешивание чистого с плотным может изменить смысл наших действий и то влияние, которое они оказывают на мир.

Жизнь, которую мы называем «обычной», играет в поле энергий с жестко ограниченными пределами, которые, если употребить музыкальную метафору, поднимаются и падают в узком нотном диапазоне. Соответственно, уровень нашего сознания низок, сила мысли ограничена, и эти энергии способны дать нам лишь узкое видение и слабое намерение. Гурджиев показывает, что в любой гамме имеется две определенных точки, в которых эволюционирующее движение останавливается, и этот интервал может быть преодолен только введением новой вибрации строго

определенного качества. В противном случае, поскольку ничто во Вселенной не может пребывать в покое, подымающаяся энергия неизбежно опустится к исходной точке. Это поразительная и радикальная идея: она подразумевает, что все энергии, а следовательно, и все человеческие действия, по собственной инициативе могут подняться лишь до определенной точки, подобно тому, как стрела, пущенная в небо, истощив на излете свой первоначальный импульс, падает обратно на землю. Однако в решающей точке, в которой первая энергия начинает истощаться, может произойти так называемый «шок», являющийся сознательным введением нового импульса, благодаря которому подымающееся движение преодолет невидимый барьер и сможет продолжить свой восходящий путь. Этот образ позволяет нам понять, почему без этого «шока» жизнь угасает, происходит упадок цивилизаций и империй, вычисления оказываются ложными, а героические революции обращаются против самих себя, предавая собственные великие идеалы. Те же законы показывают, что определенная сила, точно приложенная, может предотвратить это возвращение к нулю, но этот основной принцип редко признается. И мы с горечью и разочарованием виним себя и других.

Однако, если в решающий момент действующие энергии могут вступить в контакт с энергиями другого порядка, происходит изменение качества. Оно может привести к интенсивным творческим переживаниям и социальной трансформации, но на этом процесс не заканчивается. Смешиваясь с энергиями, утоньшившимися благодаря интенсивности их вибраций, сознание подымается на более высокий уровень, превосходящий искусство; это, в свою очередь, может привести к духовному пробуждению – и, в конце концов, к абсолютной чистоте – ибо сакральное также может быть выражено в терминах энергии, но качество этой энергии измерить невозможно.

Во всех эзотерических традициях существует разделение между высшим и низшим уровнями, между духом и телом. Гурджиев рассматривает это разделение в совершенно другом контексте. Он говорит: человек не рождается с готовой душой; человек рождается несовершенным. Душа – материал, подобный телу, материя суть энергия, и каждое человеческое существо самостоятельно, с помощью сознательных усилий может развить в себе более тонкие субстанции. Но это нелегко, и для этого недостаточно ни благих намерений, ни непреклонной решимости.

Трансформация человеческого существа начинается только тогда, когда источники тела, которые Гурджиев называл «центрами» и из которых истекают движения, мысли и чувства, перестают производить спазматические и переменчивые всплески энергии и начинают гармонично функционировать вместе.

Тогда впервые появляется новое качество, которое Гурджиев называл «присутствие»*. По мере повышения интенсивности присутствия, набор наших реакций и желаний, называемый эго, постепенно становится гибким и прозрачным, и в центре нашей автоматической структуры поведения образуется новое пространство, в котором может возникнуть подлинная индивидуальность.

Однако без посторонней помощи мы не можем трансформировать себя. Мы стиснуты оковами нашей обусловленности в своей собственной октаве подъема и нисхождения, нам препятствуют те же непреодолимые интервалы. Нам нужна помощь. Необходим учитель – что ж, есть, на кого обратить внимание. Есть учения, цель которых разрушить господство тела, другие стремятся поднять эмоции до состояния экстаза, третьи опустошают разум. Во многих учениях одного лишь

присутствия учителя достаточно, чтобы ученики поднялись к новому внутреннему состоянию. Гурджиевское учение одновременно работает над всеми аспектами Психеи: разумом, чувствами и телом. Оно отвергает пассивность, могущую возникнуть из-за наивного упования на учителя.

Гурджиев часто использовал образ актера как метафору полностью развитого человеческого существа. Он говорит о различных ролях, которые мы играем в жизни, выполнении всех требований, предъявляемых меняющимися ситуациями, полном вхождении в них при сохранении внутренней свободы. Именно это и требуется от хорошего актера. Поскольку театр показывает жизненные движения в особо концентрированной и легко распознаваемой форме, он является прекрасной лабораторией, где идеи обретают воплощение и могут быть немедленно проверены.

Хороший актер никогда не считает себя частью пьесы, которую он играет. Плохой актер телом и душой отдается своему образу – настолько, что полностью теряет себя. Часто, уходя со сцены, он убежден в том, что это было лучшее выступление в его жизни, но всем остальным видно, насколько он был преувеличен, напыщен и неискренен. Но он не может осознать этого, так как глух и слеп: между ним и образом, который он воплощает, нет никакой дистанции, он поглощен тем, что Гурджиев называл «отождествлением». С другой стороны, чем лучше актер, тем меньше он отождествляется со своей ролью, и – кажущийся парадокс – чем меньше он отождествляется, тем глубже он может войти в образ. Он подобен руке в перчатке, все отдельно и в то же время нераздельно; роль вдохновляет его, но никоим образом не поработает; внутри он свободен и полностью осознан. Начинающий актер не может достичь такой свободы; он пленник собственной неуклюжести, своих страхов, отсутствия понимания и желания понравиться другим. Он должен заниматься, упражнять себя и, хотя это и не выражается в подобных терминах, но в любой театральной школе, независимо от стиля, каждодневная работа – это в первую очередь стремление к качеству. Интуитивно качество может видеть любой человек, и раскрывается оно очень простыми практичными словами: «хорошо», «не очень хорошо», «лучше», «плохо». Эти оценки могут относиться к движениям, или к чувству, ритму или ясности мышления, но качество можно распознать всегда, и актер интуитивно стремится к тому, чтобы зритель ему сопереживал. Только тогда роль может создать правдивое впечатление. Правда может быть неопределима, но зритель сразу же распознает ее.

Для публики единственным критерием является качество. Во время выступления актер постоянно излучает поток энергии, прямо влияющий на качество внимания зрителей. В кульминационных моментах актеры и зрители едины, исчезает разделение между сценой и зрительным залом, и индивидуальные эго не мешают общему переживанию. В такие светлые моменты наступает особая тишина.

Что такое тишина? Как можно ее определить? Ведь тишина бывает разной. В начале выступления наступает шелестящая тишина тысячи людей, сидящих рядом друг с другом, каждый из них частично внимает, частично прислушивается к жужжанию собственных мыслей и забот. Затем мы пересекаем разные уровни тишины, один за

другим, по мере того, как затрагиваются наши чувства, чувства, которые мы все больше и больше разделяем с окружающими нас людьми, пока нас всех не объединяет одна общая эмоция. Иногда качество тишины меняется, она продолжает углубляться, пока не достигает драгоценной точки, где можно слышать, как муха пролетит, где тишина полна и пуста одновременно, и в редчайшие моменты публика, как одно существо, входит в пространство несравненной красоты и очарования. Этот опыт точно показывает нам природу подъема и падения энергий, и помогает нам понять, что качество – реально.

Однако искусство, в какой бы то ни было форме, может дать нам только отражения скрытой реальности, мимолетно и частично. Оно никогда не может привести к устойчивому пониманию. Подлинная ценность искусства кроется не в том, что оно являет собой, но в том, что оно предлагает. Оно дает нам возможность открыть в себе новые уровни осознания, восходящие к изначальному полю энергий, в котором все образы – не более, чем исчезающие тени.

Игнорируя тайну качества, мы не можем воспринять нашу живую связь с космосом, и это вынуждает нас рассматривать человеческое существо, как случайность в безразличной Вселенной. Даже если биологи и психологами признают, что человеческие существа обладают «эмоциональной природой», им приходится объяснять ее как болезненную реакцию на бессмысленность. С подобной точки зрения все, что сотворил человек, от шалашей до соборов, от наскальной живописи до великого искусства и, в конце концов, религии, выглядит лишь все более и более усложняющейся защитой от страха хаоса.

Духовный опыт никоим образом не отрицает первобытный ужас, но непосредственным переживанием он открывает нам другое измерение. У этого измерения нет имени; оно всеобъемлюще, бесконечно и безвременно, и из источника его абсолютных вибраций в мир времени источаются тончайшие энергии. Так наша возможность переживания окормляется и свыше и снизу появлением двух взаимосвязанных полей, качества которых полностью противоположны; они – как две тишины в одной: тишина, оживленная сознанием, и тупая свинцовая тишина. Между ними восходит и нисходит гамма нашего существования.

Интуитивно мы всегда об этом знаем. Часто это выражается в утешительных словах или завораживающих идеях, но смысл этого знания постигается только на жизненном опыте. Изменение качества не происходит случайно, изменение качества бытия – результат точного процесса. Именно это знание, которое столь целеустремленно старался донести до нас Гурджиев, способно устранить раскол между наукой и искусством. Оно способно вывести нас из ледяного мира механики и бихевиоризма во Вселенную, где всему есть свое место под солнцем ясного понимания. Это понимание – не теория; это видение, и видение живое. Оно показывает нам нескончаемое и неизбежное движение повышения и понижения качества. Великая радость – обрести качество, великое страдание – потерять его, и два этих переживания становятся движущей силой, постоянно возобновляющей наши поиски.

Поиск пробужденного слушания

В начале был звук – или Логос, если предпочитаете...

Это замечание Георгия Ивановича Гурджиева, наряду с другими высказываниями о священном пении, приводится в книге сэра Пола Дьюка. Будучи студентом консерватории, он познакомился с Гурджиевым в Москве незадолго до Первой мировой войны. Он описывает практическую демонстрацию, последовавшую за этими словами: Гурджиев положил руку студента себе на грудь и особым образом начал читать нараспев Иисусову молитву, произнося весь текст на одном длинном дыхании, на одной ноте. По словам молодого человека, его руку словно ударило током. Несомненно, что искусство пения – священная наука, которой Гурджиев владел в совершенстве.

Гурджиев говорил, что Логос был

«звуком. Первым звуком. Глубочайшим звуком. Можно назвать его мировой тоникой... Суть в том, что когда еще не было языка, не могло быть никаких слов и не могло быть никаких имен в обычном понимании... Поупражняясь, вы сможете производить слышимое эхо этого звука, так как каждая октава повторяет на другом уровне любую другую октаву...»¹

Подобно свету, музыкальная энергия представляет собой смешанный спектр чистых частот, которые называются в музыке гармониками или обертонами. Эта изначальная градация определяет структуру каждого музыкального звука. Каждая нота, поется ли она или играется, является смесью этих чистых тонов.

Внутри каждой такой фундаментальной ноты, или «1», возникает особая серия других нот, подобно свету, пропущенному через призму. Эти звуки относятся к гармоническим рядам, соответствующим бесконечному ряду целых чисел, начиная с 1.

Помимо присутствия в каждом музыкальном звуке, гармонические ряды – неотъемлемая часть всего творения – света, тяготения, теплоты и т.д. Все волноподобные энергии приобретают форму гармонических рядов, и материальная Вселенная образована из бесконечных внутренних взаимоотношений этих рядов. Изучение этих, на первый взгляд, простых вибрационных зависимостей может привести, как в музыке, так и в других областях, к плодотворным размышлениям о происхождении и сути вещей.

Физик Дэвид Бом даже выдвинул предположение, что творение осуществилось посредством энергий, объединенных взаимосвязями гармонических рядов. С его точки зрения, подобная гармонизация несопоставимых энергий дала возможность

объединенной волне «совокупности» на своем пике создать Вселенную². Таким образом, начало Вселенной, а следовательно, и жизни, не было чистой случайностью, но результатом объединения гармонизирующих сил в бесконечно обширном масштабе. Эхо этого первого момента раздается до сих пор. Не случайно, что такие астрономы и физики, как Доминик Пруст* и Басараб Николеску*, вместо того, чтобы определять эту первичную вибрацию термином «Большой Взрыв», используют понятие «Великий Звук».

Возможно, это не только музыка сфер; возможно, музыкальные законы служат проявлению Бытия Непроявленного. В этом смысле музыку можно рассматривать, как гармоническое движение энергии, а музыкальные законы – помимо их обычного использования на нашей планете – как несущие волны творения.

В музыке, благодаря тому, что Гурджиев называл «законом октав» - посредством которого соотносится и сонастраивается «то, что наверху» и «то, что внизу» - гармонические ряды служат источником мелодии, гармонии и ритма.

В начале своей работы с Гармоническим Хором в 1970-х годах музыкально меня вдохновляло древнее священное песнопение тибетских буддийских монахов Гюйто и Гюйме, монгольские певцы хууми и тувинское горловое пение. В современной музыке широко проявлен интерес к гармоникам, или так называемым «не темперированным системам строя», но музыка центральной Азии идет еще дальше.

Я чувствовал, что универсальность гармонического звука дает исключительные возможности, выходящие за пределы обычных эстетических вопросов культуры, языка и стиля. Мне казалось, что развитие таких возможностей могло бы привести к новой всеобъемлющей священной музыке, к тому, что Гурджиев называл «объективной музыкой».

В своем учении Гурджиев придавал весьма существенное значение использованию музыки. Для него музыка и музыкальные законы – совершенный символ структуры и функционирования всего творения и внутренней жизни человека. Музыка, созданная Гурджиевым в сотрудничестве со своим учеником, русским композитором Томасом де Гартманном, великолепно олицетворяет учение Гурджиева в связи с тем, что он называл «законами вибраций».

У музыки Гурджиева/де Гартманна есть очень специфическое качество, ощущаемое в зависимости от состояния, в котором ее слушать. Несомненно, это музыка определенного времени и места. Но если слушать очень внимательно, то за пределами неизбежной и естественной связи музыки с культурными условиями можно обнаружить гармонические вибрации, относящиеся к другому времени, к другому месту – к священному слушанию, к внутренней работе.

В конце своей долгой и необычной жизни Кришнамурти говорил: «Я чувствую, что пою в основном для глухих». Единственный позитивный способ проинтерпретировать это направленное нам замечание – научиться слушать. По моему мнению, работа над слушанием – главная возможность, которую дает нам музыка. Мне работа над слушанием видится абсолютным ключом к пробуждению, столь необходимому для нас самих и для нашей планеты. Настройка, или работа по гармонизации, зависит прежде всего от преображенного слушания.

Гармоники соответствуют тому, что Гурджиев называл «внутренними октавами», относясь как к музыкальному звуку, так и к космическому резонансу. Они являются генетическим материалом всех музыкальных звуков, и их бесконечные комбинации в областях гаммы, мелодии, гармонии и ритма лежат в основе всей музыки. Ряды потенциально бесконечны. Но в любом музыкальном звуке присутствует лишь определенное число гармоник, в зависимости от качества и громкости звука и характеристик колеблющегося тела, производящего этот звук.

Очень часто мы не слышим гармоники там, где они есть, из-за нашего привычного, обусловленного слушания. Эффект такого обусловленного слушания – в различной чувствительности, как отдельных людей, так и даже целых цивилизаций, к гармоникам и к гармонии. Возможно, диапазон и значимость гармонии в той или иной сфере деятельности прямо связаны с качеством слушания, или настройки. В любом случае музыка (или жизнь) может помочь измерить присутствие в нас гармонического слушания, чувствительного к различным уровням гармонии.

Гармония приходит свыше. Две любые ноты, находящиеся в гармонии, имеют общую высшую гармонику. Фактически, все ноты, гармонично спетые или сыгранные, можно буквально рассматривать, как нисходящие проекции общей высшей гармоники «1» - общей для всех этих нот. Благодаря осознанию этой высшей гармоники «1», высшему гармоническому источнику, общему для всех нот, можно утоньшить гармонию различных нот или колебаний. Ниже самих нот также можно отыскать очень глубокую гармонию – общее субгармоническое основание.

Воплощая гармоники в жизнь посредством гармонического пения, голос действует как звуковая призма и линза, «преломляя» и фокусируя гармонические ноты, в других случаях незаметные в общем тембре.

Выбранная отправная нота, или «до», называется также «первой гармоникой», «основной» (нотой), или «1». Она служит эталоном для настройки высших гармоник и низших субгармоник. Все эти гармоники можно выразить, как дроби или музыкальные интервалы относительно 1, например, $2/1$, $3/1$, $4/1$, или как целое число, умноженное на частоту первой гармоники. Например, гармоники ноты «до» первой октавы, соответствующей колебаниям с частотой 264 Гц, нумеруются и называются целыми числами, начиная с 1 (собственно ноты «до»), 2, 3, 4 и так далее... Первая гармоника в данном примере – нота «до» с частотой колебаний 264 Гц; частота второй гармоники, или «2», в два раза больше – 528 Гц, и она на октаву выше, то есть является нотой «до» второй октавы; третья гармоника, или «3» - нота «соль» с частотой 792 Гц, и т.д.

Во многих инструментах, например гонгах или колоколах, масса или упругость колеблющегося тела делают гармоники повышенными или пониженными относительно чистых пропорций рядов. «Гармоничность» - баланс трех факторов колеблющихся тел: издающей звук длины или массы тела, упругости и диаметра. Если упругость, скажем, рояльных струн, слишком велика, то гармоники будут расстроенными; понижение общей настройки даже на полтона разительно улучшит строй.

Загадочно, но на вертикальной оси между «1» и «2» нет гармоник, измеряющих точный интервал октавы. «1» и «2» подобны «тому, что внизу» и «тому, что вверху». У древних египтян было изречение: «Все Творение находится между 1 и 2».

Это высказывание можно изучить с помощью музыкальной практики. Все гармоник, даже очень высокие, могут быть по нисходящей транспонированы ухом и/или номером к этому основному «первичному» пространству октавы и выражены основными нотами, благодаря тому, что Гурджиев называл «законом октав». При настройке на заданную ноту «1» у каждого колебания есть свое место. Это создает богатейший язык музыкального выражения в терминах ладов, тональностей, гамм, мелодий, гармоний и ритмов. Этот закон – главный ключ к пониманию многообразия музыкальных выражений нашего мира. Для музыкальных сравнений этот закон – то же, что для химиков периодическая таблица элементов, или для художников – чистый цветовой спектр.

Можно задуматься о бесконечном разнообразии гармоник, принадлежащих к семи основным видам интервалов: «до», «ре», «ми», «фа», «соль», «ля» и «си». По мнению Герберта Уона*, эзотерическое происхождение этих интервалов можно рассматривать как соответствие нисходящей и восходящей космической октаве, начинающейся и заканчивающейся на «до», от Dominus – Бог, Абсолют. «Ре» - Regina Coeli, Царица Небесная – Луна*. «Ми» - Microcosmos, Земля и человеческие монады. «Фа» - Fatus, судьба, планеты. «Соль» - Sol, Солнце. «Ля» - Lactea, Млечный Путь. «Си» - Sidera, все звездные миры. И снова «до»³.

В некоторых традициях, например в рагах Северной Индии, узор мелодического движения между 1 и 2 рассматривается, как коды или схемы энергий, движущихся по различным уровням и состояниям человеческого существа. Но это можно ощутить только тогда, когда все ключевые аспекты – как мы слушаем, как мы воспринимаем звук телом и различными резонирующими центрами – взаимодействуют гармонично.

Первая восходящая гармоника после загадочного скачка на октаву между 1 и 2 – третья, 3, звучащая как нота «соль»; 4 – нота «до»; 5 – нота «ми»; 6, или дважды три, на октаву выше 3 гармоник – также нота «соль»; 7 – «си бемоль»; 8 – снова «до»; 9 – «ре»; 10 – снова «ми»; 11 – нота между «фа» и «фа диез»; 12 – снова «соль»; 13 – «ля бемоль»; 14 – на октаву выше 7, «си бемоль»; 15 – «си»; 16 – снова «до»; 17 – «ре бемоль»; 18 – снова «ре»; 19 – «ми бемоль»; 20 – снова «ми»; 21 – приблизительно «фа»; 22 – аналогична 11; 23 – «фа дубль-диез»; и 24 – снова «соль».

Существуют восходящие и нисходящие гармонические ряды. Гармоники музыкального звука – восходящие, в том смысле, что по мере увеличения их частоты увеличивается сдвиг относительно основной ноты. Однако вместе с тем можно образовать и спеть ноты и обратные гаммы, соответствующие пропорциям нисходящих гармонических рядов (субгармоники). Например, музыкальные отрезки $2/1$, $3/1$, $4/1$ и т.д. восходящих рядов зеркально отражаются нисходящими от той же ноты гармоническими рядами: $1/2$, $1/3$, $1/4$. Музыкальные отрезки идентичны, и конечно, интервалы меняют порядок ($3/1$ дает «соль» выше «до», в то время как $1/3$ дает «фа» ниже «до»). Два набора гармоник взаимно дополняют друг друга, и умножение любого гармонического интервала на соответствующий субгармонический интервал всегда дает $1/1$ (например, $3/2 \times 2/3 = 1/1$).

Четные гармоники являются повторениями предшествующих гармоник, поскольку они делятся на 2 и, таким образом, звучат как октавы. Например, октавами 1 будут гармоники 2, 4, 8, 16, 32, 64 и т.д. Они представляют собой те же, только более

высокие, ноты; или же, в случае деления на два, более низкие – например, $1/2$, $1/3$, $1/8$. Нечетные гармоники – новые ноты, появляющиеся впервые.

Гармоники представляют собой чистые, не темперированные и полностью согласованные между собой варианты сильно урезанного и расстроенного набора нот, который со времен «Хорошо темперированного клавира» Баха используется в 12-нотной равномерной темперации. В вышеупомянутых 24 гармониках мы встречаем как ноты, значительно отличающиеся от их темперированной версии (5, 7), так и/или неизвестные в нашей обычной гамме (7, 11, 13, 14).

Главная гамма происходит от гармонических рядов. «До» (1), «ре» (9), «ми» (5), «соль» (3), «ля» (27) и «си» (15) происходят от восходящего гармонического ряда, а «фа» ($4/3$) – от нисходящего.

По мере восхождения гармоник (их транспонирования/соотношения к 1) после гармонического промежутка в первой октаве в следующих октавах появляется все больше и больше гармоник. В каждой последующей октаве между двумя соседними гармониками предыдущей октавы всегда появляется новая гармоника. Например, 3 между 1 и 2; 5 между 3 и 7; 7 между 3 и 4. Появляются все более и более тонкие градации основных нот, и ступени становятся все ближе и ближе. Музыкальное различие между одной гармоникой и последующей все больше и больше относится к области едва различимой микротональности.

Можно считать, что идея интервалов, или восприятия специфической гармонии между нотами, возникла благодаря соотношениям гармонических рядов. Любую ноту можно рассматривать, как гармонику, а любой музыкальный интервал – как соотношение между гармониками. Это основное соотношение может быть транспонировано и выражено, как целочисленная пропорция в изначальной октаве от 1 до 2.

Все музыкальные интервалы – более высокая нота в сочетании с более низкой – образуются тремя следующими способами:

1. Как отношение между восходящей гармоникой и ближайшей 1 как более низкой нотой. Например, $2/1$ (октава), $3/2$ (квинта), $5/4$ (большая терция). Математически это можно выразить просто как $h/1$, где h – любое положительное целое число, а знаменатель – 1 или любая из октав единицы – 2, 4, 8 и т.д.
2. Как отношение между более высокой нотой, соответствующей 1 или одной из ее октав, и нисходящей гармоникой. Математически это можно выразить как $1/h$, где 1 – более высокая нота, а более низкая нота соответствует гармонике, нисходящей от этой единицы. Например, соотношение $4/3$ определяет кварту, «до» - «фа». $1/3$ – третья субгармоника нисходящего ряда. Поскольку 3 – нечетное число, 1 транспонируется на две октавы, в 4.
3. Третий способ образования музыкальных интервалов, «в котором нет 1» - гармоника между двумя нотами, ни одна из которых не является ни 1, ни октавой 1. Это можно выразить, как h_1/h_2 . Например, музыкальные интервалы $13/9$, $7/5$ и $9/7$.

Без транспонирования первая группа интервалов $h/1$, где h – любое положительное целое число, по мере увеличения номера гармоники стремится к бесконечности. В бесконечности одна гармоника столь же высока, как и последующая... тихое единство в Абсолюте. Во втором случае численное выражение интервалов, соответствующих $1/h$, стремится к нулю – и снова тишина... В третьем варианте, где ни одна из гармоник не являются 1, тенденции развиваются в обоих направлениях. При транспонировании можно изучать все три варианта «в одном», в изначальной октаве между 1 и 2.

Возможность настройки гармоник на 1, на любую другую ноту, или одной гармоники к другой означает, что диапазон возможных интервалов и гармоний бесконечен, как и сами гармоник, заключая в себе любое целочисленное соотношение. Таким образом, гармоник – источник множества интервалов, о которых мы не знаем, которые мы не используем или забыли, но которые представляют значительный музыкальный интерес.

Гармонические ряды являются, конечно, источником весьма ограниченного количества нот и интервалов, обычно используемых в наших гаммах; но они были расстроены 12-нотной равномерной темперацией, в которой фактически не строит ни один интервал внутри октавы. Все подобные интервалы основаны исключительно на иррациональном числе – корне из 2.

Мелодические гармоник, по меньшей мере «соль» 24, могут быть спеты из нормального регистра; в субгармоническом пении можно дойти до 40-х гармоник, на шесть октав выше основной. Есть другие слышимые сопровождающие гармоник, фактически до пределов возможностей слуха. В субгармоническом пении можно дойти почти что до 0. Таким образом, можно было бы сказать, что голос может расширяться от 0 вверх, настолько высоко, как позволяет слух. В любой момент в голосе можно слышать семь звуков.

Гармоник, слишком высокие для того, чтобы их петь (в их оригинальной октаве), но представляющие разложимые на множители числа – такие, как 25, 49, 63 и 77 – можно определить, сперва спев основную ноту, соответствующую множителю; второй сомножитель, спетый как гармоника первого множителя, и даст искомую гармоник.

В Монголии мне рассказали «другую» историю о гармониках, отличающуюся от научной: гармоник «поет» священный водопад в горах Западной Монголии. Приходя в это священное место, люди учатся петь гармоник у самой Природы. Река ниже водопада называется Буян Гуль – Оленья река, потому что целые стада оленей, привлеченных чарующими звуками, приходят искупаться в водах этой реки. Певцы хууми, монгольского вида горлового пения, считаются находящимися в контакте со «сверхъестественными силами». Как в Монголии, так и в Туве, русской республике, расположенной у истоков Енисея, горловое пение и шаманизм были исторически связаны. Мы, как современные цивилизованные люди, редко внутренне и внешне соприкасающиеся с Природой, можем понять эту связь просто как соприкосновение с естественными силами – силами Природы.

В этом понимании гармоник слышатся и чувствуются за пределами слов, они подобны чистому горному источнику, где, по словам монголов, они впервые появились. Они являются прямым выражением естественного закона – потоком

чистой, объединяющей вибрации. Гармонический звук содержит в себе семя всей музыки, подобно тому, как чистый горный ручей напитывает водой все долины.

Здесь будет уместно вспомнить выдающееся произведение Гурджиева – «Рассказы Баалзебуба своему внуку», с связи с описываемым там местом, неподалеку от «Гоба», известного как пустыня Гоби в Монголии, где возникновение особых звуков в атмосфере побудило к строительству астрономической обсерватории⁴.

Есть две истории о происхождении тибетской разновидности пения очень низких нот с гармониками, называемого также субгармоническим пением. В Монголии мне рассказали, что тибетские (и монгольские) буддисты адаптировали более древнее шаманское пение хууми. Пение хууми бесслвно, поется соло в баритонном или теноровом регистре с мелодическими гармониками, тогда как в буддийском литургическом пении хор монахов нараспев исполняет священные тексты с очень низкими субгармоническими сдвигами, в основном в унисон, обычно выделяя одну специфическую гармонику («соль» или «ми»). Тувинская форма светского гармонического пения, каргыраа, представляет собой разновидность субгармонического хууми. Другая история заключается в том, что основатель традиции Гелугпа, Дзонгкапа, был обучен этому особому пению дакини (ангелом) во время медитации.

Ранее в двух главных монастырях традиции Гелугпа, Гюйто и Гюйме, где практиковалось субгармоническое пение, монахи принимались в хор только после предварительной двадцатилетней подготовки. После захвата Тибета Китаем в 1959 году время обучения пришлось уменьшить.

Мои коллеги и я совершили немало открытий, изучая источники гармонического пения в Тибете, Монголии и Туве. В целях создания единого глобального поля исследований мы обобщили результаты своих трудов в так называемые «двенадцать уровней гармонического пения».

В первых семи уровнях описывается основной акустический факт гармонического пения, возможное соприсутствие в человеческом голосе основной ноты и одной или более гармоник; последние пять – применение первых семи уровней в музыкальной практике.

1. Певец производит основную ноту с одной или несколькими гармониками.
2. Певец мелодически сдвигает ноту и гармоники в параллельной гармонии.
3. Певец производит восходящие мелодии и гармонии из гармонического ряда над основной нотой, являющейся «1» для более высоких нот. Это – типичное монгольское пение хууми.
4. Певец удерживает специфическую гармонику, все это время исполняя мелодию обычным голосом. Эти мелодии будут образованы среди нот субгармонического ряда ниже основной гармонике, являющейся «1» для более низких основных нот.

5. Певец мелодически сдвигает как ноту, так и гармонику, в сходящемся или расходящемся направлениях. Основная нота может сдвинуться вниз, а гармоника – вверх; или же основная нота может повыситься, а гармоника – понизиться.
6. Певец удерживает низкую основную ноту (например, «до» малой октавы) и по нисходящей «преломляет» ноту на октаву или (редко) на другой субгармонический множитель. Это – типичное субгармоническое пение, практикуемое в тибетских монастырях. Резонирующие субгармоники, или унтертоны, заменяют основную. Эта низкая нота (приблизительно 45 – 80 Гц) становится теперь основной акустической нотой, и становятся возможным использование шести октав гармоник выше данной субгармоники. Изменение субгармоники возможно на уровнях 1-5 и 7.
7. Вибрация голоса добавляется к гармоникам над голосом – вибрато, тремоло и т.п.
8. Гармонические лады – создание и использование гамм и ладов, образованных транспонированием гармонических рядов.
9. Гармоническая полиритмия – изучение и использование размеров и ритмов, образованных гармоническими рядами.
10. Гармоническое пение: монотонное, распевный речитатив и пение текста.
11. Мелодия.
12. Гармония.

Во многих культурах музыка была средством выражения ощущения гармонии Вселенной, осознания гармонического порядка, ордера, который каждый из нас стремится воплотить внутри себя, несмотря на – или благодаря! – всем потрясениям и повседневным противоречиям. Может ли изменение слушания изменить способность человека к внутреннему поиску? Может ли такое изменение открыть для него традиции?

В наше время традиционная идея музыки как подлинного связующего звена с сакральным практически забыта. Мера музыки – в том, как она преобразует состояние нашего слушания, фокусирует его и делает реальной идею гармонии.

Замечательны указания Гурджиева об уровне восприятия истины, достигаемого благодаря правильному изучению музыки. Этот принцип он воплотил даже в названии своего центра во Франции, «Института Гармонического Развития Человека»⁵. В его трудах содержится масса указаний, относящихся к науке вибраций, гармонии и даже звуку, но, как и в случае со всеми другими аспектами его учения, нет «руководства» по их применению. Он знал, что прямой контакт с учением – единственный способ по-настоящему «услышать» его полный резонанс. В его высказываниях сокрыты символические значения, понять которые можно только на личном опыте.

В «Рассказах Баалзебуба своему внуку» Гурджиев подробно обсуждает возможные способы исследования фундаментальных законов Вселенной и законов, связанных с человеческими существами. Он подчеркивает, как сильно в этом могут помочь определенные виды музыки, науки о «законах вибраций». И он широко использует музыкальные метафоры для объяснения действия этих космических законов на каждом уровне. Особое ударение ставится на реальной цели исследования: достижения другого уровня бытия⁶.

Гурджиев говорит о пользе определенного вида пения, которое порождает состояние «эхо» и «централизует» человеческое существо. Он описывает священный космический закон Вселенной, данный звуками «АИЕИОИУОА»:

«Этот космический закон состоит в том, что внутри каждого возникновения, большого и маленького, когда оно находится в прямом контакте с эманациями или самого Солнца Абсолют, или какого-нибудь другого солнца, происходит так называемое "Угрызение Совесть", то есть процесс, когда каждая часть, возникшая из результатов любого Святого Источника Священного Триамазикамно [закон трех], так сказать, "восстает" и "осуждает" прежние неподобающие восприятия и проявления в то время другой части своего целого - части, полученной из результатов другого Святого Источника того же основного священного Космического Закона Триамазикамно»⁷.

Подобное угрызение совести из-за привычного способа бытия – основное побуждение к тому, чтобы изменить себя, и является результатом особого рода чувствительности слушания, называемого «Виброэxonитанко»⁸.

Искусство пения при правильной его передаче особенно подходит для развития внутреннего слушания, внутреннего внимания, для возникновения «состояния присутствия»*.

Пока человек не научится слушать, для него нет надежды услышать учение. Как много просветленных существ, как много священных текстов! Но пока он не будет слышать то, что говорится ему, пока он не сможет слышать то, что происходит внутри него – все будет соответствовать, как говорил Гурджиев, русской поговорке: «слышит звон, да не знает, где он»⁹.

Часто наше слушание настолько обусловлено, настолько исполнено мыслей и напряженных состояний, что, по сути, мы глухи. Мы не слышим вибраций, исходящих из тончайших уровней нашего существа, вызывающих к нам изнутри. Но нам нужны эти гармоники основных нот нашей жизни; они придают другой смысл глубинным настройкам (и расстройкам), приходящим и уходящим, день за днем, к нам и другим людям... раскрывая смысл нашего прихода на эту бrenную землю и грядущего ухода с нее...

Что есть гармония? Что есть слушание? Что нужно слышать? К чему нужно прислушиваться? Какое направление – правильное? Поможет ли слушание выбору направления? Останется ли после нашей смерти эхо от нас? Слушание всегда

происходит в настоящем, и будучи одной из самых жизненных энергий, подобно дыханию, пополняется из того же источника, откуда берется сама жизненная сила.

В письменных трудах Гурджиева содержится вдохновляющее учение о нашей Вселенной, жизни и нашей роли в жизни, судьбе, месте и предназначении человеческих существ на Земле. Основным языком этого учения, от начала и до конца – гармония, музыка и вибрация, на каждом уровне, от необъятнейших космических процессов до тишайшего потаенного эхо во внутренней жизни человека. Гурджиевское видение космоса и человека – симфония вибраций, которые музыкальной струной Мировой Оси являют все виды трансформации основной энергии, от тонкой к плотной и от плотной к тонкой. Тончайшая, самая гармоничная и самая совершенная примордиальная энергия, изначальный Звук, или Слово – Логос, испуская Луч Творения, рядами нисходящих октав порождает галактики, звезды, планеты и живых существ. Эта же изначальная энергия, пройдя через Абсолютное Все, воссоединяется со своим источником, взлетая ко все более тонким вибрациям по восходящим октавам.

По отношению к космосу как к живой бесконечной системе циклов, циркулирования, циклической гармонии, Гурджиев рассматривал человека как маленький прискорбный диссонанс – в том, что касается его эго, «маленького Я»; и как микрокосм космического существа, который он называл «реальное Я». Чтобы помочь нам понять – то есть гармонизировать – эти два столь трагически разделенных полюса нашего существа, Гурджиев создал учение, исполненное совершенных вибраций или, как он говорил, «полностью проявленное», со многими, многими гармониками... то есть многими уровнями.

С обретением слушания все может измениться ...

Номер гармоники восходящего ряда
Нота

- 1
«до»
- 2
«до»
- 3
«соль»
- 4
«до»
- 5
«ми»
- 6
«соль»
- 7
«си бемоль»

8

«до»

9

«ре»

10

«ми»

11

нота между «фа» и «фа диез»

12

«соль»

13

«ля бемоль»

14

«си бемоль»

15

«си»

16

«до»

17

«ре бемоль»

18

«ре»

19

«ми бемоль»

20

«ми»

21

приблизительно «фа»

22

нота между «фа» и «фа диез»

23

«фа дубль-диез»

24

«соль»

* Записи музыки Дэвида Хайкса, тибетских буддийских монахов, тувинского горлового пения, Гурджиева/де Гартманна и многие другие редчайшие жемчужины мировой музыкальной культуры можно заказать в Московском Обществе Любителей Джаза по адресу: <http://noskoff.lib.ru/audio/rbase.htm> (Прим. пер.).

Уильям Дж. Уэлш

ВОСПОМИНАНИЯ

Я не уверен, что Гурджиев давал какие-либо серьезные обещания тем, кто «работал» в его орбите, лишь одно повторялось не раз – тот, кто приступал к самоизучению, уже никогда не сможет спать спокойно. И не только ночью, но, что еще более важно – в так называемом пробужденном состоянии сознания в повседневной жизни.

Многие обнаруживали, что его взгляд на «заорганизованного» человека как на «гуляющего во сне» автомата, находящегося под гнетом инфантильной эмоциональности, как на раба своих симпатий и антипатий, на самом деле относился и к их собственной реальности.

Древнее изречение Сократа «познай самого себя» мы невинно обратили в «наблюдай за собой».

В начале тридцатых годов я впервые услышал о Г.И.Гурджиеве как об источнике мудрости и нового понимания жизни, от англичанина по имени А.Р.Орэдж.

За десять лет до этого он отстранился от издания литературного и политического журнала «New Age», бывшего в то время оплотом авангардной мысли. После своего ухода он отправился к Г.И. Гурджиеву в Институт Гармонического Развития Человека изучать то, что впоследствии коротко называл «самое последнее слово истины». Когда я впервые повстречал Орэджа, он только что вернулся в Лондон из Соединенных Штатов Америки, чтобы начать издание журнала «New English Weekly». Собранный им группа американцев все еще была намагничена идеями, которые он излагал от имени Гурджиева, и пребывала в почти что благоговейном состоянии.

Они все называли его просто Орэдж до тех пор, пока я однажды не спросил, не без резкости: «Скажите, ради Бога, что, этот человек не имеет другого имени? Он говорит о себе в третьем лице?» Но тогда я был очень скептичен и не понимал еще, что судить о человеке по тому, что говорят о нем его приверженцы - в какой бы степени они не хотели отдать ему должное - очень зыбкий фундамент для

правильного мнения. Благодаря выдающемуся дару слова и всей своей жизни Орэддж находился на недостижимой высоте, равно как и его учитель, Гурджиев. Это был тот род совершенства, что зиждился на очень точном и ясном понимании значения и смысла существования. Мой скептицизм был разбит вдребезги, ибо в основе его лежали полусформулированные представления, не имеющие никакого реального смысла.

Невозможно себе представить две фигуры более удаленные от Мэдисон Авеню, где я работал – или же от штата Висконсин, где я вырос - чем Гурджиев и Орэддж. Невозможно обратиться к портрету этого непостижимого греко-армянского мистика, так чтобы охватить все это впечатление от бритой головы, пронизательных глаз и свирепых усов. Он обладал демонической способностью сочетать непредсказуемое, из ряда вон выходящее поведение, с чистой мудростью - в такой мозаичной пропорции, что все начинали сомневаться и в том и в другом. Для одних он был вольнодумцем и мошенником, для других - учителем такой величины и такого уровня беспристрастности, что его ставили в один ряд с подлинными аватарами. Его английский пророк и эмиссар Орэддж, которого Т.С.Элиот называл одним из лучших литературных критиков своего времени, был добродушен и притягателен, умел ясно и безупречно излагать свои мысли. Первые пять лет он жил в Америке в крошечной комнатке, на краю бедности, зарабатывая себе на жизнь уроками правописания. Все свое свободное время он посвящал распространению учения Гурджиева.

Я слушал истории о Гурджиеве и постепенно обнаруживал, что мой скептицизм рассеивается, хотя я не был склонен верить всему без оглядки.

В 1934 году прошло уже семь лет с тех пор, как Гурджиев приехал в Америку из Франции ознакомить людей со своими танцами. Их представляла специально обученная им группа мужчин и женщин. С помощью Орэдджа он проводил беседы о гармоническом развитии человека. О нем ходили самые разнообразные слухи. Кто-то говорил, будто он ушел в подполье, хотя другие заявляли, что видели его на Пятой Авеню в феске, потертом черном пиджаке и полосатых брюках. Или же мы слышали о том, что он отправился в Коннектикут и произвел там скандальное впечатление, приправляя изложение глубокой мудрости возмутительным поведением. А затем исчез..., возможно, в сторону Чикаго, а может быть, и Парижа...

Каждое событие, в котором участвовал Гурджиев, также как и его книги, оказали огромное влияние на жизнь участников группы, с которой я познакомился в Нью-Йорке. От них я стал улавливать фрагменты учения, которое полностью изменили мою жизнь.

В тридцатые годы для думающих людей понятие «сознание» означало "то, что человек теряет, когда его бьют по голове". Ни у кого не было сомнений по поводу того, обладает он сознанием или нет. И если заходил разговор о сознании и его росте, эта тема низводилась до уровня салонного вздора.

В начале тридцатых годов все были увлечены теорией бихевиоризма, глубоким, но очень частным взглядом на психологию человека – по сути дела продолжением теории Павлова об условных рефлексах. Автором теории был Джон Уотсон, доктор наук Университета Джона Хопкинса, которому тем не менее пришлось отделиться условному рефлексу Мэдисон-Авеню, променяв свою высокую докторскую степень на мылоторговлю. Доктор Б.Ф. Скиннер со своей версией «обусловленного»

человека, в которой идея сознания или отсутствовала или отрицалась, еще не был столь известен.

Ни Уотсон в свое время, ни, позже, Скиннер, не были склонны наделять человека такими качествами, как способность к состраданию, интуитивному пониманию и возможному росту сознания – если, конечно, не приписывали эти качества только себе как лучшим знатокам психологии человека.

Самой горячей темой тридцатых годов была экономическая и политическая активность; чем больше вы знали о мире, тем лучше вы могли распознавать веяния грядущих событий, откуда бы они ни шли – из Москвы, Рима или Берлина.

Если в 1934 году немногие серьезно воспринимали Гурджиева, многие о нем знали – если их об этом спрашивали. Даже среди хорошо его знающих людей никто не мог предположить, что Гурджиев станет полубогом для целого еще не родившегося поколения, и что тридцать лет спустя на страницах журналов и газет будут писать о

росте сознания, самопознании и проблемах отождествления, подобно тому, как сейчас пишут о социальной справедливости и приближающейся угрозе экономической революции.

Первые систематические знания об учении Гурджиева я получил от Дэли Кинга. Он был учеником Орэджа и вел группу в Нью-Йорке в середине двадцатых и в ранние тридцатые годы. Дэли, который считал себя ученым и обладал солидной подготовкой в этом вопросе, в душе своей был романтиком, милым и задиристым, достаточно обеспеченным, чтобы наполовину уйти от мира социальной обусловленности. Он прошел долгий путь, прежде чем растерял все свои иллюзии по поводу политической и экономической жизни, и, после продолжительных исследований, сам пройдя психоанализ, нетерпимо относился к идеям Фрейда, которыми так были увлечены многие его друзья.

Терпеливо распространяя учение Гурджиева, он смело бросил вызов судьбе, пытаясь или проверить его или опровергнуть. По мере моего участия, идея изучения жизни обретала для меня новый смысл, а моя привычная озабоченность жизнью Мэдисон Авеню казалась мне все более и более скучной.

Мы были очень разнородной группой. В нее входили следующие лица: женщина, также знавшая Орэджа и ставшая впоследствии моей женой, актер и директор театра, его красивая темнокожая жена, инженер, чей ранний финансовый успех сделал его финансово свободным, но внутренне неудовлетворенным, биржевый маклер с Уолл Стрит и его дама. Иногда к нам присоединялась бывшая танцовщица-француженка, которая выросла в восточной Индии и обучалась там индийским танцам. Она видела представление гурджиевских танцев в 1924 году и была охвачена желанием узнать, что за ними стоит.

Мы встречались еженедельно. Дэли представлял нам что-либо новое, мы же слушали, задавали вопросы, обменивались взглядами и опытом, сообщали о результатах тех экспериментов, что проводили в течении прошедшей недели. Многие эксперименты мы изобретали сами. Большей частью они были направлены на изменение собственной самооценки. И какими бы смешными они не казались нам

сейчас, они были реальной попыткой прорваться сквозь занавес препон обусловленного мира.

Представьте себе, не так уж просто было для солидного человека в модном бархатном пальто во весь голос запеть в переполненном автобусе на Мэдисон Авеню и не стусеваться под натиском множества изумленных глаз. Не менее просто было заказать в дорогом фешенебельном ресторане кучу изысканнейшей еды, а после столкнуться со всеми последствиями своей неспособности расплатиться по счету. И целью подобных экспериментов, было конечно же, не показать себя эдаким умником, а поставить себя в пограничные условия, из которых не так-то просто выбраться. И при этом необходимо было не забывать подробно наблюдать за самим собой.

* * *

Учение Гурджиева открыло для меня новый мир «реальности». И, чем больше этот новый мир открывался передо мной, тем более абсурдным мне казалось тратить львиную долю активного времени на привычную реальность. Или же мне так казалось в тот момент своей жизни, когда обдумывание возможности означало одновременное взвешивание способов ее осуществления...

Я решил изучать медицину. И хотя Гурджиева не было рядом в прямом смысле этого слова, все долгие годы обучения и работы в госпитале были осенены его незримым присутствием. Я всегда чувствовал на себе его пристальный вопрошающий взгляд и влияние его удивительной способности бросаться с головой в самое пекло этой бушующей перевернутой жизни.

Я не раз наблюдал, что если два-три человека, знавших Гурджиева, находились в одной комнате, они довольно быстро начинали говорить о нем, вспоминать, что он сказал, что случилось, когда за его столом была та или иная знаменитость, как он выглядел, что услышал тот или иной человек – или, с той же вероятностью, не услышал, хотя слова адресовались ему. Последователи Гурджиева никогда не сомневались том, что каждое сказанное им слово было произнесено не без особой на то причины. Гурджиев был неутомим и никогда не забывал своей цели. По мнению учеников, он всегда находился в обучающем состоянии и для этого жил.

В 1948 Гурджиев в очередной раз появился в Нью-Йорке со свитой французских последователей и поселился в мансарде отеля Веллингтон. Я стал завсегдатаем его поздних застолий и участником постановки «Движений» и «Священных танцев», которые были неотъемлемой частью его учения. «Спасибо», - произносил он с восточным акцентом, когда кто-то подносил ему горячий кофе. «Спасибо, вы очень любезны!» - и после продолжительной паузы, холодным тоном: - «Иногда».

Мне пришлось пройти сотни раз через жернова таких полусерьезных-полукомичных ситуаций. Они всегда были непредсказуемы, и, ставя человека в тупик его собственных противоречий, оставляли его далеко за гранью привычных идиотических утверждений.

Однажды вечером пятьдесят лет тому назад я был приглашен на празднование свадьбы двух давних учеников Гурджиева: немолодой уже высокотиулованной британки и пожилого сухопарого джентльмена из Кембриджа с могучими усами. О помолвке, которая для всего нашего круга явилась сюрпризом, было объявлено за завтраком в старом ресторанчике на пересечении Пятой Авеню и Пятьдесят Седьмой улицы. Пока я смаковал свой привычный джентльменский набор, состоящий из яиц, томатного сока и яблочного пирога, две вышеуказанные особы показали в дверях ресторана. «Вы знаете моего секретаря?» - произнес Гурджиев, прекрасно зная, что я их знаю - и его даму? Завтра вечером они поженятся, - успел заключить Гурджиев, пока пара достигла стола. Они пришли в восторг от такой новости, и договорились о том, что помолвку торжественно отметят на квартире Гурджиева.

В течение всего процесса празднования Гурджиев настойчиво возвращался к одной и той же теме – своей интерпретации библейской притчи о добром самаритянине. И насколько неуместной казалась эта тема для свадебной церемонии, настолько часто он возвращался к ней вновь и вновь. Все мы знали, что его мысль была направлена к невесте, которая была довольно интересной особой. Она не задумываясь, протянула бы нищему камень вместо хлеба. Если она на вершине, а вы внизу, вам крупно повезет, если она поделится с вами крошкой хлеба, не переставая презирать вас за это еще больше.

Но, подобно всем нам, имевшим мало представления о своей собственной сущности и характере, она полагала, что все произносимое не относится к ней самой. Как и все мы, она не только не знала себя, но и не знала того, что ей нужно знать о себе. Я имею все основания полагать, что только через много лет она осознала сказанные ей слова.

Много раз я слышал от учеников Гурджиева слова, которые часто повторял и самому себе: «Только теперь я начинаю понимать то, что говорилось мне много лет тому назад». И то, что когда-то произвело на меня весьма скромное впечатление и было похоронено в глубинах моего подсознания, гораздо позже вышло на поверхность, чтобы в конце концов оказаться понятным.

Я знал одного последователя Гурджиева, ныне уже давно умершего, который заявлял мне со всей серьезностью, что Гурджиев никогда не говорил ему ничего такого, что можно было бы отнести к учению. И добавлял: «Единственные слова, с которыми он ко мне однажды обратился, были: « Эх, мистер, как часто вы выбрасываете пятерку вместо единицы». «И что он имел в виду? И это учение?» - спрашивал он.

Что я мог ответить на это? Это касается всех нас. Мы многое видим в других, но мало что видим в себе. Я понял, что главной чертой этого замечательного образованного человека была склонность к начетничеству, словесной мастурбации. За его внешней показушной школярской точностью, умными словами и неумолимой потребностью в достоверных фактах проглядывал сам себя загнавший в угол мечтатель. Он всегда протестовал против того, что его подлинные интересы лежат в области исследования человеческого разума. Он был востоковедом, который так и не решился ни на одно серьезное исследование Востока. Возможно, он боялся расстаться со своими иллюзиями.

Он стойко доказывал свою преданность привычкам – виски по вечерам, завтрак в полдень в своем клубе - ибо что еще делать в этом бессмысленном мире? В сороковые года он получил докторскую степень в области физики, несмотря на свое нескрываемое презрение ко всему академическому. Он провел остаток своих дней в псевдозелегантном британском окружении (хотя с великим презрением отзывался о всем британском и к британцам относился как к Богом проклятому народу) на средиземноморском острове, где жизнь казалась ему более или менее сносной. Когда его претенциозность поутихла, он превратился в умного и доброго друга. И тем не менее он не переставал скрываться за маской горячей принципиальности, которая во всем ему помогала. Во всем кроме самого себя – для себя он так и остался неразгаданной тайной.

**** ***

Я вспоминаю Гурджиева, сидящим во главе стола на маленьком диванчике, поджав под себя одну ногу, в тесной гостиной его квартиры в отеле. Это было за год до его смерти. Он был уже пожилым человеком, как всегда доброжелательным и притягательным, но уже не таким свирепым и вызывающе экстравагантным учителем танцев, как раньше. Длинные седые усы с закрученными концами, пристальный взгляд глубоких темных глаз, которые смотрят глубоко внутрь каждого сидящего за столом человека - все эти детали навсегда останутся в моей памяти.

Его голова всегда была чисто выбрита. Порой на ней появлялась красная феска. Свободная, наподобие туники, нижняя рубашка была наглухо застегнута. Большой живот, маленькие ступни в мягких тапочках. По праздникам он одевал один из своих бежевых или оранжевых твидовых двубортных костюмов.

Каждый ланч с часу до трех днем и поздний ужин в десять или одиннадцать после чтений или занятий движением были для Гурджиева настоящим событием, своего рода ритуалом, которому придавалось огромное значение. Это была лично им изобретенная церемония – способ осуществления своей миссии среди людей.

Гурджиев был мастером приготовления армянских национальных блюд и подлинным самодержцем на своей кухне. Чем меньше была кухня, тем больше, казалось, он упивался процессом приготовления и тем более изобретателен был в выборе блюд. Готовить приходилось на большое количество гостей – сто или сто пятьдесят человек. Хотя он никогда не жил на широкую ногу, но всегда был предельно сосредоточен на каждой мельчайшей детали.

В апартаментах отеля Веллингтон не было кухни и готовить было официально запрещено. Пища готовилась в ванной. Разделочная доска на ванной трубе дополняла импровизированную плиту и гриль. Тарелки мылись в раковине, пройдя первоначальную очистку в туалетном бачке.

Поварской состав - тщательно отобранные последователи высшего ранга - после каждодневного похода с Гурджиевым на вест-сайдский рынок работал с раннего утра до поздней ночи.

Количество мест за столом было строго ограничено; гости рассаживались тесно друг к другу, локтем к локтю. Кому не хватало места, становились вдоль стен с тарелками в руках, оставшиеся наполняли просторную гостиную. Там люди рассаживались где придется – в креслах, на подоконниках, на полу, образуя то, что Гурджиев любил

называть «пикником». Справа и слева от него за столом располагались особые места. Слева садился директор застолья, который следил за наполнением бокалов и произнесением тостов для всех присутствующих идиотов. Произнесение тостов начиналось с самого начала застолья, когда Гурджиев лично давал распоряжение директору: «Говорите, мистер Директор, говорите». Эти слова повторялись много раз на протяжении всего застолья, и каждый из присутствующих был обязан осушить бокал арманьяка или водки с каждым тостом. Женщинам было разрешено выпивать один бокал за три тоста. Те же, кто не пил вовсе или, наоборот, был замечен в чрезмерном пристрастии к алкоголю, угощались в случае личного соизволения Гурджиева.

Два места справа от Гурджиева назывались «канализационная труба» и «мусорный ящик». Обязанностью сидящих здесь людей было съесть помимо своей собственной порции все, что не доел сам Гурджиев. И первый, после честного выполнения поставленной перед ним задачи, когда в него уже ничего не могло поместиться, передавал остатки другому.

Гурджиев испытывал особое пристрастие к врачам и поэтому я часто оказывался в роли «канализационной трубы». Жареная телячья голова с мозгами была блюдом, которое я часто делил с рядом сидящим «мусорным ящиком».

Несмотря на то, что Гурджиев всегда был окружен большим количеством блюд – специально приготовленным авокадо, сладким луком, пучками укропа и петрушки, базиликом, баклажанами, виноградными листьями, сметаной и могучими холмами томатного соуса – сам он ел очень мало. Среди пищи, которую Гурджиев приготавливал сам, всегда были специальные маленькие блюда, предназначенные для определенных особ: для «Мамы», для «Блондинки», для «Доктрины», для «Мисс Шапо», для «Верблюда». И при передаче каждого блюда происходил обмен взглядом или парой

фраз, которые часто не замечались другими, но всегда были особо направлены на того, кому предназначалось блюдо.

Гурджиев всегда умудрялся дотронуться до человека каким-то особым, глубоким и одному ему ведомым образом, будучи при этом беспристрастно участливым и заинтересованным. Казалось, он с глубоким уважением относился к стремлениям

и чаяниям каждого, несмотря на то, что глубоко осознавал ничтожество каждого человека по сравнению с вечностью.

Вокруг стола всегда происходила суматоха с передачей с «кухни» по цепочке разнообразных блюд – корзин с хлебом, бутылок разной формы и размеров, пучков свежей травы и фруктов. В качестве первого блюда всегда подавали специальный салат, приготовленный либо самим Гурджиевым, либо особо продвинутым помощником

главного повара. Он состоял из помидоров, огурцов, лука, укропа, петрушки, индийских

специй, томатного сока, горчицы и не знаю чего еще, но в результате получалось блюдо

невероятной остроты и манящей свежести. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я испытываю такой интенсивный поток ассоциаций, как будто сам в настоящий момент являюсь участником этой церемонии.

Как только все мы рассаживались по своим местам, самый умный быстро погружал свою ложку в салат, и вместе с кусочком хлеба это было прекрасным фундаментом для рюмочки алкоголя, который быстро разливался, вслед за словами «Говорите, говорите, мистер Директор». Зимой 1948 года директором часто оказывался изможденный, безупречно вежливый англичанин, на протяжении многих лет бывшего близким последователем Успенских. Когда в 1947 году Успенский умер, он, по совету мадам Успенской, отправился к Гурджиеву в Париж, а затем последовал за ним в Нью-Йорк.

Обычно он вставал из-за своего места, оглядывал весь стол и, поднимая свой бокал, начинал: « За всех обычных идиотов...»

Часто Гурджиев обращался к вновь пришедшему за его стол человеку с вопросом – каким идиотом тот является, ибо каждый человек, по его мнению, относился по иерархии к определенной категории идиотов. Даже сам Бог, который, с его точки зрения, являлся «Уникальным Идиотом». Иногда (на моей памяти редко) он сам говорил человеку, каким идиотом тот является. Выбор часто был строгим. Многие, включая меня самого, выбирали «сострадающего» идиота. Но после паузы до следующего тоста, как всегда бывало с Гурджиевым, оказывалось, что у каждой палки – два конца.

Итак, становится понятным, что не осознавать себя в присутствии Гурджиева было опасно. И верно, что те, кто действительно старался обрести внутри себя ясность и зажечь искру понимания, были заручены неизменной поддержкой этого опыта Гурджиевым. Одно слово одобрения, внезапный подбадривающий взгляд или безмолвное «Браво» могло наполнить любого человека чувством товарищества в поиске и явиться признанием его собственных усилий.

Я не знал ни одного из последователей Гурджиева, который, имея подобный опыт, не дорожил бы такими моментами осознания или сомневался бы в вескости его слов. Без чрезмерной сентиментальности, без претензий на высшую духовность, он умел, подобно волшебнику, превратить ворону в павлина.

К Гурджиеву за стол всегда приходили новые люди, неведомо откуда взявшиеся. Порой их умам трудно было выдержать полукомичные анекдоты или скабрёзные непристойности по поводу привычных принципов жизни. Но, подобно далекому приглушенному барабанному бою, они были предназначены тем людям, которые были способны услышать.

Я помню, как еще нестарый греческий православный священник, с которым они встречались и беседовали еще в середине тридцатых годов, в церковном воротнике и

черной сутане, однажды вечером появился за нашим столом. Гурджиев поговорил с ним об идиотах и предложил выбрать, к какой категории идиотов он себя относит, чтобы можно было произнести тост. Со всем добродушием он вовлек его в спор, в котором священник стойко держался своих позиций. Гурджиев говорил с ним о его миссии, о

необходимости быть внимательным к реальным нуждам своей паствы. Когда тон Гурджиева резко изменился, священник, казалось, еще только полусознавал уклончивые взгляды старых завсегдатаев, ожидавших очередного удара топора. Холодным взглядом Гурджиев резко посмотрел на него и сказал: «Вы знаете, ваш воротничок напоминает мне гвоздику, что носит проститутка во время менструации».

Лицо священника застыло, он он воспринял эти слова достойно, не отступив или не пытаясь защитить себя..Остальную часть ужина Гурджиев его игнорировал. Когда все закончилось, один из знавших священника пожал тому руку и произнес:: «Что ж, я думаю, вы замечательно с этим справились. Что вы думаете о Гурджиеве теперь?»

Лицо священника было натянуто и серьезно. - Он великий учитель, этот человек. Подлинный мастер Дзен.

Миссис Фрэнк Ллойд Райт, приехавшая в Америку вместе с танцевальной группой Гурджиева в 1924 году, и ее муж, зимой 1948 года были частыми гостями за его столом. Знаменитый архитектор, в свободном галстуке, шляпе с загнутыми полями, гигантском шарфе, брошенном на плечи так, чтобы создать впечатление пелерины, небрежно слушал чтения в присутствии хозяина.

В один из вечеров ему удалось как-то сбросить с себя ауру значительности, вплоть до того, чтобы поддаться на настойчивые уговоры Гурджиева пренебречь своей диетой и выпить арманьяка с черным перцем, съесть баранины и авокадо со сметаной в качестве специального лекарства для своего больного желчного пузыря.

Райт свято соблюдал свой режим, памятуя о предостережениях своего доктора. Предвидя грядущую мучительную ночь, он мужественно опрокинул стаканчик арманьяка, закусил бараниной и с жадностью набросился на авокадо. Позднее он говорил, что никогда не спал так хорошо, абсолютно забыв про свой желчный пузырь.

- Я семьжды доктор, - как-то ночью сказал мне Гурджиев, заканчивая есть суп – а остатки бараньей головы ожидали своей очереди. – В Париже у меня двести учеников, все доктора. – Он посмотрел мне в глаза, и я улыбнулся, соглашаясь с тем, что, как мы оба знали, было явным преувеличением.

У меня нет ни малейшего представления, зачем он говорил подобные вещи, но его бравада никогда не казалась неприятной; напротив, я всегда ожидал его нескрываемого хвастовства, ибо он всегда был мне как дедушка, и роль сопереживающего и одобряющего слушателя была моим скромным вкладом в непостижимую драму, которую он каждый день разыгрывал для своих собственных внутренних целей.

Годы спустя колонка в газете "Encounter", подписанная "Nefastus Dies", посвященная бахвальству Ницше и роли вызывающего поведения в жизни

некоторых великих людей, пролила для меня свет на столь необычную манеру поведения:

Ницше – не только скандальный автор, обнаруживший, какое впечатление производит на людей бесстыдство – они годами могут не обращать никакого внимания на глубочайшие идеи автора, зато они обращают мимолетное пораженное внимание, если тот начинает хвастаться... Шоу сделал хвастовство частью своего репертуара, подобно многим комедиантам... Ницше, Шоу, Гурджиев – все они прекрасно знали эту игру, хотя я думаю, Гурджиев принес благодаря ей максимум пользы. Он просто психиатр, действительно исцеляющий пациентов бесстыдным поведением во всех возможных ситуациях; и его жертвы до сих пор испытывают к нему глубокую любовь...

В эту игру могут играть лишь истинно великие люди. Когда она играется просто последователями Шоу, просто последователями Гурджиева – она заставляет подозревать, что те играют в нее не понарошку, а их потребность в хвастовстве чересчур реальна.

Кроме того, они не должны быть невротиками или слишком взвинченными людьми. Шоу и Гурджиев были подобны сложенному вдвое канату; они могли резвиться, сколько угодно, не причиняя себе ни малейшего вреда.

С детьми у Гурджиева была своя манера поведения. Он говаривал, что в нем заинтересованы только дети младше пяти лет и пожилые люди старше пятидесяти пяти. До пяти лет люди еще не полностью испорчены, а после пятидесяти пяти их эгоизм становится менее активным. Поскольку последние принимались в его салоне как почетные гости, их потчевали горячим кофе, а "старожилам", в особенности наиболее чувствительным женщинам, было порой непросто решить, считать себя внутри или же за пределами круга любимчиков.

Я помню один тест, который он провел со всеми детьми, собравшимися вокруг него – а в толпе, переполнявшей его гостиную в отеле Веллингтон, их нередко бывало двадцать, а то и тридцать. Он предложил им на выбор одну новую хрустящую десятидолларовую банкноту из пачки, лежавшей в хлебной корзине, либо же восемь монет из другой корзины, наполненной старыми серебряными долларами.

Среди наиболее смысленных детей начались интенсивные внутренние подсчеты. Моя собственная дочь, выбравшая серебряные доллары (которые она хранит до сих пор), сделала это, по ее собственным словам, оттого, что знала, что никогда не сможет потратить их, в отличие от банкноты, и, таким образом, у нее навсегда останется память о странном человеке, к которому так были привязаны ее родители и с кем она ощущала необычную, теплую связь, смешанную с тайной и магией.

Как-то среди гостей оказалась женщина-писательница*, немалое время проведенная в атмосфере Гурджиева; ее самая известная книга в то время еще не была издана. В тот вечер было много детей, и К., или, как ее называл Гурджиев, "Крокодил", протиснулась поближе к нему, между ним и детьми, на корточках сидящих на полу.

Она только что вернулась из Европы, где принимала участие в помощи перемещенным детям. Чуть не плача, она говорила и говорила о бедных, бездомных детях-сиротах, ее все больше и больше захватывал свой собственный рассказ, выпитый арманьяк дал волю слезам, в то время как дети, что совсем непохоже на детей, сидели все более и более неподвижно.

Гурджиев терпеливо сидел, разрастающаяся сентиментальность становилась все более студенистой, а взрослые начали нетерпеливо и неодобрительно шептаться. Почему Гурджиев не положит этому конец? Почему она не остановится? Что это за чушь?

Наконец рассказ захлебнулся в рыданиях и К. отошла в сторону, хлюпая носом, вытирая слезы, оглядывая остальных, ища у них сочувствия.

- Сегодня, дети – сказал Гурджиев, - вы кое-что узнали. Сегодня вы узнали, как выглядят крокодиловы слезы.

Комната взорвалась от смеха облегчения, и лица детей прояснились.

С поистине дьявольской точностью Гурджиев давал другим имена, такие как Канарейка, Дьякон, Поросянок, в каждом случае определяя характеристику поименованного. Я помню жену одного из его давних последователей - высокую, большегрудую, с мощными плечами, которые увенчивала крошечная головка. – А, - сказал он, увидев ее после долгого отсутствия, - собака на палочке. И вдруг ее увидели именно такой – мопс в бродячем цирке, съездившийся на крохотной платформе на верху шеста.

Однажды за обедом, передавая одно из своих специальных блюд, он сказал, что оно для "Мамы" и жестом указал направление. Блюдо застыло рядом с седоволосой женщиной, самым воплощением материнства.

- Нет, нет! – сказал он, и блюдо перешло к сидящей рядом женщине, черноволосой, одетой в простой черный костюм с ниткой жемчуга, блестящему утонченному редактору одного журнала, которая впервые оказалась за этим столом.

Лишь тем, кто был хорошо с ней знаком, было известно, что всю свою энергию, насколько позволяла ей ее публичная роль, она посвящала уходу за своей второй дочерью, получившей серьезную родовую травму.

Подобные примеры придают особый оттенок тому, как Гурджиев видел окружающих его людей. Я помню одно воскресное утро, когда он согласился, в обмен на какую-то мелкую услугу, позавтракать со мной у него в отеле. Когда я позвонил ему из фойе, он начал припоминать о договоренной встрече, после чего сказал, что немедленно спустится вниз.

Мы отправились в гостиничный ресторан, где за воскресным завтраком скучали лишь несколько постояльцев. Мы сели, и я принялся изучать меню, чтобы найти то, что он мог бы отведать. Наконец, он согласился на копченую сельдь, которую он разделал и ел руками, признав недурной.

Когда он спросил насчет алкоголя, я объяснил, что сегодня воскресенье, и что бары и магазины закрыты до часу дня. Он серьезно выслушал меня, несколько не

настаивая. Вместо этого он встал из-за стола и своей кошачьей походкой вышел из ресторана, через несколько минут вернувшись с большой бутылкой арманьяка, спрятанной под курткой. В ресторан вошли несколько мужчин из нашей группы. Столы и стулья были сдвинуты, между коленями директора наполнялись стаканы и шепотом, чтобы не потревожить непосвященных за соседними столиками, произносились ритуальные тосты. Гурджиев начал сравнивать разные нации с животными.

Англичане были овцами, русские – индюками, помесью, как он сказал, вороны и павлина.

- А итальянцы? – спросил один человек, которому лучше было бы знать наперед, чем все это закончится.

Гурджиев смерил его ледяным взглядом. – Вечно вы все портите своими глупыми вопросами. Вы идиот. Оставьте нас и идите прочь. Вы не имеете права находиться здесь, - и он прогнал несчастного из-за стола.

Позднее, во всех таких случаях, когда ссыльный не возвращался, Гурджиев невинно спрашивал: - Где он... где говорящая машина? Почему он такой дурак, что не идет сюда? Идите, позовите его.

Равным образом было возможно, что ссыльный просто сам возвращался позднее и незамеченным занимал свое место.

Всегда ходили слухи о том, что Гурджиев заставляет своих последователей неумеренно пить, но должен заявить, что редко, если вообще, видел пьянство в его присутствии. Бывали случаи, когда в ранние утренние часы, после обеда и тостов и, возможно, музыки, не все твердо стояли на ногах, но, что замечательно – никто не ронял голову на стол и ни у кого не заплетался язык...

Соланж Клостре

ДЕСЕРТ

Когда я встретила месье Гурджиева, мои чувства можно было сравнить с чувствами ребенка, бессознательно прикрывающегося щитом, данным ему природой и наследственностью, чтобы противостоять жестокой жизненной борьбе. Я была жестокой, упрямой, отчаявшейся. Один он вселял в меня чувство спокойствия, чувство надежды. Один он внушал мне чувство, которое я никогда ни с кем не испытывала: чувство полноты, внутреннего покоя, безопасности и глубокого доверия. Я хочу поведать о том, как я знала и понимала его. Это всего лишь признание ребенка, рассказывающего о человеке, который заменял ему и мать, и отца.

Он был добр, но тверд, испытывая мои возможности, чтобы заставить меня осознать их, и постоянно придавал мне уверенности. В этом я нуждалась больше всего. Он был человеком, мудро и здраво судившим о реальности повседневной жизни, реальности жизни без прикрас; он был добрым и строгим учителем, не делавшим поблажек, всегда справедливым, но не упускавшим ни малейшего промаха, всегда неусыпно внимательным. Я никогда не ощущала какой-либо манипуляции и применения "системы"; его поведение было мгновенным, безупречным и безошибочным – и прежде всего лишенным всякого порицания. Он всегда был внутренне серьезен, с мягкой и доброй улыбкой.

Вспоминая его сейчас, я вижу его широкую крепкую фигуру и особенно полноту его присутствия – вместе с чем-то неосязаемым и чрезвычайно тонким полную доброжелательности. Несмотря на плотное телосложение, его походка была по-кошачьи гибкой. Его смуглые восточные черты, то, как он посмотрел на меня – все это сразу внушило мне доверие к нему. Мало-помалу, я начала ощущать, что в его присутствии я чувствую себя не объектом, но полноценным существом, мыслящим и сознающим. Я никогда не замечала в нем какой-либо церемонности или нетерпимости. Он присутствовал полностью, в то же время оставляя вам вашу индивидуальность; но это не препятствовало ему атаковать вас, точно и с невероятной силой, простой взгляд мог тотчас же остановить вас, поймав слабость прямо в момент ее проявления. Иногда он шутил или делал замечание; иногда его ярость была подобна урагану.

Подчас я ощущала его львом, от низкого утробного рычания которого дрожит земля. Через долю секунды он мог стать ветром или тигром – всегда готовый к любому действию, которое может потребоваться в данной ситуации: изменить свою роль, выражение лица, инсценируя, струясь, с необыкновенным искусством... Я вижу его самураем, мастером Дзен, странствующим мудрецом, аскетом, великим артистом, дедушкой... и во множестве других ролей. Он мог быть чрезвычайно добрым, как можно быть добрым с ребенком. Он был открыт каждому, всегда, но никогда не щадил аспекты поведения, связанные с основными чертами характера человека, с его личностью – поведением, основанным на подражании, на реакциях, которые искажают сущность. Над ними нужно было "работать"; необходимо было осознать их, чтобы стать собой, а не автоматически функционирующей машиной – и чтобы узнать, как вырваться из плена повторения.

Когда вы находились рядом с ним, каждая поза, каждый жест отличались от тех, что мы совершаем в обычной жизни; он давал вам чувство другого измерения, другой возможности "бытия". Рядом с ним я была дома. Во мне больше не было страхов, сомнений, вопросов; все было просто и естественно. В этом не было тайны; это была просто "жизнь". Все пробуждалось, словно я нашла потерянный рай.

У меня осталось глубокое впечатление от его взгляда, когда он слушал кого-то, молча слушал всем своим существом. Отвечая словами только на вопросы, облеченные в слова, он, особой интонацией голоса, улыбкой, взглядом передавал то, что нельзя ни услышать, ни понять обычным разумом – ибо когда есть слова, то разум своим привычным ассоциативным механизмом стремится прийти к тому или иному умозаключению, не доходя до более многогранного понимания.

Иногда он шел в лобовую атаку – отношением, образом действий, жестом или сказанным словом. То, что он говорил в такие моменты, воспринималось не сразу.

Вы принимали удар; вы чувствовали, что заслужили его. Вы не могли ни объяснить, ни понять этого, но это было настолько правильно, что дальнейшее обсуждение было невозможно. Обычные средства защиты были бесполезны.

Я ощущала и видела в нем качество внимания, от которого ничто не ускользает. Он казался небрежным, как дюжина туркестанских тигров, но всегда был готов внезапно наброситься, действовать, внимать всему, даже в состоянии покоя. Львы и тигры не спят. Никакого волнения, но точное и мощное действие в тот момент, когда возникает потребность.

В его присутствии истина проступала, как под резцом гравера. Малейшее малодушие, мельчайшая ложь или отклонение – пусть непреднамеренное и незначительное – неизменно обнаруживались просто благодаря его присутствию. Он поощрял искренность и сталкивал вас с вашей собственной слабостью, неспособностью быть искренним даже с самим собой.

Я часто слышала фразу: "Стать взрослым". Это была одна из основных идей его работы: повзрослеть благодаря собственным усилиям.

Я встретила месье Гурджиева в 1941, после изучения его идей у мадам де Зальцманн и была представлена ему в составе всей группы. Париж был тогда оккупирован немцами.

В один из вечеров я помогала месье Гурджиеву готовить еду для группы, которая должна была вскоре прибыть, когда кто-то позвонил в дверь и заявил, что ему нужно срочно переговорить с ним. Месье Гурджиев впустил пришедшего и сказал, чтобы я приготовила десерт. Я часто видела, как он делает его и помогала в приготовлении. Было уже поздно и мне нужно было поторапливаться.

Я никогда не делала десерт сама, и была в шоке от ответственности, свалившейся на меня. Симпровизировать такой рецепт, который готовился каждый раз по-разному, более чем для двадцати человек, в доме месье Гурджиева, который всегда готовил сам, причем с таким искусством, вкусом, изысканностью и замечательным знанием кухонь многих стран, казалось просто невозможным... Я взяла себя в руки. Здесь и сейчас я столкнулась с задачей, которую, возможно, и не сумею выполнить. Вспоминая все его движения, я начала собирать необходимые ингредиенты.

В рецепте сочетались разные сорта фруктовых желе, джемы, йогурт, сливки и различные специи, которые я подбирала и постепенно смешивала, изо всех сил сосредотачиваясь на необходимых количествах и пропорциях. Я делала все на глаз, и когда мне показалось, что я более или менее подошла к искомому, я попробовала... да! Вкус был близок к ожидаемому результату; я подумала, что можно было бы добавить еще сахара, но побоялась сделать десерт приторным. Пришли люди, поэтому я оставила все как есть.

Я разыскала месье Гурджиева в комнате для специй, где он обычно принимал людей для частных бесед. Он взглянул на меня и спросил, приготовила ли я десерт, на что я ответила: "Да, месье, но я думаю, что сахара... достаточно". Месье Гурджиев повернулся к своему гостю, попросив того объяснить по-русски, почему слово "достаточно" было произнесено нерешительно. Получив ответ, он пожал плечами и проворчал: "Достаточно или недостаточно?". Я разволновалась. Из-за общего стола были слышны вопросы, голоса и смех.

Я была на кухне, когда услышала из гостиной рев, несомненно принадлежащий месье Гурджиеву. Что бы это значило? Я отправилась взглянуть.

Когда я вошла в комнату, все уставились на меня. Месье Гурджиев тоже напряженно смотрел на меня, держа над десертом – "моим" десертом – чайную ложку. Он спросил: "Вы... приготовили этот десерт?" Можно было слышать, как муха пролетит. Я видела, как я стою лицом к лицу с месье Гурджиевым, ощущая на себе силу его неотступного внимания, глядя ему в глаза, ощущая взгляды всех остальных. Я припомнила все детали своих действий и ответила: "Да!".

Долгая тишина... все смотрели выжидательно. Насколько я могла вспомнить, я не совершила каких-либо ошибок. Не моргнув глазом, я выдерживала его взгляд. Он отвечал тем же. Прошел долгий момент... Затем он издал звук, мягкий катящийся звук и, обратившись к мадам де Зальцманн, сказал: "Харашо!". Мне показалось, что я упаду в обморок. Это слово, после того, как я так боялась, что "мой" десерт окажется неудачным, раздалось словно обухом по голове. Но насколько мне было приятно от того, что я сделала все верно!

Затем, повернувшись ко мне, месье Гурджиев взял свою тарелку и предложил мне. Я уже не знаю, что было потом. Испытание было настолько напряженным, что в моей памяти осталось только внутреннее исследование, которому я подверглась, глядя прямо в глаза месье Гурджиеву, чей взгляд глубоко проникал в меня.

Этот эпизод доставил мне глубокую и тихую радость, происходящую, естественно, благодаря моему успеху в трудном испытании, но также и от встречи лицом к лицу с месье Гурджиевым, в ходе которой я со всей искренностью вспоминала, какую же ошибку я могла совершить, ни разу не опустив взгляд, и еще оттого, что проверка была выдержана во всеобщем присутствии, в этой переполненной комнате. Все это было очень, очень важно для меня. Перед ним я чувствовала такое доверие, что главным было даже не то, что я могла допустить ошибку, а узнать, в чем же она заключалась; это было самым главным. Мои чувства подсказывали и, несмотря на прошедшее время, я до сих пор знаю, что даже если бы я и сделала ошибку, месье Гурджиев никогда бы не позволил себе оскорбительного замечания. Вся эта инсценировка служила именно тому, чтобы я осознала, как делать что-то хорошо и безошибочно.

Удивительно, что даже сегодня, вспоминая этот эпизод, я чувствую себя возрожденной, настоящей. Как будто он использовал ситуацию, чтобы помочь мне побороть внутренние препятствия.

ОБ АВТОРАХ

РЕНЕ ДОМАЛЬ (Rene Daumal) (1908 – 1944) – поэт, писатель, санскритолог, один из основателей влиятельного авангардного философского журнала "Le Grand Jeu". С 1930 года и до самой смерти он тесно работал с мадам Жанной де Зальцманн и Гурджиевым. Автор книг «Большая пьянка» (" La Grande Beuverie") и «Гора

Аналог: Роман об альпинистских приключениях, неевклидовых и символически достоверных», классической аллегории Гурджиевского учения.

БАСАРАБ НИКОЛЕСКУ (Basarab Nicolescu) – физик-теоретик, знаток теории элементарных частиц, автор многочисленных научных статей. Основатель и президент Международного Центра Междисциплинарных Исследований (C.I.R.E.T) во Франции.

ЧАРЛЗ Т. ТАРТ (Charles T. Tart) – авторитетнейший зубр трансперсональной психологии, автор многочисленных книг, в т.ч. «Измененные состояния сознания» и «Трансперсональные психологии».

ПИТЕР БРУК (Peter Brook) – директор Международного Центра Театральных Исследований в Париже. Среди его новаторских театральных постановок такие пьесы, как «Сон в летнюю ночь» и «Махабхарата». Совместно с мадам де Зальцманн был режиссером фильма «Встречи с замечательными людьми».

ДЭВИД ХАЙКС (David Nykes) – певец, композитор, основатель Гармонического Хора, первой западной группы, практикующей гармоническое пение. Проводил обширные исследования традиций обертонового пения в Тибете, Туве и Монголии. Автор музыки к многочисленным фильмам, в том числе к фильму «Встречи с замечательными людьми».

УИЛЬЯМ ДЖ. УЭЛШ (William J. Welch) – врач, президент Нью-Йоркского Гурджиевского Фонда. В его книге «What Happened in Between» описано время, когда он был учеником Гурджиева и его личным врачом.

СОЛАНЖ КЛОСТРЕ (Solange Claustres) – психоаналитик, ученица Гурджиева и мадам де Зальцманн, преподавательница Движений в Гурджиевском Институте в Париже.

*** C.S.Nott, "Teachings of Gurdjieff: The Journal of a Pupil".**

*** Датой рождения квантовой механики считается 1900 год, в котором были опубликованы работы Макса Планка об излучении «черного тела» («черное тело» - тело, полностью поглощающее электромагнитное излучение). Как мы увидим, эти работы положили начало пониманию прерывной структуры энергии. До 1915 года**

было сделано немало открытий, но как теория квантовая механика не была сформулирована до 1020-1930 годов. С этих пор она служит формальной основой современной физики частиц, которая продолжает и в то же время включает в себя квантовую механику и теорию относительности Эйнштейна.

* «Корпускула» - термин, использовавшийся на заре квантовой физики.

* Stéphane Lupasco.

* Edwin. A. Abbott.

* Bootstrap.

* Geoffrey Chew.

* Self-consistency.

* Paul Davies.

* Robert H. Dicke, Brandon Carter, Stephen Hawking, John Barrow, Frank Tipler.

* Hubert Reeves.

* Coupling constant.

* James Lovelock.

* Здесь уместно вспомнить также труды В.И. Вернадского, впервые сформулировавшего собственно понятие «биосфера», и Хосе Аргуэльеса, исследующего проблемы грядущего перехода из биосферы в ноосферу. (Прим. пер.).

* William Golding.

* Michel Henry.

[1][1] «consensus consciousness».

[2][2] «supression».

[3][3] «repression».

[4][4] «introjection».

[5][5] «compartmentalization».

[6][6] «projection».

[7][7] «rationalization».

[8][8] «sublimation».

[9][9] «regression»

* О «состоянии присутствия» см. также «Вопросы и ответы» Г.И. Гурджиева и «Поиск пробужденного слушания» Дэвида Хайкса в этом сборнике. (Прим. пер.).

* **Dominique Proust.**

* **Basarab Nicolescu.** См. его статью «Гурджиевская философия природы» в этом сборнике. (Прим. пер.).

* **Herbert Whone.**

* Здесь, конечно же, Луна рассматривается не как планета или как астрологическое явление, но как выражение архетипа мировой женственности – или II Аркана. (Прим. пер.).

* О «состоянии присутствия» см. также «Вопросы и ответы» Г.И. Гурджиева в этом сборнике.

* **Кэтрин Халми (Kathryn Hulme)** – прим. пер.

1 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

2 Там же.

3 Макс Планк, «Посвящение в физику».

4 Там же.

5 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

6 Г.И. Гурджиев, «Взгляды из реального мира».

7 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

8 Там же.

9 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

11 Г.И. Гурджиев, «Взгляды из реального мира».

12 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

18 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

26 Basarab Nicolescu, “Science, Meaning and Evolution: The Cosmology of Jacob Boehme”

27 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

27 Там же.

28 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

29 Там же.

30 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

31 Paul Davies, “Superforce: the Search for a Grand Unified Theory of Nature”.

32 Там же.

33 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

34 Там же.

35 Там же.

36 Там же.

37 Там же.

38 Там же.

39 Edwin A. Abbott, “Flatland”.

40 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 George Gale, “The Anthropic Principle”; John. D. Barrow and Frank J. Tipler, “Anthropic Cosmological Principle”; Xavier Sallantin, “Le monde n’est pas malade, il enfante”.

47 John. D. Barrow, Frank J. Tipler and M.-O. Monchicourt, “L’Homme et le cosmos – Le Principe anthropique en astrophysique moderne”. Afterword by H. Reeves.

48 Там же.

49 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

50 Там же.

51 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

52 E. Laszlo, “The Systems View of the World”.

53 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

54 E. Laszlo, “The Systems View of the World”.

55 См. П.Д. Успенский, «В поисках чудесного», и Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

56 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

57 Там же.

58 Erich Jantsch, “Self-Organizing Universe”.

59 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

60 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

61 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

62 Там же.

63 Там же.

64 Michel Henry, “La barbarie”.

65 П.Д. Успенский, «В поисках чудесного».

66 Там же.

67 Там же.

68 Там же.

1 Sir Paul Dukes, “The Unending Quest”.

2 David Bohm, “Wholeness and the Implicate Order”.

3 Herbert Whone, “The Hidden Face of Music”.

4 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

5 В французском оригинале: “l’Institute pour le développement harmonique de l’homme”. Гурджиев специально выбрал именно эту формулировку, а не “l’Institute pour le développement harmonieux de l’homme”. (Разница в русском языке: «гармонического развития» и «гармоничного развития» - Прим. пер.). Два прямых преемника Гурджиева не раз указывали на существенное отличие этих понятий, хотя в английском языке стало привычным использовать название “Institute for Harmonious (гармоничного – прим. пер.) Development of Man”. Добавлю, что я узнал об этом пятнадцать лет после создания термина «гармоническое пение» и образования под моим руководством Гармонического Хора.

6 Г.И. Гурджиев, «Рассказы Баалзебуба своему внуку».

7 Там же.

8 Там же.

9 Г.И. Гурджиев, «Встречи с замечательными людьми».

Георгий Гурджиев

ВЗГЛЯДЫ ИЗ РЕАЛЬНОГО МИРА.

Записи бесед и лекций Гурджиева

Самонаблюдение.

Нью-Йорк, 13 марта 1924 г.

Самонаблюдение очень трудно. Чем больше вы будете стараться, тем яснее это увидите.

В настоящее время вам следует практиковать его не для получения результатов, а чтобы понять тот факт, что вы не в состоянии наблюдать себя. В прошлом вы воображали, что видите и знаете себя.

Я говорю об объективном самонаблюдении. Объективно вы не можете видеть себя ни на одну минуту, потому что это иная функция, функция мастера.

Если вам кажется, что вы сможете наблюдать себя в течение пяти минут, это неверно; если вам кажется, что вы сможете наблюдать себя двадцать минут или одну минуту, это одинаково неверно. Если вы просто поймете, что не сможете наблюдать, это будет правильно. Прийти к этому пониманию - вот ваша цель.

Для достижения этой цели вы должны прилагать непрестанные старания.

Когда вы будете проявлять старания, результатом не будет самонаблюдение в подлинном смысле слова. Но старание укрепит ваше внимание; вы научитесь лучше сосредоточиваться. Все это пригодится позднее. И только тогда можно будет начать вспоминать себя.

Если вы будете работать добросовестно, вы будете вспоминать себя не чаще, а реже, потому что вспоминание себя требует многого. Оно не так-то легко, оно дорого стоит.

Упражнений в самонаблюдении достаточно вам на несколько лет. Не пытайтесь заниматься ничем другим. Если вы будете работать добросовестно, вы увидите, что вам нужно.

Сейчас вы обладаете только одним вниманием - или в теле, или в чувствах.

Внимание.

Нью-Йорк, 9 декабря 1930 г.

Вопрос: Как можно приобрести внимание?

Ответ: Люди лишены внимания. Вашей целью должно быть его приобретение. Самонаблюдение возможно лишь после приобретения внимания. Начинайте с мелочей.

Вопрос: С каких мелочей можно начинать? Что нам надо делать?

Ответ: Ваши нервозные и беспокойные движения сознательно или бессознательно заставляют каждого человека видеть, что вы не обладаете авторитетом, что вы просто клоун. С этими беспокойными движениями вы не можете быть кем-то. Первое, что вам надо сделать, - остановить эти движения. Сделайте это своей целью, своим идолом. Заставьте свою семью помогать вам. Только после этого вы, может быть, сумеете приобрести внимание. Это - пример деланья.

Другой пример - начинающий пианист никогда не может научиться иначе, нежели понемногу. Если вы хотите играть без предварительной практики, вы никогда не сможете играть подлинную музыку. Мелодии, которые вы будете играть, окажутся какофонией, заставят людей страдать и ненавидеть вас. То же самое с психологическими идеями: для того чтобы приобрести что-нибудь, необходима длительная практика.

Постарайтесь сначала осуществить самые небольшие вещи. Если вашей целью с самого начала будет что-то большое, вы ничего не достигнете. Ваши проявления будут действовать подобно какофонической музыке и вызовут у соседей ненависть к вам.

Вопрос: Что же я должен делать?

Ответ: Есть два вида деланья: автоматическое деланье и деланье в соответствии с целью. Возьмите какую-нибудь небольшую вещь, которую вы сейчас не в состоянии делать, и превратите ее в свою цель, в своего идола. Пусть ничто вам не мешает, имейте только эту цель. Если вам удастся сделать это, я дам вам более значительную задачу. Сейчас вы чувствуете желание делать слишком большие для вас вещи: это ненормальное желание. Вы никогда не сможете сделать их, и такое желание удерживает вас от того, чтобы делать небольшие вещи, которые вы могли бы делать. Уничтожьте это желание, забудьте о больших вещах. Поставьте своей целью уничтожение какой-нибудь мелкой привычки.

Вопрос: Кажется, самый худший мой недостаток - чрезмерная разговорчивость. Если я постараюсь говорить поменьше, будет ли это хорошей задачей?

Ответ: Для вас - несомненно. Вы все портите своими разговорами. Эти разговоры создают преграды вашим делам. Когда вы слишком много разговариваете, из ваших слов исчезает весомость. Постарайтесь преодолеть эту привычку. Если вы сумеете это сделать, на вас изольются многие благословения. В самом деле, задача очень хорошая. Но это большая вещь, а не маленькая. Обещаю вам, что если вы добьетесь этого, даже если меня здесь не будет, я узнаю о вашем достижении и пошлю вам помощь, чтобы вы знали, что вам делать дальше.

Вопрос: А если проявлять терпимость к проявлениям других? Будет ли эта задача хорошей?

Ответ: Терпеливо выносить проявления других - это великая вещь, последняя вещь для человека. На нее способен лишь совершенный человек. Начните с того, чтобы сделать своей целью, или своим идиолом, способность переносить какое-нибудь одно проявление одного лица, которое вы сейчас не в состоянии вынести без нервозности. Если вы "захотите", вы "сможете". Без "хотенья" вы никогда не "сможете". Желание - самая могучая вещь в мире. Все происходит благодаря сознательному желанию.

Вопрос: Я часто вспоминаю свою цель, но у меня не хватает энергии делать то, что я считаю нужным.

Ответ: Человек не имеет энергии для выполнения намеренных целей, потому что вся его сила, приобретенная ночью, во время пассивного состояния, растрачивается на отрицательные проявления. Это автоматические проявления, противоположные положительным, волевым проявлениям.

Для тех из вас, кто уже способен автоматически вспоминать свою цель, но не имеет силы добиться ее, я рекомендую следующую практику. Посидите в уединенном месте, по крайней мере, час. Расслабьте все мускулы. Дайте свободу течению ассоциаций, но не поддавайтесь им. Скажите им так: если вы позволите мне сейчас сделать то, что я хочу, позднее я удовлетворю ваши желания. Смотрите на свои ассоциации, как если бы они принадлежали кому-то другому, удерживайтесь от отождествления с ними.

В конце часа возьмите кусочек бумажки, напишите на нем свою цель. Сделайте эту бумажку своим идиолом. Все прочее для вас не имеет значения. Вынимайте ее из кармана, постоянно перечитывайте, повторяйте это ежедневно.

Таким образом она станет частью вас, сначала теоретически, а потом и на самом деле. Для приобретения энергии практикуйте это упражнение в спокойном сидении и полном расслаблении мышц, как если бы они были мертвы. Примерно через час, когда все в вас успокоится, принимайте решение касательно своей цели. Не позволяйте своим

ассоциациям поглотить себя. Поставить себе намеренную цель и осуществить ее - это дает магнетизм, способность "делать".

Вопрос: А что такое магнетизм?

Ответ: Человек обладает двумя субстанциями: субстанцией активных элементов физического тела и субстанцией активных элементов астрального тела. Обе субстанции, смешиваясь, образуют третью; такая смешанная субстанция собирается в отдельных частях человеческого тела, а также образует вокруг него особую атмосферу, подобную атмосфере вокруг планеты. Атмосфера разных планет постоянно приобретает или теряет те или иные субстанции вследствие влияния других планет. Так и человек, окруженный другими людьми, подобен планете, окруженной другими планетами. В известных пределах, когда встречаются две атмосферы, которые являются "симпатическими", между ними образуется связь, возникают законные следствия. Нечто проистекает. Объем атмосферы остается прежним, но качество ее меняется. Человек может управлять своей атмосферой. Она, как электричество, имеет отрицательную и положительную части. Одну часть можно увеличить и заставить ее течь в виде тока. Все имеет положительное и отрицательное электричество. Желания и нежелания человека могут быть положительными и отрицательными. Астральный материал всегда противостоит физическому материалу.

В древности священнослужители излечивали болезнь благословением. Некоторым из них приходилось возлагать на больного руки: одни могли исцелять вблизи, другие - на расстоянии. "Священнослужитель" - это человек, который смешивает субстанции и излечивает других. Он - магнетизер. У больных не хватает смешанных субстанций, не хватает магнетизма, "жизни". Эту "смешанную субстанцию", если она сконцентрирована, можно увидеть. Аура, или сияние, реальная вещь; иногда ее можно видеть в святых местах или в церквях. Месмер заново открыл применение этой субстанции.

Чтобы применять эту субстанцию, вы должны сперва ее приобрести. Она тождественна вниманию и приобретается лишь посредством сознательной работы и намеренного страдания, посредством добровольного деланья мелочей. Сделайте какую-нибудь небольшую цель своим идолом, и вы устремитесь к приобретению магнетизма. Подобно электричеству, магнетизм можно сконцентрировать и направить по течению. В подлинной группе дают настоящий ответ на этот вопрос.

Смысл страдания.

Нью-Йорк, 22 февраля 1924 г.

Одна из этих субстанций формируется, когда мы страдаем. А страдаем мы всякий раз, когда лишены механического спокойствия. Есть разные виды страдания. Например, я хочу что-то вам сказать, но чувствую, что лучше ничего не говорить. Одна сторона хочет сказать, другая хочет хранить молчание. Борьба производит некоторую субстанцию. Постепенно эта субстанция собирается в определенном месте.

Вопрос: Что такое вдохновение?

Ответ: Вдохновение - это ассоциация. Это работа одного центра. Вдохновение - дешевая вещь, поверьте мне. Только конфликт, спор может привести к какому-то результату.

Везде, где существует активный элемент, есть и пассивный элемент. Если вы верите в Бога, вы верите и в дьявола. Все это не имеет ценности. Хороший вы человек или плохой это не важно. Только конфликт между двумя сторонами имеет какую-то важность. Когда в вас многое накопилось, может проявиться что-то новое.

В любой момент внутри вас возможен конфликт. Вы никогда не видите себя и поверите тому, что я говорю, только тогда, когда начнете вглядываться в себя - тогда вы увидите. Если вы попытаетесь делать что-то такое, что делать не хочется, вы будете страдать. И если вам хочется что-то сделать, а вы не делаете, вы тоже страдаете.

То, что вам нравится, хорошее или плохое, имеет одну и ту же ценность; добро - относительное понятие. Только если вы начнете работать, возникнут ваши добро и зло. Вопрос: Конфликт между двумя желаниями ведет к страданию. А ведь некоторые страдания приводят в сумасшедший дом. Ответ: Страдания бывают разные. Начнем с того, что разделим их на два вида: первый - бессознательное страдание; второй - сознательное.

Страдание первого рода не дает результатов. Например, когда вы страдаете от голода, потому что у вас нет денег на хлеб. А вот если у вас есть хлеб, и вы не едите его и страдаете, - это лучше.

Если вы страдаете в каком-то одном центре, мыслительном или эмоциональном, вы попадаете в сумасшедший дом.

Страдание должно быть гармоничным. Должно существовать соответствие между грубым и тонким, иначе что-нибудь может сломаться.

У вас много центров: не три, не пять, не шесть, а больше. Между ними есть такое место, где может происходить спор. Всякое равновесие можно нарушить. Вы построили дом; но равновесие оказалось нарушенным, дом падает, и все разрушается.

Я сейчас объясняю вещи теоретически, для того чтобы иметь материал для взаимопонимания.

Делать какое-то, хотя бы и небольшое, дело - это значительный риск. Страдание может иметь серьезные результаты. Сейчас я говорю о страдании теоретически, для понимания, но поступаю так только сейчас. В Институте не думают о будущей жизни, в нем думают только о завтрашнем дне. Человек не может видеть, не может верить. Только когда он знает себя, знает свою внутреннюю структуру, только тогда он способен видеть. А сейчас мы учимся лишь внешним образом.

Можно изучать Солнце и Луну. Но человек внутри себя имеет все. Внутри меня есть Солнце, Луна, Бог. Я - это вся жизнь в ее полноте.

Для того, чтобы понимать, необходимо знать самого себя.

Правильная работа.

"Аббатство", 17 января 1923 г.

...Повторяю, что до настоящего времени вы не работаете как люди и, тем не менее, имеете возможность научиться работать по-человечески. Работать как человек - значит работать так, чтобы работающий понимал, что он делает, думал о том, почему и зачем он делает сейчас то или другое, как нужно было это сделать вчера, как он сделает это завтра, как это делается обычно, нет ли лучшего способа. Если человек работает правильно, ему удастся работать все лучше и лучше. Но когда работает существо с двумя мозгами, между его вчерашней, завтрашней и сегодняшней работой нет никакой разницы.

За все время нашей работы ни один человек не работал по-человечески. А для Института существенно, чтобы вы работали именно так. Каждый должен работать за себя, потому что другие ничего за него не сделают. Если вы, скажем, способны набить папиросу как человек, то вы уже знаете, как соткать ковер. Человеку дан весь необходимый аппарат для того, чтобы он мог делать все. И каждый может сделать все то, что могут сделать другие. Если может один, могут и все. Гений, талант - все это чепуха. Секрет прост делать вещи как человек. Тот, кто может думать и делать вещи как человек, может сделать любую вещь не хуже, чем другой человек, который делает ее всю свою жизнь, но не по-человечески. То, чему один выучился в десять лет, другой узнает в два-три года и затем делает это лучше, чем тот, кто истратил на работу всю свою жизнь. Я встречал людей, которые до учения всю жизнь работали не так, как люди; но когда они научились, они легко стали выполнять самую трудную, самую тонкую, а также самую грубую работу, которой никогда раньше не знали. Секрет невелик и очень прост: нужно научиться работать как человек. А это значит: когда человек делает какую-то вещь, он одновременно думает о

том, что он делает, исследует вопрос о том, как нужно делать эту работу, во время работы забывает обо всем - о бабушке, о дедушке, о еде.

Вначале это очень трудно. Я дам вам теоретические указания, как нужно работать; остальное зависит от вас, от каждого отдельного человека. Но предупреждаю вас, что я скажу лишь столько, сколько вы вложите в практику. Чем больше будет вложено в практику, тем больше я скажу. Даже если люди работают так всего час, я буду говорить им столько необходимо, двадцать четыре часа, если потребуется. А что касается тех, кто будет продолжать работу как раньше, - ну их к дьяволу.

Разрушение привычки.

"Аббатство", 12 июня 1923 г. (Отрывки из бесед)

"Мы никогда не завершаем того, что собирались сделать, как в больших, так и в малых делах. Мы идем смотреть и возвращаемся делать. Подобным же образом саморазвитие невозможно без дополнительной внешней силы, а также без толчка изнутри".

"Мы всегда используем больше энергии, чем это необходимо; мы напрягаем ненужные для работы мускулы; мы позволяем мыслям вертеться; мы реагируем с чрезмерной силой чувств. Расслабьте мускулы, пользуйтесь только теми, которые необходимы; сдерживайте мысли и не выражайте чувства, когда не хотите этого. Пусть вас не затрагивают внешние воздействия, ибо они сами по себе безвредны; это мы позволяем себе чувствовать себя оскорбленными".

"Тяжелая работа - это вклад энергии с хорошими процентами. Сознательное употребление энергии - оплата вклада, а автоматическое ее употребление - бесполезный расход". "Когда тело восстает против работы, быстро наступает усталость; но отдыхать не следует, потому что это будет победой тела. Когда тело желает отдохнуть, не отдыхайте; когда ум знает, что ему нужно отдохнуть, отдохните; нужно только знать и различать язык тела и ума и быть честным". "Без борьбы нет прогресса, нет результатов; всякое разрушение привычки производит перемену в машине".

Энергия и сон

"Аббатство", 30 января 1923 г.

Вы, вероятно, слышали на лекциях, что за каждые двадцать четыре часа наш организм вырабатывает определенное количество энергии для своего существования. Повторяю: определенное количество. Это количество гораздо больше, чем требуется для нормального расходования, но, поскольку наша жизнь неправильна, мы расходует большую ее часть, а иногда и всю энергию целиком - и расходует непроизводительно.

Один из главных факторов потребления энергии - это наши ненужные движения, совершающиеся в повседневной жизни. Впоследствии, на основании некоторых экспериментов вы увидите, что большая часть этой энергии тратится как раз тогда, когда мы совершаем менее активные движения. Например, сколько энергии расходует человек за день, целиком отданный физической работе? Много. Однако он истратит ее гораздо больше, если будет сидеть и ничего не делать. Наши крупные мускулы потребляют меньше энергии, потому что они менее приспособлены к реагированию на импульсы: их можно привести в движение только при помощи значительной силы. Например, сейчас я сижу здесь, и вам кажется, что я не двигаюсь. Но это не значит, что я не трачу энергии. Каждое движение, каждое напряжение, значительное или незначительное, возможно только благодаря трате энергии. Смотрите, рука напряжена, а я не двигаюсь. Однако я трачу сейчас больше энергии, чем если бы двигал ею вот так... (Демонстрирует.)

Это очень интересная вещь, и вы должны постараться понять то, что я говорю об импульсах. Когда я делаю внезапное движение, энергия течет внутрь мускулов: но когда я повторяю это движение, импульс более не забирает энергию. (Демонстрирует.) В тот мо-

мент, когда энергия дала первоначальный толчок, поток энергии прекращается, и руководство движением берет на себя импульс.

Напряжение требует энергии. Если напряжение отсутствует, расходуется меньше энергии. Если моя рука напряжена так, как сейчас, требуется постоянный приток энергии; а это значит, что она связывается с аккумуляторами. Если я двигаю рукой таким образом и делаю это с перерывами, я трачу энергию.

Если человек страдает от хронического напряжения, то, даже если он ничего не делает, допустим, просто лежит, он расходует больше энергии, чем тот, кто тратит целый день на физическую работу. Но человек, не имеющий этих незначительных физических напряжений, не растрчивает понапрасну энергию, когда не работает или не двигается.

Теперь мы должны спросить себя, много ли среди нас людей, которые свободны от этой ужасной болезни? Почти все мы (мы говорим не о людях вообще, а о присутствующих; остальные нас не интересуют), почти все мы имеем эту восхитительную привычку.

Нам необходимо помнить, что энергия, о которой мы сейчас так просто и легко говорим, которую так быстро, без необходимости, произвольно тратим, - эта самая энергия нужна для работы, которой мы намерены заняться и без которой ничего не сможем добиться.

Больше энергии мы не получим; ее приток в организм не увеличится; машина останется такой же, какой она создана. Если машина устроена на производство тока в десять ампер, она будет производить ток в десять ампер. Силу тока можно увеличить только в том случае, если изменить диаметр, провода и количество его витков. Например, один виток представляет собой нос, другой - ногу, третий - цвет лица или размеры желудка. Таким образом, машину изменить нельзя, ее устройство остается прежним. Количество энергии, которое она производит, постоянно; и даже если машину эксплуатировать правильно, это количество возрастет лишь незначительно.

То, что мы намерены делать, требует большого количества энергии и определенных усилий. Эти усилия также потребуют много энергии. С усилиями, которые мы совершаем сейчас, с таким щедрым расходом энергии, сделать то, что мы планируем, невозможно.

Итак, с одной стороны, нам требуется большое количество энергии, с другой же - наша машина устроена таким образом, что не в состоянии произвести больше. Где же выход? Единственный выход, единственный метод, единственный возможный способ - экономить ту энергию, которую мы имеем. Поэтому, если мы хотим иметь много энергии, когда она нам потребуется, мы должны научиться экономить всюду, где только можно.

Достоверно известно: один из главных источников утечки энергии - наше произвольное напряжение. Существуют и другие виды утечки энергии, но исправить их гораздо труднее, чем первый. Поэтому мы начнем с самого легкого, с простейшей задачи - с того, чтобы избавиться от этой утечки.

Сон человека - не что иное, как разрыв связи между центрами. Центры человека никогда не спят. Поскольку ассоциации составляют их жизнь, их движение, они никогда не прекращаются, никогда не останавливаются. Остановка ассоциаций означает смерть. Движение ассоциаций не прекращается ни в одном центре, ни на одно мгновение; оно протекает даже во время глубочайшего сна.

Если человек в состоянии бодрствования видит, слышит, чувствует свои мысли, то и в состоянии полусна он также видит, слышит, чувствует свои мысли и называет это состояние сном. Даже когда он думает, что абсолютно перестал что-либо видеть или слышать - и тоже называет это состояние сном, - даже тогда движение ассоциаций продолжается.

Единственная разница здесь - в силе связей между одним и другим центром.

Память, внимание, наблюдение - это не более, чем наблюдение одного центра за другим; один центр как бы смотрит на другой. Следовательно, самим центрам остановка и сон не нужны; сон не приносит центрам ни вреда, ни пользы. Так называемый сон предназначен не для того, чтобы дать центрам отдых. Как я уже сказал, глубокий сон приходит тогда, когда прервана связь между центрами. Действительно, глубокий сон, полный отдых для машины - это такой сон, когда прекращаются функции всех связей, всех звеньев. У нас несколько центров, поэтому так много связей - пять связей.

Для нашего бодрственного сознания характерно то обстоятельство, что все эти связи остаются нетронутыми. Если же одна из них прервана или перестала функционировать, тогда мы и не спим, и не бодрствуем.

Одно звено выпало - и мы более не спим, но и не бодрствуем. Если выпало два звена, мы бодрствуем еще меньше, но опять-таки не спим. Если выпало еще одно, мы не бодрствуем и все еще не спим по-настоящему - и так далее.

Следовательно, существуют градации между бодрственным состоянием и сном. Говоря об этих градациях, мы берем средние данные: есть люди с двумя связями, другие имеют их семь. Мы взяли для примера пять - это не совсем точно. Таким образом у нас получается не два состояния, как мы думали, из которых одно - это бодрствование, а другое сон, а несколько состояний. Между самым активным и напряженным состоянием, в котором только можно находиться, и самым пассивным состоянием сомнамбулического сна существуют определенные градации. Если разрушается одно из звеньев, это на поверхности еще не заметно и окружающими не отмечается. Есть люди, у которых способность двигаться, ходить, жить прекращается лишь тогда, когда прерваны все связи между центрами: есть и такие, для которых достаточно прервать две связи, чтобы заснуть. Если мы расположим между сном и состоянием бодрствования семь связей, то найдутся люди, которые продолжают жить, разговаривать, ходить, находясь в третьей степени сна.

Глубокие состояния сна одинаковы для всех, но промежуточные степени зачастую являются субъективными.

Существуют даже "чудесные" случаи, когда люди проявляют наибольшую активность при разрыве одной или нескольких связей. Если такое состояние стало привычным для человека в силу его воспитания, если он приобрел в этом состоянии все, что имеет, то на нем построена вся его деятельность, и потому он не может быть активным при отсутствии этого состояния.

Для вас лично активное состояние относительно - вы можете быть активным в некотором состоянии. Но существует объективное активное состояние, когда все связи остаются нетронутыми; существует и субъективная активность в свойственном ей состоянии.

Итак, имеется много степеней сна и бодрствования. Активное состояние - это такое состояние, когда мыслительная способность и внешние чувства работают в полную мощность и с полной нагрузкой. Нас должны особо интересовать объективное, т.е. подлинное, состояние бодрствования и объективный сон. "Объективный" - это значит фактически активный или пассивный. Лучше не стараться самому быть таким, следует только понять.

Во всяком случае, каждому следует уяснить, что цель сна достигается тогда, когда прерваны все связи между центрами. В этом случае машина способна производить то, что вызывает сон. Таким образом, слово "сон" означает состояние, когда все связи между центрами прерваны.

Глубокий сон - такое состояние, когда мы не видим никаких сновидений и ничего не ощущаем. Если люди видят сны, это значит, что одна из связей осталась нетронутой, поскольку память, внимание и ощущение - не более, как наблюдение одного центра над другим. Следовательно, когда вы видите и помните то, что происходит внутри вас, это

значит, что один центр наблюдает за другим. И если он способен наблюдать, значит, существует нечто, позволяющее производить такое наблюдение, т.е. связь не прервана.

Таким образом, если машина находится в полном порядке, ей требуется совсем немного времени для производства того количества материала, для которого предусмотрен сон; во всяком случае, это время меньше того, что мы привыкли тратить на сон. То, что мы называем "сном", когда спим от семи до десяти часов или Бог знает сколько, - это не сон. Большая часть этого времени тратится не на сон, а на переходные состояния, на ненужное состояние полусна. Некоторым людям требуется несколько часов, чтобы заснуть, а потом несколько часов, чтобы прийти в себя. Если бы мы засыпали немедленно и так же быстро переходили от сна к бодрствованию, мы тратили бы на этот переход треть или четверть того времени, которое тратим сейчас. Но мы не знаем, как самим прервать эти связи; и у нас они прерываются и восстанавливаются механически.

Мы остаемся рабами этого механизма. Когда "чему-то" захочется, мы переходим в другое состояние, когда нет - нам приходится лежать и ждать, пока "что-то" даст нам разрешение на отдых.

Эта механичность, это ненужное рабство и нежелательная зависимость имеет несколько причин. Одна из них - состояние хронического напряжения, о котором мы говорили вначале и которое является фактором утечки нашей резервной энергии. Как видите, освобождение от хронического напряжения служит двойной цели: во-первых, мы сохраним больше энергии; во-вторых, избавимся от бесполезного лежания в ожидании сна. Итак, вы видите, какая это простая вещь, как легко ее достичь, как она необходима. Освободиться от напряжения - дело огромной важности.

Позднее я дам вам для этой цели несколько упражнений. Советую отнестись к ним очень серьезно и постараться получить от них то, что они могут дать.

Необходимо любой ценой научиться избегать напряженности, когда в ней нет нужды. Когда вы сидите и ничего не делаете, пусть ваше тело спит. Когда вы спите, делайте это таким образом, чтобы спало все ваше существо.

Как продлить жизнь?

Нью-Йорк, 15 марта 1924 года.

Вопрос: Существует ли какой-нибудь способ продлить жизнь?

Ответ: Разные школы предлагают множество теорий продления жизни; этим заняты многие системы. До сих пор существуют доверчивые люди, которые верят даже в эликсир жизни.

Объясню схематично, как я понимаю этот вопрос.

Вот часы. Вам известно, что есть часы разных марок. На моих часах главная пружина рассчитана на двадцать четыре часа; через двадцать четыре часа они перестают работать. Часы других марок могут идти неделю, месяц, может быть, даже год.

Но механизм завода всегда рассчитан на определенное время - и остается таким, каким его сделал часовой мастер.

Вы, вероятно, видели, что часы имеют регулятор скорости; если привести его в действие, часы пойдут медленнее или быстрее. Если совсем убрать его, главная пружина очень (быстро раскрутится, и завод, рассчитанный на двадцать четыре часа, израсходуется за три-четыре минуты. И наоборот, часы могут идти неделю или месяц, хотя система их хода рассчитана на двадцать четыре часа.

Люди подобны часам. Наша система уже установлена, у каждого человека свои пружины. При разной наследственности бывают разные системы организма. Например, у одного человека система рассчитана на семьдесят лет. Когда главная пружина раскрутилась, жизнь подходит к концу. У другого механизм рассчитан на сто лет; похоже, что его изготовил другой мастер.

Таким образом, каждый человек имеет свое время жизни, и мы не можем изменить свою систему. Каждый человек остается таким, каким он сделан, и длительность нашей жизни изменить нельзя; пружина раскручивается, мне приходит конец. У некоторых людей пружина может раскручиваться всего одну неделю. Длительность жизни predeterminedлена при рождении, и если мы думаем, что можем что-то здесь изменить, это чистое воображение. Чтобы это удалось, пришлось бы изменить все - наследственность, своего отца, даже свою бабушку! Для такой операции время уже слишком позднее.

Наш механизм нельзя изменить искусственно, и все же возможность жить дольше есть. Я сказал, что можно заставить главную пружину раскручиваться вместо двадцати четырех часов целую неделю. Или устроить наоборот: система рассчитана на пятьдесят лет, а сделать так, чтобы главная пружина раскрутилась за пять или шесть лет.

У каждого человека есть такая главная пружина - это наш механизм. Раскручивание этой пружины - наши впечатления и ассоциации.

Только у нас две или три скрученные пружины - столько же, сколько имеется центров. Центры соответствуют пружинам. Например, ум - это пружина; наши умственные ассоциации имеют определенную длину; мышление напоминает раскручивание катушки ниток. Нить на каждой катушке имеет определенную длину. Когда я думаю, нить разматывается; в моей катушке пятьдесят метров нити, а в его - сто. Сегодня я истратил пять метров, завтра - два, столько же послезавтра; и когда пятьдесят метров подходят к концу, подходит к концу и моя жизнь. Длину нити изменить нельзя.

Но точно так же, как можно за десять минут раскрутить главную пружину, заведенную на двадцать четыре часа, можно очень быстро истратить и самую жизнь. Единственная разница в том, что в часах обычно одна пружина, а у человека их несколько. Каждому центру соответствует пружина определенной длины. Когда раскрутилась одна пружина, человек может продолжать жить. Например, его мышление рассчитано на семьдесят лет, а чувства - на сорок. Поэтому после сорока лет он продолжает жить без чувств. Но раскручивание пружин можно ускорить или замедлить. Здесь нельзя ничего выработать; единственное, что остается - это экономить. Время пропорционально потоку ассоциаций; оно относительно.

Каждый легко припомнит следующие факты. Например, вы сидите дома; вы спокойны. Вы чувствуете, что просидели так пять минут, но часы показывают, что прошел уже час. В другой раз вы кого-то ждете на улице, вы беспокоитесь, придет ли этот человек, вы думаете, что прождали час, тогда как прошло всего пять минут. Это происходит потому, что в течение данного промежутка времени у вас было много ассоциаций: вы думали о том, почему не приходит этот человек, не попал ли он под автомобиль и т.п.

Чем более вы сосредоточены, тем быстрее идет время. Час может пройти незаметно, потому что когда вы сосредоточены, у вас очень мало ассоциаций, мало мыслей, мало чувств; и время кажется коротким.

Время субъективно; оно измеряется ассоциациями. Когда вы сидите не сосредоточившись, время кажется долгим. Вне нас времени нет, время существует для нас только как внутреннее переживание.

Ассоциации продолжаются в других центрах так же, как и в мыслительном центре.

Секрет продления жизни зависит от способности расходовать энергию наших центров медленно и только преднамеренно. Научитесь мыслить сознательно, это приводит к экономному расходованию энергии. Не спите.

Сущность и личность.

Америка, 29 марта 1929 г.

...Вам необходимо понять, что в каждом человеке есть две совершенно отдельные части, как бы два разных человека - его сущность и его личность.

Сущность - это "я", наша наследственность, наш тип, характер, природа.

Личность - случайная вещь: воспитание, образование, взгляды, т.е. все внешнее. Это как одежда, которую вы носите; ваша искусственная маска, результат вашего воспитания, влияний вашего окружения, мнений, состоящих из информации и знаний: такие мнения ежедневно меняются, одно из них аннулирует другое.

Сегодня вы убеждены в одном, верите этому и желаете этого. Завтра под воздействием другого влияния ваше убеждение и ваши желания становятся другими. Весь материал, составляющий вашу личность, можно полностью изменить при помощи искусственных способов или случайно, вместе с переменой окружающих вас условий и места. Такая перемена может произойти за очень короткое время.

Сущность не меняется. Например, у меня смуглая кожа, и я останусь таким, каким родился. Это принадлежность моего типа.

Когда мы говорим здесь о развитии и изменении, мы говорим о сущности. Личность пребывает в рабстве; она способна измениться очень быстро, буквально за полчаса. Например, посредством гипноза можно изменить ваши убеждения. Это возможно потому, что они чужды вам, не являются вашей собственностью. А то, что относится к нашей сущности, - это наша собственность.

Мы всегда создаем мнения внутри сущности. Всякое влияние механично возбуждает соответствующее мнение. Вы можете любить меня механически; и таким образом механически регистрируете это впечатление обо мне. Но это не вы. Это впечатление приходит не от сознания; оно приходит механически. Симпатия и антипатия - это вопрос соответствия типов; глубоко внутри вы любите меня, и, хотя знаете умом, что я - плохой человек, что я не заслуживаю вашего расположения, вы не в состоянии разлюбить меня. Или еще: вы можете видеть, что я хороший человек, но вы меня не любите и таким образом дело остается на прежнем месте.

Но можно и не создавать внутренних мнений. В настоящее время вы не способны сделать это, потому что ваша сущность представляет собой функцию. Сущность состоит из многих центров, но личность имеет только один центр - формирующий аппарат.

...Дело в том, чтобы восстановить утраченное, не приобретать ничего нового. Это цель развития. Для этого необходимо различать сущность и личность, разделять их. Когда вы научитесь этому, вы увидите, что и как изменить. Тем временем у вас остается лишь одна возможность - учиться. Вы слабы, зависимы, пребываете в рабстве. Трудно вот так, сразу разрушить привычки, накопившиеся за целые годы. Позднее удастся заменить некоторые привычки другими, которые также будут механическими. Человек всегда зависит от внешних влияний; но некоторые влияния мешают ему, а некоторые нет.

Начнем с того, что нам необходимо подготовить условия для работы; таких условий много. В настоящее время вы можете только наблюдать и собирать материал, который полезен для работы; вы не в состоянии различать, откуда исходят ваши проявления - от сущности или от личности. Но если вы станете тщательно смотреть, вы, возможно, впоследствии поймете это. Пока вы собираете материал, вы не можете ничего увидеть: обычно у человека бывает лишь одно внимание, направленное на то, что он делает. Его ум не видит чувств и наоборот.

Для наблюдения необходимо многое, и прежде всего искренность с самим собою. Это очень трудно; гораздо легче быть искренним с другим. Человек боится увидеть что-то плохое, боится, что, заглянув случайно глубоко в себя, он увидит собственную дрянь, свое ничтожество. Мы имеем привычку отгонять мысли о себе, потому что боимся угрызений совести. Искренность может оказаться ключом, который откроет дверь, и сквозь нее одна часть нашего существа увидит другую. Обладая искренностью, человек способен смотреть и что-то увидеть. Искренность с самим собой очень трудна, потому что сущность об-

росла толстой коркой. Год за годом человек надевает на себя новую одежду, новую маску. Все это необходимо постепенно удалить; мы должны освободить себя, раскрыться. До тех пор, пока человек не раскроется, он не увидит. Есть одно упражнение, очень полезное в начале работы, оно помогает нам видеть себя, собирать материал. Это упражнение заключается в том, чтобы войти в положение другого человека. Нужно принять его как задачу. Объясню, что я имею в виду. Возьмем простой факт. Я знаю, что к завтрашнему дню вам нужны сто долларов, а вы их не достали, пробовали достать, но неудачно. Вы удручены. Ваши мысли и чувства заняты этой проблемой. Вечером вы сидите здесь, на лекции: одна ваша половина продолжает думать о деньгах. Вы невнимательны, нервны. Если бы я был груб с вами в другой раз, вы бы не рассердились так, как сегодня. Возможно, завтра, когда вы достанете деньги, вы над собой посмеетесь. И вот, увидев, что вы сердитесь, я, зная, что вы не всегда бываете таким, пытаюсь войти в ваше положение. Я спрашиваю себя, как бы я поступил на вашем месте, если бы кто-то проявил ко мне грубость. Часто задавая себе этот вопрос, я скоро пойму, что если грубость вас рассердила или оскорбила, значит, в тот момент для этого имелась какая-то причина. Я скоро пойму, что все люди похожи друг на друга, и никто из них не бывает всегда хорошим или всегда плохим. Все мы одинаковы: как меняюсь я, так меняется и другой. Если вы поймете это и хорошо запомните, если вы подумаете о своей задаче и станете выполнять ее в нужное время, вы обнаружите много нового в себе и в своем окружении, много такого, чего раньше не видели. Это первый шаг.

Второй шаг - практика в сосредоточенности. Благодаря этому упражнению, вы сможете достичь другого. Самонаблюдение очень трудно, но может дать многое, большой материал. Если вы помните, как вы проявляете себя, как желаете, как регулируете, как чувствуете, вы узнаете многое. Иногда сразу же сумеете понять, что такое мысль, что такое чувство, что такое тело.

Каждая наша часть находится под разными влияниями; и если мы освобождаемся от одного, то становимся рабами другого. Например, я могу достичь свободы в сфере ума, но не в силах изменить эманаций своего тела - тело реагирует иначе. Человек, сидящий около меня, воздействует на меня своими эманациями. Я знаю, что мне следует быть с ним вежливым, но испытываю к нему антипатию. Каждый центр имеет свои собственные эманации, и временами от них нет спасения. Очень полезно сочетать упражнения в том, чтобы ставить себя на место другого, с самонаблюдением.

Но мы все забываем и вспоминаем только "задним числом". В нужный момент наше внимание оказывается занято, например, тем, что нам не нравится этот человек, и мы с этим чувством ничего не можем поделать. Но факты забывать не следует: их надо регистрировать в памяти. Вкус переживания сохраняется лишь в течение некоторого времени. Оставленные без внимания, проявления исчезают. Нужно отмечать происходящее в памяти, иначе вы все забудете. А ведь мы хотим - не забывать. Есть много вещей, которые редко повторяются. Случайно вы что-то увидели; но если не закрепить увиденное в памяти, вы забудете его и утратите. Если вы хотите "узнать Америку", вам необходимо запечатлеть ее в памяти. Сидя в комнате, вы ничего не увидите; нужно наблюдать жизнь. В своей комнате вы не сумеете стать мастером. Человек может быть сильным в монастыре, но слабым в жизни, а мы нуждаемся в силе для жизни. Например, в монастыре человек может неделю обходиться без пищи, а в жизни он не способен обойтись без нее и трех часов. Какой в таком случае толк от его упражнений?

Три силы и экономия

"Аббатство", 23 мая 1923 г.

Человек наделен силами трех видов. Каждый вид независим по своей природе, каждый имеет собственные законы и строение, но источники их формирования одни и те же.

Первая сила - так называемая физическая сила. Ее количество и качество зависят от устройства человеческой машины и ее тканей.

Вторая сила - психическая сила. Ее качество зависит от мыслительного центра человека и содержащегося в нем материала. "Воля" и прочие сходные с ней качества суть функции этой силы.

Третья сила называется моральной силой. Она зависит от воспитания и наследственности.

Первые две силы легко изменить, потому что они легко формируются. Зато моральная сила, формирующаяся в течение долгого времени, очень трудно поддается изменению.

Если человек обладает здравым смыслом и логикой, любое действие может изменить его мнение и "волю". Но изменение его природы, т.е. моральных устоев, требует длительного давления.

Все эти три силы материальны. Их количество и качество зависит от количества и качества того, что их производит. Человек обладает большей физической силой, если у него больше мускулов: например, А. может поднять больше, чем Б. То же самое относится к психической силе - она зависит от количества материала и данных человека.

Сходным образом, человек имеет большую моральную силу, если условия его жизни включают влияние многих идей, религии, чувств. Так что для каких-то изменений в этой области нужно прожить долгую жизнь.

Например, А. не может поднять столько же, сколько может Б. Конечно, силу женщины можно увеличить, однако не до уровня сил здорового, нормального мужчины. И так во всем.

Моральные и психические силы также относительны. Например, часто говорят, что человек способен перемениться. Однако он остается тем, что он есть, каким был создан природой. Даже в случае физической силы человек не в состоянии измениться; все, что он может сделать - это накопить силу, если ему нужно ее увеличить. А если мы говорим о больном человеке, который только что выздоровел, он, конечно, будет другим.

Итак, мы видим, что производителя энергии изменить нельзя, он остается таким же; но увеличить объем продукции можно. Благодаря экономии и правильному расходу можно увеличить все три силы. Если мы научимся этому, мы чего-то достигнем.

Итак, человек способен увеличить все три силы, если научится экономному и правильному их расходованию. Умение экономить, знание правильного способа траты энергии делает человека в сто раз более сильным, чем какой-нибудь атлет. Если бы Г. знала, как сберечь и как расходовать энергию, она была бы в сто раз сильнее К., даже физически. И так во всем. Можно практиковать экономию в делах психики и морали.

А сейчас давайте рассмотрим физическую силу. Несмотря на то, что вы пользуетесь другими словами и говорите о других предметах, никто из вас не знает, как надо работать. Вы без нужды тратите много сил, не только когда работаете, но и когда ничего не делаете. А вы можете экономить энергию - не только при сидении, но и во время работы. Вы сделаете в пять раз более тяжелую работу и затратите в десять раз меньше энергии. Например, когда Б. работает молотком, он наносит удар всем своим телом. Если, допустим, он тратит при этом десять фунтов силы, на молоток уходит только один фунт, а девять расходуются совершенно напрасно. Чтобы получить лучшие результаты, молотку требуется два фунта силы, а Б. дает ему половину этого количества. Вместо пяти минут он тратит на работу десять, вместо одного фунта угля сжигает два. Таким образом, он не работает как следует.

Сядьте так, как сажу я. сожмите кулаки и постарайтесь напрячь мускулы как можно сильнее, но только в кулаках. Видите, каждый делает это по-своему: один напрягает ноги, другой - спину.

Обратите внимание на это упражнение, и вы сумеете выполнить его не так, как действуете обычно. Научитесь стоя, сидя и лежа напрягать правую или левую руку. (Обращается к М.) Встаньте и напрягите руку, а остальное тело расслабьте. Попробуйте лучше понять это в процессе практики. Когда вы что-то тянете, старайтесь отличить напряжение от противодействия.

Сейчас я шагаю без напряжения, стараясь лишь сохранять равновесие. Если я остановлюсь, я начну качаться. И вот я хочу шагать, не затрачивая на это никаких усилий. Я лишь даю первоначальный толчок, остальное происходит в силу первичного импульса. Таким образом я двигаюсь по комнате, не растрачивая силы. Чтобы сделать это, вы должны позволить движению совершаться самопроизвольно; оно не должно от вас зависеть. Раньше я сказал кому-то, что, если он регулирует свою скорость, это значит, что он напрягает мускулы.

Попробуйте расслабить все, кроме ног, и шагайте. Обратите особое внимание на то, чтобы держать тело пассивным: но голова и лицо должны быть живыми. Язык и глаза должны говорить.

Целый день, на каждом шагу мы чем-то обеспокоены, нам что-то нравится, что-то ненавистно и так далее. И вот теперь мы сознательно расслабляем некоторые части тела и сознательно напрягаем другие. Это упражнение мы должны выполнять с удовольствием. Выполнить его способен так или иначе любой из вас: пусть все будут уверены, что чем чаще вы его практикуете, тем лучше будете выполнять. Все, что вам нужно, - это практика; вы должны только хотеть и делать. Желание приносит возможности. Я говорю здесь о физических явлениях.

Начиная с завтрашнего дня пусть каждый начнет практиковать еще одно упражнение: если вы чем-то глубоко задеты, проследите, чтобы ваше настроение не распространялось по всему телу. Контролируйте свою реакцию, не позволяйте ей распространяться.

Допустим, передо мной возникла проблема: кто-то меня оскорбил. Я не хочу прощать его, но стараюсь не позволять этому оскорблению влиять на меня в целом. Мне не нравится лицо П., и как только я его вижу, я испытываю чувство антипатии. И вот я стараюсь, чтобы это чувство меня не захватило. Дело здесь не в людях, а в самой проблеме.

И еще одно. Если бы человек был милым и приятным, я лишился бы возможности практики и тренировки; мне нужно радоваться, встречая людей, на которых я могу попрактиковаться.

Все то, что нас расстраивает, действует без нашего присутствия. Так уж мы устроены. Мы - рабы этого порядка. Например, эта женщина мне антипатична, но для кого-то другого может оказаться симпатичной. Моя реакция происходит внутри меня; то, что делает ее антипатичной, пребывает во мне. Порицать ее не следует, ибо она антипатична относительно меня. Все, что доходит до нас в течение дня, в течение всей нашей жизни, является относительным. Иногда то, что достигает нас, может оказаться хорошим.

Эта относительность механична, как механична и напряженность наших мускулов. Сейчас мы учимся работать. Вместе с тем, мы хотим научиться быть затронутыми тем, что должно нас затрагивать. Как правило, нас затрагивает то, что затрагивать не должно; те вещи, которые глубоко волнуют нас целый день, не должны иметь над нами силы и не должны нас волновать, ибо они не обладают реальным существованием. Это упражнение для моральной силы.

А в том, что касается психической силы, задача заключается в том, чтобы не решать "чему-то" думать, а стараться все чаще прерывать это "что-то", независимо от того, каков предмет "его" мыслей, хороший или плохой. Как только мы вспоминаем, как только ловим себя, мы должны прервать это "что-то", не давать ему думать. Ибо такое мышление, в любом случае, не откроет Америки ни в хорошем, ни в дурном. И точно так

же, как вам трудно сейчас не напрягать ногу. трудно и не разрешать "чему-то" думать. Но это возможно.

Несколько слов по поводу упражнений. Когда вы пройдете их практику, пусть те, кто их освоил, придут ко мне за дальнейшими упражнениями. А пока упражнений у нас достаточно.

Вам необходимо работать как можно меньшим количеством частей тела. Принципы вашей работы должны быть следующими: надо сосредоточить по возможности всю силу на тех частях, которые выполняют работу; и это сосредоточение силы должно происходить за счет других частей тела.

Эксперименты с дыханием

Чикаго, 26 марта 1924 г.

Вопрос: Могут ли быть полезными эксперименты с дыханием?

Ответ: Вся Европа помешалась на дыхательных упражнениях. В течение четырех или пяти лет я сколотил целое состояние, занимаясь лечением людей, которые разрушили этими упражнениями свое дыхание! Об этом написано множество книг, и каждый из авторов пытается учить других. Они говорят: "Чем больше вы дышите, тем больше приток кислорода" и т.п. В результате практикующие приходят ко мне за помощью. Я весьма благодарен авторам, таких книг, основателям школ и т.п.

Как вы знаете, воздух - это второй вид пищи. Во всем нужны правильные соотношения, в явлениях, которые изучают химия, физика и т.д. Кристаллизация может иметь место лишь при некотором соответствии; только тогда можно достичь чего-то нового.

Любой вид материи обладает определенной плотностью вибраций. Взаимодействие между видами материи происходит лишь при точном соответствии между вибрациями разных ее видов. Я говорил о законе трех. Например, если частота вибраций положительной материи равна тремстам, а отрицательной - ста, их соединение оказывается возможным. В иных случаях, когда вибрации практически не соответствуют этим цифрам, соединения не получится; возникнет механическая смесь, которую можно снова разложить на ее первоначальные части. Такая смесь еще не будет новой материей.

Количество веществ, вступающих в соединение, также должно находиться в определенной пропорции. Как известно, чтобы получить тесто, на имеющееся количество муки нужно взять определенное количество воды, иначе теста не получится.

Обычное дыхание механично: вы механически вдыхаете столько воздуха, сколько вам требуется. Если в легких окажется больше воздуха, он не сумеет должным образом вступить в соединение; так что тут необходимо строгое соотношение.

Если практиковать искусственно контролируемое дыхание, как это обычно бывает, результатом будет дисгармония. Поэтому, для того чтобы избавиться от вреда, который может принести искусственное дыхание, необходимо соответственно изменить другие виды пищи. А это возможно только при полном знании. Например, желудок нуждается в определенном количестве пищи не только для питания, но и потому, что он привык к этому количеству. Мы едим больше, чем нужно, просто потому, что наш желудок привык к еде; мы едим, чтобы ощутить приятный вкус, ради удовольствия. Вы знаете, что в желудке имеются особые нервы; когда внутри желудка нет давления, эти нервы стимулируют желудочную мускулатуру, и мы испытываем чувство голода.

Многие органы работают механически, без нашего сознательного участия. У каждого из них свой собственный ритм; и ритмы различных органов находятся друг с другом в определенных отношениях. Если, например, мы меняем дыхание, то меняем и ритм легких. Но, поскольку все находится во взаимной связи, постепенно начинают меняться и другие ритмы. Если мы продолжим такое дыхание в течение долгого времени, оно может изменить ритм всех органов. Например, изменится ритм работы желудка. У желудка свои привычки; ему нужно какое-то время, чтобы переварить пищу; пища должна находиться

в желудке, допустим, час; если же ритм желудка изменится, пища пройдет через него быстрее, и желудок не успеет усвоить из пищи все необходимое. А в другом месте может произойти обратное явление.

В тысячу раз лучше не вмешиваться в работу нашей машины; лучше оставить ее в плохом состоянии, нежели исправлять, не имея знаний. Человеческий организм - это очень сложный аппарат, многочисленные органы которого обладают разными ритмами и разными требованиями и находятся в самых разных отношениях друг с другом. Нужно или менять все, или не менять ничего; иначе вместо пользы можно себе навредить. Искусственное дыхание - причина многих болезней. В редких случаях человеку удается вовремя остановиться и избежать вреда для себя; если же он практикует искусственное дыхание долгое время, результаты всегда плачевны.

Чтобы работать над собой, необходимо знать в своей машине каждый винтик, каждую заклепку, и тогда вы поймете, что вам делать. Но если вы попытаетесь работать над собой, обладая малым знанием, вы можете многое потерять. Риск велик, потому что машина очень сложна; в ней имеются мельчайшие винтики, которые легко выходят из строя; если вы станете прилагать большие усилия, вы можете их сломать, а эти винтики в лавке не купишь.

Нужно быть очень осторожным. Когда вы знаете - дело другое. Если кто-то из присутствующих экспериментирует с дыханием, лучше остановиться, пока не поздно.

Человек-актер.

Нью-Йорк, 16 марта 1924 г.

Вопрос: Полезна ли профессия актера для развития координированной работы центров?

Ответ: Чем чаще актер играет разные роли, тем более раздельной становится у него работа центров. Чтобы играть роли, нужно прежде всего быть художником.

Мы говорим о спектре, который образует белый свет. Человека можно назвать актером лишь в том случае, если он способен, так сказать, образовать белый свет. Подлинный актер - тот, кто творит, кто способен создать все семь цветов спектра. Такие художники существуют даже сегодня, как существовали и раньше. Но в наше время актером обычно бывают лишь внешне.

Как и любой другой человек, актер имеет определенное число основных поз; другие его позы суть лишь разные их сочетания. Все роли строятся из поз. Приобрести новые позы при помощи практики невозможно; практика способна разве что усилить старые. Чем дольше продолжается практика, тем труднее становится усвоение новых поз, тем меньше для этого возможностей.

Вся напряженность актера - лишь напрасная трата энергии. Если бы этот материал сберечь и потратить на что-то новое, он оказался бы более полезным. В том же виде, каков он есть, он тратится на старые вещи.

Кажется, что актер творит; но это не более, как его воображение и воображение других людей. На самом деле он не в состоянии творить.

В нашей работе профессия актера помочь не может; наоборот, она портит завтрашний день. Чем скорее человек оставит это занятие, тем лучше для завтрашнего дня, тем легче начать нечто новое.

Талант можно сделать за двадцать четыре часа; гений действительно существует, но средний человек не может быть гением, это только слово.

То же самое и во всех искусствах. Подлинное искусство не может быть трудом среднего человека, ибо он не в состоянии делать, не может быть "я". Актер не может обладать тем, чем обладает другой человек; он не может чувствовать так, как чувствует другой человек. Если он играет роль священника, он должен обладать пониманием и чувствами священника. Но он не в состоянии обладать ими, если у него нет всего материала

священника, всего того, что священник чувствует и понимает. Так же обстоит дело с любой профессией; она требует специальных знаний. Художник, не имеющий знания, только воображает.

У любого человека ассоциации работают определенным образом. Я вижу, что человек совершает некоторое движение. Это дает мне толчок, и отсюда возникают ассоциации. Полицейский, по всей вероятности, предположил бы, что этот человек хочет залезть мне в карман. Но, допустим, тот и не помышлял о моем кармане; и я, как полицейский, не понял его движения. Если же я - священник, у меня возникнут другие ассоциации; я подумал бы, что это движение как-то связано с душой, хотя на деле человек думает о моем кармане.

Только если я знаю психологию и священника, и полицейского, знаю их разные подходы, я могу понять их своим умом; только если я переживаю соответствующие позы и чувства своего тела, я могу предугадать, каковы будут их мысленные ассоциации, равно как и то, какие мысленные ассоциации пробуждают у них ассоциации тех или иных чувств. Это первый пункт.

Зная машину, я каждое мгновение даю ассоциациям распоряжение изменяться, - но мне нужно делать это ежемгновенно. Каждую секунду ассоциации автоматически меняются, одна вызывает другую и так далее. Если я играю роль, я должен направлять себя в любой момент; невозможно полагаться на импульс. И я способен направлять себя только в том случае, когда имеется некто, способный руководить.

Мысль руководить не в состоянии - она занята. Заняты и чувства. Поэтому должен существовать кто-то, не занятый жизнью. Только тогда возможно руководство.

Человек, который имеет "я" и знает, что от него требуется в том или ином отношении, может играть роль. Человек, не имеющий "я", играть роль не может.

Средний актер не способен играть роль, у него другие ассоциации. Он может иметь соответствующий костюм и принимать подходящие позы, строить гримасы, как того требуют режиссер и автор. Автор тоже должен знать все это.

Чтобы быть подлинным актером, надо быть подлинным человеком. Настоящий человек может быть актером, и настоящий актер может быть человеком.

Каждый должен стараться быть актером. Это высокая цель. Цель любой религии, любого знания - быть актером. Но сейчас все люди стали актерами.

Вопрос о Луне.

Нью-Йорк, 1 марта 1924 г.

(Был задан вопрос о Луне)

Ответ: Луна - большой враг человека. Мы служим Луне. Прошлый раз вы слышали о кундабуфере; кундабуфер и есть представитель Луны на Земле. Мы подобны овцам Луны; она чистит их, кормит и стрижет, сохраняя для своих целей; а когда проголодается, она убивает их в огромном количестве. Вся органическая жизнь работает на Луну. Пассивный человек служит инволюции, активный - эволюции. Вы должны выбирать. Но тут есть принцип: на одной стороне, на одной службе вы можете надеяться на карьеру, а на другой получаете много, но без карьеры. В обоих случаях мы становимся рабами, потому что в обоих случаях у нас появляется хозяин. Внутри себя мы также имеем Луну, Солнце и т.д. Мы являем собой целую систему. Если вы знаете, что такое ваша Луна, что она делает, вы можете понять и космос...

Утверждение и отрицание.

Нью-Йорк, 20 февраля 1924 г.

Всегда и везде существуют утверждение и отрицание - не только внутри отдельных индивидов, но и во всем человечестве. Если половина человечества что-то утверждает, то другая отрицает. Таков механический закон; иначе и быть не может. Он действует повсюду.

ду и в любом масштабе - во всем мире, в городах, в семье, во внутренней жизни индивида. Один центр человека утверждает, другой отрицает...

Здесь объективный закон, и каждый человек - раб этого закона. Освободиться от него невозможно. Свободен только тот, кто стоит посередине. Если человек способен сделать это, он ускользнет от всеобщего закона рабства. Но как ускользнуть? Это очень трудно... однако есть возможность избавиться от закона - если мы будем стараться медленно, постепенно, но неуклонно. С объективной точки зрения, это, конечно, означает идти против закона, против природы, иными словами, совершать грех. Но мы можем делать это, потому что существует закон другого порядка; нам был дан Богом еще и другой закон...

Вопрос: Чем ваша система отличается от философии йоги?

Ответ: Йогины - идеалисты, а мы - материалисты. Я - скептик. Первое предписание, начертанное на стене Института, гласит: "Не верь ничему, даже себе". Я верю только тогда, когда имею статистические доказательства, т.е. когда получаю один и тот же результат снова и снова. Я учусь и работаю для руководства, а не для веры.

Постараюсь объяснить вам кое-что схематически; но только не принимайте объяснение буквально, а постарайтесь понять принцип.

Кроме уже известного вам закона трех, существует закон семи, который утверждает, что нет ничего, что оставалось бы в покое; каждая вещь движется или в направлении эволюции, или в направлении инволюции. Для обоих движений существует какая-то граница. В каждой линии развития есть две точки, где оно не может продолжаться далее без внешней помощи. В двух определенных местах нужен добавочный толчок, исходящий от внешней силы. В таких точках движение нуждается в подталкивании, иначе оно не сможет продолжаться. Мы обнаруживаем закон семи повсюду - в химии, физике и т.п.; закон семи действует во всем.

Лучший пример закона семи - строение музыкальной гаммы. Возьмем для объяснения музыкальную октаву. Начнем с "до"; между "до" и следующей нотой существует полутон, и "до" способна перейти в "ре". Таким же образом "ре" способна перейти в "ми". Но "ми" не обладает такой возможностью, поэтому для ее перехода в "фа" должно сообщить ей толчок нечто внешнее. "Фа" способна двигаться к " соль", " соль" к "ля", "ля" - к "си". И точно так же, как в случае "ми", "си" нуждается во внешней помощи.

Всякий результат представляет собой "до" - не как процесс, а как элемент. Каждое "до" содержит в себе целую октаву. Есть много музыкальных инструментов, которые могут создать семь нот из "до"; и нота, составленная из этих семи, оказывается "до". Каждая единица содержит в себе семь единиц, и ее можно разделить еще на семь единиц; разделив "до", мы снова получаем "до", "ре", "ми" и так далее.

Эволюция пищи: Человек представляет собой трехэтажную фабрику. Мы сказали, что существует три вида пищи, входящие туда через три разных двери. Первый вид пищи - то, что обычно называют пищей: хлеб, мясо и т.п.

Каждый вид пищи - это "до". В организме "до" переходит в другие ноты; каждая "до" обладает возможностью перейти в "ре" в желудке, где пищевые вещества меняют свою вибрацию и плотность. Эти вещества претерпевают химические превращения, смешиваются и, благодаря особым сочетаниям, переходят в "ре". "Ре" также имеет возможность перейти в "ми". Но "ми" уже не в состоянии развиваться сама по себе, и ей на помощь приходит пища второй октавы. "До" второго вида пищи, т.е. "до" второй октавы, помогает "ми" первой октавы перейти в "фа", после чего ее эволюция может продолжаться и дальше. В свою очередь, вторая октава тоже требует в сходном пункте помощи со стороны более высокой октавы. Она получает помощь от ноты третьей октавы, т.е. от третьего вида пищи - октавы "впечатлений".

Таким образом, первая октава развивается до "си". Конечная субстанция, которую способен выработать человеческий организм из того, что обычно называется пищей - это "си". Значит, эволюция куска хлеба достигает "си". Но у обычного человека эта "си" не способна к дальнейшему развитию. Если бы "си" могла развиваться и переходить в "до" новой октавы, возникла бы возможность построить внутри нас новое тело. Для этого требуются специальные условия. Сам по себе человек не в состоянии сделаться новым человеком; для этого необходимы особые внутренние сочетания.

Кристаллизация: Когда в организме в достаточных количествах накапливается специальный материал, он может начать кристаллизоваться, как кристаллизуется соль в воде, если ее окажется там сверх определенной нормы. Когда внутри человека накапливается большое количество тонкой материи, наступает такой момент, когда в нем может сформироваться и выкристаллизоваться новое тело - "до" новой, более высокой октавы. Это тело, часто называемое астральным, может сформироваться только из специальной материи; оно не в состоянии появиться бессознательно. Эта материя может возникнуть внутри организма и в обычных условиях, но тогда она тут же используется и выбрасывается.

Пути: Построение нового тела человека - цель всех религий и всех школ; у каждой религии для этого свой специальный путь, но их цели одни и те же.

К достижению таких целей есть много путей. Я изучил около двухсот религий; но если их классифицировать, я сказал бы, что существует всего четыре пути.

Как вы уже знаете, у человека имеется много специфических центров. Возьмем четыре из них: двигательный, мыслительный, чувствующий и формирующий аппарат.

Вообразите, что у человека есть квартира из четырех комнат. Первая комната - наше физическое тело; оно соответствует повозке из другой данной мною иллюстрации. Вторая комната - это эмоциональный центр, или лошадь; третья - интеллектуальный центр, или возница; четвертая это хозяин.

Каждая религия понимает, что хозяина нет, и каждая религия ищет его. Но хозяин может появиться только тогда, когда вся квартира обставлена. Прежде чем принимать посетителей, нужно обставить комнаты.

Каждый делает это по-своему. Если человек небогат, он обставляет понемногу каждую комнату в отдельности. Чтобы обставить четвертую комнату, нужно сначала обставить три другие. Четыре пути различаются друг от друга соответственно порядку, в котором обставляются три комнаты.

Четвертый путь: Четвертый путь - это путь "хайда-йоги". Он напоминает путь йоги, и в то же время кое-чем от него отличается.

Подобно йогину, "хайда-йогин" изучает все, что можно изучить. Но он обладает большими средствами познания, чем те, которые известны обыкновенному йогину. На Востоке существует обычай: если я что-то знаю, я рассказываю это только своему старшему сыну. Таким образом передаются некоторые тайны, и посторонние здесь не могут учиться.

Пожалуй, лишь один из сотни йогин знает эти тайны. Дело в том, что имеется некоторое особо подготовленное знание, которое ускоряет работу на пути.

В чем же заключается различие? Объясню при помощи одного примера. Предположим, чтобы добыть некоторое вещество, йогину необходимо выполнить какое-то дыхательное упражнение. Он знает, что ему нужно лежать и дышать в течение определенного промежутка времени. "Хайда-йогин" также знает все, что знает йогин, делает то же, что и он. Однако у "хайда-йоги" есть особый аппарат, с помощью которого он собирает из воздуха элементы, требующиеся для его тела. "Хайда-йогин" сберегает время, потому что знает эти тайны.

Йогин тратит пять часов, а "хайда-йогин" - один час. Последний использует знание, которого нет у йогина. То, что йогин делает за год, "хайда-йогин" делает за месяц. И так во всем.

Все эти пути имеют одну цель - внутреннее преобразование "си" в новое тело.

Точно так же, как человек может построить свое астральное тело при помощи упорядоченного процесса, совпадающего с законом, он способен построить внутри себя третье тело и начать постройку четвертого. Одно тело появляется внутри другого. Их можно разделить, как бы посадить на разные стулья.

Все пути, все школы имеют одну и ту же цель; они стремятся к одному; но человек, вступивший на один из путей, может этого не понимать. Монах обладает верой и думает, что успеха можно добиться только на его пути. Цель известна лишь его учителю; но последний намеренно не сообщает монаху о ней, потому что, если бы ученик знал эту цель, он не работал бы так усердно.

Каждый путь имеет собственные теории, собственные доказательства.

Материя повсюду одна и та же, но она постоянно меняет свое положение и вступает в различные соединения. От плотного камня до тончайшей материи, каждое "до" имеет собственные эманации, собственную атмосферу; ибо каждая вещь или ест, или оказывается съеденной. Одна вещь питается другой; я поедаю вас, вы - его и так далее.

Все, находящееся внутри человека, или эволюционирует, или инволюционирует. Отдельное существо - это нечто такое, что в течение длительного периода остается свободным от инволюции. Каждое вещество, органическое или неорганическое, может быть и существом. Позднее мы увидим, что все является органическим. Каждое существо выделяет эманации, испускает некоторую материю. Это в равной степени относится и к Земле, и к человеку, и к микробу. Земля, на которой мы живем, имеет свои собственные эманации, свою атмосферу. Планеты - такие же существа, они тоже выделяют эманации; то же относится и к солнцам. Благодаря действию положительной и отрицательной материи, из эманации солнц образуются новые формации. В результате одного из таких сочетаний возникла наша Земля.

Эманации каждого из существ имеют свои границы. Поэтому любое место обладает различной плотностью материи. После акта творения существование продолжается, равно как и эманации. Здесь, на этой планете, действуют эманации Земли, планет и Солнца. Но эманации Земли распространяются только на определенное расстояние, а за его границами действуют лишь эманации, исходящие от Солнца и планет, но не от Земли.

В области эманации Земли и Луны материя более плотна: выше этой области - тоньше. Эманации проникают во все сообразно своим возможностям. Таким образом они доходят и до человека.

Существуют и другие солнца кроме нашего. Так же, как я сгруппировал вместе все планеты, я теперь группирую все солнца, все их эманации. Далее, за ними, находится то, что мы не в состоянии видеть, но можем лишь говорить: мир более высокого порядка. Для нас - это последний пункт. Он также имеет свои эманации.

Согласно закону трех, материя постоянно вступает в разные сочетания, становится все более плотной, встречается с другой материей и уплотняется еще сильнее, изменяя таким образом все свои качества и возможности. Например, в высших сферах разум находится в чистой форме, а по мере нисхождения становится менее разумным.

Любое существо обладает разумом, является более или менее разумным. Если принять плотность Абсолютного за единицу, следующая плотность будет равна трем, т.е. материя окажется в три раза плотнее, потому что в Боге, как и во всем, существуют три силы.

Закон всюду одинаков. Плотность следующей материи будет в два раза больше второй и в шесть раз больше первой. Плотность следующей материи равна двенадцати, следующей двадцать четыре, далее плотность составляет сорок восемь. Это означает материю, в сорок восемь раз более тяжелую, в сорок восемь раз менее разумную и т.п. Мы можем знать вес каждой материи, если знаем ее место, а зная ее место, знаем, откуда появилась эта материя.

Безучастие.

Нью-Йорк, 20 февраля 1924 г.

Невозможно оставаться безучастным, даже когда вас никто не затрагивает, и вы находитесь в естественном состоянии. Таков закон, такова психика человека. Позднее мы поговорим о причинах этого, а пока сформулируем нашу тему целующим образом:

1. Человеческая машина содержит нечто, не позволяющее ей оставаться безучастной, т.е. рассуждать спокойно и объективно, не будучи затронутой происходящим и оставаясь в естественном состоянии;

2. Иногда, при помощи специальных усилий, можно освободиться от этой отличительной черты.

Касательно второго пункта, я хотел бы пожелать, чтобы наш разговор не походил на все разговоры обыденной жизни, не был простым переливанием из пустого в порожнее, а стал бы продуктивным для нас всех; и прошу вас сделать для этого некоторое усилие.

Я назвал обычные разговоры переливанием из пустого в порожнее. Действительно, подумайте серьезно о долгом времени, которое каждый из нас прожил в этом мире, о тех бесчисленных разговорах, которые мы вели! Спросите себя, всмотритесь в себя - разве все эти разговоры к чему-то приводили? Знаете ли вы что-нибудь так же твердо и неоспоримо, как то, что два плюс два равняется четырем?

Если вы искренне исследуете самих себя, то дадите откровенный ответ, что они ни к чему не приводили.

Наш здравый смысл способен на основании прошлого опыта заключить, что, поскольку такой способ разговаривать до сих пор ни к чему не приводил, он ничего не даст и в будущем. Даже если бы человек жил до ста лет, результат оказался бы тем же самым.

Следовательно, нам необходимо поискать причину такого обстоятельства и, если можно, изменить ее. Итак, наша цель найти причину; поэтому с первых же шагов мы стараемся изменить наш способ вести разговор.

В прошлый раз мы немного говорили о законе трех. Я сказал, что этот закон действует повсюду и во всем. Его можно найти и в разговоре. Например, если какие-то люди беседуют, один человек утверждает нечто, другой-отрицает. Если они не спорят, из их утверждений и отрицаний ничего не выходит. Если же спорят, возникает новый результат, т.е. какое-то новое понятие, не похожее ни на то, которое утверждал первый, ни на то, которое утверждал второй.

Это тоже является законом; ведь мы не можем считать, что наши прежние разговоры никогда не давали результатов. Результат был; но он имел значение не для нас, а для чего-то или кого-то вне нас.

Но сейчас мы говорим о результате внутри нас, о таких результатах, которые нам хотелось бы получить внутри себя. Поэтому вместо закона, действующего через нас, вне нас, мы хотим внести результаты внутрь себя, для себя. Чтобы достичь этого, нам необходимо изменить поле действия закона. До сих пор вы утверждали, отрицали и спорили с другими людьми, - а теперь я хочу, чтобы вы делали это с самими собой, чтобы полученные вами результаты были не объективными, как до сих пор, а субъективными.

Материальность мира.

Эссенцуки, 1918 г.

Все в мире материально; и, подчиняясь всеобщему закону, все находится в движении и постоянном преобразовании; преобразования протекают в разных направлениях - от самой тонкой материи до самой грубой и наоборот. Между этими двумя границами имеется много степеней плотности материи. Кроме того, такое преобразование материи не совершается гладко и последовательно.

В некоторых точках развития существуют как бы остановки, или передаточные станции. Эти станции находятся во всем, что можно назвать организмами в широком смысле слова, - например, Солнце, Земля, человек, микроб. Они суть коммутаторы, преобразующие материю как в ее восходящем движении, когда она становится более тонкой, так и в нисходящем движении в сторону большей плотности. Это преобразование происходит чисто механически.

Материя всюду одна и та же, но на каждом физическом уровне обладает разной плотностью. Поэтому каждое вещество занимает свое место на шкале материи; и у нас есть возможность сказать, находится ли это вещество на пути к более тонкой или к более плотной форме.

Коммутаторы различаются только по масштабам. К примеру, человек - это передаточная станция в такой же мере, в какой ими являются Земля или Солнце; внутри него протекают те же самые механические преобразования высоких форм материи в низкие, а низких - в более высокие.

Эти преобразования веществ в двух направлениях, которые называются эволюцией и инволюцией, происходят не только на главной линии от абсолютно тонкого к абсолютно грубому и наоборот, но и на всех промежуточных станциях и на всех уровнях; они разветвляются. Какое-нибудь вещество, нужное некоторому существу, может быть захвачено последним и поглощено, способствуя таким образом его эволюции или инволюции. Каждый поглощает, т.е. поедает, нечто другое и в свою очередь служит пищей. Именно это и означает взаимный обмен; такой взаимообмен совершается как в органической, так и в неорганической материи.

Как я сказал, все пребывает в движении. Никакое движение не происходит по прямой линии, но имеет одновременно двойное направление, вращаясь вокруг самого себя и падая в сторону ближайшего центра тяготения. Таков закон падения, обычно называемый законом движения. Эти универсальные законы известны с древнейших времен. Мы можем прийти к подобному заключению на основании исторических событий, которые не могли бы иметь места, если бы в далеком прошлом люди не обладали бы этим знанием. С давних времен люди знали, как использовать эти законы природы. Такое использование механических законов, осуществляемое человеком, называется магией; оно включает в себя не только преобразование веществ в желаемом направлении, но и противодействие или сопротивление определенным механическим влияниям.

Люди, которые знают эти универсальные законы и умеют ими пользоваться, называются магами. Существуют белая магия и черная магия. Белая магия использует свои знания для блага, черная - для зла, для собственных эгоистических целей.

Как и Великое Знание, магия, существовавшая с древнейших времен, никогда не исчезала; и знание всегда остается прежним. Только форма, в которой выражено и передано это знание, изменяется в зависимости от места и эпохи. Например, сейчас мы говорим на языке, который через двести лет уже не будет таким же; а двести лет назад этот язык был другим. Точно так же форма, в которой выражено Великое Знание, для новых поколений почти непонятна; в большинстве случаев она принимается буквально. В результате внутреннее содержание оказывается для многих утраченным.

В истории человечества мы обнаруживаем две параллельные и независимые линии цивилизации: эзотерическую и экзотерическую. Одна из них неизменно преодолевает вторую и развивается, тогда как другая приходит в упадок. Период эзотерической цивили-

лизации наступает тогда, когда существуют благоприятные внешние политические и иные условия. Тогда знание, облеченное в форму учения в соответствии с условиями времени и места, получает широкое распространение. Так было, например, с христианством.

Но в то время, как для одних религия выступает в роли водителя, для других она оказывается полицейским. Христос был магом, человеком Знания, Он не был Богом, вернее, он был Богом, но на определенном уровне.

Истинный смысл, подлинное значение многих событий, описанных в Евангелиях, ныне почти забыты. Например, Тайная Вечеря представляет собой совершенно не то, что о ней обычно думают. То, что Христос смешал с хлебом и вином и дал ученикам, действительно было его кровью.

Для объяснения этого факта мне надо сказать еще кое-что.

Все живое окружено особой атмосферой. Различия заключаются лишь в ее размерах. Чем крупнее организм, тем обширнее его атмосфера. В этом отношении каждый организм можно сравнить с фабрикой. Фабрика окружена особой атмосферой из дыма, пара, отбросов и некоторых примесей, испаряющихся в процессе производства. Ценность этих составных частей изменчива. Точно так же человеческая атмосфера состоит из разных элементов. И как атмосфера разных фабрик пахнет по-разному, так же обстоит дело и с атмосферой разных людей. Для очень чуткого нюха, например, у собаки, невозможно спутать атмосферу одного человека с атмосферой другого.

Я сказал, что человек - это станция для преобразования веществ. Частицы веществ, производимых внутри организма, используются для преобразования разных видов материи: а некоторые частицы восходят в верхние слои атмосферы, т.е. теряются для организма. Так что и здесь происходит то же самое, что и на фабрике.

Таким образом, организм работает не только для себя, но и для чего-то еще. Люди, обладающие знанием, знают, как удержать тонкие виды материи внутри себя, как накопить их. Только значительное накопление этих тонких видов материи позволяет человеку сформировать более легкое тело. Однако в обычных условиях материя, составляющая атмосферу человека, постоянно используется и заменяется в силу внутренней работы организма.

Атмосфера человека не обязательно имеет вид сферы. Она постоянно меняет свою форму; в момент напряжения, угрозы или опасности она вытягивается в направлении напряженности, а противоположная ее сторона становится тоньше.

Атмосфера человека занимает определенное пространство. В пределах этого пространства она притягивается организмом, а за его пределами частицы атмосферы отрываются и более не возвращаются. Это может произойти также в том случае, когда атмосфера сильно вытянута в одном направлении.

То же самое происходит при движении человека. Частицы его атмосферы, отрываясь, остаются позади него и образуют как бы "след", по которому можно обнаружить самого человека. Такие частицы могут быстро смешаться с воздухом и раствориться в нем, а могут оставаться на месте довольно долгое время. Частицы атмосферы отлагаются на одежде человека, на его белье, на других принадлежащих ему вещах, так что между этими веществами и человеком поддерживается своеобразная связь.

Магнетизм, гипнотизм и телепатия суть явления того же порядка. Действие магнетизма бывает прямым; действие гипнотизма проявляется на близком расстоянии через атмосферу; а телепатия действует на более значительном расстоянии. Телепатия аналогична телеграфу. В телеграфе связь осуществляется через металлическую проволоку, а при телепатии ее роль играет след из частиц, оставленный человеком. Человек, наделенный даром телепатии, способен заполнить этот след собственными частицами и таким образом установить связь, создать как бы провод, по которому получает возможность воздействовать на чужой ум. Если он располагает каким-нибудь предметом, принадлежав-

шим другому человеку, тогда, установив с ним связь, он лепит вокруг этого предмета фигурку из воска или глины и, манипулируя ею, оказывает воздействие на самого человека.

Кристаллизация четырех тел.

17 февраля 1924 г.

Работа над собой не столь трудна, как возникновение желания работать, принятие решения. Так обстоит дело потому, что нашим центрам нужно согласие между собой, понимание того обстоятельства, что для совместной работы им необходимо подчиняться какому-то общему руководителю. Но достичь им согласия трудно, так как при наличии руководителя ни у кого из них не останется возможности подчинять себе других и делать все, что хочется. Внутри обычного человека нет хозяина, а где нет хозяина, там нет и души.

Душа - цель всех религий, всех школ. Но это только цель, только возможность, а не факт.

У обычного человека нет души, нет воли. То, что принято называть волей,

- это всего-навсего равнодействующая желаний. Если у человека есть желание и одновременно возникает желание противоположное, т.е. нежелание, более сильное, чем первое, тогда второе становится главенствующим и останавливает первое. Это явление в обычном языке и называют волей.

Ребенок никогда не рождается с душой. Душу можно приобрести в течение жизни: но и тогда она является роскошью, доступной лишь немногим. В большинстве своем люди всю свою жизнь живут без души, без хозяина; для обыденной жизни душа совершенно не нужна.

Но душа не может родиться из ничего. Все материально; так же обстоит дело и с душой, только она состоит из весьма тонкой материи. Поэтому, чтобы обрести душу, прежде всего необходима соответствующая материя. Однако материи нам не хватает даже для наших повседневных функций.

Следовательно, чтобы иметь необходимый материал, или капитал, мы должны начинать с экономии, сделать так, чтобы кое-что оставалось у нас и на завтрашний день. Например, если я привык есть по одной картофелине в день, я могу съесть только половину, а другую половину откладывать; или же устроить себе полное голодание. Резерв субстанций, который необходимо накопить, должен быть большим, иначе он скоро истощится.

Если у нас есть несколько кристаллов соли, и мы бросим их в стакан с водой, они быстро растворятся. Можно прибавлять соль еще и еще, и она будет по-прежнему растворяться. Но наступает такой момент, когда раствор становится насыщенным; соль больше не растворяется, и кристаллы остаются на дне нерастворенными.

То же самое происходит с человеческим организмом. Даже если в организме будут постоянно вырабатываться материалы, необходимые для формирования души, они окажутся в нем рассеянными и растворенными. В организме должен существовать избыток этих материалов; только тогда кристаллизация возможна.

Материал, кристаллизующийся из такого избытка, принимает форму физического тела человека; это его копия, которую можно отделить от физического тела. Каждое тело имеет жизнь разной продолжительности, каждое тело подчинено законам разных порядков. Новое, второе тело называется астральным; по отношению к физическому телу это и есть то, что называют душой. Наука уже близка к экспериментальному доказательству существования второго тела.

Если говорить о душе, то следует объяснить, что есть несколько категорий души; но по-настоящему назвать этим именем можно только одну из них.

Как уже сказано, душа приобретается в течение жизни. Если человек начал накапливать необходимые субстанции, но умер до того, как они кристаллизовались, тогда эти субстанции распадаются и рассеиваются одновременно со смертью физического тела.

Человек, как и любое другое явление, есть продукт трех сил. Вспомним, что, подобно всему живому, Земля, мир планет и Солнце испускают эманации. Во внешнем пространстве между Солнцем и Землей имеется как бы три смеси эманаций. Эманации Солнца, которые обладают большой длиной, пропорционально его большей величине, достигают Земли и даже беспрепятственно проходят сквозь нее, поскольку они имеют самый тонкий состав. Эманации планет доходят до Земли, но не достигают Солнца. Эманации Земли еще мельче. Таким образом, в пределах земной атмосферы существуют эманации трех видов - Солнца, Земли и планет. Вне земной атмосферы эманаций Земли нет; там налицо только эманации Солнца и планет; а еще выше только эманации Солнца.

Человек представляет собой результат взаимодействия планетарных эманаций и земной атмосферы с материальными элементами Земли. После смерти обычного человека его физическое тело распадается на составные части; части Земли возвращаются в Землю - "прах еси и в прах возвратишься". Частицы, поступившие в планетарных эманациях, возвращаются в мир планет; частицы земной атмосферы возвращаются в нее. Таким образом, ничто не остается в виде единого целого.

Если второе тело кристаллизуется внутри человека до его смерти, оно продолжает жить и после смерти физического тела. Материя этого астрального тела своими вибрациями соответствует материи солнечных эманаций и в пределах Земли и земной атмосферы оказывается теоретически неразрушимой. Тем не менее, длительность его жизни бывает различной. Оно может жить долгое время; или же его существование быстро подходит к концу. Это происходит потому, что, подобно первому телу, второе тело также имеет центры, живет и в своей жизни получает впечатления. И, поскольку ему не хватает опыта и материала впечатлений, оно, как новорожденное дитя, должно получить определенное воспитание; иначе это тело окажется неспособным к существованию. Лишенное возможности независимого существования, оно, как и физическое тело, скоро распадется на составные части.

Все существующее подчинено этому же закону, ибо "как наверху, так и внизу". То, что может существовать в одной совокупности условий, не может существовать в другой их совокупности. Если астральное тело сталкивается с материей более тонких вибраций, оно распадается.

Итак, на вопрос: "Бессмертна ли душа?", в общем, имеется единственный ответ: "И да, и нет". Для более определенного ответа необходимо знать, какого рода душа имеется в виду и какого рода бессмертия.

Как я сказал, второе тело человека - это душа по отношению к его физическому телу. И хотя само по себе оно тоже разделяется на три принципа, взятое как одно целое, это активная сила, положительный принцип в противоположность пассивному, отрицательному принципу - физическому телу. Нейтрализующей силой является здесь особый магнетизм, которым обладает не всякий человек, но без которого второму телу невозможно проявить власть над первым.

Развитие может продолжаться и далее: человек с двумя телами способен приобрести после кристаллизации новых субстанций новые свойства. В этом случае внутри второго тела формируется третье, иногда называемое ментальным. Здесь третье тело является активным принципом, второе - нейтрализующим, а первое, физическое, тело - пассивным.

Но и это еще не есть душа в подлинном смысле слова. После смерти физического тела астральное тоже может умереть, после чего останется лишь ментальное тело. И хотя это тело в известном смысле бессмертно, оно все равно рано или поздно может умереть.

Только четвертое тело завершает возможное, если иметь в виду земные условия существования, развитие человека. Оно бессмертно в пределах Солнечной системы. Этому телу принадлежит истинная воля. Это и есть подлинное "я", душа человека, хозяин. Это активный принцип по отношению ко всем другим телам, вместе взятым.

Все четыре тела, находящиеся одно внутри другого, могут быть разделены. После смерти физического тела высшие тела могут оказаться разъединенными.

Перевоплощение - редкое явление; оно возможно или после очень продолжительного периода времени, или когда физическое тело одного человека идентично физическому телу другого человека, обладавшего высшими телами. Астральное тело может перевоплощаться, случайно встретившись с таким физическим телом; но это происходит только бессознательно. Ментальное же тело способно сделать выбор.

Ездок, возница, повозка и лошадь.

"Аббатство", 19 января 1923 г.

На все мои вопросы: "Думал ли кто-нибудь сегодня во время работы о вчерашней лекции?" я неизменно получаю один ответ: "Забыли!" А ведь думать во время работы - это то же самое, что вспоминать себя.

Вспоминать себя невозможно: и люди не вспоминают себя. потому что хотят жить только умом. Но запас внимания в уме, подобно электрическому заряду батареи, весьма невелик. Другие части тела тоже не хотят вспоминать.

Может быть, вы помните, как вам говорили, что человек похож на упряжку, состоящую из ездока, возницы, лошади и повозки. Исключим ездока, не будем о нем говорить: его сейчас нет. Давайте поговорим о вознице. Наш ум и есть этот возница.

Ум хочет что-то сделать; он ставит себе задачу: работать по-иному, не так, как раньше, ставит задачу вспоминать себя. Все наши интересы, относящиеся к изменению себя, к созданию перемены в себе, принадлежат вознице; иными словами, это лишь умственные цели.

Что же касается чувства и тела, то эти части ни в малейшей степени не заинтересованы во вспоминании себя. Однако главное состоит в том, чтобы создать перемену не в уме, а именно в этих, не заинтересованных в ней частях. Ум может измениться очень легко. Но достижение осуществляется не посредством ума; осуществленное через ум, оно никуда не годится.

Поэтому нужно учить и учиться не посредством ума, а через чувства и тело. Но у чувств и тела нет языка; они не обладают ни языком, ни пониманием, которыми обладаем мы. Они не понимают ни русского, ни английского; лошадь не понимает языка возницы, а повозка не понимает языка лошади. Если возница скажет по-английски: "На/ право!", - ничего не произойдет. Лошадь понимает язык вожжей и свернет направо, только повинуясь вожжам. Другая лошадь повернет без вожжей, если вы почешете ее в определенном месте; этому, например, обучены ослы в Персии. То же самое с повозкой; у нее свое устройство. Если оглобли поворачивают направо, задние колеса повернут налево. Это потому, что повозка понимает только это движение и реагирует на него по-своему. Так что вознице необходимо узнать слабые стороны повозки, ее особенности; только тогда он сможет вести ее в желаемом направлении. Если же он будет просто сидеть на козлах и командовать на своем языке: "Направо! Налево!", упряжка не сдвинется с места, даже если он прокричит целый год.

Мы представляем собой точную копию такой упряжки. Один ум нельзя назвать человеком, как нельзя сидящего в трактире возницу назвать возницей, выполняющим свои функции. Наш ум похож на кучера, который сидит дома или в трактире и развозит пассажиров только в своих мечтах. Как нереальны его поездки, так же никуда не приведут и попытки работать с одним умом. В этом случае мы станем лишь профессионалами, безумцами.

Сила, способная изменить нас, - это не ум, а тело и чувства. К несчастью, наши тело и чувства устроены таким образом, что ни на йоту не беспокоятся ни о чем, пока они счастливы. Они живут ради момента: их память коротка. Один ум живет для завтрашнего дня. Каждый аспект имеет свои достоинства. Достоинство ума в том, что он смотрит вперед. Но только два других аспекта способны "делать".

До сегодняшнего дня большая часть ваших желаний и борьбы была случайной. Все происходило в уме. Это значит, что желания существуют лишь в уме, пока в уме случайно возникло желание чего-то достичь, что-то изменить. Но это произошло только в уме. В вас же самих не произошло еще никаких изменений. В голове имеется только голая идея; но каждый остается таким, каким был. Даже если он будет работать умом десять лет, учиться день и ночь, вспоминать в уме свою цель и бороться, он не достигнет ничего реального. В уме ничего, менять не надо; изменить надо характер лошади. Желание должно заключаться в лошади, а способность - в повозке.

Но, как мы уже сказали, трудность заключается в том, что из-за ошибочного современного воспитания и отсутствия в нас связи между телом, чувствами и умом, люди в большинстве своем настолько деформированы, что между одной частью их существа и другими частями нет общего языка. Вот почему их так трудно связать друг с другом, а еще труднее - заставить свои отдельные части изменить образ жизни. Поэтому мы обязаны заставить их общаться, но не посредством языка, данного нам природой. Последнее было бы легко; при помощи этого языка части нашего существа очень скоро примирились бы друг с другом, пришли бы к согласию и пониманию, достигли бы желанной общей цели.

Однако для большинства из нас этот общий язык, о котором я говорю, безвозвратно утрачен. Единственное, что нам остается, - это устанавливать связь окольным, "обманным" путем. Эти не прямые, "обманные", искусственные связи оказываются весьма субъективными, поскольку зависят от характера человека, от формы, принятой его внутренним составом.

И вот сейчас мы должны определить эту субъективность и выдвинуть программу работы по установлению связи с другими частями нашего существа. Определить субъективность - нелегко; этого не достичь даже при помощи глубокого анализа, изучения и проверки наследственности "вплоть до бабушки".

Поэтому, с одной стороны, мы продолжим определять субъективность каждого человека; с другой же - начнем доступную каждому общую работу, а именно, практические упражнения. Существуют определенные субъективные методы; имеются и общие методы. Таким образом, мы постараемся найти субъективные методы и в то же время применить общие методы.

Имейте в виду, что субъективные указания будут даны только тем, кто оправдает себя, кто покажет свою способность к работе и отсутствие лени. Общие методы, общие занятия доступны для всех; но субъективные методы будут предложены в группах только тем, кто работает, кто старается, кто хочет работать всем своим существом. Тот, кто ленился и полагается на везенье, никогда не увидит и не услышит того, что составляет истинную работу, даже если останется здесь еще десять лет.

Посещавшие лекции уже слышали о так называемом "вспоминании себя", думали, вероятно, о нем и пробовали его практиковать. Те, кто пробовал этот метод, наверняка, обнаруживали, что, несмотря на все усилия, вспоминание себя, столь понятное уму, такое легкое, возможное и допустимое с точки зрения интеллекта, практически невозможно. И оно в самом деле невозможно.

Когда мы говорим о "вспоминании себя", мы подразумеваем самих себя. Но я сам - это мое "я", мои чувства, тело, ощущения. Я сам - это не мой ум, не моя мысль. Ум - это не мы, а лишь небольшая часть нас. Верно, что эта часть имеет связь с нами, - но доволь-

но слабую связь, и ей в нас отпущено так мало материала! Если тело и чувства получают энергию и разнообразные элементы в пропорции, скажем, двадцати частей, то ум получает только одну часть. Внимание есть продукт развития, получаемый из этих элементов. Наши различные части обладают разным вниманием; его длительность и сила пропорциональны полученному материалу. Та часть, которая получает больше материала, обладает большим вниманием.

Поскольку ум получает для питания меньше материала, его внимание, т.е. память, оказывается кратким; оно действует лишь до тех пор, пока сохраняется этот материал. И правда, если мы хотим (и продолжаем хотеть) вспоминать себя только умом, мы не сумеем вспомнить себя дольше, чем позволит сам материал. Неважно, сколько мы будем мечтать об этом, сколько будем желать заниматься этой практикой, неважно, какие меры примем. Когда материал израсходован, внимание угасает.

Это явление очень похоже на работу аккумулятора в осветительной цепи. Он дает энергию до тех пор, пока заряжен. Когда же энергия израсходована, лампа не может светиться, даже если ее нить находится в полном порядке, а проводка исправна. Это объясняет нам, почему человек не способен вспоминать себя чаще: такая особая память коротка и всегда будет короткой. Так она устроена.

Здесь невозможно поставить более крупный аккумулятор или зарядить его большим количеством энергии, чем то, которое он способен удержать. Но наше воспоминание себя можно увеличить не за счет увеличения емкости нашего аккумулятора, а посредством подключения других частей, с их аккумуляторами, заставляя их участвовать в общей работе. В этом случае все части нашего существа, взявшись за руки, помогут друг другу сохранить общее освещение.

Поскольку мы испытываем доверие к уму, и этот ум считает, что он хорош и необходим для других частей нашего организма, то мы должны сделать все, чтобы пробудить в них интерес и убедить их в том, что желаемое достижение окажется и для них полезным и необходимым.

Вынужден признаться, что большая часть нашего "я" ничуть не заинтересована в практике воспоминания себя. Более того, она даже не подозревает о наличии такого желания у своего брата - мышления. Значит, нам надо постараться понять это желание и ознакомить с ним их. Если они захотят работать в этом направлении, половина дела сделана, и мы сможем учить их и помогать им.

К сожалению, нельзя сразу же вести с ними разумный разговор, потому что из-за безалаберного воспитания лошадь и повозка не знают языка, уместного для благовоспитанного человека. Их жизнь и мышление инстинктивны, как у животных; поэтому невозможно логически доказывать им, в чем заключается их будущая выгода, или растолковывать их возможности. Работать их можно заставить пока только "обманными методами", окольными путями. Если это будет сделано, они сумеют, пожалуй, добраться до какого-то здравого смысла. Логик? и соображения им не чужды, но они не получили воспитания - подобно человеку, которому пришлось жить вдали от своих братьев, не общаясь с ними. Такой человек не способен мыслить логически, как мы. Мы обладаем этой способностью потому, что с детства жили среди людей и имели с ними дело. Подобно изолированному человеку, другие части нашего существа жили животными инстинктами, не зная мысли и логики. Из-за этого их способности выродились: данные им природой качества потускнели и атрофировались. Но ввиду их изначальной природы эта атрофия не имеет необратимых последствий; есть возможность вернуть их к жизни в первоначальной форме. Естественно, чтобы разрушить уже выросшую кору порочных последствий, необходимо как следует потрудиться. Поэтому вместо того, чтобы начинать новую работу, следует преодолевать старые грехи.

Например, я желаю вспоминать себя как можно чаще и как можно дольше. Но мне известно, что очень скоро я забываю стоящую передо мной задачу, потому что у моего ума очень мало связанных с нею ассоциаций.

Я заметил, что другие ассоциации поглощают ассоциации, связанные со вспоминанием себя. Наши ассоциации возникают в формирующем аппарате в результате толчков, которые этот аппарат получает от центров. Каждый толчок вызывает определенные ассоциации; их сила зависит от производящего их материала.

Если мыслительный центр производит ассоциации вспоминания себя, поступающие в него из прочих центров ассоциации со вспоминанием себя не имеют ничего общего. Они поглощают эти желаемые ассоциации, поскольку поступают из самых разных мест и оказываются более многочисленными.

И вот я сижу здесь.

Моя проблема заключается в том, чтобы привести другие части своего существа к точке, где мыслительный центр мог бы вспоминать себя как можно дольше, не истощая немедленно энергию.

Здесь необходимо указать, что вспоминание себя, каким бы полным и целостным оно ни было, встречается в двух видах: оно или сознательно, или механично. Иначе говоря, мы вспоминаем себя сознательно или в силу ассоциаций. Механическое, т.е. ассоциативное вспоминание себя не может принести существенной пользы; но в начале практики даже такое ассоциативное вспоминание имеет огромную ценность. Позднее от него следует отказаться, ибо оно не дает никаких реальных, конкретных результатов в действиях. Но сначала оно необходимо.

Существует также и другое, сознательное вспоминание себя, которое не является механическим.

Вспоминание себя.

"Аббатство", 20 января 1923 г.

Вот я сижу здесь. Я совершенно не способен вспоминать себя, не имею об этом никакого понятия. Но я слышал об этом. Один мой друг доказал мне сегодня, что вспоминание себя возможно.

Тогда, поразмыслив об этом, я убедился, что, если бы я мог вспоминать себя достаточно долго, я допускал бы меньше ошибок и совершал бы больше желательных поступков.

И вот я хочу вспоминать себя; но каждый шорох, каждый человек, каждый звук отвлекает мое внимание: и я забываю о своем решении.

Передо мной лист бумаги; я намеренно записал на ней свою цель, чтобы эта бумажка действовала на меня как толчок для вспоминания себя. Но оказывается, что и бумажка не помогает. Пока мое внимание сосредоточено на ней, я все помню; а как только внимание отвлекается, я смотрю на бумажку, но себя не вспоминаю.

Тогда я пытаюсь действовать по-другому. Я повторяю себе: "Я хочу вспомнить себя". Однако и это не помогает: в отдельные моменты я замечаю, что повторяю эту фразу механически, а мое внимание находится не здесь.

Я пробую всевозможные способы. Например, я сижу и стараюсь связать некоторые ощущения физического неудобства со вспоминанием себя. У меня болит мозоль; но это помогает мне лишь на короткое время, а затем тоже начинает ощущаться чисто механически.

Все же я пробую всевозможные средства - столь велико мое желание добиться успеха во вспоминании себя.

Чтобы понять, как действовать дальше, мне полезно было бы узнать о тех, кто думал так же, как я, кто совершал сходные попытки.

Допустим, я еще не пробовал ничего такого; допустим, я всегда старался действовать непосредственно умом. Я еще не пробовал создавать внутри себя ассоциации иной природы, ассоциации, которые относятся не только к мыслительному центру. Я хочу это попробовать; возможно, результаты окажутся лучше. Может быть, так я быстрее пойму возможность чего-то другого.

Я хочу вспоминать - в данный момент я вспоминаю.

Я вспоминаю умом. Я спрашиваю себя: вспоминаю ли я также и ощущениями? И обнаруживаю, что фактически не помню себя при помощи ощущений.

В чем же заключается различие между ощущением и чувством?

Всем ли понятен мой вопрос?

Например, я сижу здесь. Вследствие непривычной позы мои мускулы необычно напряжены. Как правило, я не ощущаю своих мускулов в привычной, установленной позе. Как и у любого человека, у меня есть ограниченное число поз. Но сейчас я принял новую, необычную. Я ощущаю свое тело, если не все целиком, то, по крайней мере, некоторые его части, его теплоту, движение в нем крови. Когда я сижу, я чувствую позади себя горячую печь. Поскольку позади чувствуется тепло, а спереди холод, существует разница в переживаемых температурах воздуха: поэтому я не перестаю ощущать себя благодаря этому внешнему контрасту разных слоев воздуха.

Вчера вечером я поужинал кроликом. Кролик и приправа были очень вкусными, и поэтому я съел слишком много. Я ощущаю свой желудок; дыхание необычно тяжело. Я ощущаю себя все время.

Только что я вместе с А. готовил особое блюдо и поставил его в печь. Когда я готовил еду, я вспомнил свою мать и некоторые моменты, связанные с ней. Эти воспоминания пробудили во мне особое чувство. Я чувствую эти моменты, и это чувство не покидает меня.

Вот я смотрю на лампу. Когда в доме обучения еще не было освещения, я решил, что мне нужно как раз такое освещение. Я составил план того; что требуется для устройства подобного освещения. План был осуществлен, и вот его результат. Когда включили свет, и я его увидел, я почувствовал удовлетворенность; возникшее тогда чувство продолжается - я чувствую самоудовлетворенность.

Минуту назад я шел из турецкой бани. Было темно, я не видел ничего перед собой - и ударился о дерево. По ассоциации я вспомнил, как однажды шел в такой же темноте и столкнулся с каким-то человеком. Я ощутил всю тяжесть удара в грудь, не удержался и ударил налетевшего на меня незнакомца. Впоследствии выяснилось, что он не виноват; однако я ударил его так сильно, что выбил у него несколько зубов. В тот момент я не подумал, что человек, налетевший на меня, может не быть виновным; но, успокоившись, понял это; и позже, встретив на улице этого человека с изуродованным лицом, я почувствовал большое сожаление, так что и теперь, вспоминая о нем, я чувствую те же самые угрызения совести. И сейчас, когда я ушибся о дерево, во мне вновь ожило это чувство. Я опять увидел перед собой его доброе лицо, покрытое синяками.

Итак, я привел вам примеры шести разных внутренних состояний. Три из них относятся к двигательному центру, три - к эмоциональному. На обычном языке все шесть называют чувствами, однако при правильной классификации те состояния, которые по своей природе связаны с двигательным центром, следует называть ощущениями, а те, чья природа связана с эмоциональными элементами, с эмоциональным центром, - чувствами. Существуют тысячи разных ощущений, которые обычно называют чувствами. Но все они различны, их материал различен, различны действия, различны причины.

При более пристальном рассмотрении мы можем установить их природу и дать им соответствующие наименования. Зачастую они настолько различны по своей природе, что не имеют между собой ничего общего. Некоторые возникают в одном месте, некоторые - в

другом. У одних людей отсутствует одно место происхождения (т.е. данный род ощущений), у других может не оказаться другого. А есть люди, у которых все виды ощущений могут оказаться налицо.

Придет время, когда мы попытаемся искусственно отключить один, два и более из них, чтобы узнать их истинную природу. А в настоящее время нам необходимо иметь идею двух разных переживаний, одно из которых мы назовем "чувством", а другое - "ощущением". "Чувством" мы называем состояние, местом возникновения которого будет эмоциональный центр; а ощущением - те чувства, место возникновения которых находится в двигательном центре. Теперь, конечно, каждый должен понять эту разницу и рассматривать свои ощущения и чувства, изучая те или иные различия между ними.

Для первоначальных упражнений вспоминания себя необходимо участие всех трех центров; мы начали разговор о различиях между чувствами и ощущениями потому, что для вспоминания себя необходимы одновременно как чувства, так и ощущения.

Мы можем прийти к этому упражнению только при участии мысли. Первое - мысль; это нам уже известно. Мы желаем, мы хотим; наши мысли могут быть сравнительно легко приспособлены к этой работе, ибо мы уже имеем их переживание на практике.

Сначала необходимо искусственно пробуждать все три центра. В случае наших мыслей средством их искусственного пробуждения оказываются разговоры, лекции и тому подобное. Например, если ничего не было сказано, ничего и не пробуждается. Чтение, беседы послужили искусственным толчком. Я называю эти средства искусственными, потому что я не был рожден с такими желаниями: они неестественны, они не являются органической необходимостью. Эти желания искусственны; равным образом искусственны и их последствия.

Но если мысли искусственны, тогда я могу создать внутри себя для этой цели ощущения, которые также являются искусственными.

Повторяю: искусственные вещи необходимы только вначале. Полнота того, что мы желаем, не может быть достигнута искусственно; но поначалу приходится действовать именно так.

Я возьму самую легкую, самую простую вещь: попробую вспоминать себя с самого простого. В уме у меня уже есть некоторое количество ассоциаций для вспоминания себя, особенно благодаря тому, что здесь у нас созданы подходящие условия и подходящее место: мы окружены людьми, которые имеют сходные цели. Благодаря этому, в добавление к ассоциациям, которые я уже имею, я буду создавать новые. Следовательно, я более или менее уверен, что на этом пути буду получать напоминания и толчки, а потом не стану обращать внимания на мысли, а займусь, главным образом, другими частями моего существа и посвящу им все свое время.

Самое простое и доступное ощущение для начала можно получить за счет неудобной позы. Вот сейчас я сижу, как никогда раньше не сидел. Некоторое время все идет хорошо, но чуть позже появляется боль, а в ногах возникают странные и неприятные ощущения. Однако я убежден, что эта болезненность не принесет вреда и не повлечет за собой вредных последствий, а просто является непривычным и потому неприятным ощущением.

Чтобы лучше понять ощущения, о которых я собираюсь говорить, всем вам лучше, - полагаю, принять с этой минуты какое-нибудь неудобное положение.

Я чувствую постоянное стремление переменить позу, подвигать ногами, чтобы успокоиться и устранить это неудобство. Но в настоящее время я поставил своей задачей переносить его и сказал всему телу, кроме головы: "Стой!"

В данный момент я хочу забыть о вспоминании себя. Сейчас мне хочется сосредоточить все внимание, все свои мысли на том, чтобы не позволить себе автоматически, неосознанно менять положение.

Направим свое внимание по следующему пути: сперва начинают болеть ноги, затем это ощущение постепенно поднимается все выше и выше, так что болевая область расширяется. Пусть внимание перейдет на спину. Есть ли там место, где локализуется это ощущение? Его может ощутить только тот, кто действительно принял неудобную, непривычную позу.

И вот, когда неприятное ощущение внутри тела, особенно в некоторых местах, уже дало свои результаты, в моем уме появляются мысли: "Я желаю, очень желаю помнить, что необходимо вспоминать себя. Я желаю! Ты - это я, мое тело". Я говорю телу: "Ты. Ты - это я. Ты - это также и я. Я желаю!"

Я желаю, чтобы эти ощущения, которые сейчас переживает мое тело, - а также любое сходное ощущение - я желаю, чтобы они напоминали мне: "Я желаю! Ты - это я. Я желаю! Я желаю помнить, что мне хочется вспоминать себя".

Ноги заснули. Я встаю.

"Я желаю вспоминать".

Пусть те, кто тоже хотят этого, встанут. "Я желаю вспоминать себя".

Все эти ощущения напоминают мне о вспоминании себя.

Теперь наши ощущения начнут меняться в разной степени. Пусть каждая степень, каждое изменение в этих ощущениях напоминают мне о вспоминании себя. Думайте, шагайте. Ходите вокруг и думайте. Мое неудобное состояние теперь прошло.

Я принимаю другое положение.

Первое: "Я". Второе: "желаю". Третье: "вспоминать". Четвертое: "себя".

Я, просто "я" в уме.

"Желаю" - я чувствую. Вспомните теперь вибрации, которые возникают в вашем теле, когда вы ставите себе задачу на следующий день. Ощущение, сходное с тем, которое появится завтра, когда вы будете вспоминать свою задачу, должно возникнуть и сейчас, хотя и в меньшей степени. Я желаю припомнить это ощущение. Например, я желаю пойти и лечь. Я испытываю вместе с мыслями об этом приятные ощущения. В этот момент я переживаю в меньшей степени это приятное ощущение во всем своем теле. Если мы будем внимательны, мы ясно увидим внутри себя эту вибрацию. Для этого нужно обращать внимание на то, какого рода ощущения возникают в теле. В настоящий момент мы нуждаемся в понимании вкуса умственного желания.

Когда вы произносите эти четыре слова: "Я желаю вспоминать себя", я хочу, чтобы вы пережили то, о чем я буду сейчас говорить.

Когда вы произносите слово "я", вы испытаете чисто субъективные ощущения в голове, груди и спине в соответствии с состоянием, в котором вы находитесь в данный момент. Не следует произносить "я" чисто механически, как всего лишь слово; нужно отметить его резонанс внутри себя. Это значит, что, говоря "я", вы должны внимательно прислушиваться ко внутреннему ощущению и наблюдать за тем, чтобы никогда не произносить слово "я" автоматически, как бы часто вы его ни повторяли.

Второе слово "желаю". Почувствуйте всем телом возникшую внутри вас вибрацию.

"Вспоминать". Каждый человек, когда он вспоминает что-то, легко ощутит особый процесс в середине груди.

"Себя". Когда я говорю "себя", я имею в виду всего себя целиком. Обычно, когда я произношу слово "себя", я подразумеваю под этим мысль, чувство или тело. Теперь же нам необходимо иметь в виду все целиком: атмосферу, тело и все, что в нем находится.

Все четыре слова, каждое из них в отдельности, имеют свою природу и свое место резонанса.

Даже если бы все четыре слова резонировали в одном и том же месте, все четыре резонировали бы с разной интенсивностью. Наши центры подобны гальваническим батареям, из которых, когда мы нажмем на кнопку, некоторое время течет ток. Затем ток прекращается, и нужно отпустить кнопку, чтобы позволить батарее снова наполниться электричеством.

Но в наших центрах расход энергии происходит еще быстрее, чем в гальванической батарее. Этими центрами, которые создают резонанс, когда мы произносим каждое из четырех слов, производится определенная работа, а потому им необходим отдых, если мы хотим, чтобы они сохранили способность реагировать. У каждого колокола своя собственная батарея. Когда я произношу слово "я", отвечает один колокол, "желаю" - другой, "вспоминать" - третий, "себя" один общий колокол.

Некоторое время назад вам было сказано, что каждый центр имеет собственный аккумулятор. Кроме того в нашей машине есть один общий аккумулятор, который не зависит от аккумуляторов, принадлежащих центрам. Энергия общего аккумулятора генерируется только тогда, когда все аккумуляторы работают один за другим в определенной комбинации. При помощи такого средства заряжается общий аккумулятор. В этом случае он становится аккумулятором в полном смысле слова, потому что здесь собирается и хранится резервная энергия в те моменты, когда некоторый ее вид не тратится.

Одна общая нам всем черта состоит в том, что аккумуляторы центров пополняются энергией только в той мере, в какой она расходуется, так что в них не оказывается энергии сверх того количества, которое было истрачено.

Продолжить память о вспоминании себя возможно благодаря тому, что мы заставляем накопленную внутри нас энергию сохраняться дольше, чтобы суметь как бы вырабатывать некоторый запас этой энергии.

У кого есть свободная воля?

Нью-Йорк, 1 марта 1924 г.

Вопрос: Имеется ли в вашем учении место для свободной воли?

Ответ: Свободная воля есть функция подлинного "я", функция такого человека, которого мы называем мастером. Тот, у кого есть хозяин, имеет свободную волю. Тот, у кого нет хозяина, не имеет свободной воли. То, что обычно называют волей, это некоторая согласованность между желанием и нежеланием. Например, ум хочет чего-то, а чувство не хочет; если ум окажется сильнее чувства, человек повинуется уму; в противоположном случае он будет повиноваться своим чувствам. Вот это и называется "свободной волей" обычного человека. Обычным человеком управляет то его ум, то чувство, то тело. Очень часто он повинуется приказаниям, исходящим из автоматического аппарата; в тысячу раз чаще его поведение направляется половым центром.

Подлинная свободная воля может существовать только тогда, когда одно Я всегда направляет поведение, когда у человека есть хозяин, управляющий всей упряжкой. Обычный человек не имеет хозяина; его повозка постоянно меняет ездовых, и каждый из них называет себя "я".

Тем не менее, свободная воля - это реальность: она действительно существует. Но мы, каковы мы есть, не можем ее иметь. Свободную волю способен иметь подлинный человек.

Вопрос: Значит, людей, имеющих свободную волю, нет?

Ответ: Я говорю о большинстве людей. Те, кто имеет волю, имеют ее. Во всяком случае, свободная воля - это неординарное явление. Ее нельзя вымолить, нельзя купить в лавке.

Вопрос: Каково отношение вашего учения к морали?

Ответ: Мораль может быть субъективной и объективной. Объективная мораль

- одна и та же по всей Земле; субъективная мораль повсюду различна, и каждый определяет ее по-своему. То, что хорошо для одного, плохо для другого и наоборот. Мораль - палка о двух концах, ее можно повернуть и так, и этак.

С того времени, как человек начал жить на Земле, со времен Адама, с помощью Бога, природы и всего нашего окружения в нас постепенно сформировался особый орган, функцией которого является совесть. Каждый человек имеет этот орган; и тот, кто руководствуется совестью, автоматически ведет себя согласно Заповедям. Если бы наша совесть была открытой и чистой, не было бы необходимости говорить о морали. Тогда каждый человек, сознательно или бессознательно, вел бы себя в соответствии с повелениями этого голоса.

Совесть не является палкой о двух концах. Это вполне определенное, сформировавшееся в нас в течение столетий, понимание того, что хорошо и что плохо. К несчастью, по многим причинам этот орган обычно покрыт своего рода коркой.

Вопрос: Кто способен разрушить эту корку?

Ответ: Только интенсивное страдание или удар пробивают эту корку, и тогда говорит совесть; но через некоторое время человек успокаивается, и орган снова закрывается. Для того чтобы он раскрылся, необходим сильный удар.

Например, у человека умирает мать, и в нем инстинктивно начинает говорить совесть. Любить свою мать, почитать ее, заботиться о ней - это долг каждого человека; но человек редко бывает хорошим сыном. Когда его мать умирает, он вспоминает, как плохо относился к ней, - и начинает страдать от угрызений совести. Но человек - большая свинья. Очень скоро он все забывает и опять живет по-старому.

Тот, кто не имеет совести, не может быть моральным человеком. Я могу знать, что мне не следует делать того-то, но из-за своей слабости не удержусь от вредного поступка. Например, я знаю, что кофе для меня вреден; это сказал мне доктор. Но когда мне хочется выпить кофе, я помню только о кофе; и только тогда, когда мне не хочется кофе, я соглашусь с доктором и не пью. Когда я наполнен кофе, я могу до известной степени быть моральным.

Постарайтесь забыть о морали. Разговоры о морали были бы сейчас пустой болтовней.

Ваша цель - внутренняя мораль. Ваша цель - быть христианами. Но для этого вы должны уметь делать; а вы этого не можете. Когда вы научитесь делать, вы станете христианами. Но, повторяю, внешняя мораль всюду различна. Один человек должен вести себя как все остальные; как говорит пословица, когда будешь в Риме, веди себя подобно римлянину. Такова внешняя мораль.

Для внутренней морали человек должен уметь делать, а для этого он должен иметь "я". Первое, что необходимо, - это отличать внутреннее от внешнего - как раз так, как я говорил о внимательности внутренней и внешней.

Вот, например, я сижу здесь. Хотя я привык сидеть со скрещенными под собой ногами, я считаюсь со мнением присутствующих, с их привычками и сижу так, как сидят они, опустив ноги вниз.

Вот кто-то бросает на меня неодобрительный взгляд. Это немедленно создает в моих чувствах соответствующие ассоциации, и я обеспокоен. Я слишком слаб, чтобы воздержаться от реагирования, от мнительности.

Или, например, хотя я знаю, что кофе мне вреден, я знаю также, что если не выпью кофе, не смогу беседовать; я буду чувствовать себя слишком утомленным. Я считаюсь со своим телом и пью кофе, делаю это ради него.

Обычно мы так и живем; то, что мы чувствуем внутри, мы проявляем во внешнем поведении. Но следует провести разграничение между внутренним и внешним; необходи-

мо воздержаться от внутренней реакции на что бы то ни было; не принимать во внимание внешних фактов, но ко внешности иногда быть более внимательными, чем мы обычно бываем. К примеру, когда нужно быть вежливым, мы при необходимости должны научиться быть даже более вежливыми, чем были до сих пор. Можно сказать, что то, что всегда было внутренним, должно теперь стать внешним, а то, что было внешним, должно стать внутренним.

К несчастью, мы всегда реагируем. Например, если я рассержен, все во мне рассержено, любое мое проявление. Я могу научиться быть вежливым, когда я сердит, но внутри останусь таким же сердитым. Но если прибегнуть к здравому смыслу, зачем мне сердиться на кого-то, кто бросает на меня неодобрительный взгляд? Быть может, он просто глуп; быть может, кто-то настроил его против меня. Он оказался рабом чужого мнения, автоматом, попугаем, повторяющим слова других людей. Завтра он, возможно, изменит свое мнение. Если он слаб, я, проявляя беспокойство по этому поводу, делаюсь еще слабее; рассердившись на него, я могу испортить свои отношения с другими, делая из мухи слона.

Вы должны понять - и принять за строгое правило, что нельзя обращать внимание на мнения других людей; необходимо быть свободным от окружающих. Когда вы внутренне свободны, вы освобождаетесь и от них.

Иногда бывает необходимо внешне притвориться обеспокоенными. Или, например, притвориться рассерженными. Если вас ударят по щеке, это вовсе не значит, что необходимо подставить другую. Иногда следует дать такой ответ, чтобы обидчик забыл свою бабушку. Но внутренне не следует об этом беспокоиться.

Если же вы внутренне свободны, тогда может случиться и так, что когда кто-то ударит вас по щеке, вы подставите другую. Это зависит от типа человека. Иной человек не забудет подобного урока и через сто лет.

Иногда нужно отплатить, иногда нет. Необходимо приспособливаться к обстоятельствам; но вы сейчас не можете этого сделать, потому что действуете изнутри наружу. Вы должны разбираться в своих внутренних ассоциациях; тогда вы сумеете отделить и реорганизовать любую мысль; но для этого необходимо задавать вопросы и думать: "почему?", "зачем?" Выбор действия возможен лишь тогда, когда человек внутренне свободен. Обычный человек не в состоянии выбирать, не может критически оценивать ситуацию; у него внешнее - это внутреннее. Необходимо научиться быть невозмутимым, отступать и анализировать каждое действие, как если бы вы были посторонними людьми. Тогда можно быть справедливым. Быть справедливым в самый момент действия в сотни раз ценнее, чем быть справедливым впоследствии. Для этого нужно многое. Невозмутимость есть основа внутренней свободы, первая ступень к свободной воле.

Вопрос: Необходимо ли страдать все время, чтобы поддерживать совесть открытой?

Ответ: Страдание может быть очень разным. Страдание - тоже палка о двух концах, один из которых ведет к ангелам, а другой к дьяволам. Нужно помнить о колебаниях маятника, так что после сильного страдания возникает соответствующая по силе реакция. Человек - очень сложная машина. Вдоль проторенной дороги прокопаны канавы. Одно всегда существует бок-о-бок с другим. Там, где немного хорошего, немного и плохого; где хорошего много, там и плохого много. То же самое верно и по отношению к страданию - здесь нетрудно оказаться на ложном пути. Страдание легко становится приятным. Однажды вас ударили, вы оскорблены; во второй раз оскорблены меньше; а в пятый раз уже хотите, чтобы вас ударили. Нужно быть на страже; вы должны знать, что является необходимым в каждое мгновение, иначе можете свернуть с дороги в канаву.

Вопрос: Какова связь между совестью и приобретением "я"?

Ответ: Совесть помогает лишь тем, что она сберегает время. Человек, который имеет совесть, спокоен; спокойный человек имеет время, которое может употребить для работы. Однако совесть служит этой цели только вначале; позднее она служит другой цели.

Влияния на человека.

Нью-Йорк, 24 февраля 1924 г.

Человек подвержен многим влияниям; их можно разделить на две категории. Первая - результаты физических и химических причин; вторая - ассоциативные по своему происхождению результаты нашей обусловленности.

Химико-физические влияния материальны по своей природе. Они суть следствия соединения двух веществ, которые порождают нечто новое. Они возникают независимо от нас и действуют на нас извне.

Например, чьи-то эманации могут входить в соединение с моими, и такая смесь производит что-то новое. Это относится не только ко внешним эманациям: то же самое происходит и внутри человека.

Вы, вероятно, замечали, как легко или, напротив, стесненно вы себя ведете и чувствуете, когда кто-то сидит близко от вас. Когда нет созвучия, мы ощущаем неудобство.

Каждый человек испускает разного рода эманации, которые имеют собственные законы и допускают различные сочетания. Эманации одного центра образуют сочетания с эманациями другого центра. Такие состояния являются химическими сочетаниями. Эманации отличаются одна от другой также в зависимости от того, что я пил - чай или кофе.

Ассоциативные влияния - вещь совершенно иная. Если кто-то толкает меня или плачет, результатом является механическое воздействие на меня. Оно соприкасается с какими-то воспоминаниями; или же их ассоциация дает во мне начало другим ассоциациям и так далее. Вследствие такого толчка меняются мои чувства и мысли. Данный процесс будет уже не химическим, а механическим.

Эти два вида влияний проистекают из вещей, находящихся вблизи от нас. Но существуют влияния, которые приходят от крупных объектов - от Земли, планет, Солнца, где действуют законы иного порядка. Вместе с тем, многие влияния этих великих существ не в состоянии достичь нас, если мы находимся целиком под влиянием мелочей.

Сперва обсудим химико-физические влияния. Я сказал, что у человека есть несколько центров. Я говорил о повозке, лошади и вознице, а также об оглоблях, вожжах и об эфире. Все имеет свои эманации и свою атмосферу. Природа одной атмосферы отличается от природы другой, потому что каждая из них имеет разное происхождение, разные свойства и разное содержание. Они родственны одна другой, но вибрации их материи различны.

Повозка, наше тело, имеет атмосферу со своими особыми свойствами.

Чувства также порождают особую атмосферу, эманации, способные распространяться на далекое расстояние.

Когда я думаю под влиянием своих ассоциаций, то результатом являются эманации третьего рода.

Когда в повозке вместо пустоты оказывается ездок, эманации также будут другими, отличными от эманаций возницы. Ездок - это вам не деревенский увалень; он думает о философии, а не о водке.

Таким образом, каждый человек может иметь эманации четырех видов; хотя это не обязательно. Он может обладать некоторыми из них в меньшей степени, другими - в большей. В этом отношении люди не похожи друг на друга; и в разное время один и тот же человек может проявлять разные свойства. Я выпил кофе, а он не выпил, и атмосфера становится иной.

Всегда имеется какое-то взаимодействие, иногда вредное для меня, а иной раз - полезное. Каждую минуту я представляю собой то или это, а вокруг меня существует одно или другое. Разнообразные влияния существуют и внутри меня. Я не в состоянии ничего этого изменить, я - раб. Такие влияния я называю химико-физическими.

С другой стороны, существуют совершенно иные ассоциативные влияния. Рассмотрим сначала, каково ассоциативное влияние "формы" на меня. Форма оказывает на меня влияние. Я привык видеть какую-то особую форму, и когда ее нет, я боюсь. Форма дает первоначальный толчок моим ассоциациям. Например, красота - тоже форма. В действительности мы не можем видеть форму такой, какова она есть, мы видим только какой-то образ. Второе из этих ассоциативных влияний - это мои чувства, мои симпатии и антипатии.

Ваши чувства воздействуют на меня, и мои чувства реагируют соответственно на это воздействие. Иногда же все происходит наоборот; дело зависит от сочетаний. Или вы влияете на меня, или я на вас. Это влияние можно назвать "взаимоотношениями".

Третье из ассоциативных влияний можно назвать "убеждением". Например, один человек убеждает другого словом. Тот убеждает вас, вы убеждаете этого. Каждый убеждает, каждый внушает.

Четвертое из ассоциативных влияний - это превосходство одного человека над другим. Здесь может иметь место особое влияние, отличное от влияния формы или чувства. Вы можете знать, что данный человек умен, богат, способен говорить о разнообразных предметах; одним словом, обладает каким-то особым качеством, некоторым авторитетом. Это оказывает на вас воздействие, потому что он выше вас; и его влияние осуществляется без каких-либо чувств.

Итак, вот они, восемь видов влияния; половина из них химико-физические, другая половина - ассоциативные. В добавление к ним существуют и другие влияния, которые оказывают на нас более серьезное воздействие. Любое мгновение нашей жизни, любое чувство, любая мысль окрашены влияниями планет. Мы также находимся в рабстве у этих влияний.

Я остановлюсь на этом аспекте лишь вкратце, а затем вернусь к главному предмету. Не забывайте того, о чем мы говорили. Люди в большинстве своем непоследовательны и постоянно отклоняются от предмета.

Земля и другие планеты находятся в непрерывном движении, и каждая планета движется со своей скоростью. Иногда они приближаются одна к другой, иногда отдаляются друг от друга. Таким образом, их взаимное воздействие друг на друга усиливается или ослабевает, а иногда и совсем прекращается. Вообще говоря, влияния планет на Землю чередуются: сейчас действует одна планета, в другое время другая, в третье - третья и так далее. Когда-нибудь мы рассмотрим влияние каждой планеты в отдельности, а сейчас, чтобы дать вам общую идею, возьмем их в совокупности.

Схематически мы можем изобразить, эти влияния следующим образом. Представьте себе большое колесо, которое висит прямо над Землей, а на его ободе укреплены семь или десять огромных цветных ламп. Колесо вертится, и на Землю направляется луч света то одного, то другого прожектора. Таким образом Земля всегда оказывается окрашенной светом особого прожектора, который освещает ее в данное время.

Все существа, рожденные на Земле, окрашены светом, преобладавшим на Земле в момент их рождения; и они сохраняют этот цвет в течение всей жизни. Как ни одно следствие не может существовать без причины, так и ни одна причина не может оставаться без последствия. Действительно, планеты оказывают огромное влияние как на жизнь человечества вообще, так и на жизнь отдельного индивида. Большая ошибка современной науки состоит в том, что она не признает этого влияния: с другой стороны, влияние планет не так велико, как в этом хотят нас уверить современные "астрологи".

Человек есть продукт взаимодействия трех видов материи, а именно: положительной (атмосфера Земли), отрицательной (минералы, металлы) и третьего сочетания, влияния планет, которое приходит извне и встречается с этими двумя видами материи. Такая нейтрализующая сила и есть влияние планет, которое окрашивает каждую вновь рожденную жизнь. Окраска остается на все существование этой жизни. Если окраска была красной, тогда, встречаясь с красным цветом, данное лицо, данная жизнь почувствует свое родство с ним.

Некоторые сочетания цветов обладают успокаивающим действием; другие вызывают беспокойство. Каждый цвет имеет свое особое свойство. В этом есть закономерность, она зависит от химических различий. Существует, так сказать, конгениальные и неконгениальные сочетания. Например, красный цвет стимулирует гнев, синий пробуждает любовь. Желтому цвету соответствует сварливость. Таким образом, если я склонен внезапно выходить из себя, это является следствием влияний планет.

Это не значит, что вы или я действительно находимся в таком положении; однако мы можем в нем находиться. Возможны и более сильные сияния. Так, иногда действует какое-то более сильное влияние; например, вы так сильно чем-то заняты, что оказываетесь как бы закованы в доспехи. И так обстоит дело не только с влияниями планет. Часто далекое влияние не в состоянии дойти до вас. Чем более отдаленным оно будет, тем оно слабее. И даже если его послали специально для вас, оно может не достичь вас, потому что этому препятствуют ваши доспехи.

Чем более развит какой-нибудь человек, тем более он подвержен влияниям. Иногда, желая освободиться от влияний, мы освобождаемся от одного из них, но попадаем под действие множества других и, таким образом, становимся еще менее свободными, более порабощенными. Мы говорим о девяти влияниях.

На нас влияет все. Любая мысль, любое чувство, любое движение есть результат того или иного влияния. Все, что мы делаем, все наши проявления оказываются такими, каковы они есть, вследствие какого-то внешнего влияния. Иногда это - рабство, и оно унижает нас, иногда нет; все зависит от того, чего мы хотим. Мы также находимся под многими влияниями, которым подвержены наряду с животными. Мы можем хотеть освободиться от одного-двух из них; но, освобождаясь от этих влияний, попадем под десять других. С другой стороны, мы действительно имеем определенный выбор, иначе говоря, можем удержать одни из влияний и отбросить другие. Возможно освободиться от двух родов влияний.

Чтобы освободиться от физико-химических влияний, надо быть пассивными. Повторяю: это влияния, вызванные атмосферой тела, ее эманациями, а также эманациями чувства и мысли, а для некоторых людей еще и эфира. Чтобы иметь способность противостоять этим влияниям, надо быть пассивным; тогда мы можем стать более свободными от них. Здесь Действует закон притяжения: подобное притягивает подобное. Иными словами, все идет к тому месту, где имеется больше элементов такого же рода. Тому, кто имеет много, дается еще больше; от того, кто имеет мало, отнимается даже это малое.

Если я спокоен, мои эманации тяжелы; поэтому ко мне приходят другие эманации, и я могу поглощать их - столько, сколько имеется свободного места. Если же я нахожусь в состоянии возбуждения, у меня недостаточно эманаций, поэтому они уходят к другим.

Если эманации притекают ко мне, они занимают пустые места, поскольку оказываются нужны там, где есть пустота.

Эманации остаются там, где существует спокойствие, где нет трения, где есть свободное место. Если же свободного места нет, если все заполнено, эманации могут удариться о меня: но в этом случае они отскакивают или проходят мимо. Если я спокоен, у меня есть свободное место, чтобы принять их; а если я заполнен, они меня не тревожат. Таким образом, в обоих случаях я остаюсь в сохранности.

Для того, чтобы освободиться от влияний второго рода, т.е. от ассоциаций, требуется искусственная борьба. Здесь действует закон отталкивания. Он заключается в том, что к малому что-то прибавляется; иными словами, он противоположен первому закону. При влияниях этого рода все происходит в соответствии с законом отталкивания.

Следовательно, для освобождения от влияний существуют два отдельных принципа для двух разных видов влияний. Если вы хотите быть свободными, вы должны знать, какой принцип надо применять в каждом отдельном случае. Если вы примените отталкивание там, где необходимо применить притяжение, вы потерпите неудачу. Многие делают как раз не то, что нужно. Очень легко различать между двумя влияниями; это можно сделать сразу же.

В случае же других влияний нужны большие знания. Но эти два вида влияний просты; каждый может увидеть, если он возьмет на себя труд взглянуть на дело, - какого рода влияния имеют место. Однако некоторые люди, хотя и знают о существовании эманаций, не усматривают между ними различий. Все же при тщательном наблюдении эти эманации различать легко. Весьма интересно предпринять подобное исследование; каждый день мы получаем все большие результаты, приобретаем вкус к распознаванию. Но объяснить это теоретически очень трудно.

Получить немедленно какой-то результат невозможно, как невозможно сразу же освободиться от влияний. Но исследования и распознавание возможны для каждого.

Перемена - это далекая цель, и она требует много времени и труда. А изучение не занимает много времени. Все же, если вы подготовитесь к перемене, она окажется менее трудной, и вам не потребуется тратить время на распознавание.

Изучать влияния второго рода, ассоциативные, на практике легче. К примеру, возьмем влияние формы. Вы влияете на меня, или я на вас. А форма - это нечто внешнее: жесты, одежды, опрятность или неопрятность; все это обычно называют "маской". Если вы разберетесь, в чем тут дело, вы легко сможете изменить ее. Например, вы нравитесь ему, когда надеваете черную одежду и, благодаря этому, можете влиять на него. Или он может влиять на вас. Но хотите ли вы сменить свою одежду только для него или для многих людей? Некоторые хотят сделать это только для него, другие нет. Иногда необходим компромисс.

Никогда не принимайте ничего буквально. Я говорю так только для примера.

Что касается второго рода ассоциативного влияния, которое мы назвали влиянием чувства и взаимоотношений, то следует знать, что отношение к нам других зависит от самих нас. Для того, чтобы разумно жить, очень важно понимать, что ответственность лежит в нас, в нашем внешнем и внутреннем отношении. Отношение к вам других людей зачастую отражает ваше собственное отношение: вы начинаете, и другой человек делает то же самое. Вы любите, и она любит. Вы непостоянны, и она непостоянна. Таков закон: вы даете - и получаете.

Но иногда обстоятельства складываются иначе. Иногда нужно любить одного и не любить другого. Иногда, если вам нравится она, вы ей не нравитесь; но как только она перестает вам нравиться, вы начинаете ей нравиться. Это следствия химико-физического закона.

Все является следствием действия трех сил: везде существуют утверждение и отрицание, катод и анод. Человек, Земля, все прочее подобны магниту. Различие существует только в количестве эманаций. Везде действуют две силы. одна притягивает, а другая отталкивает. Как я сказал, человек - тоже магнит. Правая рука толкает, левая тянет. Или дело обстоит наоборот. Одни вещи выделяют много эманаций, другие меньше; но все притягивает или отталкивает. Всегда существуют тяга и толчок или толчок и тяга. Когда ваши тяга и толчок хорошо уравновешены с тягой и толчком другого человека, у вас возникают любовь и правильные отношения. Так что результаты могут быть самыми раз-

ными. Если я толкаю, а он соответственно тянет, или если то же самое делается несогласованно, результаты будут разными. Иногда и я, и он отталкиваем друг друга. Если при этом существует некоторая согласованность, возникающее в результате влияние оказывается успокаивающим, если нет результат будет противоположным.

Одно зависит от другого. Например, я не могу быть спокойным; я толкаю, а он тянет. Или я не в состоянии успокоиться, если не могу изменить ситуацию. Но мы можем попытаться как-то все отрегулировать. Существует закономерность: после толчка возникает пауза. И можно воспользоваться этой паузой, если мы сумеем ее удлинить и не рваться вперед к следующему толчку. Если мы сохраним спокойствие, тогда мы сумеем извлечь пользу из вибраций, которые следуют за толчком.

Каждый может остановиться, потому что есть закон, согласно которому все движется только до тех пор, пока длится импульс. Затем остановка: он или я можем остановить движение. Все происходит таким образом. Толчок в мозг - начинаются вибрации. Вибрации продолжаются в силу импульса, подобно кругам на поверхности воды. Если импульс силен, то до прекращения движения пройдет много времени. То же самое происходит и с вибрациями внутри мозга: если я перестаю совершать толчки, они останавливаются и затихают. Нужно научиться останавливать их.

Если я буду действовать сознательно, взаимодействие будет сознательным. Если я буду действовать бессознательно, все окажется следствием того, что я посылаю.

Я утверждаю нечто; затем он начинает отрицать сказанное. Я говорю, что эта вещь - черная, а он любит спорить и начинает утверждать, что она белая. Если же я намеренно соглашусь с ним, он повернет в противоположную сторону и начнет утверждать то, что раньше отрицал. Он не может согласиться, потому что каждый толчок вызывает в нем противоположную реакцию. Если он устанет, он, возможно, внешне выразит согласие, но оно не будет внутренним. Например, я прошу вас поговорить со мной: когда я вижу вас, мне нравится ваше лицо. Это первый толчок, более сильный, чем сам разговор; и он заставляет меня внешне проявлять согласие. Иногда вы уже верите, но продолжаете спорить.

Очень интересно наблюдать за разговором людей, в котором мы не принимаем участия. Это зрелище гораздо интереснее, чем кино. Иногда двое говорят одно и то же; один утверждает, а другой не принимает его и спорит, хотя придерживается того же мнения.

Все механично.

Что касается взаимоотношений, то можно сформулировать такое правило: наши внешние взаимоотношения зависят от нас. Мы можем изменить их, если примем необходимые меры.

Третий вид влияния - это внушение; оно очень могущественно. Каждая личность находится под влиянием внушения; один человек внушает нечто другому. Многие внушения происходят очень легко, особенно когда мы не знаем о том, что находимся под их воздействием; но даже если и знаем об этом, внушения все же проникают внутрь нас.

Очень важно понять один закон. Как правило, в каждый момент нашей жизни внутри нас работает только один центр: ум или чувство. Наше чувство бывает одного рода, когда на него не глядит другой центр, когда отсутствует способность критики. Сам по себе центр не обладает сознанием, не имеет памяти; это как бы особый кусок мяса, особый орган, некоторая комбинация веществ, которая лишь обладает специальной способностью регистрации.

На самом деле центр напоминает магнитофонную ленту: если я что-то говорю ему, он может впоследствии повторить сказанное. Он полностью, органически механичен. Все центры несколько отличаются друг от друга своими субстанциями; но свойства их одинаковы.

И вот, если я говорю одному центру, что вы красивы, он верит этому. Если я говорю ему, что эта вещь - красного цвета, он тоже верит. Но он не понимает сказанного, ибо его понимание совершенно субъективно. Впоследствии, если я задаю ему вопрос, он в ответ повторяет сказанное мною же. Он не изменится и за сто, и за тысячу лет; он всегда остается одним и тем же. Наш ум сам по себе не обладает критической способностью, не обладает сознанием, ничего не имеет. Таковы же и все прочие центры.

Что же тогда представляет собой наше сознание, наша память, наша критическая способность? Все это очень просто. Все это появляется тогда, когда один центр специально наблюдает за другим, когда он видит и чувствует то, что там происходит, и регистрирует все внутри себя.

Он получает новые впечатления; а позднее, если мы захотим узнать, что произошло в прошлый раз, если зададим вопрос и будем искать ответ в другом центре, мы сумеем найти то, что происходило в первом центре. То же самое и с нашей критической способностью: это один центр наблюдает за другим. Одним центром мы наблюдаем и знаем, что эта вещь - красная; а другой центр видит ее синей. Один центр всегда старается убедить другой. Вот что такое критика.

Если два центра в течение длительного времени не соглашаются друг с другом по какому-то поводу, это несогласие мешает нам даже думать о предмете.

Если другой центр не наблюдает за первым, первый продолжает думать так, как он думал раньше. Мы очень редко наблюдаем за одним центром из другого; это случается, может быть, в течение одной минуты в день. Когда мы спим, мы никогда не наблюдаем за одним центром из другого; мы делаем это лишь иногда в бодрственном состоянии.

У большинства людей каждый центр живет своей собственной жизнью. Он некритично верит всему, что слышит, регистрирует все так, как услышал. Если он слышит нечто, слышанное ранее, то просто регистрирует это. Если же он слышит что-то неправильное, например, когда то, что раньше называли красным, назвали синим, - он противится новому, но не потому, что хочет выяснить правильность, а потому, что сразу не верит. Однако в действительности он верит, верит всему. Если что-то оказывается иным, ему просто нужно время, чтобы согласовать свои восприятия. Если в этот момент другой центр не осуществляет наблюдение, он накладывает синее на красное. Таким образом, синее и красное оказываются вместе. Впоследствии, когда мы читаем записи этого центра, он отвечает: "Красное". Но с такой же вероятностью может выскочить ответ: "Синее".

Критическое восприятие нового материала можно обеспечить, если позаботиться о том, чтобы во время восприятия рядом находился другой центр и воспринимал этот материал со стороны. Допустим, сейчас я говорю что-то новое. Если вы слушаете меня одним центром, в том, что я говорю, для вас не будет ничего нового. Вам нужно слушать по-иному. Ценность останется той же: синее окажется красным, или красное - синим; никакого знания не будет.

Если вы хотите услышать что-то новое, вы должны и слушать по-новому. Это необходимо не только в работе, но и в повседневной жизни. Если вы начнете интересоваться всем новым и будете запоминать новое при помощи новых методов, вы приобретете несколько большую свободу в жизни, большую безопасность. Этот новый метод очень легко понять: он более не является полным автоматизмом, это как бы половинный автоматизм. Состоит он в следующем: когда мысль уже налицо, постарайтесь чувствовать; когда вы что-то чувствуете, попытайтесь направить мысли на это чувство. До настоящего времени ваши мысли и чувства были разобщены.

Начните наблюдать за умом чувствами, чувствуйте то, что думаете. Готовьтесь к завтрашнему дню, остерегайтесь обмана. Вы никогда не поймете того, что я хочу вам передать, если будете просто слушать.

Освобождение ведет к освобождению.

"Аббатство", 13 февраля 1923 г.

Освобождение ведет к освобождению.

Таковы первые слова истины - не истины цитат, а истины в подлинном смысле слова, истины, которая не является лишь теоретической, которая не есть просто слово, а той истины, которая осуществляется на практике. Смысл, заключенный в этих словах, объясняется следующим образом,

Под освобождением понимается то освобождение, которое представляет собой цель всех школ, всех религий во все времена.

Это действительно великое освобождение. Все люди желают его и борются за него. Но его невозможно достичь без первого, меньшего освобождения. Великое освобождение есть освобождение от внешних влияний; меньшее освобождение - освобождение от влияний внутри нас.

Начинающим это меньшее освобождение кажется сперва великим, потому что начинающий очень мало зависит от внешних влияний. Только тот, кто уже освобожден от внутренних влияний, подпадает под внешние влияния.

Внутренние влияния препятствуют тому, чтобы человек подпадал под внешние влияния. Возможно, это и к лучшему. Внутренние влияния и внутреннее рабство происходят из многих источников и независимых факторов; их независимость проявляется иногда в одном, иногда - в другом; ибо у нас много врагов.

Этих врагов так много, что не хватило бы и жизни бороться с каждым из них в отдельности и освобождаться от каждого. Поэтому необходимо найти линию работы, какой-то метод, позволяющий нам одновременно уничтожить как можно больше наших внутренних врагов, от которых исходят эти влияния.

Я сказал, что у нас много врагов; но главные и самые деятельные из них

- это тщеславие и самолюбие. Одно учение даже называет их представителями и посланцами самого дьявола.

По некоторым причинам мы назовем их госпожой Тщеславиной и господином Самолюбивым.

Как я сказал, у нас много врагов. Я упомянул этих двух в качестве наиболее фундаментальных. В данный момент перечислить их всех трудно. Было бы не так просто работать над каждым из них прямо и специально, да это и заняло бы много времени из-за их многочисленности. Поэтому надо браться за дело непрямым образом, чтобы за один раз освободиться сразу от нескольких.

Эти представители дьявола постоянно стоят на пороге, отделяющем нас от внешнего мира; они препятствуют входу в нас не только хороших, но и дурных внешних влияний. Таким образом, в них есть как полезная, так и вредная сторона.

Для человека, который хочет установить различие между получаемыми влияниями, иметь таких наблюдателей выгодно. Но если человек хочет, чтобы в него входили любые влияния, какими бы они ни были, - потому что отобрать только хорошие невозможно, - он должен освободиться от этих сторожей как можно больше, а в конце концов и полностью.

Для этого есть много методов и разных средств. Я лично посоветовал бы вам постараться освободиться - и сделать это без ненужного теоретизирования

- при помощи простых активных размышлений о самих себе.

Освобождение возможно посредством активного размышления; но если кому-то оно не удастся, если он не может добиться успеха, используя такое средство, для него не остается других мер, кроме следующих.

Возьмите, например, самолюбие, которое занимает почти половину нашего времени и нашей жизни. Если кто-то чужой ранил наше самолюбие, импульс обиды закроет все двери не только в эту минуту, но и спустя долгое время, - а потому закрывает и всю жизнь.

Когда я нахожусь в связи с внешним миром, я живу. Когда я живу только внутри себя, это не жизнь; но каждый живет именно таким образом. Наблюдая за собой, я связываю себя с внешним миром.

Вот, например, я сижу здесь; здесь же находятся М. и К. Мы живем вместе. М. назвал меня дураком; и я оскорблен. К. бросил на меня сердитый взгляд - я снова оскорблен. Я мнителен, я обижен; долгое время я не смогу успокоиться и прийти в себя.

Все люди так обидчивы; у всех то и дело возникают сходные переживания. Одно из них стихает; но едва оно стихло, как начинается другое, той же природы. Наша машина устроена таким образом, что в ней нет места, где можно было бы одновременно переживать разные вещи.

Для психических переживаний мы имеем только одно место. И, следовательно, если оно занято такими переживаниями, как эти, не может быть и речи о том, чтобы мы имели переживания, которых желаем. И если предположить, что какие-то достижения или освобождения должны привести нас к некоторым переживаниям, этого не случится, если обстоятельства останутся такими же, каковы они сейчас.

М. назвал меня дураком. Почему я должен обижаться? Его слова не вредят мне, поэтому я не чувствую себя оскорбленным; и вовсе не потому, что у меня нет самолюбия; возможно, у меня больше самолюбия, чем у любого из присутствующих здесь. Может быть, именно это самолюбие не дает мне чувствовать себя оскорбленным.

Я думаю, что рассуждаю особым образом, прямо противоположным обычному. Он назвал меня дураком. Обязательно ли сам он должен быть умным? Он сам, возможно, дурак или безумец. Нельзя требовать ума от ребенка; я не могу рассчитывать на ум с его стороны. Его рассуждения были глупы. Или кто-то сказал ему что-то обо мне, или он сам составил глупое мнение о том, что я дурак, - тем хуже для него! Я знаю, что я не дурак, поэтому его мнение меня не оскорбляет. Если какой-то дурак называет меня дураком, меня это внутренне не затрагивает.

А если в данном случае я действительно дурак, и меня называли дураком, то меня это не оскорбит, потому что моя задача в том и состоит, чтобы не быть дураком; я считаю, что такова цель каждого человека. Поэтому он напоминает мне о ней, помогает мне уяснить, что я дурак и поступаю глупо. Я подумаю об этом и, возможно, в следующий раз не буду действовать столь глупо. Так что в любом случае я не буду оскорблен.

К. бросил на меня презрительный взгляд; это не оскорбило меня. Напротив, мне жаль его из-за этого презрительного взгляда, который он бросил на меня; ибо его взгляд должен иметь какую-то причину. А есть ли у него такая причина?

Я знаю себя, я могу судить на основании знания себя. Он бросил на меня презрительный взгляд. Может быть, кто-то сказал ему нечто, и это заставило его создать плохое мнение обо мне. Мне жаль его, потому что он в такой степени оказался рабом мнения, что смотрит на меня глазами других людей. Это доказывает, что он не умен: он раб чужого мнения и потому не в силах оскорбить меня.

Я говорю все это в качестве примера рассуждений.

На самом деле секрет и причина таких явлений заключается в том, что мы не владем собой и не обладаем подлинным самолюбием. Самолюбие - великая вещь. Если считать самолюбие, как мы обычно его понимаем, нежелательным явлением, тогда из этого следует, что подлинное самолюбие, - которым мы, к несчастью, не обладаем, желательно и необходимо.

Самолюбие - признак высокого мнения о себе. Если у человека есть самолюбие, это доказывает, что он что-то собой представляет.

Как мы уже сказали раньше, самолюбие - это представитель дьявола, наш главный враг, главный тормоз всех наших устремлений и достижений. Самолюбие-главное оружие этого представителя ада.

И в то же время самолюбие есть атрибут души; благодаря самолюбию можно распознать дух. Самолюбие свидетельствует о том, что данный человек представляет собой частицу небес; самолюбие доказывает, что тут существует "я"; а "я" - это Бог. Поэтому иметь самолюбие желательно.

Самолюбие - это ад; но самолюбие - это и небеса. Эти два качества с одним и тем же названием внешне кажутся сходными; но по сути своей они различны и противоположны друг другу. Если мы будем смотреть на них поверхностно, мы просмотрим на них так всю жизнь, не отличая одно от другого.

Существует изречение: "Обладающий самолюбием - на полпути к свободе". Все сидящие здесь переполнены самолюбием. Но, несмотря на то, что мы до краев полны самолюбия, мы не достигли еще и крошечной частицы свободы. Нашей целью должно стать обладание самолюбием. Если мы будем иметь самолюбие, то уже одно это освободит нас от наших главных врагов - от господина Самолюбина и госпожи Тщеславиной.

Как же провести различие между одним и другим видом самолюбия? Мы сказали, что на поверхности это очень трудно. Так оно и есть - даже когда мы смотрим на других, это нелегко, а уж когда смотрим на себя, еще труднее.

Благодарение Богу, мы, сидящие здесь, избавлены от смешения одного с другим. Мы счастливы! Подлинное самолюбие у нас вообще отсутствует, так что нам нечего смешивать.

В начале лекции я употребил слова: "активное рассуждение".

Этому активному рассуждению мы учимся на практике: его нужно осуществлять долго и упорно самыми разнообразными способами.

Думайте иначе!

Нью-Йорк, 24 февраля 1924 г.

Возьмите все, что вы уже знаете, все, что прочли, все, что видели, все, что вам было показано, - я уверен, что вы ничего из этого не понимаете. Даже если вы честно спросите себя, почему два и два четыре, окажется, что даже в этом вы не уверены. Вы только слышали, как это кто-то говорил, и повторяете услышанное. Вы ничего не понимаете не только в вопросах повседневной жизни, но и в более серьезных вещах. Все, чем вы обладаете, вам не принадлежит.

У вас имеется контейнер для мусора, и до сих пор вы все туда сваливали. Там лежит много дорогих вещей, которыми вы могли бы воспользоваться. Есть специалисты, которые выбирают из мусора всевозможные вещи; некоторые из них заработали на этом большие деньги. В ваших контейнерах содержится достаточно материала для того, чтобы знать все. Нет нужды собирать в мусороприемники что-то еще, в них есть все. Не хватает только понимания - место понимания остается пустым.

У вас может быть много денег, которые вам не принадлежат; но лучше иметь гораздо меньше, допустим, сто долларов, которые были бы вашей собственностью, а не принадлежали бы другим.

Большую идею нужно воспринимать с большим пониманием. Для нас все, что мы способны понять, если нам вообще доступно какое-то понимание, - это мелкие идеи. Но лучше иметь внутри какую-то мелкую вещь, чем нечто крупное вне нас. Делайте дело очень медленно. Можете думать обо всем, что вам нравится; но только думайте иначе, не так, как привыкли, не так, как думали раньше.